

Итерация II

Мобилос

Корольков

А что если в прошлое, может и не совсем "своё" проваливается Торговый центр накануне...

Судьбы поколений. Дети и внуки. И над всем этим нависла угроза большой войны.

Домик на окраине

В 7102[1] году от сотворения мира, царь Федор Иоанович дал наказ:... а пришед князю Федору и Володимеру в Сургут, в котором место пригоже, высмотря место крепкое, поставить город всеми ратными людьми тутошними... да то место написать в роспис и на чертёж начертить...Князь Барятинский привёл с собой полторы сотни людей служивых, с чадами и домочадцами, а уж сколько было ружников, оброчников, духовенства, подьячих, сторожей, да люда происхождения низкого и подлого— неизвестно. Об одном лишь специалисте память осталась, уж больно профессия редкая и уникальная — палач. Споро принялись они за дело, быстро строился и рос городок, места холодные, суровые, лето пролетит быстро и не заметишь. Весна и лето пролетели быстро и к осени поднялся город, окруженный деревянным острогом, с двумя воротами, четырьмя глухими и одной проезжей башнями. Первым делом возвели двор воеводский, церковь, погреб пороховой, амбары государевы, да тюрьму. Не стали поселенцы новому поселению название менять, как был Сургут, «рыбное место» на местном наречии так по сей день и называется. Несколько раз город горел [2], почти полностью. Возрождался из пепла сызнова, становился краше, шире и больше. Гербом обзавёлся [3], школами [4], речным портом [5], телефоном с телеграфом [6], библиотекой-читальней, в которой «волшебный фонарь» показывал световые картинки, звучала гармоника, скрипка, да граммофон. Разные люди здесь жили, помимо выходцев из коренных жителей, ханты и манси, и потомков первых русских переселенцев. С самого своего основания Сургут стал местом ссылки. Не были редкостью черкасы, и литовцы с поляками и шведами, а уж сколько прочих политических и уголовных ссыльных, от «разинцев» и «декабристов», и до разного рода революционеров — и не сосчитать.

В 1926 году, город Сургут и вовсе исчез с карты городов страны. Нет, он не сгорел и его не залило паводковыми водами. Какой-то «умник» решил, что населения маловато, «все-го-то» менее полутора тысяч человек. Вот и перечеркнули многовековую историю города, хоть для этих малонаселённых краёв, такое количество жителей вполне соответствуют городу. Стал Сургут «сельской местностью».

Жизнь на этом не остановилась. Село став районным центром, продолжало бурно развиваться, появилась своя газета [7], рыбоконсервная фабрика [8], моторно-рыболовная станция [9], и даже собственная авиаплощадка, на которую прилетали нефтеразведочные партии [10].

Декабрьская ночь тысяча девятьсот тридцать девятого ничем не отличалась от пятисот семидесяти девяти тысяч восьмисот шести [1] предыдущих ночей. города а теперь села, считай хоть от Рождества Христова, хоть от Сотворения мира. Наконец стихла выюга, что выла раненым зверем несколько дней кряду. Снег перестал валить, словно из ветхого мешка невидимого великана. Утих бешеный ветер. Взамен окреп морозец, радостно хватавший каждого прохожего за лицо и не спрятанные руки.

Высокие столбы дыма тянулись к небу. Тихонько побрѣхивали забившиеся в будки собаки. Утапывали тропки ошубленные сторожа. Редкие окна теплились в ночи, Посёлок спал.

Вот запахнулась дверь в здании райотдела милиции. На крыльцо в наброшенной шинели и вполне гражданском треухе, вышел покурить борющийся с предутренним сном дежурный. Он достал припасенную в тепле самокрутку, чиркнул спичкой и жадно затянулся.

Эх! Хорошо! Вот только мёрзнут ноги в форменных сапогах. Быстренько втянув в себя забористое курево, сержант милиции повёл озябшими плечами, осмотрелся и закопав окуроч в сугроб, аккуратно поправил снег, чтобы не увидел кто из грозного начальства и не заставил прибираться.

Ещё одно здание с освещёнными окнами занимает райком партии и райисполком Сургутского района. Есть свой дежурный и здесь, да вот дрыхнет он на рабочем месте, сидя за столом, положив голову на скрещенные руки, сладко спит, выводя простуженным носом громкие рулады.

Прохожих не видать нигде, куда в четвёртом часу идти? Ночь, мороз, дороги — набитые санями колеи. Протоптаные в снегу тропинки и не разглядеть. Но вот скрипнула дверь, и из небольшой, деревянной, почерневшей от старости, покосившейся избы, вышел рослый, широкоплечий мужчина, в валенках, тулупе, треухе, с большим мешком за спиной. Во дворе собаки не было, а соседские барбосы поленились даже гавкнуть на знакомого человека. Путаными тропинками мужчина прошёл к дороге, пересек её, скрывшись за домами, вновь появившись только за околицей.

В полукилометре от села, на отшибе, стоял двор. Украшением его был дом, бревенчатый, рубленный, с резными наличниками на окнах, с украшенной замысловатой резьбой дверью, похожий на сказочный теремок. Ещё стояли два сарая: один с сеном, другой с разнообразным инструментом, птичник, для кур и уток, конюшня, просторный «гараж» для саней и подрессоренного возка, небольшой огород и садик, укрытые снегом вровень с изгородью.

Несколько лет тому попытались хозяйство «раскулачить», дескать, зачем одной бабе лошадь, и сани, и богатый возок. Но, стоило Комбеду перейти от слов к делу и ступить во двор, как обстановка изменилась в считанные минуты. Нет, хозяйка, Полина Мионовна Снегирёва, ничуть не возражала против сдачи скотины в колхоз. Она смиренно выслушала доводы посетителей, сразу согласившись, что лошадь колхозу нужнее, чем ей, «единоличнице». А раз не нужна кобылка, то и сани с возком тоже полагается сдать. Пришедший вместе с комиссией милиционер уже было начал описывать подлежащее передаче имущество, как в дверь начали вваливаться голосящие бабы.

Председателю комитета, наследственному бедняку и голытьбе Акимке, тут же прилетело по уху.

— Ты пошто дохтурку обижаешь? Хриstopродавец! — заголосила здоровенная Лукерья, предводительница «бабьего батальона».

— А чё она? Рыжая, шголь? — вызверился Акимка, прикрывающий рукой быстро распухающее ухо. — Пошто бьёсси? Вот ужo натравлю на тебя советскую власть!!! — продолжал он блажить, показывая пальцем на милиционера.

Сидящий на кухонной табуретке посреди комнаты, ничего не понимающий сотрудник органов, хлопал белёсыми ресницами и переводил взгляд то на хозяйку, то на Акимку, то на баб.

— А я чё? Я ничё! — спохватившись, забормотал сотрудник органов правопорядка, а затем, вспомнив что он представитель власти, рявкнул: — Так! Дамочки! Освободите помещение! Не мешайте органам власти работать!

Лукерья долгим, презрительным взглядом, внимательно, с ног до головы осмотрела щуплого и низкорослого милиционера, словно видела его впервые в жизни, упёрла руки в боки и обратилась сразу ко всем присутствующим:

— Посмотрите, люди добрые, как людям чёрной неблагодарностью платят! Вот ты, Прощка...

— Старший милиционер Товстыженко! — поправил злющий Прохор.

— Вот как! А мы значит — дамочки? — не унималась Лукерья, — Ещё раз обзовёшься, не посмотрю, что ажно старший милиционер, батьке твоему пожалуюсь, ох он тебя и выпорот!

— Не выпорот! — насупился Товстыженко.

— А то я твоего батьку не знаю! — кровожадно усмехнулась тётка. — Так вот, Прохор! Когда ты за девками голыми подглядывал, поскользнулся, да с обрыва упал и ногу повредил, кто тебя врачевал? Помнишь, аль забыл?

— Полина Мироновна вывих выправила. — потупясь ответил милиционер.

— А ты Акимка, помнишь, как Поля у жинки твоей роды тройняшек принимала? Нюрка! Ты здесь? Покажи честному народу глаза свои бесстыжие!

Услышав своё имя, из-за спины мужа робко выглянула прятаясь, беременная уже шестым ребёнком, Нюрка и быстро закивала головой, дескать, помнит.

— Вот! — наставительно подняла указательный палец Лукерья, — Каждый из нас добро помнит, у каждого есть, за что лекарку благодарить. А вы что удумали? Тьфу! Ей лошадь нужна, как транспорт. Вы бы лучше конюха справного лекарке нашли, а не кобылу отобрали. Оно ведь не саях, да на возке сподручнее, быстрее. Сами то тоже, того... Ноги бить не стали, на милицейской телеге приехали!

— Так по закону же! — не выдержав возразил Аким.

— Ах по закону! — вскинулась Лукерья, — Товстыженко! Ты у нас власть, стало быть оформляй лекарку, как фершальский пункт!

— Да не могу я! Нету у меня такого права! — начал оправдываться милиционер.

А у кого есть? У секретаря райкома есть? Аль ещё у кого? Значит так, мы сейчас в райком и пойдём, но, до их решения, чтобы ни одного куриного яйца со двора не пропало! Про лошадь и прочее — я вообще молчу. Пошли бабоньки! А вы, комбедовцы, тоже айда, нечего тут делать.

— Да я тебе...!!!Я тебя!!!! — взревел Аким.

— И что ты мне сделаешь? Раскулачишь? Поздно, я уже в колхоз записанная.

— Акимушка, не лез бы ты к Лукерье, она партийная. — горячим шёпотом зашептала Нюрка мужу в ухо.

— Да погодь ты! — отмахнулся Аким, — Найдётся и на партийную управа, нешто мы...

Он не успел договорить, как из стайки пришедших на выручке лекарке женщин, выплыла ещё одна и заговорила медовым голосом:

— Акимушка! Ты весь изъятый самогон в милицию сдал? Все двадцать ведер? Или в одну харю трескаешь?

Аким побагровел, а Товстыженко очень пристально посмотрел на сельского активиста. Ни о какой самогонке в милиции не слышали, никто её не сдавал. А женщина продолжала:

— Жене, небось рассказал, за что тебе ссыльная нос расквасила? Как ты её ссильничать хотел, да она увернулась.

На сей раз Нюрка грозно сдвинула брови, а Аким попытался оправдаться:

— Ты, это... Марфа! Заткнись!

— Ой, бабоньки, что деетсяя! Акимка ты мне ишшо и рот затыкать будешь? А коровенка, Дунькина, к тебе случайно во двор забрела, да так и живёт уже месяц? Или

колхоз уже и в твоём подворье?

Вперед вышла сжав кулаки недавно раскулаченная, готовая вцепиться в волосы хоть Акима, хоть Нюрки, Дуня и пристально, со злостью, начала рассматривать комбедовцев.

— Да верну я вашу корову! Сегодня же в колхоз отдам! — не выдержал злобного взгляда Аким.

— Ну уж нет! — решила подвести итог разговора Лукерья, — Сейчас же идем в органы, и пишем про тебя, да поступки твои окаянные. Пущай власть разбирается. А то ишь, угрожать людям вздумал!

Тем дело и закончилось. Никто больше Полину не трогал, и она продолжила лечить жителей Сургута и ближайших сёл.

Этого всего ранний прохожий не знал. В посёлок Алексей попал только три месяца назад. В дальней дороге воспалился пересекавший всю грудь рубец, поставленный на «вечную память» шашкой юркого белогвардейца. Полина быстро поставила больного на ноги, а тот, посмотрев в омуты глаз, понял, что пропал. Влюбился, как мальчишка, словно «зелёный» юнкер, разве что стихов пока не писал.

А ведь он прожил сложную, трудную, наполненную войной, боями, сражениями, победами, поражениями, болью потерь друзей и боевых товарищей, жизнь. Один из лучших выпускников Павловского военного училища, попавший в захолустный прибалтийский гарнизон, подпоручик Поляков с первых дней войны пошёл добровольцем на фронт. Начинал с должности командира взвода разведки. Один из поисков закончился неудачей, пластунов обнаружили и обстреляли из артиллерийских орудий. Один из снарядов лёг очень близко, убив двух разведчиков и тяжело ранив Алексея. Спасибо бойцам, вытащившим из-под обстрела, а затем отправившим в тыл командира, к медикам.

Выздоровление шло медленно и орден «Святой Анны» 3-й степени с мечами и бантом, которым Полякова наградили за успешную боевую деятельность и полученное ранение, вручали в госпитале. По излечению, Алексею предложили новое назначение — в Русский экспедиционный корпус во Франции, РЭК. В полк Поляков приехал, когда уже полным ходом шла погрузка на морские транспорта. Ожидал, что за граница встретит теплом, вином, улыбками и милыми барышнями, но надежда рухнула быстро, почти сразу после прибытия к «союзникам». Французские генералы и офицеры отнеслись к ним как к «мясу», прибывшему затыкать дыры на фронте.

Пять месяцев непрерывных, смертельных, героических боев экспедиционного корпуса в сражениях за Реймс, когда русских бросали на самые сложные участки. Поляков на себе испытал последствия применения немцами нового оружия — химического. Только за один день, 31 января 1917 года, бригада трижды подвергалась химическим атакам. Сотни человек были эвакуированы с тяжелой интоксикацией, а зимний холод только усилил действие удушающих газов.

После тяжёлых потерь командного состава в апрельской «мясорубке Нивеля», подпоручика Полякова назначили на должность командира стрелковой роты. Прежний ротный был эвакуирован в тыл с тяжёлым ранением. Через месяц Алексею присвоили очередное воинское звание — капитан, его грудь украсил Георгиевский крест и орден Святого Станислава с мечами и бантом 3-й степени.

Тем временем, обстановка в РЭК накалялась. Временное правительство, появившееся в России после февральской революции, не интересовало судьба корпуса, бригад, офицеров и солдат, а французы собирались их использовать, как расходный материал, до последнего

русского в строю. Что же, если Россия забыла своих сыновей и не идёт к ним, то необходимо сделать всё возможное и вернуться домой, а там, будь, что будет.

Выбраться удалось только в середине осени, но и здесь не обошлось без приключений. На подходе к норвежскому порту, пароход торпедировала немецкая подводная лодка, и Алексей бы утонул, но его спас унтер из их бригады. Поляков так и не узнал имени спасителя, но облик солдата запомнил навсегда.

Ноябрьский Петроград встретил капитана Полякова ещё одной, то ли революцией, то ли переворотом. Алексей никак не мог разобраться в происходящем, потому не спешил записываться ни в одну армию, но в январе восемнадцатого, прогуливаясь по Невскому и обдумывая, на какие средства жить дальше, случайно встретил знакомого офицера, или как их сейчас называли — «военспеца», который предложил Полякову пойти добровольцем в Красную Гвардию. Убрав в тайник ордена и погоны, Алексей записался рядовым бойцом, не скрывая ни звания, ни боевого пути, ни происхождения. Воевал под Царицыном, быстро продвинувшись до командира батальона, сражался против красновцев, деникинцев, врангелевцев на Южном фронте, в Воронежской области, на Донбассе, под Ростовом-на-Дону, Новороссийском, Каховке, Луганском, Елисаветградом, Херсоном, Сиваше, в Крыму.

В симферопольском госпитале, приходя в себя после тяжёлого ранения, он получил неожиданное предложение: перейти в «интересную» организацию, о которой нигде, никогда и никому рассказывать нельзя. Поляков согласился, впоследствии несколько не пожалев о сделанном выборе.

В Сургут Поляков попал случайно. В марте тридцать девятого, вернувшись из длительной командировки в Китай, заехал в штаб округа, где ему вручили приказ об увольнении из рядов Красной Армии. Алексей плюнул, оформил положенные документы и поехал, куда глаза глядят. В центральную часть России Поляков не рвался, за годы Гражданской никого из родни не осталось. На следующем из Тюмени пароходе, у него неожиданно разболелись раны и обострились болячки. На безлюдной пристани его, чуть живого, сгрузили на деревянные доски. Полина, случайно оказавшись поблизости, увидела беспомощного больного, попросила мужичков погрузить на возок и отвезла к себе, поселив на сеновале. В доме места мало, да и больные приходят постоянно.

Сегодня, четырнадцатого декабря тысяча девятьсот тридцать девятого года Алексей решил навестить спасительницу. В окошке стоявшей неподалеку от Югорского тракта, небольшой, словно игрушечной, избы, теплился мягкий свет. Алексей открыл калитку, подошёл по натопанной в снегу тропинке к дому и тихонько постучал.

Дверь распахнулась и на пороге показалась кутающаяся в шаль, красивая зеленоглазая женщина, с русой косой до пояса. Длинная, ниже колен, простая, полупрозрачная ночная сорочка, мало что скрывала, на ногах — сделанные из обрезанных валенок тапочки.

— Алексей, и чего тебя в такую рань носит? — подбоченилась хозяйка.

— Так простыл я малость, Полюшка. Хотел самогончику на рыбку выменять.

— Ох, Алексей, сопьёшься ведь, один одинешенек мыкаясь.

— Да мне чуток. Только для профилактики, от простуды. Не стану же в такую рань зенки заливать. — потупился гость.

— Ну, если только для профилактики. — рассмеялась Полина. — Проходи, не на пороге же разговаривать, да и дом выстудишь.

Алексей обмёл валенки голиком [11], прошёл вслед хозяйке через темные сени в дом, присел возле кухонной перегородки на краешек скамьи и принялся аккуратно рассматривать

скромное убранство.

Русская печь, платяной шкаф, два заполненных книгами самодельных стеллажа, старинный, обитый коваными полосками железа, сундук, комод, развёрнутая ширма — вот и всё убранство. Из-за ширмы виднелась кровать, покрытая толстой периной, поверх которой наброшено простенькое лоскутное одеяло. А больше ничего и не рассмотреть.

Из сеней вместе с гостем вошел кружащий голову аромат разнотравья сушившегося на стенах. Хозяйка скрылась за занавеской и вскоре вернулась, уже одетая в старенькое ситцевое платье, держа в руках четверть[12] с прозрачной, как слеза, жидкостью и металлическую кружку.

— Так чего Алексей, меняться будем али здесь полечишься.

— Почему бы и не обменяться? Рыбы вдоволь принёс, и тебе, и мне хватит, ещё и для продажи останется.

— Где же ты ночью рыбачил? Не видно же ни зги. — с подозрением спросила хозяйка, но гость, проигнорировав вопрос, внезапно осипшим голосом спросил:

— А ты, хозяйюшка, никак ещё и не ложиласть?

— Не-а, закрутилась чутка. В начале паренька привезли, из рыбхоза, попросили руку посмотреть. Вывих. Вроде и мелочь, но пока вправила, после ещё двоих хворых осмотрела, вот полночи и пролетели, как и не бывало. Больные ушли — взялась за книжку. Вот и зачиталась.

— Роман, что ли, любовный?

— Учебник по анатомии! — фыркнула Полина, не представляя себя, сидящей праздно, читающей любовную лирику. — Тебе от участкового-то не попадёт? Дома не сидишь, по ночам невесть куда ходишь...

— А при чём здесь участковый? — слегка оторопел Поляков.

— Разве ты не поднадзорный? В наших краях этого брата хватает.

— Нет. Чист перед законом и властью.

— Вот не пойму я тебя никак, Алексей. С первого дня за тобой наблюдаю, вроде и мужик справный, руки откель надо растут, а живешь — бирюк бирюком. Даже ко мне с подходцем пришёл. Боишься кого или таишь за душой? С нашими мужиками без нужды не разговариваешь, сейчас ить, мужиком тебя назвала, так сразу дёрнулся. Не по нраву, видать. Никак из «благородий»? А выправка? Осанка? Их же не скроешь. Иной раз взглянешь, так ты словно по плацу маршируешь. Вдругорядь посмотришь, будто охотник, зверя неведомого, страшного рыщешь. Языкам иноземным обучен... Ты же, Алексей, когда на сеновале в забытьи лежал, всё не по-нашенски лопотал.

— Это на французском. — с облегчением выдохнул Поляков. — Я в Первую мировую во Франции воевал, там чутка и научился.

— Нет, не европейская то речь. Восточный был язык, то ли японский, то ли... Точно! Китайский!

— Тебе бы Полина в ГеПеУ работать, — просипел Алексей. — Всё видишь, всё знаешь, всё подмечаешь. Врать не буду, рыбу поймал не сам, в рыбхозе договорился. А «охотник» — действительно, бывалый, на зверя необычного, двуногого, человеком называемого хаживал. Видать не зря про тебя слава идёт, что колдунья.

— На чужой роток не накинешь платок. Хоть бы и колдунья, тебе какое дело? — резко ответила хозяйка.

— Извини, хозяйюшка, коль обидел. Не со зла.

— Бог простит, по хозяйству поможешь тогда и ступай. Сам знаешь, у нас, колдуний, это запросто. — с улыбкой произнесла Полина. — Не бойсь, не приворожу, по нраву ты мне.

— Так я и не боюсь. — осмелев произнёс Алексей. — Ты мне очень нравишься.

— Ладно, пошутковали и будет. — слегка сдвинув брови твердым голосом произнесла хозяйка дома. — Показывай «улов», никак золотую рыбку принёс.

— Может и принёс, где уж тут в темноте разглядеть, золотая рыбка иль брильянтовая. Может ещё и щука говорящая в уголок мешка затесалась.

— И чтобы попросил у рыбки той золотой или щуки говорящей? — с детской непосредственностью и затаённой верой в сказку, шутливо поинтересовалась Поля.

— А пускай рыба сказочная в чистом поле дворец поставит! Огромный, яркий, весь в огнях. Чтобы музыка в нём играла, а внутри было светло — как днём. Пусть чудесами тот дом набит будет по самую маковку, как в сказках писано: яблоко с блюдечком, весь мир показывающее, гусли самогуды, да автомобили диковинные, и других чудес — видимо невидимо.

— Ну да, размечтался. Автомобилей в сказках не бывает! Скажи ещё, про ананасы с шампанским и рябчиками, иль другую невидаль. Да будет так! — сказала Полина и топнула красивой ножкой.

В этот момент округа озарилась ярким светом. Алексей и Полина ринулись на выход, чудом не столкнувшись в дверях. Увиденное их потрясло.

— Рыбка! — улыбаясь произнесла Поля.

— Колдунья! — одновременно с Полиной воскликнул Алексей.

Неподалёку от избы, в одночасье, из ниоткуда, появился что ни на есть настоящий дворец, сверкающий огнями, так, что казалось на улице наступил ясный день. Прямо около дома Полины заканчивалась дорожка, покрытая чем-то твёрдым и ровным.

— Пойдём Поля, глянем, что это мы за диво такое наколдовали.

— Ить, страшно мне, Алёшенька. Вдруг там сила нечистая, шабаш празднует.

— Для шабаша время не подходящее. Не бойся, пошли хоть глазком глянем. Видно же, что там люди ходят, значит бояться нечего.

— Бог с ним, пойдём. С тобой мне не страшно. Подожди малость, переоденусь. Я скоро.

Пока Полина переодевалась, Алексей свернул «козью ножку» и, облокотившись на калитку, закурил, бросая на ярко освещённую громаду здания быстрые, внимательные взгляды.

Полина обернулась и впрямь споро. Вышла на свет, одетая в полушубок, из-под которого выглядывало яркое, цветастое, праздничное платье, валенки и меховую шапку. Алексей невольно залюбовался.

— Ну, пошли, кавалер. — позвала Поля.

— Пойдём. — откликнулся Алексей и сделал шаг к даме, одновременно сгибая левую руку в локте, предлагая даме взять «под ручку».

Окинув Алексея взглядом и ни слова не говоря, Полина положила изящную ручку на предплечье спутника, приняв непривычное предложение.

Они успели отойти от дома на несколько шагов, как в небе загудело и в свете огней «дворца» «путешественникам» стал виден заходящий на посадку самолёт.

— Вот и начальнички пожаловали. — сказал Алексей. — Поторопимся, а то сейчас всё перекроют и чуда мы не увидим.

— Пойдём. — выдохнула от переполнявшего восторга, Полина и парочка прибавила

шаг...

[1] 19 февраля 1594 года — основание Сургута

[2] Сургут сгорел в 1712 году, но через шесть лет он был построен заново. Второй раз — в 1840 г., город вновь сгорел и теперь уже он не мог возродиться до конца XIX века.

[3] 17 марта 1785 г. утвержден герб Сургута. Его описание включено в фундаментальный труд П.П. Винклера «Гербы городов, губерний, областей и посадов», изданный в Петербурге в 1900 г.

[4] В 1835 г. открыта школа для обучения казачьих детей (казачья школа), реорганизованная в 1877 г. в мужское училище министерства народного просвещения. В 1877 г. открыта женская школа а в 1921 г. А.С. Знаменским и П.И. Кучковым открыта первая на Тобольском Севере единая музыкальная школа первой ступени, просуществовавшая до 1925 г.

[5] В 1844 г. В Тюмени построен и спущен на воду первый пароход. Через село Самарово, Сургут проследовал первый пароход в Томск

[6] В 1900 г. в Сургуте появилась первая телефонная линия протяженностью 7 километров, соединившая Сургут с белоярской пристанью. Первый телеграф появился в 1913 г.

[7] С 13 марта 1933 г. в Сургуте издавалась рукописная газета «Вырты кантыко» («Красный туземец»), 23 октября 1934 г. вышел первый номер Сургутской районной газеты «Организатор» (с 1935 года — название «Колхозник», с 1956 — «К победе коммунизма», с 1990 года по настоящее время — «Сургутская трибуна»).

[8] В 1928 г. вступила в строй Сургутская рыбоконсервная фабрика Обьрыбтреста, выпустившая в первый год работы 85 тысяч банок консервов.

[9] В 1939 г. создана Сургутская моторно-рыболовная станция (МРС), оснащенная моторными лодками и другими орудиями лова. В Сургутском районе насчитывалось 70 колхозов.

[10] 1 марта 1935 г. прибыла нефтеразведочная партия, которую возглавлял Р.Ф. Гуголь

[11] Веник

[12] мера объема, четверть ведра или 3 с хвостиком литра

Вспомним про...

На четвёртый этаж, где располагался кинотеатр, развлекательный и медицинский центры, хода даже работникам ТЦ не было. Оба парных эскалатора заблокированы и перекрыты ограждениями, охранники тоже наличествовали.

Охраны было непривычно много, словно это не рядовой ТЦ провинциального хотя и крупного города. Посты у каждого из шести выходов, по паре ВОХРовцев патрулировали этажи, включая цокольный, наружный караул охранял открытую и подземную автостоянки не говоря о развитой системе видеонаблюдения.

К охране сотрудники ТЦ привыкли быстро. Начальник смены Александр Викторович Кнутов, общительный, готовый прийти на помощь быстро взял в оборот и держал в «кулаке» всех сантехников, электриков и разнорабочих.

В смене царил жёсткая военная дисциплина, да и люди в неё подобрались тёртые, знающие, степенные, соблюдающие субординацию и не разменивающиеся на пустяки, не без исключений конечно.

Вот из служебного выхода выскочили на декабрьский мороз два человека, одетые в чёрное обмундирование охраны. Осмотревшись по сторонам и убедившись в отсутствии посторонних, закурили, пряча сигарет в рукав.

— Олег Александрович! — обратился молодой едва за двадцать, охранник к старшему товарищу, мужчине, лет сорока на вид, — Правду люди говорят, что Кастым лютует? Ежели что не по нутру, так и в глаз заедет?

— Для кого Кастым, а для тебя, вьюнош — Михаил Силантьевич. Усёк, Игорёк?

— Так точно, усёк. — дурашливо козырнул молодой. — Понял Олег Саныч, а всё же?

— Командир? — затянулся Олег. — Крут, конечно. Но, без разбору и без причины ни разу ни на кого руки не поднял. Думать умеет, что не каждому дано. Взвесит, измерит и только потом примет решение: кто прав, кто виноват, как наказать провинившегося. Расхлябанности не терпит, равно как и нарушений правил несения службы, а тем более — техники безопасности. Часто повторяет, что правила эти написаны кровью.

— Чьей кровью? — удивился Игорь.

— Нарушителей конечно, — старший поёжился. — Но, чаще — предшественников наших, тех, что инструкций отродясь не читали, делая по наитию, на ощущениях и чуйке.

— Ну и что? — Игорь сделал глубокую затяжку. — я, к примеру, тоже инструкций не читаю, и ничего, нормально живу. Многие так делают.

— Может кто и живёт. — поддавшись воспоминаниям вздохнул Олег. — В жизни разное случается. Один вот, вроде и уставы читал, да так ничего из них не понял. Взял, да заснул на посту. Враги спящего засекли, пост обошли, да вырезали всё отделение. Но, дрыхнувшего часового, в живых оставили. Посадили потом, конечно. Живет сейчас небось, небо коптит. Ну, как живет? Существует! Может быть... Слишком много жизней загубил. Такой великий грех не отмолишь, тяжким крестом на душу ложится.

— Какую «жесть» рассказываете, — Игорь поёжился и забычковал сигарету. — Может такое и было, похожее на «срочке» рассказывали, но случай-то давнишний, со времён войны, а сейчас? Особенно здесь. Знай себе, ворон считай, да магазины охраняй.

— Здесь тоже может быть разное. — не согласился с собеседником Глухов, — Михаил Силантьевич порядок знает, любит и держит. Он бригадой командовал, а уж кого там только

не было.

— Ещё скажите, что «дедовщину» с «землячеством» поборол и полбригады выходцев с Кавказа было...

— А что тебе Кавказ сделал? Нормальные ребята, служат хорошо, почитанию старших, сиречь — субординации, с пелёнок обучены крепко. Так-то молодёжь из разных республик призывалась. Хоть наши офицеры сами людей в военкоматах отбирали, но в паре призывов встречались и бузотёры. Кастым лично предупреждал: будет хоть один «неуставняк» — сразу вызовет отца виновника, главу семьи, рода или тейпа.

— И как? Помогло? — недоверчиво скривился молодой.

— Поверили ему не сразу. Слышал про три случая с такими «Фомами не верящими». «Молодые» же не знали, что службу Командир начинал на Кавказе, подолгу общался с местными, знает разные языки и наречия. Как только до Кастыма дошло известие, что двое новобранцев избили третьего, так сразу в семье этих «боксёров» позвонил. — Олег Глухов с удовольствием затянулся сигаретой.

— А дальше что?

— Прошло несколько дней... Мы только на построение вышли, тут в ворота въезжает командирский УАЗик, из него двое выходят: один старый дед, с посохом, второй — помоложе.

Кастым подошёл к старшему, приложил к фуражке руку, представился, честь по чести. Дедушка что-то спросил, командир повернулся к строю и вызвал одного из любителей кулаки почесать. А тот, только увидав кто приехал: на колени бухнулся, как начал выть, башкой хотел об землю удариться, да земляки не дали. Схватили за плечи и, не давая подняться с колен, крепко держали. Эта парочка и так наособицу была, даже свои с ними не общались, а тут такой позор!

Дедушка, хоть и сильно пожилой, но заметив шевеление в строю, сообразил, что к чему и скорым шагом пошёл к провинившемуся. Подошёл, ногой слегка, брезгливо так, пнул, и что-то на своём языке спросил. Тот закивал, соглашаясь. Тут дедуля не утерпел, да как начал солдата посохом лупить. А боец не закрывается, не пытается увернуться. Видать знал за что, и какой он позор на семью навлёк.

Ну, а командир, провёл построение, как ни в чём не бывало. Только после того, как отправил подразделения по своим местам, подошёл к месту «воспитания». Вежливо склонив перед стариком голову, на их языке о чём-то спросил. Дедушка, оказавшийся и впрямь старейшиной, к тому времени душу отвёл, успокоился, командиру ответил, и они пошли в штаб оставив солдата наедине с отцом, для продолжения процесса воспитания. Все всё сразу и поняли.

Подобное, но с другим призывом, повторилось года через полтора. «Молодые» не поверили рассказам сверхсрочников, посчитали, что байками пугают. Командир и его так же перевоспитал. Больше «землячества» или какого другого, «неуставняка», в бригаде не было. Кстати, самоходчиков- бегунков, самострелов или отправленных на «дизель», у Командира тоже отродясь не бывало.

— Странно. Такой толковый командир, и на повышение не пошёл?

— Говорят, что предлагали неоднократно, но постоянно отказывался. Полы, говорит в "высоких" штабах сплошь лакированные, слишком скользкие. Поскользнусь, говорит, со всей своей окопной грацией, да и как ухну вниз.

— И как же он весь прекрасный, хозяином охранной конторы стал? Дорогу кому-то

неудачно перешёл?

— Это длинный рассказ, как-нибудь потом.

— Пожалуйста! Хотя бы вкратце. — попросил Игорь, — Хочу побольше узнать, под чьим началом служу.

— Когда Командир ещё комбатом был, пришёл к нему взводным лейтенант: Полипов, Венедикт Вениаминович. Лощёный такой, форма на нём — как влитая, военное училище — с «золотой медалью» закончил и к нам — сам попросился. Солдаты его сразу «Веником» прозвали. А чего он хотел, в армии, да с таким имечком?

Так вот, возомнил этот Веник себя чуть ли не дворянином. С солдатом — только через губу разговаривал, за человека не считал. С палочкой частенько ходил, да не с простой деревяшкой, а со специальной тростью, типа стеклом. Поначалу на эту причуду особого внимания не обращали, носит офицер красивую штуковину, и что с того. К тому же он с собой стек не всегда таскал, только на полевые занятия, и чтобы начальство не видело. Но оказалось, что для Вени это не просто украшение, и решил лейтенант, что вбивать военную науку нужно не образно, а физически, пуская в ход дрын. Несколько раз попробовал, пару — тройку человек избил — понравилось. А большего Командир не позволил. Прознал Кастым о том, что Полипов кулаком и палкой солдат «воспитывает», навыки со знаниями вбивает, вызвал летёху и предложил по собственному желанию перевестись куда — подальше. С одним условием: никогда к личному составу не приближаться. А чтобы такого искушения и не возникало, Командир это, не то в характеристике, не то в аттестации, подробно расписал. Так что, недолго этот Веня и прокомандовал.

— И что дальше? У летёхи серьёзные покровители нашлись и Михаила Силантьевич сняли?

— Что Командир девка, чтобы его снимать? Никто тогда Кастыма не отстранял.

Прошло уже немало лет, и приехала в бригаду комиссия большая, не то из штаба округа, не то вообще — из Москвы. Вроде боевую подготовку проверяли или что-то с этим связанное. А в той комиссии и Веник был, в ГлавПУРе до подпола уже дослужившийся.

— Значит по итогам проверки сняли? Извиняюсь — отстранили?

— Нет, пока Венечка везде «жалом» водил, да несуществующие недостатки искал — нормально было. Проверяющий, чай, работа у него такая. Когда с Командира «стружку» снимал, да по матушке всяко — разное облаивал — Кастым молчал. За столько-то лет привык уже к разным горе-проверяющим. Ухмыльнулся только, да сказал: «А ведь прав я был. Нельзя тебе с людьми работать. Никак нельзя.»

Тогда Веник начал орать, что: бригада, дескать, не боеготова, святого в ней нет ничего, и ставит ей «неуд». Вот это он зря. Таких слов про нашу бригаду никто и никогда не говорил. Ложь это. Бригада была боеготовой, и ставить «неуд» было не за что.

Веня, нашу часть, всех нас, словно любимого ребёнка Командира оскорбил, плюнул в него и в грязь толкнул. Кастым не вытерпел и провёл с московским подполком сеанс военно-полевой пластической хирургии: личико подправил, печень на место поставил, слегонца и по другим внутренним органам прошёлся. Скандал был... Командир рапорт на увольнение написал, но с условием, что комбригом зама назначат и костяк бригады сохранят.

— Н-да! Занятная история. Что же у вас за бригада-то такая была? Иной командир двойку бы стерпел, и с обычным солдатом так не нянчился.

— Бригада, как бригада, только лучшая. По всем показателям.

— В ВДВ небось? Что-то не видел я ни разу 2 августа, на дне «войск дяди Васи» ни Вас

ни Ваших сослуживцев. И тельника с беретом я у Вас не видал.

— Обычная у нас часть. — нехотя и серьёзно буркнул Олег. — Бригада охраны тыла. Повара там, хлебопеки, банщики и прочие «тыловики».

— Ага! Наверное, из тех, которые и нарезать могут, и нашинковать, и шею намылят, а при нужде — замочат кого нужно.

— А вот это не твоё дело! Сказал же — специалисты по тылу! Нечего со своими догадками лезть. Сам-то где служил?

— Разведбат ВДВ! — счастливо улыбаясь во весь рот, горделиво ответил Игорь, — Элита элит!!! Круче нас — никого!

— Да уж! В битье о голову бутылок и нырянии в фонтаны — вам равных нет! — подколот собеседника Глухов.

— Разведчики не такие! — обиделся Игорь.

— Ладно, не дуйся, я не со зла. — примирительно предложил Олег Александрович. — И как там служитесь, в «илитах» этих.

— Мне нравилось, на сверхсрочную остался, пять лет отрубил.

— Отчего ушёл? — спросил Глухов, доставая и прикуривая вторую сигарету.

— На «краповый» не сдал. — насупившись ответил Игорь. — С третьего раза.

— Фью! — присвистнул Олег, — А что там сдавать, к тому же столько раз. Ты же дёсант, разведбат! Илита илит!!!

— Как Вы не понимаете!!! Это самый сложный конкурс! На него со всей страны съезжаются лучшие из лучших!!! Там такие испытания!!! — задыхаясь от гнева и обиды, чуть не срываясь на крик зачастил Игорь.

— Обычный конкурс, тоже мне. — равнодушно ответил Саньч, — Посложнее бывало. Вот, отправит нас Командир...

— Что вы заладили со своим Командиром! Вы хоть раз на «краповый» сдавали?

— Ну, сдавал.

— И как?

Глухов полез во внутренний карман куртки, достал оттуда военный билет, открыл раздел «Особые отметки» и протянул товарищу.

— Читай, что написано.

— Ничё себе! «По результатам успешной сдачи экзамена, зачислен в ряды «Краповых беретов». Берет и знак вручены. Командир части, члены комиссии, подписи, печать! Настоящее??? — шокированный прочитанным переспросил Игорь. — Но как????

— Легко! — с улыбкой и лёгким оттенком воспоминаний ответил Олег, — Мы тогда с командировки возвращались, с северов, остановились на отдых в дивизии ВДВ. Они в это время свою команду готовили. Не знаю уж, кто там и с кем поспорил, но на утро приходит Интендант...

— Кто, извиняюсь, пришёл?

— Кнутов, нынешний старший. В то время он нашу... Команду возглавлял.

— Тренер?

— Нет, капитан команды.

— А в каких соревнованиях команда участвовала?

— В каких соревнованиях — задумчиво переспросил Глухов, — В международных. «Гонки на выживание» называются.

— И много стран участвуют?

— Наша страна только нас отправляла, из соцстран — никого не было, а НАТОвцы очень представительную делегацию подобрали: янки, наглы, французы, немцы, финны, ещё кто-то...

— А разве НАТО формирует сборные? — удивился Игорь.

— В этом виде — да. Это же не олимпийские игры.

— И как они проходили? Во сколько кругов? Кто чемпион? — забросал Олега вопросами Игорь.

— В один круг. Никаких штрафных и споров с судьёй. Первыми «отстрелялись» янки, затем — лимонники, дольше всех продержались немцы. К финалу остались мы и финны. В итоге, наши победили, а сыны Суоми — из гонки выбыли навсегда.

— И никому не подсуживали?

— Кто там подсудит? Белые медведи? Так они вне конкурса выступали.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Игорь, — А пингины где были?

— Не знаю, — серьёзно ответил Олег, — Может где замаскировались, но нам не встречались.

— Конечно не встречали, пингины же на Южном Полюсе живут! — продолжал веселиться Игорь, от недавнего уныния не осталось и следа.

— В Африке они живут, блин. Дальше рассказывать? — Саныч дождался одобрительного кивка собеседника, — Так вот, Кнутов пришёл и говорит: «Нас тут на соревнования вызвали, с «краповыми» и кандидатами в них. Спросили сколько выставим, ответил, что всех. Послезавтра — состязание.». И пошёл по своим делам. А нам чё, приказали — сдадим.

— Вот так, запросто? Без тренировки? — ехидно поинтересовался Игорь.

Глухов равнодушно пожал плечами, дескать, что в этом такого.

— И сколько из команды смогли сдать? — не утерпел Игорь.

— Все. В том числе и Кнутов.

— Может не по полной программе гоняли? Или десантники тоже все одо одного, на «берет» сдали?

— Чёй-то не по полной? Сдали, как положено, там же не только наша команда была. С других спецназов народ тоже сдавал.

— Погодите, я слышал эту байку! — воскликнул Игорь, — Только там не мотострелки были, а сборная! ЦСКА или даже СССР! Они же тогда почти всю первую двадцатку взяли.

— Пятнадцать нас было. Вместе с Интендантом. А заняли мы первые пять мест, у последнего — двадцать первый результат. — сурово, с оттенком грусти ответил Глухов. — А сказки про сборную появились потому, что у некоторых в нашей команде, спортивные куртки были, с надписью: «ЦСКА». Что начвещ дал, в том и ходили.

— Верится — с трудом. Если бы не запись в «военнике»...

— Это заслуга Кнутова. Добился, чтобы каждому такую запись сделали и выписку из приказа дали.

В три верхних этажа четырехэтажного, сверкающего стеклом и металлом, громадного комплекса расцветали надписи на огромном плакате:

«Дорогие друзья! Скоро открытие!

ТЦ «МИР» несёт в ваши дома уют, тепло, гармонию и радость.

Более 30 магазинов, торговых точек, кинотеатр, кафе и рестораны — ждут!

Мы приготовили для ВАС сотни тысяч наименований разнообразной продукции, новые кинофильмы, домашнюю обстановку!

Кухня из всех стран МИРА порадует самого взыскательного гурмана!

Ваши дети будут счастливы посетив «Детский мир», наши спортивные и тренажёрные залы.

Нездоровиться? К вашим услугам лучшие врачи и медоборудование по программе «Здоровый гражданин»

Только два дня — 14 и 15 декабря: скидки до 50 %!

Ждём Вас в Универмаге «Мир» по адресу: г. Сургут, Югорский тракт 38.[1]

Выгодные покупки и восхитительное настроение уже здесь!

Над входом в Торговый центр, яркой строкой по электронному табло, пробежала реклама:

«Цифросеть — Гигант в ТЦ «Мир» это 100 000 наименований цифровой и бытовой техники и около 1200 магазинов по Стране. Вас ждет широкий выбор и дополнительные услуги по доставке и установке техники. Ждем Вас всей семьей в нашем новом магазине «Цифросеть» на втором этаже ТЦ».

Реклама манила и зазывала, чистые окна сияли, метал покрылся новогодней изморозью.

А вот внутри пока ещё было не так благостно. Ушли многочисленные строители и монтажники, электрики и маляры, столяры и плотники. Рабочие убрали за собой мусор. Бригада уборщиков отмыла окна и двери, стены и лестницы. В помещениях царил порядок. Строгая комиссия, принимавшая объект, не нашла к чему придраться. Мелкие огрехи успели убрать загодя и здание приняла в эксплуатацию.

Недочёты начали появляться сразу же, после заселения пустой коробки. Владельцы больших и малых торговых точек жаловались на искрящую проводку, плохо смонтированные розетки, Канализация вела себя непредсказуемо как весенняя погода. Вот, казалось бы, что ещё можно делать в последнюю ночь перед открытием, в магазине цифровой и бытовой техники? Оказалось, что задач полно. Технику нужно проверить, при необходимости, отрегулировать, расставить так, чтобы покупателю было удобно и товар смотрелся выгодно, да множество мелких дел нужно переделать.

Директор магазина «Цифросеть», Илья Александрович Судин, вызвал всю смену, пообещав выплатить суточный тройной оклад. Работники охотно откликнулись, руководство гиганта людей не обманывало, исправно выплачивая причитающееся за работу во внеурочное время. Продавцы и технические работники, сплошь молодые люди, большинство — студенты технических специальностей двигали и переставляли, коробки с техникой, включали и настраивали телевизоры, шумели пылесосами и прочей бытовой мелочевкой. Стоя у ЭВМ, со снятым кожухом и обнажившимся электронным нутром, почесывал затылок наладчик в поиске неисправностей. Распаковывали товар и раскладывали на стендах.

Развешивали плакаты и указатели. Тянули забытые, но срочно понадобившиеся, кабели. Настраивали сеть и проверяли капризные терминалы.

В последние часы перед открытием, без аврала не обходится нигде и никогда. Несмотря на то, что настенные часы показывали без четверти три, ранним утром 14 декабря в новом магазине работа кипела вовсю. Внешне, Торговый центр ещё тих и тёмн, но на этажах искрилась жизнь, а с третьего доносился грохот кастрюль и запахи съестного.

Каждый магазин хотел выделяться в убранстве, цвете стен, даже в форме персонала. В продовольственном Универмаге, продавцы носили ярко-зелёные пилотки и фартуки, в мебельном — синие куртки с множеством карманов, а в «Цифросети» работники походили на сотрудников «Аэрофлота», юноши — на пилотов, только без фуражек, девушки — на стюардесс, в очаровательных пилотках.

Над вскрытым корпусом ЭВМ, склонилась Альбина — старший консультант отдела ЭВМ. «Эльбрус» последней модели безнадёжно подвис. Девушка уже достала отвёртку, чтобы прикрутить кожух на место и унести болезного на склад. Среднего роста, хорошо развитая физически, КМС по пятиборью, симпатичная, очень обаятельная, хотя красавицей трудно назвать, с тяжелой копной длинных до пояса, каштановых волос, собранных в «конский хвост», она закусилась симпатичную губу красиво очерченного рта и аккуратно поставив деталь на место, тонкими, музыкальными пальчиками, принялась наживлять крохотные винтики. Жила она вдвоем, с мамой, отец — геолог-разведчик, трагически погиб во время поисковой экспедиции, когда Але было одиннадцать лет. Она и по сей день помнила тот страшный день, когда домой пришли папины начальники, и тяжело роняя слова, сообщили, что папки больше не будет. Что он был мужественный человек, погиб спасая сорвавшегося с обрыва реки товарища, прекрасный сотрудник, и прочее, прочее... Последующие дни она помнила смутно, спасательный вертолёт смог доставить тело отца в Сургут и хоронили его, как героя. Пришло множество людей, говорили какие-то речи, утешали её и маму, обещали не бросать в беде и помогать... Всего этого Альбина не помнила. Перед взором стоял папка, живой, радостный, сильный, красивый. Но стоило протянуть к нему руку, кинуться навстречу, как образ таял, улетучиваясь, как дым.

В трудные минуты, Аля приходила к отцу на могилу. Мысленно разговаривала, просила совета и поддержки. Однажды поклялась себе, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы отец мог гордиться. Девушка засела за книги, окончила школу с серебряной медалью, серьёзно занялась спортом, редкий парень мог сравниться с ней в стрельбе. Ходила в экспедиции с геологами, но профессию выбрала техническую. Нравилось возиться с электронными машинами.

В Сургутский ГосУниверситет поступила с первой попытки, хотя конкурс по выбранной ею специальности был немалый, некоторые медалисты не смогли пройти через «сито» экзаменов. Впервые войдя в аудиторию, она даже слегка растерялась: кроме неё, в лекционном зале сидели ещё три девушки, остальные — парни. Однокурсники подняли было девчонок на смех, но знаниями, желанием, усидчивостью, уже к окончанию первого семестра, девчата добились к себе уважения, а Альбина стала лучшей на потоке.

На втором курсе пошла работать в ремонтную мастерскую. Там, на практике, познала столько, что с лёгкостью могла заткнуть за пояс любого студента Универа. А в «Цифросеть» её порекомендовал бывший начальник, сказав, что у неё золотые руки и лучшегоспециалиста во всём Сургуте не сыскать.

От мыслей и воспоминаний её отвлёк пробежавший куда-то по делам сокурсник, Димка

Смеляков.

— Ну как, Альбинка, готова к защите? Смотри, наш ботан спуску не даст!

— Немного осталось, окончательно вычитать и можно идти защищаться. Хочу после сегодняшнего аврала пару часов поспать, а то приду «вареная», боюсь «завалю» защиту.

Она надеялась выкроить хоть немного времени и окончательно подрихтовать курсовик. Но, то некогда было, то мысль не шла, то работа не клеилась. Возможно виной была тема научной разработки: «История развития электронно-вычислительных машин в Советском Союзе в период с 1955 по 1965 годы».

Когда преподаватель зачитал название её работы, в аудитории в начале стало очень тихо, а затем тишина взорвалась громким хохотом. Девушки смотрели на Алю с сочувствием, а ребята, перебивая друг друга, словно соревновались в остроумии. Самой популярной, и обидной для студентки, шуткой была брошенная красавцем, спортсменом и отличником Димкой фраза, мол у Альбины получится самая короткая в истории ВУЗа курсовая, состоящая из одного предложения: «В период с 1955 по 1965 года, никаких электронно-вычислительных машин в СССР не было!». И черно-белая фотография огромное, бетонное, пустое здание, с лозунгом над входом «Решения... съезда партии — в жизнь!».

Но, шутки шутками, а с курсовой надо было что-то решать. Молодой преподаватель, доцент, обожавший свой предмет, за красивые глаза никому зачёт не поставит. Альбина обложилась старыми учебниками и практически «поселилась» в Сети. К удивлению, публикаций на тему её курсовой было достаточно, но просто скачать чью-то работу, выдав на защите за свою не удалось бы. Впечатление, что препод читал вообще, по своему предмету всё что есть в мировой Сети, и сам писал некоторые из них. Пришлось читать, разбираться и попутно искать «изюминки», чтобы удивить и преподавателя, и однокурсников, и конечно же — несносного Димку.

Глаза бояться, а руки и мозги работают. Тема увлекла и вскоре Альбина очень даже неплохо разбиралась в истории вопроса. Даже сама собрала дома простенькую ЭВМ. Сейчас она хмурилась, обдумывая, как ей эффектно провести защиту, завершив её красивым, запоминающимся действием.

Димка хохотнув куда-то ушёл, и от размышлений её отвлекла комсорг магазина, Рая Горбачёва[2].

— Альбина! У тебя до сих пор нет комсомольского поручения! Это вопиюще и недопустимо! Пока ты на своём месте не перестроишься...

— И как я по-твоему должна перестроиться? Покупатели будут меня консультировать, а я у них покупать?

— Дедушка говорит, что нашему обществу необходима перестройка, ускорение и гласность! Только так мы сможем свернуть с пагубной дороги и вернуться на настоящий ленинский путь!

— А, так мне ещё и ускориться надо? В два раза быстрее по залу перемещаться? О, на ролики встать надо, да?

— Всё бы тебе шуточки шутить! — обиделась Раиса, — Дедушка говорит, что перестройка и ускорение — дело всех и каждого! Страну захлестнул застой! Эх, если бы его тогда послушали, не стали творить против него козни, то с середины 1980-х страна, под его руководством, знаешь, как рванула бы вверх? И не было бы этой частной собственности, новоявленных НЭПманов и прочего «рынка».

— Не знаю, что уж там наговорил твой «замечательный» дедушка, но из Политбюро ЦК партии его почему-то к нам отправили, да с запретом занимать руководящие должности. А после того, как он попытался в Сургуте «сухой закон» ввести, его мало, что мужики не прибили, так из Москвы пришёл запрет даже на должности парторга его избирать.

— Это уже алкаши из большого начальства! Мало им было дедушку из Москвы изгнать, со всех должностей поснимать, так они и здесь нашу семью в покое не оставили. Никчёмные людишки!

— Рая, ты бы не кричала так громко, неровен час, у тебя появятся «завистники», попросят с должности освобожденного комсорга, да к работе приставят.

— Нас, Горбачёвых, работой не испугать! Чтобы ты знала, дедушка на Ставрополье простым комбайнёром начинал!

— Ну, языком — то он точно больше намолотил! — усмехнулась Альбина. — Ладно, я ещё подумаю над поручением. Вот защищу курсовую, и тогда точно что-нибудь придумаю.

— Не забудь! — грозно и сказала Раиса, важно погрозив ухоженным пальчиком.

— С тобой забудешь. — вздохнула Альбина.

Неожиданно ожил динамик системы оповещения и во всех помещениях торгового центра раздался голос диктора: «Уважаемые сотрудники ТЦ „Мир“. Через 15 минут будет временно отключено электроснабжение. Проводится проверка систем и источников аварийного энергоснабжения. Убедительная просьба, временно отключить электроприборы. О завершении тестовых работ, администрация Центра уведомит дополнительно».

Повторив сообщение ещё два раза, динамик замолчал, а во всем ТЦ закипела работа по отключению электроприборов.

[1] Авторы в курсе что ТЦ «Мир» в «нашем» Сургуте находится на проспекте Ленина, но тут совсем другая реальность и Leroy Merlen отсутствует вовсе.

[2] Авторам известно и о том, что у МСГ внучки родились в начале 1980-х, а среди правнуков девочек нет, но у нас же по-прежнему альтернатива?

В продовольственном магазине — гиганте, со скромным названием «Универсам», суета и аврал дело обычное, как и во всяком продмаге.

Из помещений кулинарии доносились ароматные запахи. Нужно было наготовить как можно больше разных блюд, чтобы покупатели, уставшие или не желающие самостоятельно готовить, могли приобрести себе что-то на ужин.

Замзава Сергачёва быстро перемещалась по торговому залу, казалось, что она летает по огромному помещению, мгновенно появляясь в местах, требующих её внимания и принятия деятельных мер. Вот она у места «аварии», распекает рабочего и даёт указания уборщице, а вот она уже у выхода к подсобным помещениям, беседует с начальником транспортного отдела:

— Аркадий Михайлович, что у нас с выгрузкой?

— Прибывшую утром колонну полностью разгрузили, документы оформили, отправили восвояси, полчаса назад пришли ещё три фуры, сейчас встанут под выгрузку.

— Что там? — уточнила Замзава. — скоропорт?

— Одна с цитрусовыми, одна с консервами экзотических фруктов: ананасы, папайя, манго, персики, и третья — бананы.

— Отлично! Скоро отправите?

— Минут через сорок начнём. Водилы в столовой, сутки за рулём, вымотались. Заказ, говорят, спешный. Обком начальнику автоколонны такого «фитиля» вставил!

— Знаю! — с оттенком гордости сказала Нина Сергеевна, незадолго перед этим обивавшая пороги большого начальства и выбившая для нового магазина дефицитов.

— Как Вы их уговорить-то смогли, Ниночка Сергеевна? — чуть заискивающе прогнулся Аркадий. — Другие директора ждут, когда к ним завезут, а Вы на недельку в область съездили, и еле успеваем товары выгружать! Да какие!

— Это у меня семейное. — улыбнулась Сергачева, — Что у наших соседей?

— В спортивном или в «Строймастере»? уточнил Аркадий Михайлович.

— У строителей. Они обещали людьми помочь.

— Помогли. Их мастера на всех точках трудятся, в самом магазине человек с пяток.

— Вот и ладно! — Оправив халат, надетый поверх ГДРовского женского костюма, цокая импортными туфлями на невысоком каблуке, Сергачёва устремилась в сторону касс.

Самохвалов проводил взглядом невысокую, слегка полноватую, фигуристую начальницу, в очередной раз восхищаясь роскошным бюстом, побрёл в зону выгрузки, а Нина Сергеевна, поправив выскользнувшую из-под косынки прядь русых волос, уже давала разнос девушкам, выставившим ценники.

По сравнению с продмагом, в расположенном на втором этаже гиганте «Мебель», можно сказать, что царил тишина и спокойствие. Сияли стёкла и полировка шкафов, стенок, сервантов, горели многочисленные настенные бра, люстры, разнообразные светильники. Товар ожидал своего покупателя.

Продавцы бесшумно передвигались в этом царстве спокойствия и неги, огибая диваны, кровати, шкафы и прочие предметы. Разве что изредка раздавалось тихое шипение и негромкие ругательства. Не иначе, кто-то из невнимательных работников врезался в угол

стола или ещё чего-то твёрдого и угловатого.

Но, и эта тишина — кажущаяся. Вот, в отделе мягкой мебели, закипели страсти.

— Иван Николаевич! Ну куда Вы тащите раскладушку, этот раритет прошлого века? Вы её ещё в центр выставки воткните! — шипела невысокая, худощавая дама, в возрасте, приближающемся к «ягодке». Активно молодящаяся, с короткой стрижкой крашенных, в цвет воронова крыла, волос, чрезмерно увешанная драгоценностями, в модном, но слишком уж молодёжном костюме, блузке, откровенно расстёгнутой сразу на три пуговицы, требовавшая, чтобы к ней обращались только «Наталия», а не Наталья или Наташа.

— Наталия Александровна! Как показывает мой, личный опыт, раскладушка — это и настоящий век, а возможно — даже будущий. Да и как покупатель сможет понять, что мы готовы исполнить каждое его пожелание, предоставив любую спальную принадлежность. — отвечал ей невысокий, слегка сутулый продавец, в очках с тонкой металлической оправой.

— А как говорит мой личный опыт, выставлять необходимо только то, что пользуется спросом, престижно, красиво, удобно и стоит гораздо дороже этого переплетения трубок и ткани.

Готова предложить Вам пари: если хотя бы кто-то, за неделю, попросит показать, а уж тем более купить это чудо человеческой фантазии, то я готова на следующую неделю уступить Вам место начальника отдела, а сама переквалифицируюсь хоть в продавца, хоть в уборщицу.

— А если правы окажетесь Вы, то я могу попроситься с премией?

— Да, но не только. Раз уж я согласилась на понижение, то и Вам, в случае проигрыша, предстоит месяц поработать грузчиком.

— Согласен. Официально оформлять пари не будем?

— Достаточно того, что мы договорились и оба приняли условия.

Помимо мебельного, на этаже кипела жизнь в «Военторге», аптеке, трех одежных и одном обувном магазинах, новогодней ёлкой сверкал и переливался «Музыкальный киоск», предлагающие покупателям отечественные и импортные шедевры кино и музыки.

На третьем этаже, где обширное пространство занимала «Площадь Общепита» царило типичное, для такого места, движение. Название «Площади» фигурировало во всех документах и схемах, а любые попытки любителей иностранных названий назвать её «Фуд кортом», немедленно пресекались работниками многочисленных кафе и ресторанов. Кто-то из них, разбирающийся в спорте и знающий, что «фут» в слове футбол означает «нога», а корт — это площадка для тенниса, пояснил остальным, что их пытаются оскорбить, дескать «всё у нас приготовлено не пойми, как, левой ногой». Не терпели работники и названия «фаст фуд», и всё из-за той же пресловутой «ноги».

Гремела посуда, то тут, то там, раздавалось шипение пара, к некоторым кафе выстроились очереди из работников различных магазинов. Самая большая очередь выстроилась в кафе-столовую со странным названием «Быстрая точка». Неизвестно, кто и когда придумал такое название для столовых быстрого питания, но они имелись во многих населённых пунктах страны, пользуясь огромной популярностью среди молодёжи.

Вот, в хвост очереди пристроились ещё два любителя быстро и сытно поесть, работники небольшого магазинчика «Военторг», торгующего различными предметами для военнослужащих, а также охотников и рыбаков.

Один из них, высокий блондин, крепкий и мускулистый, обратился к своему другу,

неввысокому, рыжеволосому, плотно сбитому пареньку:

— Ну и намаялся, я Лёха, сегодня. Что это Леонидович удумал? Зачем ему эти тяжеленные кирасы, каски, бронежилеты? Он взвод конкистадоров формирует или взвод спецназа ВДВ? Это никто, никогда не купит, так и будет хламом пылиться.

— Коль, ты разве не слышал о клубе реконов, который Леонидович создал? Вся эта «красота» — для него.

— Когда он ещё в этот клуб желающих наберёт, а амуниция — она денег стоит. Немалых. — Николай поднял вверх указательный палец, — Уж я-то разбираюсь.

— Это всё реплики, поделки, только издалека похожие на настоящие. Прикинь, Шеф где-то раскопал документы по довоенным испытаниям нагрудников, что-то через связи и знакомства порешал, по старой технологии всё воссоздал, вот и привёз, пока есть возможность. — восхищаясь возможностями начальства сказал Алексей.

— Ну не знаю... Я такую тяжесть ни в жисть бы не стал таскать. — возразил Николай.

— Жизнь заставит, ещё не так раскорячишься!

— Я занимал! На меня занимали! Правда, ведь? — позади раздался знакомый голос.

Друзья, как по команде, обернулись и увидели своего хорошего знакомого — Георгия, продавца из «Музыкального киоска». В попытке побыстрее перекусить, он, работая локтями и не обращая внимания на возгласы возмущения, он протиснулся через очередь, почти к самым кассам.

— Кого мы видим! — заулыбался Алексей, — Глава «Музыкального киоска», Элеонора Белянчикова нашего ТЦ!!!

— Э!!!! Какая Белянчикова, слюшай!!! — нарочито обиженно и переходя на кавказский акцент, протянул Георгий, — Нэ знаю никакой Элеоноры! Дядя Армен хозяин!

— Нет, так нет. — примирительно ответил Лёша, — Слушай, Жорж, ты здесь какими судьбами?

— Дядя попросил. Сказал: Георгий, людям всю ночь работать, сделай так, чтобы было хорошо! Так я в радиорубке и оказался. Хорошо ведь? Весело?

Друзья кивнули, звучащая из динамиков музыкальная подборка, им нравилась. В это время началась новая песня. Знакомый голос Олега Анофриева, проникновенно, словно разговаривая, вступил:

— Призрачно всё

В этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись...

Услышав знакомые с детства слова, троица ребят дружно подхватила:

— Есть только миг,

Между прошлым и будущим,

Именно он,

Называется жизнь!

Увлёкшись пением, они чуть не прозевали свою очередь. В настоящее их вернул усталый голос молодой кассирши:

— Товарищи, что будете заказывать?

— Девушка, мне две двойных булки с котлетой и сыром, большую упаковку жареных картофельных палочек, и бутылку «Байкала». Есть буду в зале, оплата — картой. — сделал заказ Николай.

— Девушка, мне тоже самое, да ещё и вазочку пломбира с шоколадной крошкой.

Оплачиваю карточкой — заказал Алексей.

— Мне, как у него, — Георгий кивнул на Алёшу, — И сто грамм армянского коньяка!

— Коньякомнеторгуюем!!! — скороговоркой ответила работница кафе, — Что-то ещё?

— Нэт! Больше ничего нэ нада! — подражая торговцу цветами с рынка ответил Георгий.

Девушка, работающая на кассе, продублировала заказы, прокричав их куда-то в сторону кухни. Вскоре на прилавке появились подносы с заказами.

— Вот почему мы не можем сделать всё также грамотно, по-умному, как за бугром? — возмутился Коля. — Там названия такие...

— Какие?

— Красивые, что ли. Вот что красивого в «булке с котлетой»? То ли дело «чизбургер», «гамбургер», «картошка фри»...

— Так это по сути тоже самое. — усмехнулся Лёша. — Все эти продукты и рецепты много лет назад ещё Микоян позаимствовал и внедрил в систему общепита.

— Микоян? Кто такой? Не помню.

— Как не помнишь!!! — вскричал Георгий, — Микоян — гениальный авиаконструктор!!! Жаль, не знал, что он и кулинар отличный! Вот что значит гений!

— Жорж, это другой Микоян, сын Анастаса Ивановича. — прервал Алексей восторги товарища, — Николая! А если ты ещё раз заснешь на паре у Цезаря, стопудово пополнишь какой-нибудь «легион» несокрушимой и легендарной. Цезарь не посмотрит, что ты недавно женился. А в армии спать будешь только по команде.

«Цезарем» студенты называли начальника кафедры истории и дело было вовсе не в том, что он мог делать несколько дел одновременно. Этим умением, в той или иной степени, владело подавляющее большинство преподавательского состава.

Прозвище «Цезарь» прилипло к Андрею Николаевичу Королёву оттого, что каждый год вводную лекцию у первокурсников начинал со слов: «Конечно же, из бездельников и прогульщиков собственный легион я скомплектовать вряд ли успею, но уж какую — никакую когорту, к пенсии сформирую». А если он ловил кого-то за списыванием (при том, что списать у Цезаря было попросту не реально) он тихонько подходил к проштрафившемуся, поднимал очи горе и печально произносил «И ты, Брут». Кстати, и профилем «Цезарь» чем-то походил на артиста, игравшего Цезаря в каком-то импортном фильме. Андрей Николаевич страшно гордился своим прозвищем, и считал его абсолютно заслуженным.

Конечно, это же не «Трактор» — этим прозвищем студенты «наградили» начальника кафедры физики Павла Александровича Пахотина. А всё началось со слов уважаемого профессора: «По убеждениям — я сталинец». Первокурсники, только что высидевшие лекцию по истории, на которой Цезарь рассказывал о становлении тяжёлой промышленности в довоенном СССР, тут же реализовали полученные знания, и педагог обзавелся не самым красивым прозвищем. А то, что физик «тархтел» на лекции — никакого отношения к появлению «псевдонима» не имело.

— И каким «макаром» он меня в армию отправит? Я хоть и «вечерник», но отсрочка и на меня распространяется.

— Так это на студентов она распространяется, а на бывших — нет. Ладно, про Анастаса Ивановича я тебе расскажу и даже дам конспект передрать.

— Лады! А я тебя по физике подтяну, чтобы Трактор лишнего не тархтел.

Неожиданно музыка прервалась и из динамика донёлся голос диктора: «Уважаемые сотрудники ТЦ „Мир“. Через 15 минут будет временно отключено электроснабжение. Проводится проверка систем и источников аварийного энергоснабжения. Убедительная просьба, временно отключить электроприборы. О завершении тестовых работ, администрация Центра уведомит дополнительно».

— Блин, когда же это закончится? — с раздражением спросил Николай.

— Аврал? В девять утра. А тренировки, похоже никогда. — бодро ответил Алексей.

Товарищи вернулись к прерванной трапезе, часы показывали 3.55.

В подвальном помещении здания было накрыто застолье. Рабочие-электрики тоже что-то праздновали. Правда, стол был заметно беднее: бутылка дешёвой водки, открытая банка дешёвой тушёнки, по вкусу скорее напоминающей какие-нибудь собачьи консервы, банка с маринованными огурцами, нарезанный батон и ещё банка, на сей раз с окурками.

— Валентин! Может прервёмся? Вторая бутылка уже, а нам ещё работать.

— Ха! Пусть знают, что работают с пьющими профессионалами, а не с неумехами трезвенниками.

— Валентин. Тьфу, дали же родители имечко. Тебе с таким именем где-нибудь в офисе работать. Начальником.

— Нормальное имя! — огрызнулся Валентин. Вполне подходит человеку, которые профессией владеет. Ты, давай, наливай уже, на ход ноги, да полезем, посмотрим, что там у них с лифтами.

— Нам бы начальнику охраны на глаза не попасться. Вылетим же, оба. От этого Цербера, с каким-то жутким погонялом, любой пакости ожидать можно. Может покемарим, а с утречка и займёмся лифтами. Там же, в случае чего, долбанёт так, что одни тапочки обугленные останутся.

— Не каркай и не трусись. Со мной не пропадёшь. Сидишь тут, как брошенная в поле лопата. С руками что? Семён, наливай.

Второй электрик, которого звали Семёном, тяжело вздохнул, взял в руки бутылку и начал разливать водку по мутным граненым стаканам.

— Ну, чё? Вздрогнем? — стучаясь посудой о стакан напарника предложил Валентин.

— Вздрогнем. — эхом отозвался напарник.

— Ща я быстренько всё налажу! Будут знать... — не договорив, кто и что должен знать, еле стоящий на ногах электрик достал отвёртку и полез в нутро открытого щитка.

— Куда???? Долбанёт!!!! — заорал Семён, но было поздно.

Раздался взрыв, посыпался дождь искр, вырубил электричество, Валу отбросило от электрощита. Семён в ужасе бросился к нему, опасаясь самого ужасного, но послушав сердце, а затем услышав спокойное и ровное дыхание товарища, он сразу успокоился, Валентин был жив и... Спал.

Как впоследствии оказалось при переключении дежурный электрик отключил аварийный переключатель на запуск вспомогательного дизеля и закоротил на землю нулевой провод системы вентиляции четвертого этажа. В результате при включении питания образовалась катушка опоясывающая здание.

Хозяин охранной фирмы «Кастым», Логинов Михаил Силантьевич, тоже был в своём офисе на первом этаже ТЦ. Когда потух свет он взял фонарь и вышел в холл.

— Второй, второй, почему темно, — вызвал Кастым старшего смены.

— Электричество йок, командир, — откликнулся тот. — Нахожусь на четвертом этаже. Обхожу по кругу. Темно везде. Только с реки огоньки, да со стороны Ханты-Мансийска маячок, похоже самолёт приближается. Ничего не понимаю.

— Может авария не у нас, а отключило весь район? — откликнулся Кастым. — Поднимаюсь к тебе, дай команду заблокировать входы.

— Понял, отбой. — ответил старший смены. — Кто бы ещё также объяснил, почему нет фонарей, не видно машин, откуда появился посёлок, и куда чёрт побери, делся огромный микрорайон?

— Семнадцатый, ответь первому! Нафаня, что за бардак во вверенном подразделении? — прорычал в рацию Кастым. — Как людям службу нести в потёмках?

— Не шуми командир, — спокойно ответил главный электрик. — В окно глянь, тьма кругом, электричеством нигде не пахнет. Я сейчас на дизеле. Похоже аккумулятор присел. Проверю, подключим резерв и заведется через пятнадцать плюс, минус пять минут дежурное освещение будет, через полчаса основных потребителей запитаю. А вот с отоплением афедрон тот ещё. Газа нет, а котёл другое не съест, нежный он уж больно. В подвале есть бойлеры на трубах, но весь объем они не потянут.

— Принял, жду, будем решать вопросы по мере возможностей, отбой, — завершил разговор Кастым.

— Первый, первый! Второй на связи. — Выходы заблокированы, всё тихо самолёт приближается.

— Принял, иду.

— Первый, я пятый. Посторонние у служебного входа, стучат просят войти. Какие-то они странные, одеты так, словно с 1940-х гардероб не меняли, но точно — не бомжи.

— Второй! Подойди к пятому, разберись, доложишь, кто это по ночам к нам ломится.

Везде было спокойно, на втором этаже тоже почти тишина, но живая, люди переговариваются, ругают электриков.

Он поднялся на верхний этаж и в это время зажглись фонари на улице. Шум самолёта показался странным, не похожим на современный частный, прогулочный самолётик.

Кастым посмотрел на наручные часы: «двадцать минут пятого», зафиксировало сознание.

Утробно затарахтел дизель, вспыхнули окна нового гипера электроники, а на парковке к главному входу, сверкая краской и кругами винтов, заруливал старинный Дуглас.

Логинов беззлобно выругался, подозвал старшего смены, и они шагнули в лифт. Ко всем сложностям добавлялся абсолютно не предсказуемый фактор. Хотя и исчезновение города объяснить было сложно. Тревога за семью поднялась, но он привык что служба на первом месте, тыл, семья — это потом. Это ещё от деда Михаила пошло и всегда оправдывалось, ну почти всегда.

Самолёт мерно гудел двигателями. В салоне была относительная тишина. В кресле, скрючившись в неудобной позе, дремал заместитель Народного Комиссара обороны — начальник Главного Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис. Он очень устал. Поездка была долгая, сложная, нервная. Перелёты и переезды, постоянное общение с людьми и проблемы, проблемы. В докладах всё представлялось красивым и радужным: росла и крепла мощь Красной Армии, строились гиганты Советской индустрии, неуклонно рос выпуск продукции, жить становилось лучше и веселее.

Реальность перечёркивала многое, уж в этом-то Лев Захарович в этом убедился лично. Всё началось с лета 1938 года. Первый тревожный звонок раздался после подробностей конфликта на озере Хасан. Слишком уж много недостатков, нестыковок, упущений, всплыло при более подробном разборе этого, достаточно рядового, кратковременного события. Командование Дальневосточного округа не спешило идти на помощь пограничникам, приказы и распоряжения отдавались не своевременно, реакция на действия японских войск — опаздывала. Всё это вело к неоправданным жертвам, неразберихе и сумятице в советских войсках. Японцы в свою очередь, были уверены в своей быстрой победе, в разгроме Красной Армии и, фактически, повторении событий Русско-Японской войны. Обе стороны понимали, что одним столкновением дело не ограничится и провокации, прощупывание советской обороны, обязательно продолжатся.

Лето прошло в коротких стычках, обменах дипломатическими нотами, а в конце июля — полыхнуло... Мехлис прибыл в район боевых действий уже первого августа. Командующий Дальневосточным фронтом маршал СССР В.К. Блюхер — только на следующий день. По итогам изучения обстановки третьего августа, анализа докладов и общения с командующим, Мехлис доложил в Москву, что Блюхер не способен выполнять обязанности командующего. Командующим войсками был назначен Г.М. Штерн. Выяснилось, что почти все предыдущие доклады были фикцией, изрядно лакированными действительность: боевая подготовка в войсках практически не проводилась, техника не обслуживалась, множество вакантных должностей, даже в подразделениях, на уровнях ротного звена, Блюхер с лёгкостью отстранял командиров разных уровней, никого не назначая взамен, из-за чего ощущался недостаток командного состава, моральное состояние красноармейцев оставляло желать лучшего. Многие проблемы пришлось решать Мехлису, второпях, на ходу, в условиях недостатка времени.

Уже одиннадцатого бои были прекращены, между СССР и Японией заключено перемирие, граница установлена по реке Туманной. Обе стороны заявили о своей победе. Конфликт был притушен, а для Мехлиса начались сложные дни: разобраться в причинах низкой боеготовности, навести порядок, наказать, тех, кого посчитали виновными. Лев Захарович был уверен в необходимости срочного принятия крутых мер и в правильности принимаемых решений.

На фоне успехов и достижений, факты бесхозяйственности и безответственности, не были чем-то из ряда вон выходящим. Командиры дивизий и полков, директора заводов — гигантов разводили руками, всем своим видом показывая «а что такого? У всех так, а то и хуже». Керосина в костёр подливали беседы с младшими командирами, красноармейцами и

рабочими. Из их рассказов картина вырисовывалась и вовсе удручающая.

Мехлис ругал и снимал проштрафившихся, отдавал под трибунал и суд, топал ногами, кричал. Он понимал, что только всколыхнул «болото». Стоило ему сесть в машину, ступить на трап самолёта, как всё вернётся на круги своя.

В кресле соседнего ряда, уставившись в одну, только ему видимую точку, сидел старший охраны начальника ГлавПУра[1], представитель РазведУпра[2] РККА интендант 2-го ранга Василий Семёнович Грязев[3]. К Мехлису его прикрепили ещё в Монголии, но он никак не мог привыкнуть к неуёмному, и неутомимому командиру. С таким «объектом» наладить хоть какую-то более- менее нормальную охрану — попросту невозможно.

Ещё четыре сотрудника охраны распределились по всему салону. Как ни странно, но все они ходили со знаками различия интендантов. Как-то Мехлис спросил у Грязева, зачем ему такая внушительная охрана и почему они выдают себя за снабженцев? Василий Семёнович ответил кратко: «Приказ». Лев Захарович не успокоился, решив проверить, насколько его спутники владеют вопросами обеспечения и в нескольких частях поставил им задачу по проверке состояния служб снабжения, оставив возле себя только Грязева. Недовольно посмотрев на комиссара, начальник охраны не стал возражать и продублировал приказ подчинённым. К удивлению Мехлиса, разведчики с задачей справились, представив доклады, составленные со знанием дела. Больше к группе охраны с вопросами и проверками, Лев Захарович не приставал, но при удобном случае использовал их знания и навыки.

В центре самолета расположились политработники из ГлавПУра, четыре батальонных и один полковой комиссар. Почти все люди проверенные, опытные, знающие. Только один батальонный комиссар вызывал у Льва Захаровича скепсис и недоверие — Полипов Петр Петрович. Нет, внешне тот выглядел образцово, произносил правильные речи, обличал нерадивых, вскрывал недостатки, готовил грамотные доклады и документы. Но, Мехлиса что-то настораживало. В дальнюю поездку Полипова он взял с собой сознательно. К новому работнику центрального аппарата надо было присмотреться, разобраться — кто такой: карьерист, шагающий по головам сослуживцев или яростный борец за Советскую власть, не желающий мириться с произволом и нарушениями командования.

Политуправление Ленинградского округа, фактически навязало Полипова, расхваливая его на все лады: дескать и биография у него самая что ни на есть боевая, и прохождение службы соответствует должности в центральном аппарате, грамотный, вежливый, обходительный, решительный, беспокоящийся за порученное дело. Не побоялся пойти на острый конфликт с командиром лучшей воинской части, рассмотрел в комбриге червоточину, своевременно просигнализировал «наверх», помог высокой комиссии разобраться.

Лев Захарович прекрасно помнил ту поездку, разбор персонального дела командира бригады, часть обвинений, выдвинутых против, действительно неплохого командира, то, как тщательно «копали» московские проверяющие, представители различных управлений и служб. Изучая пухлый итоговый акт проверки, Мехлис и сам было уверился в написанном. Но, то, что он видел своими глазами, реальная обстановка в части, полностью опровергала написанное. Чистота, образцовый порядок, высочайшая дисциплина, техника обслужена, лошади ухоженные. Как ни печально это было признавать, но в Красной Армии такие воинские части были скорее редкостью, нежели правилом.

А люди? Все, от рядового бойца, до заместителей комбрига, говорили о своём командире с огромным уважением и даже обожанием. Не прислушался тогда начальник

ГлавПУра ни к бойцам и командирам, ни к своему внутреннему голосу, разрешив дать ход делу. По всему выходило — зря. Не далее, как вчера, он в этом смог убедиться лично, случайно встретив Логинова в Тюмени, на должности командира роты.

В первоначальных планах, проверка только что сформированной дивизии не предусматривалась. Но, планы на то и существуют, чтобы их корректировать. Мехлис сам выбрал полк для проверки, направив подчинённых в другие воинские части соединения. Казарму для проверки он тоже выбрал сам, отмахнувшись от предложений начальника штаба проверяемого полка. В каком подразделении можно увидеть всё самое худшее? Правильно, в том, что дальше всего от штаба части. Значит решено, проверку начнём с третьей роты, третьего батальона.

Казалось бы, после всего того, что Мехлис увидел в воинских частях Дальневосточного фронта, удивить начальника ГлавПУра было уже нечем. Однако здешнему командованию это удалось. Порядок был виден ещё до того, как проверяющий зашёл в подразделение: аккуратно подстриженные газоны обрамлялись побеленными камнями, дорожки выметены, нигде ни соринки, у входа в здание даже урны стояли.

Мехлиса, открывшего дверь и сделавшего шаг в расположение роты, оглушил крик дневального:

— Смирно! Командир роты — на выход!

Лев Захарович даже не успел подать какую-то команду, как распахнулась дверь канцелярии, из неё выскочил командир. Ротный сделал три чётких строевых шага, вскинув руку к обрезу фуражки, отдал честь и доложил:

— Товарищ Армейский комиссар 1-го ранга! Вверенный личный состав роты убыл в клуб, на занятия по политической подготовке. Командир роты — капитан Логинов.

— Ну, здравствуй, старый знакомый. — усмехнулся Мехлис и протянул руку для рукопожатия.

— Здравия желаю! — ответил Логинов, коротко, крепко и энергично пожав руку начальника ГлавПУра.

— Ротный теперь, значит. Что же, показывай хозяйство.

— Временно исполняю обязанности комбата три, товарищ Армейский комиссар 1-го ранга. Командир батальона убыл на курсы.

— Вот даже как. Что же, тогда сразу батальон и проверю.

— Слушаюсь.

Мехлис, в сопровождении Логинова, обошёл все помещения батальона, заглянув чуть не в каждый угол, задавая вопросы и выслушивая чёткие, грамотные ответы от человека, явно владеющего обстановкой.

— Что же, проверкой батальона я доволен. Вижу, что дисциплины и порядка Вам удалось добиться и здесь. У меня по плану осмотр парка, конюшни, а затем — столовой. Сопроводите?

— Так точно, товарищ...

— Товарищ Мехлис или Лев Захарович. — перебил начальник ГлавПУра, — Наше давнее, хоть и не самое приятное знакомство, это позволяет.

— Слушаюсь, товарищ Мехлис. А как же начальник штаба? Он Вас ждёт и ему интересно будет знать результаты проверки.

— Вот Вы потом и доложите. Пусть понервничает, ему полезно.

Логинов не стал ничего возражать, начальству виднее. Он молча вышел из здания

батальона и хотел было пойти в парк, но Мехлис жестом остановил его и показав рукой на легковое авто сказал:

— Товарищ капитан, садитесь в машину, ноги побить ещё успеем.

После чего повернулся к начальнику штаба полка, что-то коротко ему сказал и сел на переднее сиденье «Эмки».

До парка боевых машин добрались быстро. Проверяющий обошёл все гаражи, осмотрел технику, которую обслуживали одетые в комбинезоны бойцы и остался доволен увиденным. Не менее внимательно Мехлис проверил и другие объекты полка. Везде кипела работа, но было видно, что для бойцов она привычна, знакома и ничуть не похожа на попытку пусть проверяющему «пыль в глаза».

— Что мы ещё не проверили? Медпункт, склады и клуб? — спросил Мехлис.

— Товарищ Мехлис, предлагаю пообедать, а затем продолжим.

— Согласен. Обижаешься, небось? — неожиданно спросил замнаркома.

— На что? — вопросом на вопрос ответил Логинов, — Вы считаете, что поступили правильно, я был уверен, что все мои действия направлены на пользу общему делу.

— И, конечно, продолжишь действовать в том же духе?

— Продолжу. — чуть не с вызовом ответил Логинов, — Если что-то работает, зачем ломать? Но приказы буду изучать тщательнее. Глупо оступаться и падать там, где можно копну соломы положить.

— Значит урок пошёл в прок. Правильные выводы сделал. — протянул Мехлис. — Порядок в полку твоих рук дело?

— Никак нет. Я — скромный ротный, временно командую батальоном.

— «Скромный» он, конечно. Бойцы тебя даже приветствуют иначе, с уважением что ли. К начштаба они иначе относятся, не боятся, что ли.

— Я людей не пугаю и «дантистом» никогда не был.

— Я знаю, что ты на бойца руку не поднимаешь. Тут нечто другое. Они к тебе как-то так относятся... — Мехлис ненадолго задумался над формулировкой, — Как к отцу они к тебе относятся. Строгому, жёсткому, правильному и заботливому.

— Спасибо товарищ Армейский комиссар. Не задумывался.

— Не за что меня благодарить. Вот это ваша столовая?

— Она самая.

И вновь начальник Мехлис был приятно удивлен: чистые залы, приятные запахи, на столах — скатерти!!! Миски аккуратно расставлены, возле каждой миски — ложка, большая редкость для многих частей РККА, на середине каждого стола — пять мисок с хлебом, но, видимо интендантам и этого показалось мало, они установили под окном небольшой стол, на который поставили лотки с аккуратно нарезанным хлебом.

Неожиданно, позади Мехлиса раздались громкие строевые шаги. Лев Захарович обернулся. В пилотках, надетых поверх гимнастеров белоснежных, отутюженных поварских куртках, наглаженных шароварах, блестящих сапогах, к нему, с решительным видом, маршировали два военнослужащих, с красными повязками на левых руках. Впереди шагал сержант, на повязке которого белой краской было написано «Начальник столовой», у второго, держащегося в двух шагах позади — «Дежурный по столовой». Не дойдя до Мехлиса нескольких шагов, они чётко остановились, откозыряли и по очереди представились.

— Куда вам столько хлеба? — спросил Мехлис.

— Это всё, что положено бойцам по норме, плюс небольшой остаток от завтрака.

Некоторым, после физических нагрузок, требуется добавка.

— А бойцы с недостатком веса у вас есть?

— Так точно, но скоро всех откормим. У нас для таких бойцов отдельные столы предусмотрены, с усиленным питанием. Доктор следит за их весом, ежедневно, после ужина взвешивая каждого и заполняя график.

Мехлис быстро посмотрел на Логинова, но тот понял немой вопрос и замотал головой.

— Взвешивание и график — инициатива полкового врача. Он скоро прибудет и может показать результаты своей работы. Ему есть, чем гордиться.

— Побеседуем и с доктором. Ну что, товарищи дежурные, показывайте, что у вас, да как.

Обойдя все помещения, Лев Захарович вернулся в зал, отпустив дежурных. Пока он инспектировал, народу в зале прибавилось. Выстроившись в центре, его возвращения ожидал дежурный по полку, интендант и медик. «Начальники служб, наверное.» — подумал Лев Захарович и не ошибся.

— Товарищ Армейский комиссар 1-го ранга, разрешите обратиться! — вышел на один шаг из строя интендант.

— Слушаю.

— Товарищ Армейский комиссар, не могли бы Вы оставить запись в Книге проверки столовой.

— Что это за книга? — нахмурился Мехлис.

— Командование полка еженедельно проверяет состояние объектов. Результаты проверки записывают в такие книги, затем проверяют устранение недостатков.

Мехлис взял книгу в руки и внимательно просмотрел. Действительно, на аккуратно разлинованных страницах книги стояла дата проверки, в самой широкой графе — выявленные недостатки и замечания, заверенные подписью проверяющего и графа с отметками о устранении. На первых листах замечаний было много, но с каждым разом количество недостатков уменьшалось.

«Нужная вещь, правильная. Странно, что раньше мне не попадалась. Интересно, а приказами она установлена? Если нет, то надо бы Хрулёву подсказать. Или по линии ГлавПУра прикажем.»

— А зачем Вам моя запись? — с любопытством спросил Мехлис. — Защита от будущих проверяющих?

— Нет, что Вы! Я из книги выписки сделаю и в каждом помещении в рамочках помешу. Пусть работники службы ориентируются на Ваши указания.

— А если я только недостатки напишу?

— Отлично, люди будут знать, к чему стремиться, как работать, и добьются того, чтобы заместитель Наркома обороны им больше замечаний не делал.

— Интересная позиция. — задумчиво сказал Мехлис, — Какие нововведения у вас ещё есть?

— Книга контроля качества пищи. Заполняется три раза в день, дежурным по полку и санитарной службой. Если доктор скажет, что с пищей что-то не так, бойцов не кормим.

— Как не кормите, — оторопел Мехлис, — Почему?!

— Извините, товарищ Армейский комиссар, не правильно высказался. В смысле, чтобы люди не отравились, мы не выдаем плохо приготовленное, а обеспечиваем красноармейцев сухим пайком. Затем с виновных удерживаем стоимость продуктов.

— И сколько раз это было.

— Ни разу, товарищ Армейский комиссар, но повара о последствиях знают, и за качество — отвечают.

— Недурно придумано, молодцы!

— Товарищ Армейский комиссар, приглашаем Вас пообедать. Хоть пища и из солдатского котелка, но мои повара — лучшие во всём округе.

— Даже так! — рассмеялся Мехлис, — Что же, попробую чем и как у вас бойцов кормят. Где можно расположиться?

— Вот здесь, — сразу засуетился начпрод, — У нас специально столики установлены с надписью: «Контроль пищи».

Мехлис прошёл на указанное место, сел за стол и начал что-то быстро писать в книге. Видя, как лист покрывается словами, интендант побледнел. Наконец начальник ГлавПУра закончил писать и отдал книгу. Как раз подбежали рабочие столовой и начали быстро накрывать на стол.

Мехлису понравился простенький салат из солёных зелёных помидоров, от наваристого горохового супа с копчёностями он пришёл в полный вопрос, а вкуснейшую гречневую кашу с котлетой он доел с трудом.

— Ну что же, давайте и книгу контроля качества, оставлю ещё одну запись. — предложил Лев Захарович, пока рабочие убирали со стола.

Счастливо улыбающийся интендант, ознакомившись с предыдущей восторженной резолюцией, протянул и вторую книгу.

Мехлис ещё не дописал отзыв, как в столовую начали заходить бойцы. Заходили спокойно, без суеты, шума и гама, рассаживались по местам и вскоре в столовой был слышен только стук ложек.

Лев Захарович встал и внимательно осмотрелся. Действительно, бойцов кормили абсолютно тем же, чем и его. Солдатские порции выглядели внушительно. Мехлис встал из-за стола и спросил:

— И что, у вас так каждый день?

— Конечно, товарищ Армейский комиссар. Можете посмотреть документацию, людей опросить. О том, что Вы приедете, мы ни малейшего понятия не имели.

— Недурно. Какие-то просьбы, пожелания есть?

Начпрод немного помялся, но справившись с волнением попросил:

— Товарищ Армейский комиссар 1-го ранга! Нам бы в полк полевой хлебозавод. Мы бы такой хлеб выпекать начали — объедение!

— Хочешь бойцов пирожными кормить? — усмехнулся Мехлис, — А вам по штату положено?

— Пирожные, конечно, хорошо. Но проблема в том, что иногда с местного хлебокомбината приходит сырой хлеб. Но, для себя мы уж постараемся, даже других накормим. А штатом — нет, не положено. Но, он всё равно без дела стоит. А так мы и людей обучим, и пользу большую принесём.

Мехлис ненадолго задумался, затем спросил:

— На чьё имя указание писать?

— Конечно, лучше всего — на имя интенданта округа. Документу с Вашей подписью ход дадут быстро, для получения и размещения у меня всё готово.

Начальник ГлавПУра взял у начпрода чистый лист бумаги и быстро набросал письмо.

— Что-то ещё?

— Никак нет, остальные вопросы решим сами.

— Хорошо. Товарищ Логинов, проводите меня в штаб и можете быть свободны.

Мехлис, в сопровождении ротного, вышел из столовой, сел в машину и вскоре заходил в кабинет начальника штаба полка.

— Как скоро Вы сможете соединить меня с Москвой? — поинтересовался Мехлис.

— Товарищ Армейский комиссар 1-го ранга! До округа дозвонимся быстро, но дальше... Позывных не знаем и уровень не тот.

— Хорошо, соедините с округом, — махнул комиссар.

Вскоре связь была установлена и к телефону подошёл Мехлис, взмахом руки показавший начальнику штаба, чтобы освободил кабинет. Назвав несколько позывных, Лев Захарович смог дозвониться до нужного абонента.

— Щаденко[4] у аппарата.

— Ефим Афанасьевич, здравствуй. Мехлис беспокоит.

— Слушаю Лев Захарович.

— Нужно срочно исправить одну ошибку. Записываешь?

— Диктуй...

Несмотря на неудобства, Пётр Петрович Полипов спал со счастливой улыбкой на лице. Сбылась мечта, он перебрался в Москву, и не в воинскую часть, а в Главное Политическое управление! Пускай у него пока не высокое звание и должность, всё ещё впереди. Недаром из управления, начальник отобрал в поездку именно его. И это доверие необходимо оправдать!

Проверить Пётр Петрович любил и умел, а уж составить акт, полный недостатков — тут равных не было. В итоговый доклад попадали и не влияющие ни на что мелочи. Уговоры смягчить, подправить формулировки, Пётр Петрович с негодование отметал. Командование должно знать реальное положение дел, а он, повернет всё как нужно. Кому, это зависит от ситуации.

Полипов не пытался выслужиться перед Мехлисом. Достаточно что имя, неподкупного, жёсткого, негнибачего, требовательного, непримиримого бойца с недостатками, будет известно в войсках. Пусть боятся, а следовательно — и уважают. В конце концов, Мехлис когда-нибудь уйдёт, и тогда придёт его очередь, засияет звезда Петра Петровича Полипова.

[1] Главное Политическое управление Красной Армии

[2] Разведывательное Управление Красной Армии

[3] В описываемый период, интендант 2-го ранга В. С. Грязев выполнял задание РазведУпра и находился в Китае и Монголии. Подробности его службы — не известны.

[4] С 23.11.1937 армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко — заместитель Народного комиссара обороны СССР (по декабрь 1940 года) и начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА. Одновременно с марта 1938 года по июль 1940 года был членом Главного военного совета РККА.

Пётр Петрович Полипов, недавно получил назначение комиссаром лучшей стрелковой бригады Красной Армии. Он находился в прекрасном состоянии духа и отличном настроении. Ещё бы: желаемое назначение в прославленное соединение, должность, которая играла большую роль в его карьерных планах, о которой мечтали многие, но удалось только Петру. Судьба благоволила Полипову, раз за разом подкидывала удачные обстоятельства.

Первые шаги на жизненном пути Пети Полипова складывались проще и иначе, без какой-либо связи с военным делом. Родился 25 октября 1907 года, в Перми. Отец, Пётр Митрофанович, купец средней руки, держал магазин в городе и ещё множество мелких лавочек в губернии. Матушка, Екатерина Венедиктовна, вела чинную жизнь домашней хозяйки. Дальнейшая судьба маленького Пети выглядела ровной, понятной и безоблачной — учеба в гимназии, работа в лавке, наследник и продолжатель семейного дела, всё как по маслу. Семнадцатый год, перевернул прежние надежды, чаяния и мечты, изменил и жизненный путь страны, и отдельно взятой семьи Полиповых.

Февральские перемены Пете казались праздничными и захватывающе интересными. Шумные митинги, выступления ораторов, полощущиеся на ветру флаги, суровые песни. Это привлекало и увлекало юного гимназиста. Петя с удовольствием убегал из гимназии, чтобы окунуться в водоворот страстей и событий. Пётр Митрофанович нацепил на лацкан пальто красный бант и называл себя сторонником революции. Он проникся идеями построения нового, светлого общества, в котором купцы и лавочники займут достойное место, встав у руля управления государством.

— Кто кормит эту страну? — вещал он дома — Мы! Купцы! Кто одевает, развивает, вкладывает средства в технический прогресс? Тоже мы, торговцы! Мы знаем, как организовать своё дело, не чураемся новинок, а нас не допускают к Думе, к изданию законов, к управлению! Но, сейчас всё изменится! И мы, торговое сословие, себя ещё покажем!!!». Полипов старший даже избирался, и хотя не набрал нужного количества голосов, нисколько не отчаялся, свято веря, что скоро придёт его время.

Дни бежали за днями, пришла весна, пролетело лето, наступила хмурая осень, но жизнь в стране становилась только хуже. День рождения Петеньки встретили непривычно тихо, гостей пришло мало и не было слышно весёлого смеха. Взрослые были поглощены думами и разговорами, а на именинника внимания обращали мало. Петенька не обижался, считал себя взрослым и ему было что послушать во взрослых разговорах. Праздник быстро закончился и гости разошлись по домам. Слишком уж суровое время наступило, никто не хотел засиживаться, опасаясь грабителей, почувствовавших небывалую, вольницу.

Вскоре Полиповы, как и остальные жители Перми, узнали о том, что в стране произошла ещё одна революция. И вновь всё закружилось, повторяя февраль: митинги и шествия, ораторы и агитаторы, флаги и транспаранты. Пётр Митрофанович снял и убрал красный бант и о недавних революционных взглядах, даже не вспоминал. А через некоторое время, взрослые стали повторять слово война, прибавляя «Гражданская». В разговорах замелькали «красные», «белые», «большевики», ранее неслыханные или имевшие иное значение слова.

В апреле, по городу пошёл слух, что в Пермь приехал великий князь Михаил Александрович. Как и другие мальчишки, Петенька желал увидеть родного брата

Императора, но не удалось. А после и вовсе пошёл слух, что Великого князя убили. Семья Полиповых не бедствовала, но и былой роскоши тоже не было. Прислугу рассчитали, осталась лишь кухарка, которая помимо того, что готовила, ещё убирала в доме и выполняла другую хозяйственную работу.

Занятие в конце декабря 1918 года Перми «белыми», сразу и не почувствовалось. Жители слышали звуки боя, видели, как по городу передвигались вооруженные, одетые в военную форму люди, но восприняли это как само собой разумеющееся. Беда грянула через месяц.

В морозный январский день за час до полудня распахнулась входная дверь и в коридор, тяжело дыша, словно за ним гнались, ввалился Пётр Митрофанович.

— Петя! — закричала Екатерина Венедиктовна. — Что стряслось?

— Катя, нас обокрали!!! — возопил отец семейства. — Мою лавку даже большевики не тронули, а эти!... Пришли солдаты и выгребли товар подчистую. А наглый поручик, который возглавлял банду солдатни, утверждал, что Я! Представляешь, Катя — я — ррреволюционер!!! И потому они всё реквизируют на нужды армии! — Мы разорены! Всё, созданное таким трудом, всё — рухнуло!!!

Пётр Митрофанович сел на лавку, стянул с головы шапку и устался в видимую только одному ему, точку. Через несколько минут он перевёл взгляд на застывших в проёме двери жену и сына, потом встал.

— Нет! Я этого так не оставлю! — нахлобучил на голову модную бобровую шапку. — Я добьюсь правды! Я дойду до самого начальника контрразведки! Что его подчинённые себе позволяют! Грабёж, среди белого дня!

С этими словами Пётр Митрофанович вышел и больше его никто не видел. Видимое ушёл искать правду куда-то повыше.

На следующий день контрразведчики нагрянули в дом.

Щеголеватый поручик, командовавший солдатами, представился. Петенька так и не понял, какая фамилия у названного гостя, разобрав только звание — поручик, а потом сплошное «пше», да «пше». «Поляк, наверное.», подумал Петя.

Офицер поцеловал Екатерине Венедиктовне ручку и ещё раз щёлкнув каблуками сапог, чётким голосом сказал, что прибыл по приказу начальника контрразведки, проводить обыск у злостного революционера, подозреваемого в помощи «краснопузым бандитам». От этих слов, Екатерине Венедиктовне стало дурно и она чуть не упала в обморок. Поручик подхватил её под руку, повёл в глубь дома, не забыв дать отмашку солдатам, мол — приступайте. И солдаты приступили к обыску, больше похожему на погром...

Утром Петенька встал рано, оделся, выбежал в гостиную, и... Увидел за столом, пьющего чай, одетого в военные брюки с подтяжками и белую нижнюю рубаху, вчерашнего поручика. Петя застыл, словно его поразила молния.

Офицер не спеша допил чай, затем встал и подошел к мальчику. Петя с ужасом увидел, что на ногах контрразведчика отцовские ночные туфли. Поручик вздохматил ребёнку голову и сказал:

— Ну что ты такой хмурый? По делам я здесь. Служба... — повернулся и зашёл в спальню родителей, закрыв за собой дверь....

Так у Полиповых началась новая жизнь. Но, для Пети она была недолгой. В один из последних дней июня, Петенька убежал на улицу, играть с мальчишками. Вернулся он поздно и не сразу понял, что в доме необычно тихо. Походив по комнатам и покричав, в поисках матери, Петр вновь зашел в гостиную и увидел на столе исписанный листок, а рядом с ним — конверт. На листе, неровным, торопливым почерком матери было написано:

«Пётр! Ты уже взрослый и должен меня понять. Я уезжаю с Генрихом, но тебя взять не могу. Меня не ищи, при первой же okazji я найду тебя сама. Саквояж с твоими вещами собран и стоит около стола. При первой возможности уезжай к нашим родственникам, в Сызрань. Деньги лежат тоже в саквояже. Письмо родне, с указанием их адреса — на столе. Люблю, целую, твоя мама.»

У Пети подломились ноги, он упал на стул, скомкал листок с письмом и горько зарыдал. Такого он даже в страшном сне представить не мог. На улицу спустились сумерки, когда Петя, не в силах оставаться в доме, в котором всё кричало о подлости и предательстве, выбежал во двор. Он бросился бежать, не разбирая дороги, куда глаза глядят, а слёзы по-прежнему катились из его глаз. В какой-то момент он обо что-то запнулся и полетел на землю. Что-то чиркнуло по щеке, чудом не задев глаз и хлынула кровь. Петя вскочил и прижал ладонь к щеке. Из-под пальцев сочилась кровь, было очень больно, зато пелена дурмана, появившаяся от горя и потери, куда-то пропала. Мальчик повернулся и побрёл назад, к дому. По пути он встретил знакомого дворника. Тот узнал мальчишку и подойдя ближе увидел, что тот весь в крови.

— Что случилось, барчук? — спросил дворник.

— Упал, дяденька. Поранился сильно.

— Дела... Дома есть кто?

Петя замотал головой и брызги крови полетели в разные стороны.

— Понятно. — процедил дворник. — Давай тогда отведу тебя к дохтуру, что ли. Пуцай глянет, может и поможет чем.

Взяв мальчика за руку он и впрямь привел его к доктору, бывавшему у Полиповых в гостях, знавшему его родителей, да и Петю он встречал не раз.

— Что случилось? — спросил врач.

— Да, вот, Ваша милость, мальчонка зашибся, кровящца так и хлещет. —

— Что же, пусть проходит, сейчас посмотрю.

Доктор провел Петю в комнату, наполненную какими-то медицинскими штуками, посадил на стул, отвёл от щеки его руку, посмотрел и начал готовиться к операции. Вколыв мальчику обезболивающее, он промыл, а затем — зашил рану.

— Откровенно говоря, я обязан немедленно доложить об этом случае. Похоже, что тебя саданули шашкой, но ты смог увернуться. Ладно, пока в городе черте что творится, я пожалуй, никуда сообщать не буду, а там, Бог даст, и обойдётся. Домой доберёшься или пускай дворник проводит? Эх, что родители скажут...

— Ничего они уже не скажут. — буркнул Петя. — Спасибо Вам, побегу я домой, Алексей Константинович.

— Нет брат, шалишь, дворник тебя проводит. А то может и не дойдёшь, времена сейчас злые...

А через два дня в город вошла Красная Армия.

В доме Полиповых поселился важный чин, тёмный, кучерявый, невысокого роста. Несмотря на лето, ходил постоялец повсюду в кожаной куртке и фуражке, с огромным

пистолетом на ремне и в новеньких, жёлтых сапогах. Звали жильца Давидом Иосифовичем, но требовал, чтобы его называли Дмитрием Ивановичем. Но, чаще жильца называли уважительно Комиссаром.

— Эй, малец, подь сюда! — позвал кожаный Петю.

— Слушаю, дяденька.

— Ты чей будешь? Мать, отец есть?

— Сирота я дяденька. — жалостливым голосом ответил Петя.

— Погодь, я тебя где-то видел... Вспомнил! На фотографиях, здесь, в этом доме! — торжествующе, словно поймал шпиона произнёс комиссар.

— Не помню, дяденька. Может и здесь жил, может ещё где. Как колчаковец шашкой по голове ударил, так и не помню...

— Хм... Вот звери, дитё, и шашкой. — задумчиво проговорил Дмитрий Иванович, разглядывая свежий шрам на щеке Полипова. — Вообще всё забыл?

— Нет, как читать, писать, считать — помню. А кто я, откуда и что было неделю назад и всю жизнь — нет.

— То, что грамотный — хорошо. Пойдём в дом, покажешь, что знаешь и умеешь. А там и решим — как быть.

Так у Петра Полипова началась новая жизнь и судьба. Дмитрий Иванович не бросил грамотного мальчика, отправил его в Москву, там пристроил в семью, к своим знакомым, а после окончания Петром школы — пристроил в военное училище, учиться на комиссара. Анкета у Петра была блестящая. Так как родителей он, якобы, не помнил, в документах написали, что социальное происхождение Петра — из пролетариев, не забыв упомянуть ранение, полученное в боях с колчаковцами.

В военном училище Петя познакомился с дочерью бывшего военспеца — Катенькой. Милой, хорошо воспитанной девушкой. Её родители поворчали, но на брак согласились, выбора особого в общем и не было. Через год, у молодой пары родился сын, Петр настоял, чтобы мальчика назвали Вениамином. Всё же память о матери, несмотря ни на что, оставалась жива.

Давид Иосифович помог и с распределением, молодого выпускника сразу взяли в аппарат корпуса, правда «мальчиком на побегушках», но всё же. Через несколько лет Петру удалось перебраться в политуправление Ленинградского военного округа. И тут карьера застопорилась, вытеснить со своих мест бывалых начальников и руководителей, Полипову было не по силам. Оставался один выход — пойти в войска и уже оттуда, бывалым, повидавшим трудности войсковой жизни, двигаться выше по карьерной лестнице. Но, любая воинская часть не подходила, нужна была лучшая, чтобы в ней без проблем отслужить пару лет, а потом, на волне достижений воинской части, подниматься выше, лучше всего сразу в Москву, в ГлавПУР. Пусть даже опять «мальчиком», принеси — подай — пошёл на фиг — не мешай.

Немного мешала самая малость. Как-то раз, году в 1928–1930, в квартиру, в которой жила молодая семья Полиповых, постучался неизвестный гражданин, в дорогом, импортном костюме, и вообще, мало похожий на советского гражданина. Гость представился инженером, приехавшим из Америки и помогающим молодой стране Советов с проведением индустриализации. Убедившись, что Пётр Петрович дома один, один чистым, без акцента голосом сказал:

— Танцуйте, Пётр Петрович! Вам письмо!

— От кого?

— От матушки Вашей. Видите, не забыла она про Вас, и, как обещала, с первой оказией весточку то и отправила.

— Давайте! — требовательно протянул руку Полипов.

— Ну и намаялся я, пока Вас нашёл. — ответил гость протягивая запечатанный конверт.

Петр взял письмо и автоматически поднёс к лицу. От конверта пахло мамой и детством. Он взял нож и вскрыл конверт, вчитываясь в знакомый почерк. Мать коротко рассказывала о своих скитаниях по свету, что они с Генрихом наконец нашли себе место в жизни и сейчас проживают в Вашингтоне. В конце она попросила оказать посильную помощь гонцу, так как он и впредь будет оказывать помощь в переписке матери с сыном.

Петр поднял глаза на визитёра и спросил:

— Чем я Вам могу помочь? Сразу скажу, никакой военной тайны я передавать не собираюсь.

— Что Вы! Какие могут тайны! Я всё понимаю. Мы будем изредка встречаться, беседовать, я ведь тоже из эмигрантов, а здесь приходится изображать из себя американца. Будем изредка встречаться, отдыхать в ресторанчиках, беседовать. Так с того дня и повелось. Раз в полтора — два месяца они встречались и беседовали... Пётр Петрович был уверен, что говорили обо всём и ни о чём. Ему очень нравился собеседник и он даже скучал, когда встретиться не удавалось.

В хвосте самолёта разместились местные партийные и хозяйственные руководители. Буквально сели «на хвост» Льву Захаровичу, уж очень торопились домой. Разговоры среди них давно стихли, похоже, что сон сморил.

Неожиданно, из кабины пилотов вышел штурман, подошёл к Мехлису начал трепать за плечо и, перекрикивая шум двигателей, принялся будить московского начальника:

— Товарищ Армейский комиссар! Товарищ Мехлис! Проснитесь! Командир просит пройти в кабину.

— Что стряслось? — Мехлис открыл глаза и начал подниматься из кресла. — Северное сияние? Ещё один Тунгусский метеорит? Второе пришествие?

Последний вопрос прозвучал тихо, Мехлис словно задал его себе. Пройдя в кабину, Лев Захарович замер пораженный феерическим зрелищем, и даже слегка приоткрыл рот. Даже подлетая к Москве не видел такой красоты.

У замёрзшей в камень Оби, сверкало и переливалось разноцветными огнями огромное, размером в три стадиона поставленных друг на друга, здание. Перед ним — украшенная электрическими фонарями, простиралась ровная площадь, с непонятной разметкой. Сияли огни, сыпались искры и вдруг разом упала тьма. Полярная ночь вступила в свои права, но видение не исчезло, отблески звёзд и огни подлетающего самолёта отражались в стеклянных стенах.

— Товарищи лётчики, что происходит? — брови Мехлиса поползли вверх.

— Когда летели туда, было село, — ответил Тимченко, командир экипажа. — На местной точке дозаправлялись. Ну Вы спали, не видели. А что это — даже представить не можем. Потому и попросил пригласить Вас, — произнёс командир воздушного судна.

— На эту площадь сесть сможем? — уточнил Мехлис. — Второй такой поблизости нет.

— Попробуем приземлиться здесь, с аэродрома долго добираться. Пройдите, пожалуйста, в салон, и передайте всем, чтобы держались как можно крепче. Место новое, незнакомое и видимость с высоты полёта того, что площадь ровная, может быть кажущейся.

Но выбора не было, и пилот заложил вираж заходя по длинной стороне поля. Мастерство не пропьешь и когда колеса мягко коснулись асфальта пассажиры успокоено выдохнули, но пилоту ещё нужно было погасить скорость. Длины площадки не хватило, но ширина позволила развернуться и маневрировать. Самолёт остановился у странного цилиндрического выступа.

Лев Захарович метнулся к люку,

— Товарищ комиссар, — придержал Грязев, — Разрешите выполнить свои обязанности.

Мехлис поборол любопытство и опустился в кресло. Интендант 2-го ранга подозвал помощников и с одним из них спустился по лестнице, приказав оставшемуся закрыть люк.

Сотрудники РазведУпра прошли к зданию и заметили дверь в стеклянной стене. За ней маячил мужчина в черной форме с нашивками, вероятно часовой или дневальный.

— Второй, у нас гости, — доложил охранник старшему. — Одеты как реконструкторы, шинели, шапки довоенных времён. Что делать?

— Пятый, пятый, жди. Ничего не предпринимай. Скоро будем.

Грязев постучал в дверь, помахал руками, но дневальный не реагировал, отойдя в полутьму. Вдруг внутри отметился прямоугольник и из него шагнули два мужчины, судя по

выправке и походе, офицеры.

Грязев не поверил своим глазам. Разжалованный комбриг переведённый полгода назад в неизвестную тьмутаракань, резко постарел и слегка прихрамывал. Словно Халкин-Гол и начавшаяся финская закончились лет пять назад. Где же это так Михаила укатало? Или просто похож? Не может быть! Рост, походка, ну хромота...

— Ваши документы! — Властно обратился старший, одетый в непонятную чёрную форму, со множеством карманов и с нагрудной нашивкой, на которой была вышита фамилия и инициалы. Именно та фамилия, но отчество...

Разведчики оторопели. Не было ещё случая, чтобы у них посторонний, кроме старших по званию, потребовал документы.

— Охрана заместителя Наркома обороны товарища Мехлиса! — справившись с недоумением и раздражением, отчеканил Грязев. — Представьтесь и предъявите Ваши документы!

— Логинов, Михаил Силантьевич, начальник охраны специального объекта. — выделив голосом последние слова, представился наконец старший. — Вы пожаловали к нам в гости, потому попрошу предъявить ваши документы, а также предписание на право посещения и проверки вверенного мне объекта.

Как замороженные, не сговариваясь, но синхронно, сотрудники РазведУпра полезли в карманы, достали служебные удостоверения и протянули этому непонятному Логинову.

Тщательно изучив их, Кастым спросил: — А предписание?

— В документы вложены наши командировочные удостоверения. Они не подойдут? — уточнил ничего не понимающий старший охраны.

— Нет! Нужна справка о допуске по первой форме и предписание на право нахождения на объекте. Кто старший? Товарищ Мехлис? Что же пройдём к нему.

Лев Захарович уже вышел из салона и нервно прохаживался вдоль самолёта, непонятная заминка у входа ему определённо не нравилась.

Наконец от здания отделилось несколько теней и три человека направились в сторону Мехлиса.

— Наконец-то, — пробормотал Лев Захарович. — Хоть какая-то ясность.

Группа людей приблизилась и Мехлис удивленно увидел в ней двоих своих охранников, с трудом успевающих за рослым, знакомым человеком, передвигающимся быстро и как-то непривычно, словно огромный лесной зверь.

— Полковник Логинов. — представился Кастым. — Вы, так понимаю, зам. Наркома обороны, Начальник ГлавПУра товарищ Мехлис?

— Да, я — Мехлис. Мне предъявить документы?

— Никак нет, Лев Захарович. — отчеканил Логинов. — Вас я узнал. Но, прежде, чем пассажиры покинут борт, мне хотелось бы с Вами переговорить, чтобы можно было проинструктировать и остальных, заодно оформив им допуски, необходимые для работы на «объекте».

— Хм. Что же, давайте отойдем, поговорим — принял предложение Мехлис, — У меня тоже возникли вопросы к Вам лично, товарищ Логинов.

Они отошли в сторону, встав так, чтобы никому не было слышно, о чем идёт разговор. Видно было, что Логинов чётко докладывает, а Лев Захарович регулярно переспрашивает, всё сильнее и сильнее хмурясь. Наконец доклад закончился и Кастым с Мехлисом вернулись к самолёту.

— Так, товарищи лётчики и сопровождающие! — сказал Мехлис. — От самолёта не отходить, через несколько минут к вам подойдёт представитель охраны и проводит к месту отдыха.

— Товарищ Грязев! — продолжил Лев Захарович. — Вы и один Ваш подчиненный, следуете за мной, остальным, включая политработников, — наблюдать за посёлком. В случае какого-либо движения в сторону объекта, — Мехлис указал на Торговый Центр, — любопытных перехватывать и задерживать до особой команды. Через несколько минут прибудет усиление из местных сотрудников.

— А вот и они. — сказал Кастым.

От здания выдвинулась группа людей, одетых в форму, зимние чёрные бушлаты и шапки. Вскоре от них отделились два человека и стремительно направились в сторону самолёта. Видимо получив приказ, остальные сотрудники охраны выстроились в две шеренги.

Кастым направился навстречу подчинённым и негромко начал инструктировать, время от времени показывая на прилетевших местных товарищей. Наконец короткий инструктаж завершился, Логинов подошёл к Мехлису, взял под козырёк и доложил:

— Товарищ Армейский комиссар 1-го ранга! Личный состав проинструктирован и убыл для охраны и обороны объекта. Взаимодействие между Вашими сопровождающими и сотрудниками охраны — организовано. Объект к проверке — готов. Начальник охраны полковник Логинов.

— Ну что же, тогда пройдем, Михаил Силантьевич.

И они вошли в необычное здание.

Сияние вокруг Торгового Центра исчезло, а на крыльце у входа на пятый пост по-прежнему стояли охранники: старший смены Олег Александрович Глухов и его подчиненный — Игорь Комаров.

«Ни хрена себе, что за чертовщина!» подумал Глухов. «Или мы все погибли и сейчас находимся в чистилище, или я просто ослеп.»

Тем временем, звездочки в глазах летать перестали и зрение постепенно начало восстанавливаться. В начале Глухов увидел серую громаду леса, а затем, присмотревшись и посёлок.

— Олег Александрович! Мы попали!

— То, что мы попали, это Игорёк, я и без тебя знаю! — проворчал Глухов. — Понять бы теперь — куда. Хорошо, хоть Командир здесь, раз ТЦ никуда не делся.

— В прошлое мы попали, Олег Саныч, или в другой мир! — восторженно сказал Игорь. — Всю жизнь о таком мечтал, столько книг о «попаданцах» прочитал, столько фантастики... Надеялся, готовился, столько всякого на ЭВМ закачал, и вот — сбилось!!!

— Судя по картине окружающего нас мира, пауков-великанов и космодесанта не ожидается, а с остальным Командир справится. В начале мне по башке настучит, за нарушение Устава гарнизонной и караульной службы, а потом — победит супостата.

— Похоже, что это всё же прошлое, век 18 — 20-й.

— Нормальный такой разброс! От Петра Первого и до Брежнева! А точнее определить нельзя, попаданец ты наш, подготовленный, краевед доморощенный.

— Точно, 20-й век, от начала, до 1960-х. судя по постройкам.

— Тоже ничего! От Николая Кровавого, до Кукурузника. И стоим мы, не знаем, кого из-

за поворота ждать, не то махновскую тачанку, с разудальными матросами, не то колхозниц, собирающих урожай кукурузы. Что хоть за городок такой?

— Нет, похоже, что мы попали после революции. Столбы вижу, с проводами. Сургут, процентов на девяносто.

— Ташкент. Тебе на «Т». Нашёл, Игорёк, время в города играть.

— Нет Олег Саныч, — отмахнулся Игорь. — Я говорю мы в Сургут переместились, а наш же город, только время другое, а тракт тот же..

— В самом деле, и как я сразу родной город — то не признал! — саркастично ответил Глухов. — А хотя, да прав, вроде похожее я видел на старых фото в музее. Ну, уже легче. Хоть с местом определились.

— А год сейчас узнаем, — ответил Игорь. — Вон, местные идут, у них и спросим.

К зданию ТЦ подходили мужчина и женщина. Глухов достал фонарик, в другую руку взял рацию и сделал шаг навстречу.

* * *

Мехлис шёл по коридору Торгового Центра и задумчиво хмурился. Окружающее раздражало и злило, яркий свет, навязчивая реклама, дворцовый блеск, а больше всего — люди. Они рассматривали Льва Захаровича и его спутников так, словно по коридору шёл не заместитель Народного Комиссара обороны Советского Союза, а невиданный дикарь или чудная зверушка. Проходя мимо книжного магазина, Мехлис резко остановился, внимательно рассматривая обложку одной из книг, выставленной на витрине. Надпись на глянце гласила: «Великие полководцы. Маршал Тухачевский.»

— Кто здесь старший? — выкрикнул Мехлис в темноту помещения. — Немедленно уберите эту гадость!

Из-за стеллажей магазина вышел нескладный, близорукий юноша и поправив очки, чуть не набросился на Льва Захаровича:

— Что Вы себе позволяете! Ничего и никуда убрано не будет! Этот магазин — частная собственность и менять что-либо в оформлении, только потому, что так захотелось какому-то замшелому сталинисту — не будем. Да и, собственно говоря — кто вы такие и по какому праву?...

— Я, зам. НарКома обороны и начальник ГлавПУра Армейский комиссар 1-го ранга Мехлис. А Вы, юноша, кем будете?

Услышав ответ, молодой человек побледнел, сделал шаг назад и прислонился к полке.

— Н-да, — выдохнул Артём, — а дядя то у меня пророк.

Неожиданно, из темноты магазина вынырнул зрелый мужчина и обратившись к Мехлису, представился:

— Здравствуйте, Лев Захарович. Андрей Григорьевич Крылов, директор магазина.

— Здравствуйте. Что это Вы тут выставили и с каких это пор, враги народа и бездарные командиры, стали «великими полководцами»?

— Один момент, всё уберём, товарищ Нарком!

— Есть кто ещё в магазине? — Спросил Мехлис и не дожидаясь ответа повернулся к одному из своих спутников, — товарищ Левченко! Ключи у работников изъять, магазин закрыть и опечатать. Об исполнении — доложить.

— Как же так? — чуть не со слезами на глазах спросил Крылов. — Скоро же открытие, придут покупатели, а у нас такое...

— Сомневаюсь, что покупатели хотя бы раз смогут посетить Ваш магазин, но, читатели

всего этого «богатства» точно будут.

— Но у нас же не библиотека!!! Как я отчитываться буду, кредит возвращать?

— Вряд ли кого-то в этом мире интересует Ваш кредит. Могу со всей определённою сказать, что его уж точно возвращать не надо.

— Слава Богу! — сказал Крылов, и чуть было не перекрестился, остановившись под тяжёлым взглядом Мехлиса.

— Михаил Силантьевич! В этой «избе-читальне врага народа» только собрания сочинений Троцкого и выступлений Бухарина не хватает. — проворчал Лев Захарович.

— Не удивлюсь, если и их книги хранятся на полках магазина. И не только. — усмехнулся Кастым.

— Товарищ полковник! Обеспечьте должную охрану и добейтесь, чтобы данные товарищи чётко выполняли указания, — Мехлис кивнул на книжников, — Ни одной книги за пределы вверенного вам помещения не выносить. — нарком указал пальцем на младшего. — Никому ничего не передавать.

— А Вам, Андрей Григорьевич, — обратился Лев Захарович к директору магазина, постучав по корешку крамольного тома, — В разрезе текущей ситуации, из всей этой чуши, необходимо вычлнить важные, срочные и особо полезные знания.

— Сделаем товарищ Мехлис! — вытянулся Крылов.

— Пожалуй без моего Комиссара тут не обойтись, — сделал себе пометку Кастым.

— Вы сможете разместить людей и организовать им какое-то занятие, — Лев Захарович увлёк Логинова дальше, строго глянув на книжников.

— Конечно смогу, свободных помещений хватит. Думаю, что этой ночью, книжный магазин — не самая важная из забот.

— Что же, пройдем далее. Мы хоть куда следуем?

— В мой кабинет. Необходимо обговорить первоочередные задачи, собрать руксостав, определить ответственных, поставить задачи.

— Принимается.

Войдя в кабинет, Логинов включил свет и спросил:

— Лев Захарович, чай, кофе или что покрепче?

— Не до покрепче. Чаю, пожалуй.

— Я тоже крепкого чайку попью. — ответил Логинов, включая электрический чайник.

Тем временем Мехлис прошёлся по кабинету и практически застыл перед большим монитором.

— А это что такое? — спросил он, указывая рукой на экран, разделённый на несколько прямоугольников в которых что-то двигалось.

— Это? Монитор. Транслирует обстановку с установленных по периметру здания видеокамер. В любой момент изображение с каждой камеры можно увеличить, приблизить и, при необходимости, связаться с постом охраны. Кстати, прошу прощения...

— Помню, была у Ворошилова такая штука, — ненадолго задумался Мехлис. — Термен[1] что-то такое делал.

Логинов увеличил изображение на одном из постов, взял рацию, нажал вызов, вызвав один из постов:

— Пятый! Ответь первому. Что за движение у тебя на посту?

— Первый, я пятый. — отозвалась рация. — Какие-то местные, просят пропустить, говорят в жизни такой красоты не видели.

— Н-да. Незадача. Откуда они только взялись? Ночь на дворе, а местные шастают. — сказал Кастым, не включая рацию и что-то обдумывая.

— Пятый! У тебя есть поблизости какое-то помещение, где их можно было бы разместить, чаем, к примеру, напоить? — поднеся к губам и вновь включив рацию спросил хозяин фирмы.

— Есть конечно, первый! Приказание понял, проводить, напоить чаем, ждать Вас.

— Отбой. — сказал Кастым, отключил рацию и убрал её в карман.

Потом подошёл к буфету, из глубины которого вынул две, тонкого фарфора, чайные чашечки с блюдечками, поставил на стол, подумал, убрал одну чашку обратно, достав большую кружку.

— Извините, не привык я из эдаких малышей чаёвничать. Потом ещё больше захочется. А Вас устроит, Лев Захарович?

— Я бы тоже предпочёл какую-то более солидную посуду. стакан, с подстаканником, например.

— Такой антиквариат у нас есть, — открывая другую дверцу буфета, ответил Логинов. Достав с полки стакан в богато разукрашенном подстаканнике, подошёл к умывальнику и сполоснул посуду. Вытер стакан, поставил его на стол, налил ароматной заварки и добавил кипятка.

— Итак, с чего начнём, Михаил Силантьевич? — спросил Мехлис, размешивая ложечкой сахар.

— Всё по классике, товарищ Армейский комиссар. Почта, телефон, телеграф. Мосты пока трогать не будем. — усмехнулся Логинов.

— Перестаньте ёрничать! И не забывайте, это Вы у нас в гостях, а не наоборот. И даже здесь, на территории этого Торгового Центра, действуют советские законы! — вскипел Мехлис.

— Какие уж тут шутки. Прошу прощения, не ожидал, что буду неправильно понят. — примирительно ответил Кастым. — Но, почту надо блокировать срочно, в первую очередь. А после можно будет побеседовать и с местным руководством. Лучше всего будет, если общение с местным партийными и ответственными работниками Вы возьмёте на себя, Лев Захарович.

— С почтой всё понятно. Необходимо срочно выходить на связь с Москвой, доложить об увиденном, вызвать подкрепление. А с местными товарищами, кроме меня, пообщаться больше некому? Тут и без этого забот полон рот.

— Лев Захарович, ну кто для местных руководителей мы, и кто Вы? Мы для них не авторитет, да и ляпнем ещё чего лишнего. Вас они выслушают и бросятся выполнять команды.

— Когда выезжаем в посёлок?

— Предлагаю всё же завершить нашу экскурсию, и в то же время подумать: о чём говорить и с кем говорить, а также какая помощь нам нужна.

— Что тут думать? Обо всём увиденном нужно срочно доложить Товарищу Сталину. Пусть высылают учёных, исследователей, сотрудников НКВД.

— И что мы скажем товарищу Сталину? Летел самолёт товарища Мехлиса, и тут, чудочудное, да диво-дивное: среди тайги дворец стоит, огнями мигает, диковинами заморскими коих свет не видывал под самую крышу набит. Так? — с еле заметной усмешкой спросил Кастым.

— Что Вы предлагаете? — взбеленился, покраснев Мехлис.

— Может выйти на кого-то рангом пониже? На Маршала Ворошилова, например? Или на товарища Микояна? Можно позвонить Всенародному Старосте — товарищу Калинину?

— Гм. Калинин всё равно ничего решать не будет, посоветует перезвонить Иосифу Виссарионовичу. Ворошилов? У него и с белофиннами забот хватает, вряд ли он будет что-то решать, незачем ему звонить? Разве что, доложить, дескать задерживаюсь. Не думаю, что для него это столь важно, в дороге всякое может случиться, но начальство лучше проинформировать. Анастасу — можно... Но, тоже надо придумать что конкретно говорить, дедушкиным сказкам он не поверит. — быстро взял себя в руки и усмехнулся Лев Захарович.

— А Вы Анастаса Ивановича заинтригуйте. Мы дадим Вам почитать несколько документов, из тех, которые поступали на доклад как раз в это время, так что можно предложить новые продукты и рецепты. Должно заинтересовать. Или про сложности со снабжением в Финскую. И напоследок — попросите примирить Вас с Хрулёвым.

Мехлис поморщился, словно откусил огромный кусок лимона.

— А это ещё зачем?

— Лев Захарович, мы знаем о Ваших сложных взаимоотношениях с Андреем Васильевичем. Хорошо известно, что он «платит» Вам взаимностью. Позже обязательно дадим Вам ознакомиться с материалами. Поверьте, если объединить усилия троих грамотных руководителей: Микояна, Вас и Хрулёва, душой болеющих за красноармейцев, наше, общее дело на благо Отечества, только выиграет.

— К чему тогда Ворошилова беспокоить?

— Лев Захарович, для полноценной защиты, охраны, обороны и повседневной деятельности, нам нужны люди, немало, почти стрелковый полк. Одних только моих людей на это не хватит. Им задач и без того хватит, они же не просто охранники... Но, про это как-нибудь потом. Да, танки, артиллерия и прочее тяжёлое вооружение — не нужны.

— Может лучше обратиться за поддержкой и помощью в НКВД? Им всё же ближе эти задачи? — продолжил рассуждать Мехлис.

— Напрямую позвоните Берии? А что скажете? Связь-то здесь обычная, через телефонисток, ничего серьёзного не обсудить. Придётся крутить вокруг, да около. С Наркомом обороны попроще, он людей может и своим приказом отправить, а для передислокации полка НКВД как бы решение Совнаркома на потребовалось. К тому же внутренний голос подсказывает, что специалисты из НКВД, здесь сами появятся, никого даже просить не придётся.

— Похоже, Вы правы. Где и когда я могу прочесть материалы?

— Место подготовим, необходимую информацию вскоре подберём, дайте время. Звонки в Москву важны, но на сей момент первоочередная задача — морально-психологическое состояние людей. Не все спокойно воспринимают перенос, есть и истерики, и шок. Следующая немаловажная и срочная задача — размещение, отдых, питание персонала, плюс материально-техническое обеспечение объекта: свет, отопление, водоснабжение, канализация. Аварийные системы работают, но надолго их не хватит.

— Насколько вижу, с питанием особых проблем нет. Да и с размещением — тоже. Свободные помещения есть, всего лишь поставить столы, сдвинуть стулья, шапку под голову, шинелькой прикрылся — и всё.

— И всё. — передразнил Логинов. — Видите ли, Лев Захарович, за несколько десятилетий, наши люди привыкли к комфорту. Нет, пару дней они конечно потерпят.

Поживут так, как Вы предложили. А потом? Даже если поставить трёхместные нары, проблемы это не решит.

— Но, почему? Люди же живут и в более стеснённых условиях.

— Лев Захарович, во-первых, девушек нужно поселить отдельно, обеспечить мебелью, решить вопрос с душем и стиркой. Ладно, что я Вас грузю своими проблемами. Есть же магазины: мебельный, строительный, прочая мелочь, вот они нас и выручат. Пусть не раскладушки, так хотя бы сколько-то кроватей найдётся. Но, как доставить сюда недостающее, думать и решать надо. А тут ещё и скоропорт...

— Что за скоропорт? — не понял Мехлис.

— Продукты. Скоропортящиеся. Они и в Универмаге есть, и в кафе полно. Жалко будет, если сгниют и протухнут. Там ведь и импорт, и деликатесы. Как никак к новому году готовились, план готовились перевыполнить.

— А если местным продать?

— Хм. Возможно это выход. А по каким ценам? Да и будут ли покупать? Вид и вкус некоторых продуктов для местных непривычен, а у экзотических — он может быть и специфичен...

— Михаил Силантьевич, а если ярмарку устроить? И продукты реализуете, и с местными товарищами контакт наладите.

— Это, Лев Захарович, мысль! День города, наукограда Сургута? Два дня праздника, в субботу и в воскресенье. Поставим детские площадки, качели там, с каруселями. В ближайшее время в ТЦ местным всяко хода не будет, а здесь вся эта приبلуда и не нужна. Заодно «Детский Мир» нам игрушек подкинет.

— Ничего не понял, но звучит красиво! У вас есть люди, способные организовать праздник?

— Назначим. — отмахнулся Кастым. — Я начальник, или где? Мы в армии, или кто?

— Михаил Силантьевич, Вы не могли бы изъясняться понятнее?

— Всё сделаем, товарищ Мехлис! Объявим, что Партией и Правительством принято решение сделать с сегодняшнего дня Сургут городом и в ознаменование этого события учредить ежегодный праздник — день Наукограда Сургута.

— Ну да, зимой! Лучше не придумаешь! — саркастически сказал Мехлис.

— Ну не летом же! Вон, 8 марта придумали тогда, когда никаких цветов не растёт, и ничего, празднуем.

— Хорошо, будь, по-Вашему. Хм. Логинов. Логинов! Как я с этими «чудесами» сразу-то не сообразил. Вы ведь даже похожи, и внешне, и поведением.

— С кем похожи? — оторопело спросил Кастым.

— Как с кем? Насколько понимаю, с дедом Вашим, майором Логиновым. Вы, случайно, не знаете, где он служил?

— С капитаном Логиновым. Командиром роты. А до этого — полковником и лучшим комбригом Ленинградского военного округа. Не «хилый» карьерный рост для орденосца и боевого офицера. — зло ответил Кастым.

— Командира. — поправил его Мехлис.

— Чего?

— В Красной Армии нет офицеров, хотя в Наркомате этот вопрос обсуждался.

— Ну да, они потом появятся, в 1943. А товарищ Мехлис изрядно поспособствовал тому, чтобы проредить и толковых командиров.

— И что Вам известно о этом деле? — еле сдерживаясь от негодования, но спокойно, держа себя в руках, спросил Мехлис.

— Будучи выпускником школы, заинтересовался биографией деда. Никак не мог взять в толк: почему командир, орденосец, немало прослуживший, начал войну всего лишь капитаном. Дед про это никогда ничего не рассказывал. Отшучивался.

— Ну, Ефим Афанасьевич, удружил. Да я и сам хорош, позвонил, попросил и забыл... — задумчиво сказал Мехлис.

— Вы о чём? — спросил ничего не понявший Кастым.

— Так. О своём. Продолжайте.

— Так вот, когда появилась возможность, я обратился в архив. Вначале — Минобороны, там помогли, предоставив возможность изучить личное дело, затем — в Комитет Госбезопасности.

— Аналог и преемник НКВД? — зачем-то уточнил Мехлис.

— Да. До 1938 года, служба у деда складывалась как нельзя лучше — он был лучшим ротным, комбатом, комбригом. В 1938, его неожиданно выводят в распоряжение командующего округом и мурьжат почти год. В сентябре 1939 назначают в Тюмень ротным, понизив в звании до капитана. Хорошо, что наград не лишили. Дед пишет рапорт, с просьбой отправить на фронт борьбы с белофиннами — отказ! Даже направления в действующую армию, смог добиться только через полгода после начала Великой Отечественной! Не доверяли...

— К разговору о войнах мы ещё вернёмся. Хотелось бы понять, в чём вина товарища Мехлиса, перед Вашей семьей.

— А кто же, если не Вы? Я внимательно изучил дело деда, хорошие знакомые помогли. С первых строк так и говорится: следствие началось по результатам работы в бригаде комиссии, руководимой начальником ГлавПУра Армейским комиссаром 1-го ранга товарищем Мехлисом, эЛ Зэ — еле сдерживаясь, чтобы не наговорить грубости и дерзости, ядовитым голосом сказал Кастым.

— Вот! — сказал Мехлис, — Комиссия. Выходит, талантливому начальнику обвинил всё же не самодур Мехлис. Комиссия НКО работала в бригаде две недели, «сигнал» проверли.

— Я знаю. — хмуро ответил Логинов. — Читал акт проверки. Вычислил даже автора «сигнала». Замполит полка, з-з-з-ззараза, батальонный комиссар, некто Полипов, Пётр Петрович.

— Надо же, — слегка улыбнулся Мехлис, — Судьба какие кренделя выписывает. Здесь товарищ Полипов, со мной прилетел. Не удивлюсь, если вскоре и с дедом встретитесь.

— Хотите вызвать?

— Нет. Про него даже слова не скажу. И всё же, скорее всего он будет здесь, или я очень плохо разбираюсь в людях. Знаете, вот приедет Логинов — старший, поговорите с ним, тогда мы сможем вновь вернуться к этому разговору. Скажу одно — в этом деле, моей вины или ошибки — нет, разве что косвенная.

— Согласен. Не будем пороть горячку. Кстати, парадокс, сейчас, биологически, я старше деда...

[1] Лев Сергеевич Термен — советский изобретатель, инженер-электромеханик и музыкант. Создатель музыкального инструмента «Терменвокс», Лауреат Сталинской премии I степени. Создатель различных автоматических систем (автоматические двери, автоматы

освещения и т. д.) и систем охранной сигнализации. В 1925–1926 годах изобрёл одну из первых телевизионных систем — «Дальновидение».

Первая встреча

— Начальник поста Глухов. Куда следуем граждане? — спросил он подошедшую пару.

— Ой! — вскрикнула женщина. — А мы вас не заметили. Можно во дворец пройти?

— Какой ещё дворец? — нахмурился Глухов.

— Пятый, что за движение? — в руке Глухова ожила рация.

— Второй, посторонние приближаются к объекту, рапортовал охранник, — устанавливаю личности и цель прибытия.

— Немедленно доложи Первому. Вот узнает, что оба курить выходили...

— Понял. Конец связи!

— Первый, я пятый. Посторонние у служебного входа...

Когда в Торговом Центре выключился свет, Настя не удивилась. Владелец охранной компании Логинов, регулярно тренировал работников ТЦ на случай чрезвычайных ситуаций, к тому же по громкоговорителю передали предупреждение о проверке электроснабжения. Но, когда здание ещё и тряхнуло, Настя всё же испугалась. Вскоре включился свет. Девушка окинула взглядом хозяйство, убедилась, что ничего не упало и не разбилось.

— Екатерина Васильевна! Можно я быстренько к Лёше сбегаю, узнаю, что, да как, — спросила директора аптеки: — Непокойно мне.

Екатерина Васильевна Фирсова, зная о Даре подчинённой, кивнула и сказала: — Конечно иди. Узнаешь, тогда придешь и расскажешь. А я пока хозяйство проверю.

Настя выпорхнула из аптеки и пошла в сторону «Военторга». Алексей встретился на половине пути.

— О, Настёна! — удивился родич. — А я к тебе. Отпросился проведать и узнать, как дела.

— Всё хорошо, испугалась чутка, но тревога не отпускает. Темнота за окнами такая, не видать ни зги. Целый город куда-то пропал. Может выйдем, посмотрим, что к чему?

— Да уж, ничего не понятно, нет ни города, ни машин. — поддержал Алексей, — Пошли, посмотрим, если охрана выпустит.

Молодые люди припустили к выходу. На посту никого не было, и они беспрепятственно выскочили на улицу.

— Не замёрзнешь? — спросил Алексей. — Надо было куртки накинуть.

— Мы быстренько, одним глазком посмотрим и назад.

Выбежав на крыльцо, молодые люди увидели охранников, разговаривающих с какими-то непривычно одетыми посетителями. Ребята сделали ещё несколько шагов, посмотрели на незнакомцев и в один голос выдохнули:

— Бабуля!!!!

— И кто тут бабуля? — внимательно посмотрев на ребят, спросила насупившись Полина.

— Ой! Кажется, мы обознались! — смутилась девушка, — Вы так на нашу бабушку, Полину Степановну Полякову похожи. Но, только в молодости, ещё до того, как за дедушку замуж вышла.

— Да, я Полина Степановна, но вовсе не Полякова.

— Поляков — это я. — сказал мужчина, сделавший шаг навстречу.

— Дед Алексей. — произнёс Лёшка. — Настя, ущипни меня! Это же дед! Я тысячу раз его на фотографиях видел.

— Во дела, у меня уже и внук появился! — рассмеялся Алексей Александрович. — Это же во сколько мне лет я должен был сына или дочь заделать, чтобы с двадцатилетним внуком встретиться? А Вы, милая барышня, никак, тоже внучка? Только чья?

— Правнучка. — пискнула Настя. — Ваша и бабушки Поли.

— Ха-ха-ха! Правнучка! Это же во сколько лет Полина родила и от кого? От меня? Поля, ты хоть что-то понимаешь?

— Алексей! Зря смеёшься. Дети говорят правду! Они действительно наши внук и правнучка.

— Кажется кто-то сходит с ума, или я, или все вокруг, — резко посерьёзневшим голосом сказал Алексей Александрович, — Поля, ты можешь понятней объяснить. И похоже, это интересно не только мне, вон как товарищи из охраны дворца шеи вытянули.

— Прошу прощения. — обратился к ним Глухов. — А Вы не подскажите, какой сейчас год?

— Тридцать девятый заканчивается. А у Вас?

— Полчаса назад — 2019 от рождества Христова. Был

— У нас тоже от него же. От Рождества. Христова. — пробормотал Алексей Александрович, — Это что же получается: мы с тобой, Полина, поженились, у нас появились дети, внуки и даже правнучка, и теперь они каким-то образом навестили нас?

— Похоже, Алёшенька, ты прав. Именно так всё и было. А вот как будет сейчас...

— Поленька! Неужели сейчас, зная, что у нас появились дети и внуки, ты откажешься выходить за меня замуж?

— Я подумаю! — усмехнулась Полина и обратилась к охранникам, — Можно мы всё же пройдем во дворец? Дети одеты легко и, несмотря на такую разницу во временах и эпохах, боюсь, что они могут простудиться.

— Конечно, проходите! — улыбаясь сказал Игорь Комаров, — В закутке стоит столик, кресла, там и пообщаетесь.

Второй охранник, старший смены Олег Александрович Глухов, молча стоял и смотрел куда-то вдаль.

При выходе из кабинета, Кастым, закрывая дверь и разговаривая по рации задержался, а Мехлис подошёл к телохранителю:

— Ну как обстановка, Василий Семёнович? — начальник ГлавПУра обратился к Грязеву, — Всё в порядке?

Исполняющий обязанности начальника охраны, интендант 2-го ранга, вытянулся по стойке «смирно» и доложил:

— Всё спокойно, товарищ Армейский комиссар 1-го ранга. Разрешите, согласно инструкции, усилить охрану?

— По инструкции, говоришь? — задумался Мехлис. — Думаю, что эта ситуация никакими инструкциями и приказами не предусмотрена. наших людей оставьте на охране самолёта и книжной лавки, меня сопровождать будете только Вы.

— Не положено! — мотнул головой Грязев. — Если что-то с Вами случится, с меня, в лучшем случае, просто голову снимут.

— Считайте, что это приказ. Транспорт на сей момент — важнее. От потомков особых

неприятностей не ожидаю, а местные, особенно мальчишки, могут легко залезть в неохраняемый самолёт и что-нибудь открутить.

— Какие потомки с предками, товарищ Армейский комиссар? Ничего не понимаю.

— Обычные потомки. Наши. Появившиеся на свет через несколько десятилетий после 1939 года. Разве не видишь, как здесь всё отличается от привычного нам. Даже люди — и те другие.

— Видеть то я, конечно, вижу. А разве возможно, чтобы родившиеся, например, в 1990 году, каким-то образом оказались в 1939-м? Да и ещё и столько!

— Как видишь — можно. Они сами не в состоянии объяснить ни себе, ни нам, как здесь оказались.

— Может советские учёные, придумали, как перемещаться во времени? Хорошо бы оказаться в будущем, столько всего интересного. А Вам поесть бы не помешало.

— Возможно и придумали. Да что там, конечно же, советская наука сумела проникнуть через время, и в результате экспериментов, этот «дворец сказок» оказался здесь. А насчёт перекусить... Спасибо, я чаю попил. Вы бы сами сходили, поели. Сопровождение Михаил Силантьевич организует.

— Потерплю ещё, молодой, здоровый. А Вам одного чаю мало, вон сколько времени на ногах, толком и не отдыхаете, — сочувственно сказал начальник охраны.

— Вы всё же сходите, — с нажимом в голосе потребовал Мехлис, — Не спеша позавтракайте, заодно людей послушаете: что говорят, чем «дышат», какие у них планы. Они хоть и наши, советские люди, но бдительность терять нельзя.

— Слушаюсь, Лев Захарович. По итогам — доложу.

— Хорошо, ступайте. Михаил Силантьевич! — окликнул Логинова Мехлис. — Какие наши дальнейшие планы? Надо бы прибывших со мной накормить.

— Лев Захарович, указания по размещению и питанию отданы. Пойдём на пятый пост, по пути заскочим к лётчикам и другим пассажирам, посмотрим, чем занимаются и отправим в столовую. Заодно пусть и Вашего начальника охраны прихватят. А с Вами, уж не обессудьте, мы позавтракаем позднее.

— Принимается. Дело — в первую очередь. Аппетит чаем перебили, так что продолжим знакомиться с Вашими чудесами.

Беседа вполголоса, Мехлис и Логинов двинулись по коридору и уже почти подошли к пятому посту, как их обогнала официантка, постучалась в неприметную дверь, без таблички и открыв её сказала:

— Уважаемые гости! Завтрак готов, прошу следовать за мной. У нас «шведский» стол, можете выбирать блюда по вкусу и в любом количестве. При необходимости, наши сотрудники подскажут состав каждого блюда.

Из помещения донеслись голоса, послышался звук отодвигаемых стульев и гости потянулись на выход. Первыми в коридоре появились лётчики.

— Слышь, Василь, тебе чего намазать? Мёду или сгущённого молока? — спросил рослый, красавец блондин.

— И того, и другого! И можно без хлеба! — откликнулся здоровенный, кудрявый, веснушчатый парень в лётной форме, которого называли Васьком.

— А я бы от шашлычка не отказался! — сказал ещё один член экипажа, заместитель командира корабля. — Девушка, не подскажите, шашлык у Вас есть?

— Есть, и не только шашлык. По прибытию на «Площадь Общепита», Вам дадут меню

и сможете выбирать из него.

— А как расплачиваться? За питание платить надо, чтобы не нарушать отчётности! — голосом кота Матроскина сказал Василий.

— Руководство предупредило, что для вас питание бесплатное. — ответила официантка.

— Безвозмездно, то есть даром! — голосом Совы из Винни-Пуха откликнулся первый лётчик, Николай, который спрашивал Василия о сгущёнке.

— Никаких доходов от вас, расходы одни, — тут же отреагировал Вася, — Мы вас на помойке нашли, очистили от очистков, а они нам фиг-вамы рисуют.

— Матросов! — одёрнул командир экипажа, развеселившегося подчинённого, — Ну ты же не Матроскин! Отставить веселье!

— Товарищ командир, да оно как-то само цепляется. Больно уж мультики весёлые, а фразы — подходящие.

— Пошли уж, горюшко ты моё. Вот как начнём к вылету готовится, чует моё сердце — навеселимся, от души.

Продолжая пикироваться и подшучивать, гости пошли по коридору, а Логинов заглянув в комнату и увидев в нём одного из работников Торгового Центра, грозно спросил:

— И что это было? Откуда товарищи нахватались цитат из Винни-Пуха и Простоквашино? Какой редкий «Иа» им это поставил?

— Товарищ начальник, не ругайтесь, пожалуйста! — обратился к нему темноволосый юноша, явный уроженец юга. — Мы разместили прилетевших товарищей, угостили чаем и кофе, а они на настенный телевизор показывают и спрашивают: «Что это такое?». А у меня с собой накопитель с мультфильмами был, вот их и поставил. Мы же не знаем, на сколько дней гости задержатся?

— А головой подумать? Там же у каждого мультфильма год выпуска стоит!

— Товарищ начальник охраны всея ТЦ! — дурашливо ответил молодой человек. — Вы уж предков дураками-то не считайте, пожалуйста. Они прекрасно поняли, что мы не из их времени. Хоть внешне мы и похожи, но и отличий, которых не скрыть, тоже полно. Поведение, речь, одежда — всё иное. Да и мы на них смотрим, как на пришельцев. А уж пройти по центру и ничего не понять, нужно быть слепоглухонемым и слабоумным. Таких, среди гостей, точно нет.

— Хорошо. — стусевался от такого напора Логинов. — Инициативу одобряю, но в следующий раз попрошу обойтись без самодеятельности. А то начнёте здесь какие-нибудь ужастики показывать или пошлятину, прости Господи.

— Слушаюсь! — улыбаясь откликнулся юноша. — Никаких ужасов и пошлятины, нешто мы без понятия. Всё организуем по высшему разряду. Конечно, после согласования с Вами!

— Добро, юморист доморощенный. Гостей не обижали?

— Как можно? Они в восторге от мультиков. Да и в остальном организовали как положено. Мы же прекрасно понимаем, с кем общаемся. На дедов привыкли равняться с детства, а тут довелось и пообщаться. С такими молодыми... Они же не знают, что вскоре будет...

— А вот тут — цыц! Молчок! Рано рассказывать и показывать. Необходимо понять, кому говорить и что. Сейчас подойдёт Анатолий Сергеевич Муромцев, зам. по воспитательной, он поможет и подскажет, пока тут дров не наломали.

— Понятно. Буду ждать начальство. — в миг погрустнев произнес молодой сотрудник.

По всему было видно, что, если не предупреждение, он бы уже начал и рассказывать, и показывать всё, что у него есть.

— Товарищ начальник, а как Вас зовут?

— Михаил Силантьевич. А Вас, молодой человек?

— Очень приятно! А я — Георгий.

— Молодец, Георгий! Насколько вижу, ты у нас человек широкой души и гостям всегда рад. Так что, культурная программа и дальнейшая забота о гостях возлагается на тебя.

— С огромным удовольствием. И... Спасибо за доверие, оправдаю.

— Удачи!

Пожав руку Константину, Логинов с Мехлисом пошли дальше. Не доходя до пятого поста, они остановились, со стороны наблюдая за необычной картиной: в закутке стоял журнальный столик, по обоим сторонам которого разместились два диванчика. На одном диване сидела пара: зрелый мужчина в костюме рыбака и женщина, в яркой, праздничной одежде. На другом — молодые люди, парень и девчушка. При этом юноша был похож на рыбака, а в чертах девушки угадывалось сходство с гостьей. Обе пары о чём-то шумно говорили, размахивая руками, счастливо улыбаясь.

— Что здесь происходит? — строгим голосом спросил Логинов, хотя в глазах у него отражалось веселье. Он догадался, что нежданно встретились родственники, представляющие разные поколения одной семьи.

Первым на вопрос отреагировал взрослый мужчина. Вскочив и вытянувшись во фрунт, кивнув головой сказал, как доложил:

— Поляков Алексей Александрович. Родственников встретили, товарищи начальники.

— Родственники, это хорошо. — протянул Логинов. — И что мне прикажете с вами делать?

— Из бывших? — зло блеснув глазами, спросил Мехлис.

— Так точно, товарищ Армейский комиссар 1-го ранга. — ответил Поляков. — Капитан, командир роты 5-го Особого стрелкового полка 3-й Особой пехотной бригады Русского экспедиционного корпуса во Франции.

— Какой я для тебя товарищ, Ваше благородие? — продолжал злиться Лев Захарович.

— Товарищ Мехлис! — с нажимом в голосе продолжал Поляков — Разрешите я позднее доложу. Без лишних ушей и с глазу на глаз?

— Хорошо, пообщаемся после. — несколько остыв ответил начальник ГлавПУра. — Может представите свою спутницу и собеседников?

— Полина Степановна. — по-доброму улыбаясь, назвалась соседка Полякова. — Лекарка и медсестра. Местные ещё колдуньей величают.

— Колдуньей? — с лёгкой усмешкой переспросил Логинов, — Так может это Вы нас сюда из будущего перенесли?

— Нет, не я. Это Алексей. Рыбку золотую поймал, да вместе мы случайно желание и загадали.

— Не может быть!!!! — воскликнули молодые люди. — Это же сказка!

— А то, что Вы здесь, это тоже сказка? — ответила Полина. — Сказка, она, может и ложь, да вот для всех нас стала явью.

— Дела... Мало нам было «фокусов» электриков, так тут ещё и колдунья на пару с золотой рыбкой нарисовались. — произнёс Логинов. — Дела...

— Командир! — неожиданно позвал Кастыма старший поста. — А разве это не метеорит шархнул? Так ярко сверкнуло, звёзды посыпались, вот я и подумал...

— Блин, только метеорита ещё не хватало! — чуть не простонал Логинов. — Какая разница, как мы сюда попали, если не понятно, каким «макаром» отсюда выбираться будем. И сможем ли вообще. О другом надо думать: как жизнь теперь обустроить, да какую пользу принесём нашей стране.

— А вот это правильные слова, товарищ полковник. — отозвался Мехлис. — Раз здесь ничего поделывать не можем, предлагаю оставить семейство и продолжить обход. Который уже час?

— Половина шестого. — взглянув на наручные часы, подсказал один из охранников.

— Михаил Силантьевич, нам надо как-то ускориться, по возможности сократив экскурсию.

— Хорошо, Лев Захарович. — согласился Кастым, — Если куда-то не успеем, осмотрим позднее, после разговора с Москвой.

— Товарищи начальники! — неожиданно зачастила Полина. — А можно Настенька с Алешенькой у меня поживут? Чай, родные!

— Добро, не возражаю. Но, только на ночёвку. В семь утра, быть как штык на рабочем месте. — рубанул Кастым. — Сейчас каждый на особом счету, дел невпроворот.

— Вот спасибо. — слегка кивнув головой ответила Полина. — А можно мы по дворцу погуляем? В жизни такой красоты не видывала. Провожатые у нас есть.

— Молодежь, вас на рабочем месте не хватятся?

— Товарищ Логинов, мы отпросились. — ответил за обоих Алексей. — Как только поняли, с кем судьба свела, так я сразу к начальству сбегал и нас обоих отпросил.

— Добро. Гуляйте, не возражаю. Может что нужного, да полезного подскажете. — разрешил Кастым, — А тебе, Олег, — обратился он к подчинённому, — шею я ещё намылю. Надо же было додуматься, посторонних на пост пустить.

— Дык, случайно вышло, Командир... — начал оправдываться охранник.

— После вызову, доложишь.

— Есть.

— Раз здесь всё, пойдёмте Лев Захарович. — обратился Кастым к Мехлису, — Зал для совещаний уже должен быть готов. Соберём представителей со всех «точек» и начнём работать с людьми.

Когда, после аварийного выключения и прочей чертовщины, в мебельном магазине зажегся свет, Наталия Александровна неожиданно для себя поняла, что она стоит в объятиях Ивана Николаевича. И ей это, о ужас, очень даже нравится.

— Что Вы себе позволяете? — грозно прошипела она.

— Извините, но это Вы бросились ко мне в объятия или пытались упасть, а я Вас вовремя и удачно подхватил.

— Не рекомендую впредь распускать руки, и вообще, ведите себя подобающе. Всё же я Ваш начальник.

— Слушаюсь, товарищ начальник. — усмехнулся Иван Николаевич, — Но, кажется у нас случилось что-то более серьёзное, нежели выключение света и наши случайные объятия. Видите, как люди прильнули к окнам, да и охрана непривычно суетлива.

— Думаю, скоро нам объяснят.

Где-то с час не происходило ничего. Работники бесцельно ходили по залу, время от времени собираясь в группки и что-то бурно обсуждая.

Наконец в магазин вошел человек, которого знали практически все — Саша «Интендант», помощник Логинова по административно-хозяйственной части. Вместе с ним зашли четвёрка рабочих из строительного гипермаркета.

— Товарищи! Собирайте стулья, несите в Зал Совещаний. Не нужно обращать внимание на их цвет и форму. К единому образцу Зал приведём позднее, — обратился Интендант к временным подчинённым.

— Что Вы себе позволяете? — не выдержала Наталия Александровна, — Иван Николаевич! Вы же мужчина! Остановите этих варваров!

— Милая барышня! — с улыбкой прервал её Интендант, — Видите ли, варварским способом нас вынуждают поступить обстоятельства. В ближайшее время, вас соберут и всё объяснят. Кстати, где у Вас спальные принадлежности? Кровати, подушки, матрасы и одеяла?

— Я не допущу самоуправства! — закричала Наталия, — Кто оплатит товар, варвар? За прихоти Вашего начальника, как его там, я платить не собираюсь!

— Не переживайте. Ничего Вам оплачивать не нужно. Так где... Блиин, что это? — зашипел Интендант, обо что-то сильно ударившись, — Ой! Раскладушечка! Милая моя! А сколько их у Вас? Какие? — забросал он вопросами заведующую.

— На складе хранится 257 раскладушек с матрасами и 32 раскладушки старого образца, без принадлежностей. — ответил Иван Николаевич, сделав шаг вперёд и заслонив собой Наталию Александровну.

— Золотые вы мои! Бриллиантовые! — закричал «Интендант». — Завтра же, Вал бюст, — заглядывая заведующей в декольте воскликнул Саша, — нет, Ваш портрет, будет украшать центральный вход ТЦ! Спасительница! Дайте я Вас расцелую! Нет, пускай он Вас расцелует!

С этими словами, шепотной начальник АХЧ взял скромного Ивана за плечи, развернул лицом к заведующей и толкнул в её объятия.

— Вот это правильно! — воскликнул он, увидев, как начальница, столкнувшись с подчиненным, обняла его, чтобы не упасть. — Так, собираем стулья и после идём на склад за раскладушками!

Краткая экскурсия по залам и магазинам Торгового Центра подошла к концу и, не успев осмотреть все торговые точки, Мехлис с Логиновым зашли в «Цифросеть». Обстановка в гипермаркете произвела на Льва Захаровича неизгладимое впечатление: множество приборов, с непонятным назначением, от крохотных, до очень больших: по полу шустро и деловито бегал электропылесос, негромко играла приятная музыка, всё сверкало и мелькало, на экранах телевизоров демонстрировались красочные картинки с представителями флоры и фауны. Несколько десятков любопытных глаз устремились к Мехлису, всматриваясь с надеждой.

— Так, что здесь за бардак развели? — грозно спросил Логинов. — Быстро отключили ненужные электроприборы. С электроснабжением проблемы окончательно не решены, потому переходим к режиму экономии. Иллюминации и рекламы это тоже касается. Вопросы — потом, после совещания. На главный вопрос, который написан у каждого из вас большими буквами на лице, отвечаю: — Да, мы переместились во времени, на дворе 1939 год,

со всеми своими плюсами и минусами. В пространстве перемещения незначительные, мы по-прежнему в Сургуте, только расположились гораздо ближе к историческому центру. И, нет, как вернуться домой, никому не известно. Непонятно даже, какое из событий повлияло на наше «попаданчество».

Работникам гипермаркета, речь начальника охраны особого спокойствия не принесла. То тут, то там раздавались всхлипывания, люди задавали друг другу один и тот же вопрос: «А как же родные, родители, бабушки, дедушки, братья с сёстрами, жёны, мужья, дети, прочие родственники, друзья?...».

Сурово нахмурившись и поиграв желваками, Логинов глухо сказал:

— Думаете я вас не понимаю? У меня тоже в том, в нашем мире, осталась семья, родные, близкие люди. Даже не знаю, как они без меня будут. Но, поводов отчаиваться, по-прежнему не вижу. Слезами и постоянными обсуждениями на вечные темы «Кто виноват?» и «Что делать?» мы ничего не изменим. Придётся встраиваться в нынешнюю жизнь, надеясь, что вопрос с нашим возвращением когда-то, да решится.

— Коль, — обратился Кастым к одному из своих подчинённых, — Дай объявление по громкой связи, через 20 минут собираем весь руководящий состав на совещание. Если на какой-то торговой точке начальника нет, пускай присылают представителя. Разговор касается всех. У Интенданта всё готово?

— Командир, зная Александра, уверен, что всё. О! А, вот и он. Не иначе на доклад пришёл.

Начальник АХЧ подошёл к Кастыму и, привычно вытянувшись перед командиром, доложил:

— Товарищ полковник! Зал для совещаний подготовлен, мебель для отдыха получена, места отдыха — оборудуются. Наличие кроватей и раскладушек позволяет организовать работу в три смены, с одной отдыхающей. За счёт имеющихся душевых сеток можно проводить помывку личного состава ТЦ, с периодичностью один раз в три — четыре дня. Водоснабжение восстановлено, есть и холодная, и горячая вода. Для использования в наших интересах бань и прачечных Сургута, необходимо взаимодействие с местными органами власти.

— Надеюсь, что Лев Захарович поможет нам решить вопросы с местной властью. Что с транспортом? Это первый вопрос. И второе... Хотя, ладно, по организации связи я найду кого озадачить.

— Маркони, кого же ещё? — усмехнулся Интендант. — Его или здесь надо искать, или в Строительном.

— Николай. — вновь обратился Логинов к охраннику. — Ты Марченко давно видел?

— Здесь он был, Командир. Видать на склад ушёл.

— Срочно найди! Без связи с внешним миром, нам придётся туго. Лев Захарович! — обратился он к Мехлису, — разрешите представить: Альбина, студентка, специалист в области ЭВМ, умница, отличающаяся усидчивостью, грамотностью, терпением, умением объяснить сложное простыми словами и обладающая добродетелью и огромным количеством прочих положительных качеств. Она будет Вашим педагогом и познакомит с миром ЭВМ.

— Альбина. — представилась густо зардевшаяся от похвалы и внимания, девушка. — Пройдёмте, товарищ Народный Комиссар, я покажу Вам рабочее место и приступим к обучению.

— Мехлис. Начальник Главного политуправления Красной Армии. Не подскажите, где можно оставить шинель и шапку, здесь слишком жарко. — улыбнулся Мехлис.

— Я покажу, Лев Захарович. — сказала Альбина, — Идите, пожалуйста за мной.

— Лев Захарович, буквально на минуточку. — позвал Логинов. — В этом магазине будет организован пункт управления. По завершению развёртывания, Вам покажут рабочее место. Я проведу совещание, а после предлагаю сходить и плотно поесть. День похоже, будет суматошный и полный событиями.

Мехлис кивнул, давая понять, что принял информацию к сведению и двинулся вслед за Альбиной.

Ожил громкоговоритель:

— Уважаемые товарищи! Через 10 минут, в комнате 215, на втором этаже, состоится совещание руководящего состава Торгового Центра. На собрание приглашаются руководители торговых точек, начальники организаций, обеспечивающих жизнедеятельность Центра, точек питания. В случае отсутствия штатного руководителя, каждая организация должна направить своего представителя. Повторяю...

— Александр. — обратился Логинов к Интенданту, — Дуй к лётчикам, пусть Соколы помогут с размещением и оборудованием аэродрома. Встретишь Комиссара, пусть срочно найдёт меня, тут море работы по его специальности, он же у нас «инженер человеческих душ». Я зайду к директору «Военторга», а затем — на совещание.

— Слушаюсь! Командир, зачем искать Комиссара, если его можно вызвать по рации? Внутренняя же связь работает— сказал Интендант и повернувшись через левое плечо, устремился на выход из гипермаркета.

— Дожил. — усмехнулся Логинов, доставая рацию из кармана, — Простая вещь, а из головы вылетела. Семнадцатый, ответь Первому...

Что лучше: книга или ЭВМ?

Этот магазин, словно проникнувшись уважением к Слову, аврал и суета обходили стороной. Среди книжных полок и шкафов царила та тишина, которая и должна быть в хранилище знаний. Но, если прислушаться...

В глубине зала разговор шёл явно на повышенных тонах.

Андрей Григорьевич, высокий, сутулый, худощавый директор магазина, возвышался над тщедушным похожим на него близоруким юношей.

— Артём! Ну в кого ты такой бестолковый? Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты своего любимого Лженицина не выставлял на центральную витрину, а убрал куда-нибудь подальше, на верхнюю полку.

Юноша аж подскочил со стула и, грозно сверкая толстыми линзами очков, чуть не срываясь на крик начал обвинительную речь:

— Я!... Мы!... Мы не позволим задвинуть на дальнюю полку настоящую, правдивую историю этой страны! Исаакий Александрович писал только правду, настоящую, не отлакированную, не парадную! За это все Вы его ненавидите! И ещё за собственную трусость! Вы боитесь слово сказать против этой власти!

Услышав обвинения в трусости, побагровев и автоматически потеряв на виске застарелый шрам, оставшийся на память о бурной молодости, Андрей Григорьевич почти прорычал:

— Этот твой Лженицын, оболгал и извратил вообще всё, что было можно и тем более нельзя. Никто не оправдывает репрессии, все признают потери первых лет войны...

— Ха! Потери! Да трупами немцев завалили, наступая в лаптях и с одной винтовкой на троих. — пыжась гнул свою линию Артём. — Уничтожили весь цвет генералов и командиров, набрав вместо гениев стратегии и тактики, всяких бестолочей, карьеристов и сатрапов, с руками по локоть в крови. Сплошные Мехлисы...

— Чем тебе Лев Захарович не угодил?

— Недоучка, безграмотный, трусливый палач, на счету которого сотни тысяч загубленных душ!

— Дорого бы я заплатил за то, чтобы полюбоваться на то, как бы ты всё это в лицо Мехлису высказал. А заодно и объяснил Наркому контроля СССР, куда ты, юноша бледный, со взором горящим, «толкнул» несколько коробок с книгами.

— Это не книги! — взвился юноша.

— А что же это тогда?

— Макулатура и напрасно потраченные ресурсы. — всё больше распаляясь, почти уже кричал юноша. — Материалы съездов и собрания сочинений «вождей». Ха! Вожди. Прямо как в каком-то африканском племени!

— Книги это, Артёмка. За которые магазин деньги заплатил. А уж их содержание, тебя, диссидента недоделанного, бунтаря диванного, волновать вообще не должно.

— Так и знал, что Вы начнёте мне политику «шить». Счастье, что на дворе не 1937 г., в один миг 58-ю статью бы впаяли.

— Какая же это политика. Тут дело кражей госимущества с целью наживы, пахнет. Если бы моя сестра, твоя же мать, — не то выругался, не то вспомнил о родственных связях директор, — не выплатила стоимость пропавших книг, которые некто сдал в пункт приёма

макулатуры, то ты бы давно уже со следователем общался.

— Их всё равно никто не читает!

— А тебе до этого какое дело? Покупают, значит кому-то нужны. И, кстати, «мемуары» своих недобитых фашистов, тоже убери куда подальше.

— И эти книги тоже «кому-то нужны». — язвительно передразнил родственника Артём. — Тем более, на первых страницах написано: «Издание, рассчитанное на самый широкий круг читателей.». Не всем же «сказки дедушки Жоры», этого кровавого мясника, читать...

— Ты кого «мясником» назвал?! — взревел Андрей Григорьевич.

В это мгновение во всём здании погас свет...

Когда в книжном магазине начали зажигаться лампы, посторонний наблюдатель мог бы увидеть забавную картину: зрелый мужчина и юноша, стоят с раскрасневшимися лицами и сжатыми кулаками друг напротив друга. Первым пришёл в себя старший. Он мотнул головой, словно отгоняя какой-то морок и примирительно сказал:

— Надо же, вот и поговорили. Совпали, так сказать, мысли действия. Ну что, мир? — спросил он племянника, протягивая для пожатия руку.

— Мир! — улыбаясь и пожимая Андрею Григорьевичу руку, ответил Артём. — Дядя Андрей, тут, пока света не было, я подумал: а здорово бы было, если бы нас, вместе с магазином, перенесло в прошлое. Эх мы бы там...

— Эх тебя тряхнуло! Надо же, вспомнил, что я тебе ещё и дядя! — усмехнулся Крылов. — С чего тебе такие мысли пришли и почему в прошлое, а не в будущее. Мы, в детстве, всё о будущем мечтали, а ваше поколение всё в прошлое тянет. Медом там, что ли, намазано?

— Когда свет выключился, мне показалось, что что-то засверкало, потом дымом и гарью немного потянуло, вот и подумал... Кому мы там, в будущем, нужны? — возразил Артём, — Глянул бы одним глазком, как там народ живёт, и назад, в своё относительно уютное «сегодня». Мы же там как «подопытные мартышки» будем, ничего рассказать и ничему научить не сможем. А вот в прошлом — там бы я развернулся.

— Сверкало и гарь — последствия «работы» криворуких электриков. Видел сегодня пару поддатых «красавцев». Судя по спецовкам — как раз из этих «мастеров». Лады, надеюсь, что больше такого не повторится, начальство здесь, вроде, серьёзное, так что, укорот найдут. Хорошо, примем твои условия! — улыбаясь ответил Крылов. — Допустим, мы действительно перенеслись. Вернее, у нас есть возможность выбора времени и места переноса. Так куда бы твоя душенька пожелала переместиться во времени и пространстве?

— Да какая разница!!! С таким богатством, как ЭВМ и книги, — он показал рукой на многочисленные стеллажи с книгами, — Мы устроимся в любом месте и в любом времени! Например, если переместимся сюда, в Сургут, лет за пять до Крымской войны! А что? Поможем нашим победить!

— Вот сколько раз говорил, Артёмка — учи историю, пригодится! — с сарказмом ответил Крылов. — Допустим, попали мы в Сургут, образца 1848 года. И что? Да, пароход уже ходит, но куда мы на нём доберёмся, если у нас даже средств нет?

— Представимся обедневшими дворянами, деньги — получим от продажи книг. Может глянется кому красивая поэзия, детектив или любовный роман.

— Попытаемся присвоить себе дворянский титул? Хорошо, если каторгой отделаемся.

А книги?... Кто их читать будет, если грамотных мало, сама грамматика иная и к такому слогу народ ещё не привычен. Могут даже священнослужителям сдать, скажут, что «нехристи» и ересь распространяем. Тогда придёт сюда полицейский, а тут столько крамолы... Так что, и в этом случае — каторга. Кстати, по этой причине, все книги придётся в землю зарыть, а твою ЭВМ — как минимум спрятать. Но, лучше уничтожить, все равно электричества нет. — усмехнулся Андрей Григорьевич. — Так что, не получится нам спасти Россию. Хорошо, если к отмене крепостного строя сумеем натурализоваться и более-менее жизнь наладить.

— Критиковать любой может? А Вы какое время предложите?

— Хотя бы года тридцатые, двадцатого века. А в идеале — шестидесятые. Тысяча девятьсот, конечно же.

— Ну, в шестидесятые уже поздно, тридцатые гораздо лучше! Заодно и репрессии сможем остановить! — заблестели у Артёма глаза. — А что? Как расскажем Сталину, или ещё кому, до чего страну чуть не довели, каких людей расстреляли, репрессировали... Глядишь, Тухачевский возглавит Наркомат обороны и тогда он, в сорок первом, немцам так вломит, что уже через пару месяцев советский флаг будет возвышаться над Рейхстагом.

— Хорошо, если не наоборот. С таким-то полководцем... Ладно, ладно, не буду! — Крылов примирительно выставил перед собой руки, — Допустим, попали мы в год, эдак, тридцать пятый, пообщались с местным руководством, вкратце рассказали, кто мы, откуда и какие беды ждут нашу Родину. Большой местный начальник почешет затылок и решит: «Годно! Отлично! Пришельцы и себя прославят и меня в высшее руководство двинут!». Садимся мы на пароход, дальше, на перекладных — в Москву, к Сталину! Вопрос — что с собой будем брать? Книги или твою ЭВМ?

— Конечно же ЭВМ и электронную книгу! Не будем же мы книги с собой тащить, тяжесть такую!

— Понятно, но есть ещё вопросы. С книгами что делать будем?

— Как что? В местную библиотеку передадим.

— Я даже догадываюсь, кто первый, не дожидаясь тридцать седьмого, по этапу пойдёт. Мы с тобой, да все те, кто эти книги прочитает! Ты хоть представляешь, какая это «бомба»?!

— Дядя Андрей, да что вы заладили: каторга, этап, расстрел. Будто иного ничего нет. Пусть сотрудники НКВД думают, куда всё это богатство пристроить. А потом — в Москву заберём! Да за ту пользу, которую мы принесём стране, нас наградят и предложат возглавить какой-нибудь институт. А если мы ещё начнём песни, стихи и книги писать... Благо материала — хоть отбавляй! Прославимся, озолотимся!

— То есть чужие слова, мысли, идеи и творчество воровать будем? Я тебя правильно понял?

— Что это сразу — воровать?! — чуть не задохнулся от возмущения Артём, — Как можно украсть слово, рифму или строчку? А книги эти — вообще ещё не написаны! Вдруг потом авторы песен и стихов напишут новые, гораздо лучшие?!

— Софистикой и словоблудием занимаетесь, мой юный друг. Писатели с поэтами может и напишут. Но мы же с тобой знаем, что пользуемся чужим. Корона славы голову жать не будет? И товарищ Сталин будет знать настоящего автора произведений. Как быть?

— Ну не знаю... — протянул Артём. Дядя Андрей рушил нарисованную им красивую картинку собственного, обеспеченного и знаменитого будущего, — Об этом я ещё подумаю, вон — в ЭВМ и на электронной книжке столько всего хранится! Я с одного популярного

книжного сайта скачал. Там писатели 21 века, столько всего интересного навывдумывали и насочиняли, да ещё с «клубничкой»...

— Вот только «клубничного» поля нам для очередной статьи уголовного кодекса и не хватало! — рассмеялся Андрей Григорьевич, «Он нежно взял её за грудь и резко вошёл. Она громко застонала...», так что ли?

— Есть и те, кто красиво пишет! — густо покраснев возразил Андрей. — Хорошо, раз здесь все такие пуритане, у которых «секса нет», то все «горячие» сцены можно и убрать. Всё равно переписывать и дописывать придётся.

— Понимаешь ли, Артём, каждому времени — свои стихи, песни, книги. Вот ты сказал, что Красная Армия сможет разгромить немцев за пару месяцев. Так?

— Так! — мотнул головой Артём.

— Раз так, то всю военную поэзию, Высоцкого, Симонова, Асадова и многих других — опубликовать смысла нет. Не было той страшной трагедии, которой посвящены самые пронзительные строки.

— Но, что-то всё равно останется?

— Что-то конечно останется, но, к примеру, песню «День Победы», надо будет полностью переписывать. Да и не будет она столь значима и величественна, как у нас. Но, вернёмся к тому, что будем брать с собой в первую поездку. Исходя из того, что с нами будет четыре — пять сопровождающих лиц, можно, помимо того, что мы возьмем четыре чемодана, можно взять ещё штук шесть.

— Зачем? Ну зачем нам куча чемоданов? И откуда столько сопровождающих?

— Начну с ответа на последний вопрос: нас будут сопровождать представители местной власти и несколько охранников. Нельзя допустить, чтобы мы сбежали или чтобы нас обворовали.

— Допустим. А чемоданы зачем? Хватит тех, в которых поместится ЭВМ. Электронную книжку я в наплечную сумку положу.

— Хорошо. Ты знаешь сколько руководителям СССР и военачальникам лет?

— Нет. А это здесь при чём?

— Смотри: Сталину — 62 года, Микояну — 45 лет, столь не любимому тобой Жукову — 46, Мехлису — 51, Михаилу Ивановичу Калинин — 65, главному снабженцу Красной Армии генералу Хрулёву — 48. Смекаешь?

— Нет. Какая разница, сколько им лет?

— Ты не пробовал обучить работе на ЭВМ людей, никогда не имевшими дела с электронно-вычислительными машинами, и в возрасте, старше, допустим лет пятидесяти?

— Пробовал. — вспомнив не самый удачный случай, когда он, по просьбе матери, пытался помочь соседке и обучить её хотя бы минимальной грамотности и умению работы на ЭВМ.

— И с какими результатами?

— Так себе. — потупился взглядом Артём. — Помню, что соседка быстро научилась в игрушки разные играть, в соцсетях её зарегистрировал, так там она бойко переписку вела, но вставить фото или ещё что-то подобное — ко мне шла, показания счётчиков с трудом, но передавала, а при малейшем сбое — опять шла за помощью ко мне. Что-то из новостей читала, да так, по мелочам.

— Вот! — многозначительно поднял вверх Крылов указательный палец, — Ты толком не смог обучить даже одного человека, а когда учеников много? К тому же один из них —

Сталин! Значит, что? Тебе самому надо научиться тому, чему и как учить, да и терпения набраться.

— А если научить парочку, а они других обучат?

— У тебя всего одна ЭВМ и ещё одна «читалка». Кого и зачем ты учить собрался? Читалку отдашь Сталину, ЭВМ — специалистам, которые будут с неё информацию копировать. Правда тут большая проблема с подбором специалистов будет. Одними подписями «о неразглашении» не отделаться. Но, допустим, привлекут предки спецов, ещё одну «шарашку» организуют. Эта проблема решаема. Другая задача — что копировать? Всё подряд? В том числе и твоих любимых попаданцев с «клубничкой»? Так это пустой расход ресурсов.

— В романах про попаданцев тоже можно много полезного найти! — обидевшись за столь лёгкое отношение к книгам любимого жанра ответил Артём. — Многие писатели берут за основу реальные факты!

— Факты реальные, трактовка разная! — поучительно ответил Андрей Григорьевич. — К тому же, после вмешательства главных героев, история пойдёт иначе, а значит многие события не случатся или всё произойдёт совсем по-другому. Короче, перед копированием, необходимо, чтобы кто-то их прочитал и отделил важное и нужное, от наносного и придуманного. Я могу предложить только одного такого читателя и исследователя — это Иосиф Виссарионович! Даже не представляю, где ему на всё это столько времени взять. Это я ещё ничего не говорю про совместимость электросети и живучесть электроники.

— То есть книги на горбу тащить всё же придётся? Ну, или чтобы весь ТЦ в прошлое перенёсся, вместе с гипермаркетом электроники. Тогда и техники на всех хватит, можно и научить, и скопировать, а может вообще — СССР намного раньше начнёт свои ЭВМ строить.

— Придётся. — улыбнулся Крылов. — Конечно не все. Для первой поездки нужно подготовить и забрать энциклопедии, словари, сборники документов, несколько книг с мемуарами. Тогда в высших слоях управления, появится возможность организовать параллельную работу. Сталин отбирает книги, что-то уходит военным, что — НКВД, что-то — Микояну и так далее. А в перерывах Иосиф Виссарионович возится с электроникой, отбирает оттуда информацию, смотрит фильмы, если они у тебя есть, ну и так далее.

— Фильмы — есть, — неожиданно смутившись ответил Артём, вспомнив про одну «секретную» папочку. — Дядя Андрей, подожди, у тебя же тоже есть и ЭВМ, и читалка.

— Точно! — легонько ударил себя Крылов по лбу, — Это же всё в корне меняет!

— Всё, не всё, но будет попроще и полегче. Уже и работу можно организовать.

— Проще. — согласился Андрей Григорьевич, — А вот что с нами потом будет? Может я пессимист, но яркого, блестящего будущего для нас, я не вижу.

— Это ещё почему? — удивился Артём.

— На месте руководителей СССР, я бы при Ленинской библиотеке создал особый, закрытый, секретный спецхран. В него поместил все книги из будущего, а нас — оставил работать при нём, ограничив круг общения, но, предоставив небольшие возможности, например — создать семью.

— Это ещё почему? Я не хочу в «шарашку», мне не нравится такое будущее!!! — гневно воскликнул Артём.

— Не кипятись, может всё будет иначе. Видишь, ты уже не мечтаешь переместиться один, без электронных приборов, не знамо куда. Теперь тебе весь ТЦ подавай! — улыбаясь

ответил Крылов.

В это время в коридоре раздался шум, в сторону книжного магазина шла, общаясь между собой, группа людей. Крылов посмотрел в сторону входа, через стекло витрины он смог немного рассмотреть посетителей.

— О! К реконструкторам друзья и единомышленники пожаловали! Быстро они организовались.

Артём выглянул из-за стеллажа, и смог немного рассмотреть живописную группу, которую возглавлял начальник охраны Торгового Цента Логинов, которого его подчиненные называли Кастым и пожилой человек, одетый в военную форму 1930-х годов. На небольшом удалении, в сопровождении нескольких охранников, следовали ещё два человека, в старинной форме. Крылов и Артём не успели удивиться и поделиться мнениями, когда пожилой военный остановился, что-то рассматривая в витрине, потом распахнул входную дверь и сделав шаг вовнутрь помещения, разразился гневной речью:

— Кто здесь старший? Немедленно уберите эту гадость!

— Надо же, реконструктор, а как похож на Мехлиса! — встрепенулся Андрей Григорьевич, — просто одно лицо!»...

Реконструкторы

За столом, в кабинете директора магазина «Военторг», собралась классическая тройка — ясно, единомышленники. Свет приглушен, и плотные клубы сизого табачного дыма плавали в отсвете лампы. Мужчины нещадно курили. На столе — початая бутылка коньяка, бокалы. На тарелке тонко нарезанный сыр, слегка посыпанный молотым кофе лимон, ломанный крупными кусками, по-мужски, шоколад.

— Ну, Леонидыч удружил! — с возмущением произнёс Королёв, он же Цезарь, — А как по телефону пел: «Приходите, друзья! Нужно немного помочь, зато потом посидим, отдохнём, па соточке опрокинем, а с утра — рванём в пампасы!» Теперь это так называется?

Цезаря можно было понять: друзья настроились на приятное времяпрепровождение, а вместо этого пришлось таскать тяжеленные ящики, распаковывать и раскладывать товар. Всё бы ничего, но в начале пришлось ждать, когда разгрузится продмаг и их машина сможет встать под разгрузку, затем — быстро высвободить фуру, таскать на второй этаж, лифт ещё не работал. А под занавес — инвентаризация. В итоге пошабашили аж в три утра. Работники «Военторга» принялись за уборку, а учёные мужи смогли, наконец расслабиться и опрокинуть по пятьдесят грамм.

— Ну извините, друзья! — принялся оправдываться директор «Военторга» Леонид Леонидович Кудряков, — Такого аврала я не ожидал. Ничего, посидим, отдохнём, а часиков в десять утра поедем на природу!

— Лёня, ты на термометр смотрел? — вмешался в разговор Павел Александрович Пахотин. — Какая, к чертям, природа? В баньку, что ли, приглашаешь? Тогда куда ни шло.

— Банька будет, но вечером, а до этого — в войнушку поиграем! — интригуяще пообещал Кудряков.

— С палками бегать? Типа: «Пиу! Пиу! Ты убит! Фигушки, только ранен, пуля мимо прошла! Нет, убит!!!» — словно делясь детскими воспоминаниями, с сарказмом произнёс Цезарь.

— Нет, парни, всё по-взрослому! Со стрельбой, взрывами и прочими «радостями». Даже автоматы — и те настоящие! — самодовольно ответил Кудряков и откинулся на спинку роскошного кресла.

— Пахарь, а тебе не кажется, что Кудрявый нас за нос водит? Обрати внимание, как он за три месяца изменился. Вот как стал предпринимателем, так сразу. Акула капитализму, вот ты Лёня кто! Бизнесьмен! — подначил друга Цезарь.

— Ах вот ты как! — с притворным возмущением воскликнул Кудряков, — Да мне это предпринимательство поперек горла стоит! Вот здесь! — он провёл ребром руки по шее.

— Лёнь, не кипятись! — примирительно предложил Пахотин, — Лучше расскажи, почему науку оставил и как с магазином прокрутился?

— Да! Ты почему докторскую забросил? — поддержал друга Цезарь. — Тема ведь — перспективная! Твой руководитель говорил, что ты на пороге открытия, а ты взял и... Или нашёл, таки философский камень и теперь в недрах ТЦ золото льёшь? Колись!

— Ничего я не нашёл, а химия... Знаете, друзья, в какой-то момент, я понял, что докторская никому, кроме меня, не нужна. Ну написал бы я её, может и впрямь, что-то да открыл, а толку?

— «Нобелевку» бы не дали? — спросил Пахотин.

Кудряков раздраженно махнул рукой, как бы подтверждая, что работа точно не тянет на Нобелевскую премию.

— Понимаете, я же за это дело непросто так взялся, не с жаждой наживы! Это Цезарь виноват!

— Оп-па! Я здесь при чём? — спросил Королёв, увлеченно листая какую-то книгу.

— Как при чём? А кто меня реконструкцией заразил? Ты! На фестивали ездили, участвовали, даже здесь решили клуб открыть! Вспомни, сколько раз сетовали, что экипировку не найти! Вот я и решил совместить приятное с полезным.

— Допустим крохотная доля моей вины есть. Кстати, почему «Военторг»? Армейцы стали кооператорами?

— Нет, «Военторг» как был в ГУТ МО[1], так и остался. Я сумел оформить магазин его филиалом. Есть в этом и «минусы», типа плана выручки и продаж, ограничения на прибыль и прочее, но есть и «плюшки».

— Леонидыч, задари книжку! — неожиданно попросил Цезарь, — Где такую красоту взял?

— Положь на место! Это вообще-то будущий десятитомник, но издали только три тома.

— Жадина! Колись, где купил? — нисколько не обижаясь, Цезарь положил на полку первый том и принялся листать второй.

— Это авторский экземпляр.

— Вот те на! Пахарь, ты знал, что Кудрявый о интендантстве пишет?

— Сам меня на писательский форум подсадил! — парировал Кудряков. — Я поначалу только книги читал, потом в форумных баталиях начал учувствовать, а года полтора, какой-то чудак начал архивные документы выкладывать. Почитал — стало интересно, начал и сам в архивах копаться, списался с этим товарищем, ну и понеслось.

— Опять Цезарь виноват! И как я всё успеваю? — с улыбкой проворчал Королёв, — Знаю я о ком и о чём речь. Читал. Значитца ты с ним пересёкся?

— А в чём проблема? — резанул Кудряков. — Написал, предложил встретиться. Он согласился и завертелось. Ну я под шумок и предложил сборник издать.

— Естественно, в типографии вас встретили с распростёртыми объятиями и сразу же предложили издаваться! — саркастически прокомментировал Цезарь.

— Нет, я на следующий день с приятелем, одноклассником, встретился...

— И кто у нас друг? — перебил Королёв.

— Старший преподаватель на кафедре истории в МГУ.

— Пахарь, посмотри, с какими мы людьми знаем! — кто???? — У него в Москве блат, а мы и не в курсе. И что приятель?

— Дело в субботу было, мы в МГУ втроём и встретились. Александр, автор публикаций информацию с собой на съёмниках принёс. Ромка, одноклассник мой, как увидел и почитал, так сразу к начальнику кафедры рванул. Профессор пришёл, полистал, ну и предложил издать в типографии Универа небольшую партию, студентов учить.

— Ну ты и жук, Жучара! Я же говорю — акула империализма! — рассмеялся Цезарь, — Всего-то: поработал посредником, вкусного коньяка с шашлыками попил и вошёл в авторскую группу! Я же этого профессора знаю...

— Главное — результат! — перебил друга Кудряков, — А он у тебя в руках!

— Леонидыч, может по пятьдесят? — неожиданно спросил немного заскучивший Пахотин.

Друзья прервались, разлили янтарную жидкость по бокалам и с наслаждением сделали по глотку.

— Николаич, — обратился Трактор к Цезарю, — Ты бы хотел на Машине времени покататься, в прошлом или будущем побывать?

— Почему хотел? Я её сотни раз собирал и разбираю, где только не побывал... — мечтательно закатив глаза ответил Королёв.

— Вот заливаешь, Лёнь, скажи! — хохотнул Пахотин.

— Ничего не заливаю. — отозвался Цезарь — Я машину времени в детстве собирал: садишься на старенький, годов пятидесятих, трёхколёсный велосипед, на голову — будёновку, на пояс — пластмассовую саблю, сверху набрасываешь плед и путешествуешь... В каких краях я только не побывал, с кем только не сражался! Даже в сказку иногда заруливал. Об одном жалею — больше эта машина не работает.

— И давно сломалась? — с сочувствием и абсолютно серьёзно спросил Трактор.

— Давно. — со вздохом ответил Королёв, — Как-то сел на велик, захотел помочь нашим под Курском, набросил плед и понял — не работает. Мне тогда лет четырнадцать — пятнадцать стукнуло.

— Я в этом возрасте летать разучился. — с ностальгией вспомнил детство Пахотин. — Раньше так высоко и далеко летал... А сейчас и подавно: ни взлететь, ни по временам не побродить. Эх, годы, как птицы. Лёнь, а что ты говорил про «плюшки» от «Военторга»?

— Только не перебивайте! — Кудряков посмотрел на Цезаря, тот замотал головой, пообещав молчать, аки рыба, — Так вот, в коридоре ГУТ МО, я встретил одноклассницу.

Цезарь не удержавшись фыркнул и загоготал. Кудряков показал другу кулак и невозмутимо продолжил:

— Она вышла замуж за военного и живёт в Москве, — кто??? — Мы поболтали, она подсказала, как и что сделать, ну и помогла малость. А когда я пришёл к ним в гости, то в разговоре с её мужем, узнал, что через «Военторг» можно наладить отношения и с управлением боевой подготовки, и с ДОСААФом.

— И что это нам даёт? — поинтересовался Королёв.

— Уже дало! Закройте глаза, будет сюрприз! Только, чур, не подсматривать!

Друзья послушно закрыли глаза, а Кудрявцев подошёл к стене, сдвинул в гармошку фальш-панель, за которой скрывались три больших металлических шкафа и поочерёдно щёлкнув навесными замками, распахнул двери сейфов.

— Ну как? — спросил Леонид Леонидович, — Впечатляет?

Друзья заглянули вовнутрь. В ящиках, поблёскивая воронением, стояло пять ППШ, три СВТ, причём две — в снайперском исполнении и десяток «Калашей».

— Ни фиги себе!!!! — с придыханием и детским восторгом выдавил из себя Пахотин, — Настоящие? Выхолощенные?

— Настоящие, боевые! — самодовольно ответил Леонид. — Со складов Минобороны получены официально, с положенным оформлением! Утром съездим, опробуем. Патроны есть, но к ППШ и «Светкам» — кот наплакал.

— Ух ты! Когда привез? — поинтересовался Трактор.

— Вчера вечером, — с оттенком самодовольства ответил Кудряков, — Местная ВОХР помогла. Они нас и завтра сопровождают.

— Класс! — констатировал Цезарь, покрутив и поставив на место СВТ, он взял ППШ прицелившись в сторону двери. — Через окно не сопрут?

— Нет, шкафы под сигнализацией, на окнах — решётка.

— Что-то ещё пообещали? — спросил Пахотин, разбирая ППП с полным знанием дела.

— Если наш клуб возьмёт первое место по области, обещали пару «тридцатьчетверок» подогнуть, — с деланным равнодушием ответил Кудряков.

— Т-34 это конечно здорово, — подколот Цезарь. — Осталось первое место взять. Кстати, Леонидыч, ты название для нашего клуба «родил»?

— Пока нет. Все эти «Авангарды» и «Арьергарды» уже приелись, надо что-то новое, необычное. — отмахнулся хозяин кабинета, — Палсаныч, а ты что думаешь?

— Ещё думаю. — отозвался Трактор, — Нужно этакое название, близкое и понятное, чтобы молодежь потянулась. Кстати, Цезарь, сосредоточившись только на Великой Отечественной и послевоенном времени мы себя в рамки не загоняем? На известных мне фестивалях и слётах, самый популярный период — наполеоновский.

— Наполеоника штука крутая, красивая, но слишком уж дорогая. Да и холодно в ней в наших краях, замёрзнем, как французы под Смоленском. — ответил Кудряков. — Ну, господа, товарищи и баре, за наш новорождённый клуб.

— Эх, побыстрее бы танки дали, а там и на самолёт можно замахнуться. — сказал Павел Александрович Пахотин, ярый фанат технического прогресса, большой дока во всём, что летает и ездит. — Кстати, Леонидыч, начальник ГАИ перестал зариться на твою «ласточку»?

Кудряков, обладатель «Победы» чуть ли не первого выпуска, поморщился, но другу ответил:

— Я ему раритетную «Чайку» подогнал. Не сегодня — завтра будет рассекать.

— Добре. Значит поменьше будет палки в колеса вставлять. Во всех смыслах. Ну, господа, за наше светлое будущее в прошлом. — резюмировал Павел.

— Н-да, необычно. Сам понял, что сказал? Тогда за сказанное. Будем, друзья! — Цезарь поднял бокал, призывая друзей присоединиться к тосту.

Бокалы вновь сдвинулись и зазвенели, а в кабинете выключился свет.

С переносом во времени в кабинете директора «Военторга» ровным счётом ничего не изменилось, настолько собеседники погрузились в беседу. Подумаешь, лампочки поморгали и выключились. Так учения идут, по громкоговорителю передавали. К тому же окно было прикрыто плотной, не пропускавшей с улицы свет, тяжёлой шторой.

— Не кажется ли вам, милостивые государи, что, отмечая столь славные события, мы несколько засиделись? — Цезарь решил взять нить беседы в свои руки.

Неожиданно, в дверь постучались. Хозяин кабинета прошёл к выходу и щёлкнув замком, распахнул массивную, похожую на сейфовую, дверь.

— Добрый вечер. — сказал Логинов, входя в помещение, — не помешаю? — У нас произошли несколько необычные события, хотелось бы посоветоваться со специалистами.

— Что такого могло случиться? Инопланетный разум захватил Торговый Центр? — попытался пошутить Павел Александрович.

— Не совсем. Раз шума боя не слышать, и я не на передовой, а здесь значит нас, никто ещё не захватывает. Пока. — отшутился Кастым. — Случилось нечто иное. У нас тут время немного поменялось.

— Хотите сказать, что на дворе не суббота, 14, а воскресенье, 15 декабря 2019 года? Так мы в курсе, пятый час утра.

— Увы, сегодня хоть и 15 декабря, но пятница, и на дворе год — 1939.

— Милостивый государь! Оставьте эти шуточки. — взревел Цезарь, обиженный в лучших чувствах. — Если Вы пришли к людям, серьёзно интересующимся историей и занимающимся реконструкциями Великой, ушедшей поры, то это не повод для плоских шуток!

— Я и не шучу. Посмотрите в окно и если увидите знакомые очертания домов, вереницу автомобилей, с горящими фарами, или хоть что-нибудь хорошо знакомое, то с меня бутылка самого дорогого коньяка. В конце концов — посмотрите на экраны карманных телефонов, на них нет ни одной отметки о связи, нет сигнала.

Кудряков бросился к окну, а двое друзей схватились за телефоны.

— Хм, на улице темнота, хоть глаз выколи. — задумчиво произнёс Леонид Леонидович.

— Связи тоже нет, хотя у нас разные операторы связи. — откликнулся Цезарь. — Чем ещё можете подтвердить свои слова? Вы общались с местными?

— Не совсем и не только с местными, но общаемся. — загадочно ответил Логинов. — Например — с начальником ГлавПУра Львом Захаровичем Мехлисом.

— Этого не может быть!!! Как здесь оказался Мехлис??? Где мы находимся??? — на Логинова посыпались торопливые вопросы друзей.

— Отвечаю по порядку, — успокоил слушателей Кастым, — Увы, наш перенос во времени — это свершившийся и подтвержденный факт. Мехлис возвращался из командировки, пролетая здешние места, увидев необычное, яркое свечение, приказал идти на посадку. Находимся мы в поселке Сургут. — ответил Кастым. — А теперь к вам, уважаемые учёные мужи просьба: в Москву, Льва Захаровича будут сопровождать наши представители. Скорее всего, предстоит встреча со Сталиным, Микояном, другими представителями партии и Правительства. Сам лететь не могу, хозяйство слишком беспокойное и нужен серьёзный пригляд. Молодёжь, умеющую не только обращаться с современной аппаратурой, но и умеющую объяснить, что к чему, совместными усилиями, подберём. Нужны солидные, знающие, опытные люди, которые смогли бы объясняться с руководством страны. Было бы очень неплохо, если согласитесь лететь втроем. Ведь у каждого из вас своё направление, свой богатый багаж знаний.

— Друзья мои, — задумчиво сказал Цезарь, — Никогда не верил в знаки, приметы и всех этих «попаданцев», но возразить товарищу Логинову нечем. Такой «реконструкции» никто из нас даже представить не мог. С Вашим предложением, товарищ главный охранник, согласен. Заманчиво, чёрт побери!

— Я тоже не собираюсь отказываться, — эхом откликнулся Павел Александрович, — О таком повороте в жизни даже не мечтал.

— Я остаюсь и начну подбирать необходимые материалы: форму, оружие, уставы с наставлениями и прочие документы. — решительно сказал Кудряков, — Нечего втроем мотаться. Андрей и Павел могут многое рассказать. Думаю, что нас пока оставят здесь, прислав представителей профильных Наркоматов.

— Леонид Леонидович, скорее всего Вы правы. И в том, что мы останемся в Сургуте, и в том, что скоро сюда придут представители различных структур. — ответил Логинов.

— Уважаемые товарищи, через семь минут собираемся на совещание. Прошу Вашего присутствия.

После этих слов, Кастым, слегка кивнул головой, развернулся и вышел из кабинета.

— Вот это мы попали! — подвёл итог разговора Цезарь.

[1] Главное управление торговли Министерства обороны СССР. Входило в структуру

Тыла Вооружённых Сил Советского Союза.

Мы попали

Логинов с тремя друзьями — реконструкторами вошли в помещение, где должно было проходить общее собрание. Зал был полон их уже ждали. Не задерживаясь Кастым прошёл к столу президиума и начал речь:

— Товарищи, ещё раз — доброе утро! Как вы уже поняли, сегодняшний день очень необычен. Ещё пару часов назад, никто из нас не мог и представить, что следующий новый день будет встречать в 1939 году. И вот мы переместились сразу на 80 лет назад. Можно долго и нудно гадать, почему так случилось, кто в этом виноват. Версий много от криворуких электриков и врезавшегося метеорита, до колдовства, но увы, гадание к результату не приведёт. Даже если сумеем объединить все предполагаемые события, в последний момент может оказать влияние неучтённый фактор, никоим образом не связанный с нашими предположениями: ядерные испытания, вспышки на солнце, влияние большого адронного коллайдера... Да что угодно могло произойти и не вся информация нам доступна.

Мы будем думать и делать всё, чтобы вернуться в наше время. Но сейчас нужно найти себя в этом новом, для всех нас мире, реализовать свой потенциал, помочь предкам и добиться новых высот.

Думаю не все присутствующие в детстве и юности мечтали сидеть за кассой или стоять у прилавка. Одни мечтали снимать или сниматься в кино, других воодушевляла стезя воина, третьих — конструктора мебели или одежды, врача, учёного, ну и так далее. Сегодня, возможность воплотить эту мечту — появилась у каждого.

— Так может сразу отправимся на Финскую войну, раз есть такая возможность? — раздался голос из зала. — Поможем предкам, покажем чего стоим. Сформируем батальон или усиленную роту и айда! Ваши подчиненные, люди явно с опытом.

— И назовем это подразделение — «Памяти 30 съезда Партии»? — раздалась чья-то насмешливая реплика. — Думаете, предки без нашей помощи не обойдутся?

— Нет на эту войну ни ротой, ни батальоном мы не поедем, — ответил Кастым. — Но помочь можем уже сегодня. Предоставим книги и электронные материалы, в которых подведены итоги этой войны, выявлены недостатки и даны предложения по их устранению. Только этим мы сможем спасти немало жизней советских солдат.

— Хорошо, с этим пока понятно, — поднялся мужчина в спецовке. — Хотя вопросов ещё уйма. Например, с тем, призовут ли ещё раз тех, кто уже отслужил. А если призовут, то в каком звании и на какую должность?

— Этот вопрос будут решать на другом уровне, — продолжил Кастым. — Хотя вкупе с предыдущим вопросом, появилось предложение: направить в район боевых действий наших военкоров. Наша аппаратура позволяет многое, каждому дадим в сопровождение по паре охранников. Фото и видео материалы позволят лучше разобраться в происходящем, предоставят объективную картину. Но и это — на решение руководства страны. От нас поедут исключительно добровольцы, не имеющих ограничений по здоровью.

— Сергачева Нина Сергеевна, исполняющая обязанности директора продовольственного магазина, — со стула из первого ряда встала полноватая женщина. — У меня целый ряд вопросов: что делать с товарами, и в первую очередь со скоропортящимися? Как быть с кафе и ресторанами, которых здесь явный избыток? Как руководство ТЦ

собирается размещать и кормить сотрудников центра? Непонятно: как оплачивать питание. У многих электронные карты, а терминалы не работают, и наша наличка здесь не поможет в расчетах с местными.

— Что же, постараюсь ответить по пунктам.

Первое: продукты питания. Часть скоропорта будет реализована бесплатно здесь, в Сургуте, на ярмарке, посвящённой дню Города. Вот и задача для работников общепита — подготовка к ярмарке. Часть продуктов ближайшими авиарейсами отправится в Москву, а там уже пусть распределяют сами. Но, в помощь местным поварам, нужно отправить одного — двух сотрудников сопровождающими. Остальное — будем постепенно продавать. Местные работники финорганов и торговли помогут определить стоимость товаров. Если будет необходимо, товарищ Мехлис попросит направить усиление из соответствующих Наркоматов.

На ярмарке будут задействованы и кафе с ресторанами. По её окончанию, часть сотрудников предложим отправить в Москву, оставив здесь необходимый минимум заведений. Нужно помочь нашим предкам в развитии общепита.

— Так война же на носу! Какой ещё общепит? — раздался выкрик из зала.

— Самый обычный общепит. Да, война не за горами и наше появление в этом мире её не отменит. В лучшем случае — на какое-то время отодвинет. Но, надо думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Кафе и рестораны — это доход для государства, а для простых людей — забота о них, их быте, счастливой жизни. Так что, товарищи шефы, повара и кондитеры — думайте, как предложение воплотить и что для этого необходимо. С механизацией процесса — поможем за счёт имеющихся ресурсов. Ответственный — товарищ Ивлиев. План мероприятий представить мне на рассмотрение через 10 часов. Вам этого времени должно хватить, в остальном — поможет товарищ Микоян. Возражений нет? Ну и ладненько.

— Теперь с питанием и размещением личного состава Центра. — продолжил Логинов. — Трехразовое горячее питание для всех работников будет бесплатным. Размещение — пока здесь, в свободных помещениях ТЦ, но будем решать вопрос с местной администрацией. Либо они разместят кого смогут в посёлке, либо организуем совместное ударное строительство деревянных коттеджей.

— Зима на дворе, какая стройка? — вновь спросили из зала.

— Ещё раз повторю — будем решать. Возможно, кто-то уедет в Москву или Ленинград, продолжать работу там. Это зависит не только от нас. — твёрдым голосом, с нажимом на последнее предложение, ответил Кастым, — Теперь с работой. Помещения позволяют организовать здесь, на месте, несколько производств: мебельное, мягкой и обычной игрушки, швейное, в том числе и модельных образцов, а также киностудию. Это из того, что можно предложить сразу, не дожидаясь указаний Москвы.

Предложим Правительству страны, из имеющихся образцов одежды, обуви, мебели и игрушек, оформить выставку на ВДНХ, или как она там называется. Не исключено, что экспозиция даст серьёзный толчок в развитии лёгкой промышленности, а уж сколько радости сможем доставить детям...

— Допустим, оборудование и часть помещений у нас есть. — вновь начал громкую дискуссию кто-то в зале. — А где людей возьмём? Да и помещений может не хватить. Размах у Вас — ого-го!

— Со зданиями и людьми будем просить помощи у местных. Думаю, и товарищ Мехлис

поможет, кроме того, с ним прибыло несколько местных руководителей, попросу поддержки и помощи у них.

— Как будете решать вопрос с баней и стиркой? — задал вопрос Ивлиев, главный среди кулинарных работников.

— Как мне доложили, горячая и холодная вода есть, канализация худо-бедно работает. На первых порах моемся здесь, в ТЦ, но уже сегодня будем решать вопрос с местным руководством. Для стирки оборудуем отдельный цех с бытовыми стиральными машинами. Машинами обеспечит «Цифросеть».

Исполняющий обязанности директора магазина Илья Александрович Судин, сидевший в первом ряду, кивнул, дескать понял.

— А что с киностудией? — спросила очень симпатичная девушка, сидящая во втором ряду. — Как назовем? Что будем снимать? Где строить декорации и брать костюмы?

— Киностудия будет располагаться здесь, в помещениях Торгового Центра. С декорациями помогут работники строительного супермаркета, да и остальные товарищи могут поучаствовать. Возможно удастся привлечь и московских или ленинградских специалистов. Снимать, а точнее переснимать, будем известные в нашем времени фильмы: любовную лирику, комедии, боевики, возможно — фантастику. В «Цифросети» огромная фильмотека, думаю, что у многих на собственных ЭВМ хранятся любимые фильмы. А назовём — студия «Северное сияние». Подойдёт? — спросил Логинов, и зал загудел, обсуждая различные названия.

— Может Сур — гуд? И название города, и наш ответ ихнему Голливуду с Болливудами вместе взятыми. — предложил какой-то юморист.

— Над названием ещё подумаем, но называть Сибирьфильм или Сургутфильм, честно говоря не хочется. С монтажом и прочим помогут ребята из «Цифросети», может ещё кто откликнется.

Ещё одна очень важная, государственного значения и масштаба задача. Необходимо отобрать сотрудников, которые будут представлять всех нас в Москве, смогут продемонстрировать достижения науки и техники, рассказать о них понятно и профессионально. В течение трёх часов жду ваших предложений, потом буду назначать сам. Исходить будем из количества посадочных мест, а также загрузки самолёта демонстрационными образцами.

Оказание помощи в размещении, питании и прочих бытовых вопросах возложено на Александра Кнутова, которого вы знаете по позывному «Интендант», за психологическую помощь отвечает Муромцев Анатолий Сергеевич, мой Комиссар. Обращайтесь, Комиссар выслушает и поможет. По общим вопросам обращаться ко мне или к моему заму — Плотникову Василию Игоревичу.

На этом наше собрание считаю закрытым. Все вопросы — в рабочем порядке.

Логинов захлопнул ежедневник и пошёл к выходу. Собравшиеся в зале ещё немного пошумели, подискутировали и начали разбредаться по своим рабочим местам, знакомить коллег и подчиненных с принятыми решениями. У всех начиналась новая полоса в жизни. А уж какой она окажется, светлой, тёмной или в полосочку — зависело от желания и упорства каждого, индивидуально. Судьба им такой шанс уже предоставила.

Мехлис перехватил Логинова на выходе из зала совещаний. Собрание морально истощило Кастыма, очень сложно отвечать, глядя в глаза людям, в одночасье потерявшим

всё: родных, близких, друзей, жильё, знакомую и уютную жизнь.

«Что же делать? Закрутить гайки, загрузить людей работой так, чтобы из головы пропали любые мысли о прошлом? Можно, но это сработает на какой-то период. Всё равно люди будут вспоминать и переживать. Но и ничего не делать, пустив на самотёк, тоже нельзя. А значит необходимо самому стать твёрже стали и действительно поставить перед людьми такие цели и задачи, чтобы от усталости сил на эмоции уже не оставалось. Решено. Но, в начале нужно решить вопрос организации связи с Москвой, доклада, получения помощи, а затем заняться всем остальным.» — мелькали мысли в голове директора охранной компании.

Лев Захарович шёл рядом, не задавая вопросы и обдумывая что-то своё. Они молча зашли в кабинет и не успел Кастым пройти на своё место, как в дверь постучали.

— Входите! — крикнул Логинов.

Дверь открылась, в кабинет вошёл Александр Степанович Марченко, «Маркони», главный связист в охранной конторе.

Высокий, почти под два метра ростом, широкоплечий, с лицом, имеющим отдаленное сходство с портретом известного отечественного физика А.С. Попова. Неизвестно, кто и когда сказал Александру Степановичу, что он вылитый выдающийся русский учёный и изобретатель радио, главное, что эта мысль пришлась Маркову по душе и, для того, чтобы усилить внешнее сходство ещё больше, Марченко отпустил усы с бородкой, везде ходил в костюме, с галстуком-бантом, похожим на тот, который носил знаменитый тёзка. Глядя на руки Маркони, невозможно было даже предположить, что такие здоровенные, похожие на две снеговые лопаты, ладони, могут принадлежать связисту, но стоило увидеть, как ловко Александр Степанович работает, какие у него чуткие, словно у хирурга, пальцы, как все сомнения улетали прочь.

— Вызывал, Командир?

— Проходи, Александр Степанович, присаживайся, разговор есть.

— Дай попробую угадать о чём пойдёт речь, — нахмурился связист, — Небось связь с Москвой потребуешь, возможно, даже захочешь подключиться к правительственной линии. Угадал?

— Угадал. — с некоторым сожалением ответил Кастым. — Что скажешь? Возможно?

— С Москвой — сделаю, но это будет обычная связь, через «барышень» телефонисток. Насчёт правительственной — не получится. Во-первых, я не знаю, есть ли где-нибудь поблизости нужный кабель, а даже если и есть, то подключиться не выйдет.

— Не сможешь взломать защиту?

— Может и смогу, если она там есть, но не буду. Не хочу к стенке встать за такие художества. И даже ты ничего сделать не сможешь.

— Почему это? — спросил Логинов, бросая быстрый взгляд на Мехлиса.

— Так Вы рядом стоять будете, у той же расстрельной стены. — невесело усмехнулся Марченко.

— Не может быть, чтобы не было никакого выхода! — откликнулся Лев Захарович.

— Почему нет, выход всегда можно найти. Обратившись официально, например. Судя по всему, у Вас, товарищ генерал, такая возможность есть. — несколько не смутившись высокопоставленного гостя ответил Маркони.

— Армейский комиссар 1-го ранга Мехлис, Лев Захарович. — представился ость.

— Ого! Нарком Госконтроля? — удивился Марченко. — Каким макарон в наши

палестины?

— Нет, начальник ГлавПУра. — поправил Лев Захарович. — А откуда такая информация? Ну конечно, как сам не догадался.

— Были бы Вы уже Наркомом, — связист задумался, — Задача решилась бы проще и быстрее.

— Ну... — Мехлис развёл руками, дескать как уж есть.

— Давайте тогда решать задачу в несколько этапов, — предложил Марченко. — Мне видятся следующие: Первый доклад должен уйти в Москву уже сегодня, я правильно понимаю?

— Да! — синхронно ответили, кивнув, Логинов с Мехлисом.

— Значит первый сеанс лучше организовать из местного горкома партии или что тут вместо него. Я тем временем, протяну связь сюда, в ТЦ, и установлю телефон межгорода в Вашем, Командир, кабинете.

— Почему в моём? — удивился Кастым. — Мы же решили организовать КП в зале «Цифросети».

— Командир, Вы выбрали для КП очень оригинальное место. Товарищу Мехлису придётся вести разговоры с руководителями партии и правительства, часть бесед — должна быть недоступной для чужих ушей. И Вы хотите организовать пункт Управления в помещении, в котором полно посторонних?

— Но там удобнее, все средства связи под рукой.

— Командир, у тебя здесь тоже полно всего, что необходимо для работы. А если чего и не хватает — принесём за пару минут.

— А мне где прикажешь расположиться? — спросил Кастым.

— Да где угодно. Можно в этом же кабинете, а хочешь — можно и другой подобрать, всё равно несколько помещений пустуют, хотя всё необходимое для жизни и работы в них есть.

— Так может в этих пустующих кабинетах и расположимся?

— Не-а! — замотал головой Маркони. — Лучше здесь. Вот смотри, Командир, через несколько дней, максимум — неделю, Лев Захарович улетит, вернётся в Москву. Так?

— Так. — вновь синхронно ответили Мехлис с Логиновым.

— Но, необходимость в переговорах с высокопоставленными товарищами останется. Куда они будут звонить? Если в другой кабинет, то тогда в него надо сажать дежурного, который ответив на звонок начнёт искать тебя, чтобы ты пришёл на переговоры в другой кабинет.

— А если я выйду отсюда, по делам или ещё для чего? — спросил Логинов.

— Так я переключатель поставлю. Перед выходом кнопку нажмёшь, телефон переключишь.

— А наоборот нельзя?

— Товарищ Марков прав. — поддержал Мехлис связиста, — Правильнее сделать так, как он говорит.

— А то, что в торговом зале КП уже начали делать, это как? Бросить? — не сдавался Кастым.

— А что они там такого сделали? — удивился Марков, — Мебель расставили? Так это ерунда, назад унесут. Без связи это не КП, а так, муляж.

— Хорошо, согласен. Ещё какие-то этапы будут?

— Только если Москва решит протянуть сюда правительственную связь. Но, это уже зависит от товарища Мехлиса, точнее — от решения товарища Сталина. Будут тянуть — помогу и налажу. Но, это вопрос будущего.

— Сейчас что предлагаешь?

— Как что? В Сургут надо ехать. — несколько удивленно ответил Маркони. — Товарищ Мехлис, лётчики просили передать, что они отправили радиogramму и предупредили встречающих о незапланированной посадке.

— Они это просили передать мне?

— Они сказали, что если я встречу их старшего, то передай вот это. А далее — по тексту.

— Хорошо. — отозвался Мехлис. — Когда выезжаем?

— К местному начальству — прямо сейчас. — посмотрев на наручные часы ответил Логинов, — По времени связи с Москвой — определимся позднее. Я бы ориентировался часов на двадцать по Москве.

— Который сейчас час? — спросил Мехлис.

— Если время переноса и дата остались теми же, что были в 2019 году, то восемь утра. Не рановато?

— Кто-то на месте должен быть. — убежденно ответил Мехлис. — По пути заедем в местный отдел милиции.

— Что же, одеваемся и выходим. — подвел итог беседы Логинов. Александр, ты с нами или потом приедешь?

— Позднее подъеду, нужно подготовиться, собрать всякое, чтобы «воздушку» кинуть.

До райотдела милиции, Мехлис с Кастымом доехали быстро. Движок новенького УАЗика гудел ровно, без сбоев, в салоне было очень тепло. Но, выйдя на улицу, путешественники сразу прочувствовали всю «прелесть» местных декабрьских морозов. Неуютно было даже Логинову, одетому в очень тёплый современный костюм, что уж говорить о Мехлисе, кутавшемся в шинель. От современной одежды Лев Захарович отказался, и, возможно, сейчас жалел о своей принципиальности. А с другой стороны, в основном именно ему придётся общаться с местным начальством, так что военная форма со всеми положенными знаками различия, Мехлису была необходима.

В здании милиции было пустынно, сонный дежурный посмотрел на вошедших равнодушным взглядом, но рассмотрев ромбы на воротнике шинели Мехлиса, вскочил, сбрасывая с себя сонную одурь и выскочил из помещения дежурки.

— Товарищи! Вы кто и к кому? — спросил милиционер.

— Армейский комиссар 1-го ранга Мехлис. Начальство на месте? — спросил Лев Захарович.

— Позднее будут. — буркнул милиционер.

— Как прибудет, пусть немедленно выдвигаются к... — намного замялся Лев Захарович.

— Товарищ армейский комиссар 1-го ранга, — прервал его Логинов, — Не надо никуда выдвигаться.

— Товарищ дежурный, — вытаскивая из кармана небольшую чёрную коробочку рации, обратился к дежурному Кастым, — Как только прибудет начальник райотдела, передайте ему эту рацию. Связь простая: нажимаете на эту кнопочку и удерживая её говорите вот

сюда: «Первый! Ответьте милиции.». Сказав, отпускаете клавишу и ожидаете. Если ответа сразу не получите, повторяете насколько раз, пока товарищ Мехлис не отзовется. Инструкцию сейчас напишу.

— А зачем это? — спросил милиционер, наблюдавший за манипуляциями Логинова с полуоткрытым ртом.

— Под руководством ЦК Партии и лично товарища — Кастым показал пальцем на портрет Иосифа Виссарионовича, — СТАЛИНА! Проводится величайший в мире эксперимент. Наши, советские ученые, смогли здесь, в Сургуте, построить Дом Науки, в котором им и предстоит творить!

— Какой дом науки? — удивился милиционер, — Ничего такого у нас не строится и не строилось.

— В этом и есть величайшее достижение нашей науки! Всего за одну ночь, благодаря новейшим открытиям, советские учёные смогли переместить из-под Москвы целое здание с сотрудниками.

— Свят, свят, свят!!!! — забормотал милиционер, незаметно, как он думал, мелко крестясь.

— Никакой святой силы в этом нет! — грозно сказал Мехлис, — Только торжество науки и мысли советских учёных! Но, для ограничения возможности проникновения на Объект посторонних, необходимо милицейское оцепление. Для этого связь и нужна. Понятно?

Дежурный икнул и часто закивал головой, всем видом показывая, что он всё понял.

Логинов вышел из дежурки и протянул милиционеру исписанный лист.

— Вот, написал. Сейчас едем в Исполком, если что-то не получится, то пусть начальник отдела подъезжает туда или же — вон в то здание. — показал на громаду здания, видимое в одном из окон отделения.

— Ну что, поехали в Исполком? — обратился Кастым к Мехлису.

— Поехали. — ответил Лев Захарович, и они пошли на выход.

— Так бы сразу и сказали, — буркнул дежурный, убирая бумагу. — А то придумали: «Сюда нажми, сюда говори, потом жди!». Тьфу! — сплюнул милиционер, возвращаясь в дежурку.

А Логинов с Мехлисом выйдя на улицу, быстро заскочили в тёплое нутро урчавшего на холостых оборотах УАЗика, объяснили водителю дальнейший маршрут и поехали в Исполком.

— Лев Захарович, можно уточнить наши действия, если и в администрации начальства не будет?

— Даю команду на вызов и ждём.

— А если не послушаются? Вы хоть и высокопоставленный начальник, но для гражданской администрации полномочий может и не хватить.

— Отправим транспорт за прилетевшими со мной товарищами из окружного центра. Пускай местное начальство в бодрый вид приводят. — буркнул Мехлис, — Но, думаю этого не понадобится.

СНЫ МОГУТ И СБЫВАТЬСЯ

— Приснится же такое! — пробурчал, вставая с кровати Иван Константинович Клементьев многолетний председатель Сургутского райисполкома[1].

— Не помню, чтобы всю ночь снились такие красочные сны. Словно наяву. — бормотал он про себя, шлёпая на кухню, чтобы попить воды — Вроде и Сургут, несколько раз мелькнуло нечто знакомое, река на месте и тракт, только чересчур уж плотно дороги гладкое и снега нет. И улицы не те, а вроде и похожи, дома слишком высоковаты, деревянных почти нет, зато кирпичных — хоть отбавляй. Сказочный город сверкающий, весь в огнях, на широких улицах полно машин. Даже люди другие, ярко одетые, улыбочивые, но и более торопливые. И куда так спешат?

А перед самым пробуждением, Клементьев увидел, как на громадном здании, мелькая и переливаясь бегаящими огоньками горит надпись: «Цифросеть» — Гигант в ТЦ "Мир«"— Что за «Цифросеть»? А «Буквосеть» тоже есть? Или «Цифробредень»? Кто вообще придумал такое забавное название? Не иначе, как рыбаки. Увидали что-то в Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, вот решили и у нас повторить. Может в Москве у этой надписи и есть какой смысл, а здесь, в Сургуте? Говорил, рано мы народ в Москву отправляем, не созрели они ещё. Так, сколько так времени? Семь утра? Смысла ложиться спать уже нет, пойду потихоньку в райисполком, дела разгрести. Скоро должность новому председателю передавать. — умыываясь, тихонечко продолжал ворчать председатель.

Стараясь не разбудить домочадцев, он тихо и быстро оделся, выскользнув за дверь. Мороз сразу прихватил за уши и щёки, начал было щипать за пальцы, но Иван Константинович сунул руки в тёплые меховые рукавицы и скорым шагом, не смотря по сторонам, двинулся к райисполкому. Стрелки часов ещё не пересекли отметку в восемь утра, а Клементьев уже заходил в здание исполкома. Он ещё растирал замёрзшие щёки, когда входная дверь скрипнула и в проёме появилась фигура его сменщика, депутата Райсовета Власова[2].

— Георгий Алексеевич, ты то что в такую рань пришёл? — поинтересовался Клементьев.

— Сон замучал, Иван Константинович. Будь он не ладен.

— И что тебе такого приснилось? — сдерживая желание зевнуть поинтересовался.

— Видел я вроде как Сургут, а вроде, как и не его. Огромный город, с сотнями машин, тысячами горожан, сказочный, не похожий ни на один в мире! Иду я, значит, по улице Клементьевской, а на домах — плакаты: «Наукограду 80 лет!», «Сургут — всемирный центр науки!», «Сургут — город тёплых сердец», «Сургут — мечтаем и воплощаем».

— Надо же, никогда не слыхал, чтобы двум разным людям, в одно время, снились похожие сны.

— Неужели и Вам, Иван Константинович, приснился Сургут будущего?

— Да. Названий улиц и надписей на плакатах — не рассмотрел, город видел сверху, словно птица, а вот слова про «Цифросеть», до сих пор в голове крутятся.

— О! Точно! А я спросонья никак не мог вспомнить, как называется эта громадина. Там ещё какие-то лозунги были.

— Я толком и не запомнил. Вот «Цифросеть» и «Мир» застряли, а эти... Гигант, вроде Универмаг. Точно, они! — слегка стукнул себя ладонью по лбу Клементьев, — Ладно, бог с

ними со снами, что сегодня делать-то будем? Предлагаю попить чайку, да начнём помаленьку дела передавать.

— Иван Константинович, так рановато ещё для передачи. Может председателем кто-то другой будет, выборы ещё не прошли.

— Всё уже решено, следующим председателем райисполкома будете Вы, Георгий Алексеевич.

— Тогда пойдём, делами займёмся.

Они зашли в кабинет председателя и Клементьев начал знакомить преемника с кругом обязанностей. Вскоре дежурный принёс им два стакана с обжигающе горячим чаем, который они выпили, не отрываясь от обсуждения насущных проблем.

Вскоре кто-то громко постучал в дверь.

— Заходите! — крикнул Клементьев.

Дверь распахнулась и в кабинет вошли двое. Если идущий впереди человек, в длинной шинели, шапке и сапогах, был однозначно опознан как «свой», то второй, одетый непривычно и идущий чуть позади, походил на кого-то из увиденных во сне прохожих.

Человек в военной форме подошёл к Клементьеву и представился:

— Армейский комиссар 1-го ранга Мехлис. Лев Захарович.

— Председатель райисполкома Клементьев, Иван Константинович. Власов, — показал на собеседника, — Георгий Алексеевич. Сменщик на посту председателя.

— Логинов Михаил Силантьевич. — отозвался посетитель в непонятной одежде.

— Чем можем помочь нашей доблестной Красной Армии? — спросил Клементьев.

— Красной Армии вы тоже поможете, но несколько погодя. Сейчас речь идёт о помощи нашей советской науке, учёным, прогрессу и городу Сургут.

— Городу??? — не сговариваясь, в один голос выдохнули Власов и Клементьев.

— Немного поспешил, решение об этом придёт со дня на день. Чтобы у вас не было никаких сомнений в моей личности и правах, вот мои документы. — Мехлис протянул Клементьеву бумаги.

Иван Константинович взял их в руки, тщательно просмотрев каждую. Власов отвёл взгляд в сторону, усиленно делая вид, что это ему совсем не интересно.

— Надеюсь, я смог подтвердить свои полномочия? — спросил Мехлис.

— Мы нисколько не сомневались. — ответил Клементьев. — Так чем могу помочь? Ах, да! Присаживайтесь, товарищи.

Мехлис с Логиновым расселись по обеим сторонам стола, Лев Захарович снял шапку, положив на столешницу, расстегнул шинель.

— Нашим научным работникам нужно топливо, жильё, баня, помощь в расчистке территории, прокладке водоснабжения и канализации. Мне — срочная связь со штабом военного округа и Москвой.

От таких требований, Клементьев с Власовым аж присели. Ничего себе, связь с Москвой! Но, быстро совладав с эмоциями, Иван Константинович спросил:

— Сколько научных работников и где они сейчас?

Молчавший доселе Логинов встал, надел шапку и сказал:

— Товарищи, для предметной беседы, предлагаю проехать в наш научный центр. Надеюсь, экскурсия снимет большую часть вопросов.

— Согласен с Вами, Михаил Силантьевич. — Поддержал комиссар. — Поедем, товарищи.

— А на чём мы поедем? — спросил Власов, — Или у вас какой-то транспорт есть?

— Есть. Перед крыльцом нас ожидает УАЗ.

Клементьев с Власовым непонимающе переглянулись. В их глазах читалось: «Что это ещё за чудо — УАЗ?». Но, возражать не стали, быстренько оделись и вышли следом.

Уже на выходе, Клементьев ненадолго остановился и сказал:

— Товарищ дежурный, будьте добры, отыщите Василия Захаровича и Спиридона Григорьевича. Как найдёте, пускай они меня подождут в приёмной.

— Уженцева[3] и Савиных[4]? Прошлого и нынешнего начальников райотдела связи?

— Да, их.

Четвёрка мужчин вышла на крыльцо. Негромко урчащий УАЗик уже окружила стайка детворы, но увидев важных дяденек, они порскнули в разные стороны.

— Товарищ Мехлис, Вам на переднее сиденье, а мы, товарищи, попробуем уместиться на заднем. — сказал Логинов.

Исполкомовцы по очереди залезли в тёплый, уютный салон автомобиля, в котором негромко звучала музыка, удобно расположившись на мягких подушках сидений. Кастым обошёл автомобиль и сел с противоположной стороны.

— Домой. — сказал он водителю, и машина сорвалась с места.

— Прямо как во сне, — прошептал Клементьев.

— Точно! — отозвался Власов.

К зданию ТЦ подъехали быстро. Автомобиль ещё не заехал в подземный гараж, как Логинов достал и включил рацию:

— Третий, я Первый! Прибыли с гостями. Пригласи в кабинет Маркони и Интенданта.

— Принято, Первый.

— Конец связи.

УАЗик завернул на место стоянки и остановился.

— Пока свободны, — сказал Кастым водителю, — Если куда-то поедем — предупрежу.

— Понял, Командир, — отозвался водитель.

Гости вышли из машины. Мехлис уже пообвыкся, а Клементьев с Власовым рассматривали окружающее с детским восторгом и открытым ртом.

— Пойдёмте, товарищи. Времени очень мало. Вы здесь ещё не раз побываете, привыкнете и всё узнаете.

Логинов быстро провёл группу по хитросплетениям коридоров, поднимаясь и спускаясь по неработающим эскалаторам и наконец привёл их к огромному, сверкающему залу, над которым красовалась выключенная надпись: «Цифросеть».

— Алексеич! Надпись видишь? Похоже я опять сплю. Ущипни меня, что ли.

— Иван Константинович! Похоже, мы оба спим. Станный какой-то сон. Но, раз просишь — ущиплю.

— Ой! Ничего себе! Словно гусак щиплешься!

— Зато теперь точно знаем, что всё это наяву! — улыбнулся Власов.

— Товарищи! — позвал их Логинов, — Проходите, снимайте верхнюю одежду, сфотографируем на пропуска.

Ничего не понимающие исполкомовцы стянули шапки и принялись расстёгивать полушубки.

— Товарищ Логинов, проект пропуска набросали, гляньте пожалуйста. — обратился к Кастыму парнишка с большим фотоаппаратом на груди.

— Значит так, Константин? — обратился к Кастым фотографу и бросая взгляд на экран ЭВМ, — Форму пропуска одобряю, но товарищам нужен «вездеход». Должность у них такая, что они могут приехать к нам в любое время, и днём, и ночью.

— Предлагаю на пропуска нанести широкие красные диагональные полосы. Чтобы издали было видно.

— Пойдёт. Как сделаешь, зайдёшь ко мне, печать поставлю, а после в пластик закатаешь. К пропускам ещё заколка нужна и фитюлька какая-нибудь, чтобы можно было за шнурок на шею повесить. Не расстёгивать же им каждый раз полушубки.

— Сделаем, товарищ Логинов. Садитесь, товарищи. — фотограф показал на стул, в специально оборудованном для фотосъёмки месте.

Первым робко примостился Клементьев.

— Подбородок повыше! Смотрите на меня! Голову левее! Нет, много, чуть правее — командовал Костя. — Готово. Следующий.

Власов занял нагретое место, и процедура повторилась.

— Всё товарищи, скоро документы будут готовы.

— Что же, пройдем в кабинет, там и поговорим. — сказал Кастым и пошёл впереди, показывая дорогу.

Зайдя в кабинет, Логинов достал из шкафа трое плечиков и предложил гостям:

— Присаживайтесь, поговорим предметно.

В этот момент в дверь постучали и, не дожидаясь, ответа — открыли.

— Командир, вызывали? — спросил Маркони.

— Александр Степанович, это товарищи из райисполкома, — пояснил Кастым. — Они помогут с организацией связи.

— Для налаживания связи нужно обратиться к Уженцеву и Савиных. Равных знатоков в посёлке нет, они наши кудесники. Я их уже пригласил, должны дожидаться в Райисполкоме. — сказал Клементьев.

— Товарищ ответственный работник, не могли бы Вы написать им записочку? — спросил Марков, — Время не ждёт. Пока вы беседуете, мы бы сразу приступили к работе. Командир, я твой «Патриот» возьму?

— А почему не на своей «Ниве»?

— «УАЗ» прогрелся. Так я возьму?

— Бери, чего уж. Связистов сюда привезёшь?

— Конечно. Но, в начале на месте осмотримся. Если срочно, понадоблюсь — дашь знать. — Маркони слегка хлопнул по карману с рацией, а Кастым кивнул ему в ответ.

— Так, Александр Викторович, — обратился он к Интенданту. Товарищи из Райисполкома, помогут нам с топливом, размещением, баней, водоснабжением и подготовкой к празднику. Заявки готовы?

— Готовы, Командир, — отрапортовал Кнутов. — Разреши, прежде, чем начну забрасывать гостей просьбами, провести с ними экскурсию, покажу, что у нас, да как. Пусть оценят объём, глядишь — чего и предложат.

— Добро, Александр. Доложишь по итогам.

— Конечно, Командир. Кстати, там товарища Мехлиса искали совпартработники, с которыми он прилетел.

— А где они? — спросил комиссар.

— Возле кабинета. Ждут.

— Пригласите.

Кнутов вышел из кабинета, сделал исполкомовцам приглашающий жест и кого-то позвал. Вскоре в кабинет ввалился один из летевших ранее с Мехлисом партийных работников.

— Уважаемый Лев Захарович! — зачастил он с порога, — У нас, группы партийных и ответственных работников, к Вам пара вопросов.

— Слушаю. — нахмурился Мехлис.

— Первый — когда мы полетим дальше? На местах уже заждались и волнуются. И второй: можно нам что-нибудь приобрести в Наукограде? Всё же Новый год на носу, праздник.

— Полетим по готовности. Вас известят. О задержке рейса встречающие знают, так что не волнуются. Приобрести — можно, на сумму в пределах ста рублей. С перечнем того, что и по какой цене можно купить, ознакомят позднее. Ещё вопросы?

— Вопросов нет, понятно, товарищ Армейский комиссар 1-го ранга, — забормотал, пятясь к выходу, партиец, — Спасибо, будем ждать.

— Товарищ Логинов, так что у нас с документами, с которыми Вы обещали познакомиться?

— Предлагаю пройти в «Цифросеть», там ждёт инструктор, образцы электроники, а в ЭВМ загружены необходимые книги и документы.

[1] И.К. Клементьев работал председателем райисполкома п. Сургут с 1936 по 1939 г. До этого, с 1933 по 1935 года, сменилось шесть председателей. Так что Иван Константинович и в самом деле проработал в должности много лет.

[2] Г. А. Власов возглавлял Сургутский райисполком с 1940 по 1946 года.

[3] В 1930 г. Василий Захарович Уженцев с группой молодых ребят — энтузиастов, участвовал в монтаже первого радиоузла на 30 точек, с июля 1933 г. по март 1939 г. — начальник Сургутского районного отделения связи, несколько десятилетий (вплоть до 1961 года) работал начальником районной конторы связи. За многолетний доблестный труд, вклад в развитие связи Сургутской райконторы и Ость-Вогульской, Ханты-Мансийской окружной конторы связи награждён орденом Ленина. Образование — 6 классов.

[4] Спиридон Григорьевич Савиных — с марта 1939 г. по август 1944 г. работал начальником Сургутской районной конторы связи, Ханты-Мансийской окружной конторы связи. Образование — 5 классов.

Сборы и разговоры

На подходе к «Цифросети» было многолюдно. Мехлис с Логиновым поднялись на эскалаторе. Их встретил высокий, полноватый, бритый наголо мужчина, лет сорока от роду. Дорогой шерстяной темно-синий двубортный костюм, белоснежная рубашка с запонками, чёрные лакированные туфли.

— Судин, Илья Александрович. Временно исполняю обязанности директора «Цифросети».

— Михаил Силантьевич, почему до сих пор руководители «временно исполняющие»? Штатных директоров точно уже не будет. Срочно устраните недоразумение. — проворчал Мехлис, пожимая Судину руку.

— Н-да... — задумчиво сказал Кастым, — Придётся разводить бюрократию: создавать строевой отдел, делопроизводство...

— Конечно придётся. — подтвердил комиссар, — Выйду с инициативой в Правительство, чтобы «Объект» включили штатной единицей в Наркомат обороны.

— А не лучше ли нас пристроить при Академии наук? — задумчиво спросил Логинов.

— «Объект» режимный, для работы нужен допуск к секретной информации, финансирование опять же. К тому же нужна охрана и пока это будут красноармейцы. Из плюсов: воинские звания, командирские оклады, паёк, обмундирование. Соглашайтесь. А способы помочь науке после найдём. — отрезал Мехлис.

— Тогда уж как решат. — не стал настаивать Кастым.

— Группа товарищей, вылетающих в Москву, готова? Мне надо с ними поговорить. — задал Лев Захарович неожиданный вопрос.

— Нет. Вопрос комплектования группы будет обсуждаться позднее, — ответил Логинов.

— Михаил Силантьевич, люди подобраны, и пообщаться с ними можно здесь и сейчас. — тут же отозвался Судин.

— Скольких отобрали? — спросил Мехлис.

— Шесть: три девушки, три молодых человека. — Илья Александрович достал из папки листок с фамилиями, — Все члены ВЛКСМ.

— Не мало? Они справятся? Аппаратуру не загубят? Им доверять можно? — высыпал ворох вопросов Мехлис, пристально буравя глазами Судина.

— Илья Александрович! — Неожиданно прервал разговор фотограф Костя, — Просим включить в состав делегации Потапыча! В «железе» ребята разберутся, настроят всё что угодно, девчата обучат работать, но главное, в чём мы «шарим» мало — провода, напряжение и прочая электронная фигня — нам не под силу. А если в Москве напряжение другое, проводка не выдержит или ещё какая фигня? Тогда «кранты» всей работе. Вы уж извините, но местным товарищам я малость не доверяю, не знают они параметров наших гаджетов, спялят ещё, а на замену время нужно и, опять же — Потапыч!

— Кто такой, этот Потапыч? — спросил Мехлис. — Группу подбираю я, мне за вас и ответ держать.

— Потапыч то? Электрический Гений, вот кто! Он и царю Гороху электричество бы провёл, а уж со здешним богатством... Потапыч!!! — крикнул Костя.

— Чего глотку рвешь? — послышался тихий голос, — Тута я, и ваш разговор слышал.

— Что скажете? Извините, не знаю, как Вас по имени. — сказал Мехлис.

— Так Потапычем и зовите. — ответил невысокий худощавый, седой мужчина в очках с толстыми линзами, неопределенного возраста. Ему с лёгкостью можно было дать как 45, так и 65 лет. — Скажу вот что, прав мальчонка, не справятся. Да и мне помощники нужны, материалы, да струмент разный.

— Напишите, что надо, Вас обеспечат. — сказал Кастым.

— Всем, что захочу? — иронично согнув дугой бровь спросил Потапыч.

— Составьте заявку — подпишу, и пусть только попробуют что либо не дать. — распорядился Логинов.

— Сделаем. — покладисто ответил мастер, — Одеждой тоже снабдите, или свою брать?

— Убывающих обеспечат красивой, удобной, качественной одеждой.

— Лады. — покладисто мотнул головой Потапыч и пошёл в глубь торгового зала.

— Лев Захарович, кандидатуры мастера принимается? — поинтересовался Логинов.

— Не возражаю. — мотнул головой комиссар, — Что по остальным?

— Я тут вот что подумал: мы сейчас осматриваем только один, хоть и самый «крутой» и «продвинутый» магазин. Но, задание по отбору экспонатов давалось всем руководителям. Предлагаю выслушать их, рассмотреть образцы, а решение о персональном составе делегации, принять по итогам.

— М-м-м. Согласен. — после недолгого обдумывания принял предложение Мехлис.

— Теперь по остальной технике или, как говорит молодёжь — гаджетам. — сказал Кастым, — Илья Александрович подготовил образцы, которые возьмете с собой. Но, окончательное решение: что и в каких количествах брать, за Вами, Лев Захарович.

— Что же, давайте познакомлюсь с этими «гаджетами», потом решим. Гад же ты! Тьфу, пакость. Не хорошее, не наше название. Ладно, после разберёмся. Назвать дело десятое, главное правильно применить. Альбина, готовы начать урок? — ворчливо ответил Мехлис.

— Да, Лев Захарович. Присаживайтесь, в начале я покажу приборы, объясню назначение, научу пользоваться...

— Товарищ Альбина! Всё это, конечно, здорово, но мне необходимо подготовиться к звонку в Москву. А для этого прочитайте обещанные Михаилом Силантьевичем материалы. Хотя... Время есть, показывайте.

— Для показа товарищу Сталину мы подготовили: телевизор, проектор, домашний кинотеатр, две электронно-вычислительных машины, в стационарном и складном варианте, электронную книжку, планшет, музыкальный центр, цифровой и обычный фотоаппараты, видеокамеру. — Альбина прошла вдоль столов, на которых красовались образцы, показав рукой на каждый из перечисленных предметов. Дойдя до конца ряда, она перешла к следующему, продолжив знакомить Мехлиса с достижениями науки и техники. — Кроме того, мы хотим продемонстрировать бытовые приборы, которые могла бы выпускать наша промышленность: утюг, фен, пылесос, микроволновая печь, а также электроинструменты.

Осматривая экспонаты, Лев Захарович непроизвольно заулыбался. Что же, теперь ему есть что показать в Москве. Приборы послужат прекрасным подтверждением слов о иновременном происхождении «попаданцев».

— Товарищ Альбина! Скажите, откуда такая уверенность, что наша промышленность способна выпускать такое... Таких приборы, вот.

— Товарищ Мехлис, мы подобрали недорогие и простые в изготовлении экспонаты. Скорее всего те образцы, которые сегодня сумеет сделать наша промышленность будут не

столь красивы и легки, но некое подобие выпускать можно.

— То есть, считаете, что мы можем изготовить и ЭВМ, и телевизоры, и все эти кино и музыкальные проигрыватели?

— Ой, нет, что Вы! — щёки Альбины залил румянец, а кончики ушей покраснели, — Я не верно высказалась. Мы понимаем, что отсутствие возможности, а скорее всего и смысла в разработке и выпуске всех представленных образцов. Я, читала о том, что в тридцатых годах в СССР телевидение уже было: работали Московский[1] и Ленинградский[2] телецентры, не помню правда, были ли какие-то специальные передачи[3], но кинофильмы и концерты — показывали. Значит телевизоры тоже выпускались и их характеристики вполне позволяли принять сигнал и худо-бедно смотреть передаваемую картинку.

Соглашаясь с рассказчицей, Мехлис молча кивнул.

— Так вот, для того, чтобы воссоздать эту звуковую и видеоаппаратуру, придётся не только построить новые заводы, но и за пару лет совершить в развитии науки и техники гигантский, длинной почти в восемь десятков лет, скачок. В такую возможность я не верю.

— Не верите в наших учёных и изобретателей?

— В людей как раз верю. Они будут делать всё от них зависящее, раз за разом пытаюсь повторить эти образцы. Но, в точности воссоздать — не смогут. В простейших, казалось бы, предметах, собрано множество изобретений человечества, сделанных позднее. Так что, извините Лев Захарович, но мы не будем предлагать к выпуску ни телевизоры, ни домашними кинотеатры с музыкальными центрами.

— И зачем тогда всё это? — Мехлис показал рукой на аппаратуру.

— Как зачем? — искренне удивилась Альбина, — Товарищу Сталину, для работы. Мы подбираем диски и закачиваем на съёмники документальные фильмы о истории страны и мира, развитии техники, вооружения и научных изобретениях, готовим подборку лучших художественных фильмов, на нашей страны, так и импортных...

— Понятно. А музыкальный центр понадобится для передачи звука?

— Конечно же нет. Телевизора прекрасно передаёт звук. Но, ведь помимо фильмов собирается ещё и фонотека. Разве плохо, если страна услышит новые, яркие, красивые, мелодические песни, в реальности появившиеся гораздо позднее?

— Я смогу их послушать?

— Да, Лев Захарович, сможете. У Вас будет цифровой аудиоплеер, — девушка показала на крохотное электронное устройство, к которому были подключены наушники, — Музыкальную подборку закачают на специальный съёмник, а обращению с прибором я Вас научу. И не обращайтесь внимание на размер устройства, звуки эта крохотулька воспроизводит качественно.

— С этим разобрались. ЭВМ, полагаю, тоже предназначено для товарища Сталина?

— Да. Если посчитать количество книг, имеющих только в одной машине, выйдет объём, равный фонду Ленинской библиотеки, а то и нескольких.

— Ого. — восхитился Мехлис. — Выходит, что это не столько показ изобретений и передача технологий, а вполне рабочие инструменты.

— По поводу ЭВМ — ещё думаем. Постараемся создать свою, более простую, менее скоростную, увы — громоздкую, но свою, отечественную. По остальной технике пояснения нужны?

— Нет, с ней теперь понятно. — Мехлис задумчиво кивнул, и решительно подвёл итог короткой экскурсии:

— Выбор одобряю, но стационарную ЭВМ, пылесос, утюг и печь оставим на потом. Вот этот здоровенный телевизор тоже не пойдёт, подыщите небольшой, на первое время хватит. Ну и домашний кинотеатр с музыкальным центром великоваты.

— Заменить на более компактные? Хорошо, найдём. — Альбина кивала, записывая замечания начальника ГлавПУра.

— Что же, раз с демонстрацией хм... гаджетов закончили, перейдём к занятиям на ЭВМ. — тоном, не допускающим возражений, сказал Лев Захарович.

— Одну минуточку, товарищ Мехлис. Вот видите — экран. Обычно его называют рабочим столом. На «столе» лежит папка с надписью: «Мехлису», наводим стрелочку, видите: название папки изменило цвет. Нажимаем вот эту клавишу, щёлкаем два раза на кнопку, папка открывается, выбираем нужный документ...

Пользоваться мышью и некоторыми клавишами клавиатуры, открывать, пролистывать и закрывать вложенное, Лев Захарович научился быстро.

С этого момента, время полетело вскачь.

Только начав чтение, Мехлис попросил бумагу и карандаш, но неожиданно, словно из ниоткуда, за спиной появился Логинов, жестом показав Альбине, чтобы отошла в сторонку.

— Э, нет! Так дело не пойдёт. — сказал Кастым.

— А что случилось? Мне необходимо делать записи. — недовольно отозвался комиссар.

— Лев Захарович, понимаете ли, это в нашем времени гриф секретности снят со всей этой информации. А сейчас эти документы имеют вполне серьёзные отметки. Мне бы не хотелось неприятностей ни на Вашу, ни на свою голову.

— Что предлагаете? Вы же должны отдавать себе отчёт, насколько это срочно и важно. — с некоторой нервозностью спросил Мехлис.

— Завести секретную, прошитую, пронумерованную и зарегистрированную рабочую тетрадь. Указания отданы, книгу учета и реестр скоро принесут.

— Ну-да, ну-да. Вы правы. — пробормотал Мехлис, погружаясь в чтение.

Минут через пятнадцать подошёл подчинённый Кастыма, положил перед Мехлисом разлинованную книгу, показал где расписаться, затем — реестр, в котором Лев Захарович оставил очередной автограф и только в последнюю очередь отдал толстую, на 96 листов прошитую суровыми нитками и скрепленную печатью, общую тетрадь.

Мехлис открыл первую страницу тетради, схватил лежащую на столе шариковую ручку и время от времени бросая короткие взгляды на экран, начал покрывать чистый лист бумаги завитушками букв и цифр. Он настолько ушёл с головой в записи, что не заметил, как пролетело несколько часов.

От работы Мехлиса отвлёк Кастым.

— Лев Захарович, на часах уже пятнадцать, приглашаю на обед.

С трудом оторвавшийся от захватывающе интересной работы комиссар буркнул «пойдём» и встал из-за стола.

В столовой, кормившей сотрудников ТЦ было многолюдно, но официантка, встретившая Логинова с Мехлисом, проводила начальство в пустой зал одного из ресторанов, положила перед ними листочки с меню и молча отошла в сторонку.

Логинов быстро просмотрел названия блюд, сделал заказ и обратился к собеседнику:

— Лев Захарович, здесь никто не помешает, так что предлагаю совместить приятное с полезным: пообедать, а заодно и поговорить.

— Что? — Мехлис настолько погрузился в мысли, что толком не расслышал слов

Кастыма. — Ах, да! Девушка: борщ, пюре с котлетой, какой-нибудь салат, на ваш вкус и компот с персиками.

— Обед нести по готовности? Сразу? — тёплым, грудным голосом и с заботливой улыбкой на губах спросила официантка.

— Нет. — отрезал Кастым, — Вас пригласят.

— Хорошо. — девушка улыбнулась и пошла на выход, плавно покачивая бёдрами.

— Михаил Силантьевич, Вы не могли бы повторить вопрос. Извините, задумался и не расслышал.

— Возможно у вас появились новые вопросы или предложения? — терпеливо переспросил Кастым, — Здесь можно пообщаться без лишних ушей. В зал никто не зайдёт, вход охраняется.

— Вопросы, говорите? — задумчиво протянул комиссар, — Что же, давайте обсудим. Например, зачем вам понадобился целый стрелковый полк? Для охраны многовато, а других задач для него я не нахожу.

— Задач бойцам хватит. — ответил Логинов, — Кроме охраны, красноармейцы будут строить жильё, объекты жизнедеятельности, прокладывать связь, коммуникации...

— Чушь! Как Вам вообще такое в голову-то пришло! — гневно вскричал Мехлис, — Вы — командир, и предлагаете оторвать бойцов от боевой подготовки! Никакого полка просить не буду! Со стройкой прекрасно справятся заключённые, а охранять будут войска НКВД.

— Исключительное назначение войск НКВД — охрана особо важных объектов. И одним телефонным разговором с товарищем Берией дело не решить, понадобится специальное решение Совнаркома. Кроме того, придётся создавать два кольца охраны: одно — для объекта, второе — для зеков. Плюс — особые меры по сохранению режима секретности. С заключенных подписку-то особо не возьмешь. — спокойным тоном, резонно, как ему казалось, возразил Логинов.

— Это не ваша забота! Доложу подробности, предложу сформировать лагерь, добьюсь выхода постановлений. Да, процесс долгий, сложный, но решаемый. — продолжал злиться Лев Захарович, — А после пускай НКВД решает: сколько им колец создавать, да народа привлекать.

— Хм. Но, Вы же предлагали взять объект под «крыло» вашего Наркомата.

На некоторое время Мехлис задумался, а после, решив что-то про себя, задал вопрос:

— Допустим, направить сюда полк товарищ Ворошилов и согласится. Сможете разместить людей, организовать полноценную боевую и политическую подготовку?

— Пока не построят бараки, поживут в палатках. Люди не замёрзнут, — предугадав вопрос Мехлиса, ответил Кастым, — Необходимые меры принимаются. О боевой же подготовке хотел переговорить позднее, после положительного решения Москвой вопроса с отправкой бойцов. Но, спеша развеять сомнения, готов обсудить тему сейчас. Лев Захарович, Вы только не горячитесь, не перебивайте и выслушайте — Логинов решил выложить на стол главный козырь.

— Слушаю. — буркнул комиссар.

— Вы ведь видели людей, занимающихся охраной ТЦ?

Мехлис кивнул.

— Наверное, обратили внимание и на то, что работают в ней люди крепкие, зрелые, развитые физически.

Комиссар кивнул вновь.

— Добавлю: все работники охранной конторы — люди бывалые, имеющие солидный боевой опыт, награжденные правительственными наградами.

— И как они оказались в ВОХРе? — не выдержав перебил рассказчика удивлённый Мехлис. — Здесь же оклады мизерные.

— Об этом поговорим после. Так вот, на нашей базе предлагается открыть курсы повышения квалификации командного состава Красной Армии. Вариантов несколько: курсы подготовки сержантского состава, переподготовки офицеров полкового звена или школу спецназа.

— В Красной Армии нет офицеров. — буркнул комиссар.

— Значит курсы переподготовки младших командиров, от взводного до комбата. — примирительно ответил Кастым, — С названием определимся позднее.

— Где, чему и на чём будете учить? И главное — зачем? — скороговоркой выпалил Лев Захарович.

— Учить будем тактике, огневой подготовке, вождению, топографии, ориентированию на местности, полевым уставам, организации связи. На небольшом отдалении от ТШ построим стрельбище и автодром, в тренажёрных залах Центра организуем проведение занятий по физподготовке, от Наркомата обороны ждём только технику, оружие и боеприпасы.

— Погодите! Этому всему командиров обучают и сейчас. Вы хотите предложить нечто новое, меняющее всю военную науку? — поинтересовался Мехлис.

— Предлагаю. Опыт, знания, навыки для этого есть. К тому же, много полезной информации и в ЭВМ: начиная с полевых уставов РККА, сборников материалов обобщающих опыт войны, заканчивая уставами и наставлениями нашего времени.

— Допустим новому в тактике научить сможете. — не сдавался Мехлис, — А остальные предметы они и без вас хорошо знают. Или у вас компас другой? Топокарты волшебные?

— Нет, ни компас, ни карты не изменились, остались те же. — ухмыльнулся Логинов, — Проблема в другом — командиры не умеют или не хотят ими пользоваться: ни карту прочесть, ни азимут определить, ни на местности сориентироваться. О радиоделе вообще молчу.

— Что такое «спецназ»? Зачем он? Есть же части ОСНАЗа. — Лев Захарович сменил тему, понемногу начиная соглашаться с собеседником.

— Спецназ — специально подготовленные, отлично обученные и вооруженные подразделения. В задачи спецназовцев входят: разведка в глубоком тылу противника, диверсии, захват или уничтожение лиц, обладающих важной информацией, организация партизанского движения в тылу врага, создание у противника паники, дезорганизация работы тыла. Схожие задачи возлагались на саперно-маскировочные взвода, но, году эдак в 1938 их расформировали, а жаль. Очень быгодились на Хасане и Халхин-Голе. Но, место не бывает пусто. Насколько знаю, как раз сейчас, на базе Ленинградского института физкультуры создаётся подразделение со схожими задачами. Считаю, что таких подразделений нужно больше, в состав Красной Армии они должны войти не какими-то временными подразделениями, а штатными, действующими на постоянной основе.

Знающий о событиях в Монголии не понаслышке и мысленно соглашаясь с собеседником, Мехлис кивнул.

— Добро, Михаил Силантьевич, с доводами согласен. Напишите подробное обоснование необходимости подобных подразделений, желательно с проектом штата,

задачами и функциями.

— Сделаю. — кивнул Логинов.

— Вернёмся к вашим подчиненным. Заинтригован. — улыбнулся комиссар.

— Перед увольнением из армии, я был вызван в Москву, на встречу с куратором бригады. О чём говорили — уже неважно, главное, что в конце разговора он сказал, что правительство страны обсуждает вопрос создания частных военных компаний, ЧВК, по образу и подобию тех, которые создаёт наш потенциальный противник. По сути это те же спецподразделения, но не входящие в Вооружённые силы страны...

— Частные военные компании в СССР? — удивился Мехлис, — Наемников вербуете? Зачем?

— У любого государства, и СССР в этом не исключение, могут возникнуть такие ситуации, когда применение военной силы необходимо, а «светить» свою армию нельзя. — объяснил Логинов, — Испания, например.

— Интернациональный долг в Испании выполняли командиры, вызвавшиеся добровольцами. — возразил Мехлис.

— Но, шум от этого на весь мир поднялся знатный. У нас тоже служат только добровольцы, знающих о интернациональном долге не понаслышке. — спокойным тоном парировал Логинов. — Хорошо, другой пример — Синьцзян[4]. Там же не столько добровольцы, сколько обычные солдаты. Правда, почему-то их переодевают в дореволюционное обмундирование... К чему бы?

— И что Синьцзян? — не поведя бровью спокойно переспросил комиссар, — Там тихо, боевых действий нет. А форма? Вы только что сами говорили о не афишируемых интересах государства. — Всё одно: у наёмника во главе угла не государственный интерес, а деньги.

— Где-то есть страна, в которой военные служат на добровольных началах, не получая денежного довольствия? — деланно удивившись, спросил Логинов.

— Хотите приравнять наёмника и кадрового командира? Зачем? Совесть успокаиваете?

— Со своей совестью я в ладах. Тут другое, — Логинов скрипнул зубами и ненадолго задумался, собираясь с мыслями, — Каждая реформа армии, сводится к увольнению офицеров. Уходят грамотные, опытные, знающие, но неудобные для начальства командиры, не желающие мириться с порядками, царящими в армии мирного времени. Понимаете?

Мехлис кивнул.

— Зачастую, остаётся балласт, все знания и умения которого сводятся в умении угодить начальству, пустить «пыль в глаза». Конечно, уходят не все. Но, оставшиеся «погоды» не делают. Армия создает красивую картинку для обывателя, занимаясь чёрти чем: парадами, строевыми смотрами, наведением порядка, конкурсами и соревнованиями. В общем, чем угодно, кроме непосредственной подготовки к войне.

— Парады с соревнованиями тоже нужны. — возразил Мехлис, наливая в высокий стеклянный бокал газировку и делая долгий глоток.

— Нужны, но не вместо занятий, учений и тренировок. Но, бог с ними, я хотел сказать о людях. Тех, кого уволили, не смотря на их боевой опыт и багаж знаний. О профессионалах...

— А что с ними не так? — удивился Мехлис, — Дела себе не найдут? Стране не нужны рабочие руки? Негде учиться?

— Можно, конечно, танкиста обучить на комбайнёра, а артиллериста — токарем. Но, зачем же микроскопом гвозди забивать? Снайпера, разведчика, да даже тыловика — надо учить, вкладывая огромные денежные средства. И выкинуть разом подготовленных бойцов,

набрав необученную «зелень»? Не по государственному выходит. Да и спецы эти — они же военные, плоть от плоти, для них жизнь вне армии — так, проживание. Плюс адреналин зашкаливает.

— Что зашкаливает? — переспросил Мехлис.

— Адреналин. Так называется гормон стресса. Люди адреналинового типа — это сгусток энергии. Они работают с утра до ночи без усталости, ходят в походы и на охоту. Жизненные трудности, которые другого травмируют, им нипочем. Если на него нападут, даст отпор. Бросится на помощь слабому.

— Понял. — с лёгкой улыбкой ответил комиссар, увидев в собеседнике перечисленные черты, — Выходит, для таких людей как раз и создаётся ЧВК?

— В том числе. В первую очередь — ЧВК это компания военных профессионалов, способных выполнить любую задачу. Можно раз за разом атаковать линию Маннергейма в лоб, терять слабообученных бойцов и командиров, или загубить в лесах и болотах почти всю дивизию, как это сделал комбриг Виноградов, комдив 44-й, а можно и в самом деле воевать «малой кровью и на чужой территории». Но, для этого нужны грамотные командиры и подготовленные, хорошо экипированные бойцы.

— Предлагаете рабоче-крестьянскую Красную Армию заменить наёмной? — с любопытством уточнил комиссар.

— В мыслях не было.

— Как тогда понимать слова, что ваши люди не станут воевать против белофиннов?

— Понимать просто: среди попаданцев, есть те, кто в армии не служил или не имеет боевого опыта. Вот к ним эти слова и относились. Откликнутся добровольцы или выйдет постановление Правительства о формировании отдельного подразделения — препятствовать не буду. — разъяснил позицию Логинов.

— Кстати, в Вашем рассказе о ЧВК есть ряд уязвимых позиций.

— Какие? — удивился Кастым, долгое время взвешивавший все «за» и «против» и видевший для своих подчиненных частную военную компанию, как положительно решение вопроса дальнейшего обустройства в жизни.

— Во-первых: если воюют только ЧВК, где потом брать пополнение с боевым опытом? Кто станет на место погибших, выбывших по ранению. — Мехлис загнул мизинец правой руки.

— Специальный физический и психологический отбор. Остальному научим.

— Во-вторых: бойцы ЧВК, получившие бесценный боевой опыт, с армейцами поделиться не смогут. — комиссар согнул указательный палец, — То есть ЧВК не принесут пользы ни стране, ни армии. А ведь основываясь на их опыте должны перерабатываться уставы, наставления, приказы.

— Можно организовать курсы по обмену опытом, приглашать консультантами...

— Конечно можно. Но, из того, что понял, тактика ЧВК для линейного пехотного полка не подойдёт. А значит, в случае большой войны, армия вновь примется «кровью писать уставы». И что в этом хорошего?

— Всё же и этот вопрос решаем. — упрямо мотнул головой Кастым.

— И третье, — продолжал Мехлис, — Повторю: наёмничество, особенно наших граждан, мне не по душе. Пока речь идёт о небольших деньгах, в ЧВК могут понимать и принимать и интернациональный, и воинский долг, и святость защиты Отечества. Но как только речь пойдёт о больших деньгах... Слаб человек, особенно к «золотому тельцу».

Ладно, это дела прошлого. Видимо в вашем Правительстве «минусы» оценили, вот и не спешили с созданием военных компаний. Как наших бойцов с командирами учить будете? По своим уставам и наставлениям?

— С чего бы? — недоуменно вскинулся Кастым.

— Работники «Цифросети» предложили. Говорят, что если на их основе обучать красноармейцев, то Красной Армией не сравнится ни одна армия мира.

— Чушь! — рассмеялся Михаил, — Отдельные положения применить конечно можно, но в целом... Техника другая, вооружение, штатная структура, даже нормативы иные. Нет, наши документы РККА не подойдут. К примеру: ни в одном нашем уставе нет ни слова о целом роде войск — о кавалерии. Без учений, проверки всех нормативных показателей, ни один устав, ни одно наставление не применить. Пересмотреть действующие, улучшив их с учетом нашего опыта — это ещё куда ни шло.

— Понятно. — задумчиво протянул Мехлис, — Хорошо, что ничего кардинально ломать вы не собираетесь. Кстати, где и как можно посмотреть на ваших хвалёных бойцов?

— Вариантов, собственно два: или на учениях, или на фронте. Тренировочно-показательное выступление можно организовать буквально через час. Устроит? — предложил Михаил.

— Даже не знаю, что и сказать. Наверное, откажусь, не будем отвлекать людей. А что у вас с оружием? Слышал, что есть боевое, опережающее те, которыми вооружены наши бойцы лет на двадцать.

— Есть как современные образцы, так и разработанные советскими конструкторами в сороковых годах. Несколько, хранившихся у реконструкторов, боевых единиц, приказано изъять и сосредоточить в комнате для хранения оружия.

— Значит более современные образцы есть? — уточнил Мехлис.

— Есть. А толку? — Логинов развёл руками, — Для их внедрения потребуются годы, которых у нас нет. Предлагаю всё же остановиться на разработках оружия, образца сороковых годов.

— Не хотите помочь стране и армии? — с лёгкой улыбкой, прищурившись поинтересовался комиссар. — Позвольте уж нам решать, в чём есть толк, а в чём его нет.

— Не хочу загубить, ни страну, ни армию, ни промышленность потому и предлагаю остановиться на дешёвых, но эффективных образцах стрелковки, передав современные образцы на исследование. По поводу того, какое оружие лучше, какое хуже, от какого нужно вообще отказаться, нешуточные споры кипят давно. К единому мнению так и не пришли. Предлагаю и нам не пороть горячку.

— Хоть так, уже благо. — кивнул Лев Захарович. — Что же, основное я понял, предлагаю округлиться и наконец пообедать. Не возражаете?

Логинов молча кивнул, встал, подошёл к двери и открыв её сказал несколько слов охраннику. Через несколько минут в обеденный зал красивой походкой вплыла официантка, держащая на руке уставленный заказанными блюдами поднос. Споро расставив тарелки, она улыбнулась, кивнула и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Ели быстро и молча, отдавая должное умению повара. Покончив с обедом, Мехлис задал очередной вопрос:

— Кстати, Михаил Силантьевич, что у нас со связью?

— Связисты работают, обещают сделать.

В этот момент в дверь постучали и дождавшись разрешения в зал вошёл Марченко,

главный связист в команде Кастыма.

— Товарищ полковник, товарищ армейский комиссар, докладываю: связь провели, телефон подключили, переговорный пункт оборудовали и проверили — всё работает.

— Как же вы в такой мороз смогли справиться? — поинтересовался Мехлис.

— Местные товарищи — волшебники! Кудесники! — развел руками Маркони. — Их в ресторане коньяком отпаивают, да шашлыками потчуют. Намёрзлись люди, но дело сделали!

— А сколько сейчас времени? — уточнил комиссар.

— Шестнадцать. — взглянув на наручные часы ответил Кастым. — Пойдём на КП?

— Да. Пора пообщаться с Москвой.

Они быстрым шагом прошли в кабинет Логинова, Лев Захарович схватил трубку, начав называть телефонисткам какие-то позывные. Логинов вышел из кабинета, и уже почти закрыл дверь, когда услышал громкий голос Мехлиса:

— Здравствуй, Анастас Иванович...

[1] В 1931 году на базе передающей ТВ-аппаратуры лаборатории телевидения Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ), создан Московский радиовещательный технический узел (МРТУ)

[2] Ленинградский телецентр начал телевизионное вещание в сентябре 1938-го

[3] 15 ноября 1934 года в СССР была проведена первая передача телевизионной программы со звуковым сопровождением. Длилась она 25 минут и представляла собой эстрадный концерт.

[4] Советские войска были введены в ноябре 1933 года на территорию Синьцзяна («Алтайская армия»). Их действия определялись как особая операция Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ. Руководил ею начальник ГУПО и В/ОГПУ М. П. Фриновский, затем сменивший его Н. К. Кручинкин. Чтобы замаскировать советское участие, бойцы были переодеты в белогвардейскую форму, а офицеры носили погоны.

В апреле 1934 года большинство подразделений Красной Армии вернулось на родину. Остался кавалерийский полк, усиленный бронемашинами и артиллерией, численностью около тысячи человек, несколько воинских частей обеспечения, особая авиагруппа и несколько десятков советских советников (Самым знаменитым из них был Павел Семенович Рыбалко, который станет Маршалом и дважды Героем Советского Союза).

К концу 1943 г., СССР окончательно и полностью вывел из Синьцзяна своих военнотружущих.

Москва, ответ Сургуту

Солнечный, морозный московский день, 15 декабря 1939 года, для Наркома обороны маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова мало чем отличался от десятков и сотен предыдущих. Конечно, тревожила обстановка на фронтах борьбы с белофиннами, войска продвигались слишком медленно, оплачивая каждый пройденный километр своей кровью и жизнями. Быстрого, победоносного похода, как в Польше — не получилось. А тут ещё зима, морозы, снег. Не понаслышке знавший, каково это воевать зимой, маршал даже поёжился.

Нет, по докладам с мест и от начальников главков, всё вроде складывалось благополучно: созданы запасы оружия, боеприпасов, продовольствия, ГСМ и прочего, грозная боевая техника — тоже имеется. Вроде и делается всё возможное и невозможное, но, тревога не отпускала. Нарком понимал, что информация поступает с опозданием, не полная, отчасти, не исключено — искаженная. Он собрался уже было вылететь на место, но получил категорический отказ и предложение направить другого, начальника ГлавПУра, например. А что? В Монголии Лев Захарович справился, стало быть разберётся и здесь.

«Идея с отправкой Мехлиса неплоха, тем более исходит от «самого». Куда только Лев Захарыч запропастился? По всему должен подлетать к Москве, а от него ни слуха, ни духа. Не иначе проверками увлёкся. Узнать бы, где сейчас этот Лев, но ведь пойдя, попробуй найди его на бескрайних просторах страны. Чёртова связь. Вот был бы у каждого в кармане телефон, набрал номер и сразу узнал: где человек, чем занят, когда прилетит. Н-да. А время поджидает. Может другого кого отправить?». — промелькнуло в мыслях Климента Ефремовича. «Что же, денёк ещё подожду и, если Мехлис не появится, предложу другую кандидатуру.»

Размышления Наркома прервал треск звонка одного из многочисленных телефонов.

— Ворошилов!

Из трубки, сквозь треск помех, донёсся знакомый голос начальника ГлавПУра:

— Товарищ Нарком, Мехлис у аппарата. Докладываю: в связи с особыми обстоятельствами, группа проверяющих во главе со мной сделала вынужденную посадку в посёлке Сургут. Самолёт исправен, люди — здоровы. В Москву прибудем по завершению подготовительных мероприятий.

— Лев! Какие могут быть обстоятельства? Ты срочно нужен здесь!

— Государственные обстоятельства, товарищ Нарком. Для их решения мне нужна неделя.

— Какая неделя! Двое суток и не более! — прорычал недовольный Нарком.

— Трое, Климент Ефремович. До прибытия сменщика. — продолжал настаивать Мехлис.

— Хорошо, но не более того.

— Кроме того, прошу Вашего решения на срочную передислокацию ближайшего стрелкового полка в Сургут.

— Лев Захарович, ты не заболел часом? Какой, к чертям, стрелковый полк? Где я тебе его возьму, тем более — зимой! Там, морозы поди, не чета московским. Нет, никакого полка не дам! Поморозишь людей, угробишь технику, и вообще...

— Климент Ефремович! Развёрнутый полк, с танками, артиллерией и прочим — не

прошу. Для обеспечения охраны и обороны нужны красноармейцы, численностью почти в полк.

— Где ты его разместишь? В поле? В лесу? Вообще понимаешь, чего просишь? — ревел в трубку Нарком, красный от возмущения. — Охраной пускай войска НКВД занимаются. Это их задача.

— Вопрос с размещением и материальным обеспечением — решён. Но, запасы из расчета на марш и неделю автономности — нужны. Для оперативности, предлагаю отказаться от санного гужевого обоза и перебросить личный состав автотранспортом.

— Лев! Ты точно болен! Где я тебе столько грузовиков возьму?

— Я разговаривал с Анастасом Ивановичем Микояном, он согласился помочь.

— Микоян согласился? Быть того не может!

— Дело государственной важности! — повторил Мехлис.

— А у нас в армии других и не бывает! — язвительно ответил Ворошилов, — Где я тебе в тех краях полк возьму? Чай не Подмосковье!

В этот момент из трубки раздался особо сильный треск и связь прервалась.

— Алло! Черт возьми! Алло! — кричал в трубку Нарком, но абонент не откликнулся, — Твою же за ногу! И что теперь делать? Откуда вообще этот Сургут взялся? Куда полк отправлять? Хотя нет, куда я спешу? Позвоню-ка в начале Анастасу, доложу Кобе и если он согласится... — задумчиво бормотал Климент Ефремович в пустоту кабинета, затем снял трубку телефона правительственной связи и услышав голос телефонистки сказал:

— Соедините с товарищем Микояном...

— Товарищ Микоян, армейский комиссар первого ранга Мехлис на связи. Из Сургута. Соединить? — спросил незнакомый голос, раздавшийся из трубки обычного городского телефона.

— Откуда? — удивился заместитель председателя Совнаркома СССР, по совместительству — Нарком внешней торговли и председатель Экономического совета при СНК СССР, — Соединяйте.

— Здравствуй, Анастас Иванович, — собеседник был возбуждён.

— Приветствую Лев Захарович, какими судьбами? — поинтересовался он у одного из навязанных ему Сталиным представителя военного ведомства. Вообще, в состав Экономсовета, от НКО вошли три человека: Будённый, Мехлис и Щаденко. Анастас Иванович с симпатиями относился к Буденному, равнодушно принял назначение Мехлиса и недоумевал, от назначения Щаденко. Однако, аргументов, для исключения из Экономсовета хотя бы одной кандидатуры, у него не было, пришлось смириться.

— Ты не поверишь... Я тут тебе такое нашел, приеду — плясать будешь, — вкрадчиво, но вдохновенно начал охмурять собеседника Мехлис, — Очень приятный сюрприз, но, в начале скажи, как ты относишься к консервам и концентратам и новым рецептам?

— Ты что, Лев, пока летал по Сибири, заодно научился перемещаться во времени и пространстве? — удивился Анастас.

На другой стороне линии стало тихо, затем послышался кашель, и каким-то необычным голосом, Мехлис спросил:

— Конечно же нет, наука утверждает, что это невозможно. А с чего это Анастас Иванович, ты такие вопросы задаешь?

— Да ты этим вопросом прямо в точку попал. Слово у меня в кабинете, за спиной

стоишь и в бумаги заглядываешь. Я как раз доклад ГлавИнтенданта читаю, а в нём как раз речь о консервах и концентратах идёт. Давай, вези свою находку.

— И о чём пишет Хрулёв? Жалуется, что запасов мало, промышленность с задачами не справляется, необходимо срочно увеличить выпуск продукции? Если об этом, то читал...

— Как читал, Лев? Доклад сегодняшний!!! Шутишь?

— Почитал бы, говорю. Связь местная на ладан дышит, вот и искажает слегка.

— Тогда ладно. Когда в Москву прилетишь?

— Неожиданные проблемы появились, как разберусь, так сразу и вылечу.

— Какие в каком-то отдалённом посёлке могут быть дела, настолько важные, что требуют личного участия начальника ГлавПУра и члена Экономсовета страны? Что-то ты темнишь. Ещё и консервы приплёл. Где вообще этот Сургут находится? — нахмурил лоб Микоян.

— На реке Обь, между Томском и Остяко-Вогульском[1].

— Как ты там оказался? И что такого необычного, удивительного можно найти в эдаком захолустье?

— Подробности потом. Вернусь в Москву, тогда обстоятельно обо всём поговорим, обсудим. А ты меня за это с Хрулевым замиришь. Нам троим впрягаться вместе придется.

— Хорошо. Так какое у тебя дело? — удивлённый неожиданным звонком и ходом беседы спросил Микоян.

— Важное, государственное, уровня Экономсовета, не меньше.

— Ничего себе! А я здесь причём?

— Транспорт позарез нужен, Анастас Иванович. Грузовики. Полк стрелковый перевезти.

— Ничего себе, у тебя просьбы. Где же я тебе их найду? И армия что, не в состоянии всего один полк перебросить?

— Грузовики нужны в Тюмени или Остяко-Вогульске[2]. Это как товарищ Ворошилов решит: откуда полк возьмут, там они и понадобятся. А насчёт того, что не можем... Санным обозом не перекинуть, людей поморозим, а железной дороги поблизости нет, и ближайшие лет сорок — не предвидится.

— Ты прям гадалка, о будущем заговорил, да ручку позолотить просишь. Но, всё равно не по адресу. С этим к другому Наркому надо..

— Да знаю. — перебил Мехлис, — Связь здесь ужасная, никак до Наркома обороны не дозвонюсь, с Вами еле-еле соединили. Только вот только дело срочное, отлагательств не терпящее. Посодействуйте, Анастас Иванович. Надавите на местных товарищей и по хозяйственной, и партийной линии. Нужно чтобы выручили. Очень нужно и важно! — настаивал Мехлис.

— Попробую... — уклончиво ответил Микоян, толком ничего не обещая, — Так что за консервы?

— Ананасы, папайя и манго, подойдёт? — повеселевшим тоном отозвался Мехлис.

— Знаешь, что, Лев, подведёшь под монастырь, ананасами не отделаешься! — без тени юмора, с долей раздражения

— Сочтёмся! Вот тут....

Неожиданно разговор прервался. Микоян положил трубку, встал с кресла, подошёл к карте, всматриваясь в изгибы Оби. Конечно, никакого Сургута он на ней не нашел, масштаб карты не позволял изобразить на ней всё села и посёлки страны.

— Ничего не понимаю. С чего это Льва в такие дали занесло и что он там собирается делать ещё несколько дней.

Через какое-то время вновь затрезвонил телефон, но на сей раз правительственной связи. Анастас Иванович взял трубку:

— Микоян. Слушаю.

— Ворошилов. Анастас, что там Мехлис чудит? Зачем ему стрелковый полк в каком-то Сургуте понадобился? Где хоть это?

— Не знаю, Клим. Лев мне тоже звонил, но подробностей на расрывал. А Сургут — он на Оби, где-то между Томском и Остяко-Вогульском.

— Хм. Яснее не стало. Так как думаешь, выполнить просьбу Мехлиса или пуская оформляет официально?

— А чем Мехлис аргументировал просьбу?

— Дело, говорит — государственной важности. Я предложил НКВД задействовать, он отвечает, что лучше уж наших, армейцев. Лев что-то странное задумал.

— В подробности Мехлис обещал посвятить по возвращению. Ничего, немного подождём, тогда и узнаем. Кстати, послушай, Клим, что ты так переживаешь из какого-то полка? Ты же своими приказами не то что полк, дивизии с армиями перебрасываешь. Особенно сейчас. Так?

— Так-то оно так, но засомневался я. Предложил бы Мехлис полк в Финляндию отправить, посомневался бы, но согласишься — и согласился. А тут нечто непонятное. Тебя вот подключил... Так, что скажешь, Анастас, отправлять мне полк в этот Сургут или как?

— Отправляй, но Мехлису скажи, чтобы про официальный запрос и доклад в Совнарком тоже не забыл, раз уж он и нас к этому делу приплёл.

— Добро, Анастас Иванович. Дам команду, чтобы связались с ближайшей к этому Сургуту воинской частью, а после соединили с Мехлисом. Всё, спасибо.

— Пожалуйста, — ответил Микоян и положил трубку.

«Что же там Лёва мудрит? Ещё и Ворошилова к своим проблемам подключил. С одной стороны — понятно, Нарком обороны для него непосредственный начальник, вопрос с передислокацией частей ему решать. Тогда зачем понадобился я? С Хрулёвым мог и напрямую переговорить, в одном Наркомате работают, одно дело делают. Ладно, со временем разберёмся.» — мысленно продолжил разговор Анастас Иванович.

Микоян отложил в сторону доклад Главного Интенданта и начал листать объёмные, многостраничные документы — проекты постановлений Правительства, планы, расчёты, выделяемые фонды материальных средств для обеспечения личного состава Красной Армии, обеспечения боевой подготовки, ремонта, комплектации боевой техники. От цифр, наименований продукции, перечня предприятий, рябило в глазах. Анастас Иванович ставил пометки, подчёркивал отдельные, непонятные моменты, записывал вопросы, которые надо будет задать как военным, так и руководителям различных Наркоматов.

Часа через полтора, отложив в папку с рассмотренными, документами по обеспечению Красной Армии горюче-смазочными материалами, Микоян отвлекся от работы. Стопка непрочитанных документов значительно уменьшилась, но поработать ещё было над чем. Хозяин кабинета задумался:

«Каждый раз одно и то же. Армия и флот требуют, настаивают, просят, промышленность — соглашается, отказывается или урезает. И кто здесь прав? Могли военные зависить потребность или уменьшить собственные ресурсы? Пожалуй, да, могли. А

может это Наркоматы неверно оценивают свои возможности? И это вполне возможно.

Эх, вот бы изобрели учёные что-то такое, какой-нибудь хитрый прибор, с помощью которого можно было бы ускорить подсчёты, хранить информацию. И чтобы можно было телетайпом передавать сведения с одного прибора на другой. Хочешь — расчёты, нужно — письмо, да даже и фотографию. Удобно, быстро, просто. В Штатах, ими вон, газетчики, с конца двадцатых пользуются, в Германии целую сеть изобрели, «Телекс» называется, да наши учёные не отстают, пару лет назад свой телетайп изобрели[3]. Но, этого всего мало, да и аппаратура больно громоздкая. Нужно что-то небольшое, чтобы можно было установить в каждом отдаленном колхозе, наподобие этого Сургута. Сложный, небось, прибор получится, но ведь нужный. Совсем недавно, никто и представить не мог, что можно общаться, не обращая внимания на огромные расстояния. А сегодня телефон — привычный прибор. Можно позвонить во Владивосток, или в этот Сургут, не выходя из кабинета. Вот только...»

Что только, хозяин кабинета додумать не успел, словно отзываясь на его мысли, напомнил о своем существовании аппарат правительственной связи.

— Микоян. Слушаю.

— Анастас. Что там твой помощник и начальник ГлавПУра вытворяет? Зачем ему войска понадобились? Он завтра танки, авиацию и корабли затребует, а ты предложишь в этом поддержать? — из трубки раздался знакомый голос Сталина.

— Коба, Мехлис сказал, что это дело государственной важности. Видимо, он не мог разглашать его по телефону. К тому же этот Сургут находится...

— Мы уже знаем, где находится Сургут. Как думаешь, что он мог там найти?

— Может золото, Сибирь всё же. Или нефть... — произнес Микоян, видимо под влиянием только что просмотренных документов.

— Золото или драгоценные камни? Что же, вполне может быть. А нефть откуда? Сургут — это не Баку. Далеко не Баку. И охранять её нет никакой необходимости.

— Коба, скоро мы всё узнаем.

— Конечно же узнаем, но Лаврентию всё же позвоню, пускай тоже подключается и людей отправит. Если речь идет о драгметаллах, алмазах или других ценностях, без сотрудников НКВД не обойтись.

— Согласен. Специалисты НКВД там будут кстати.

— Товарищ Ворошилов готовит приказ на передислокацию полка, а тебя, Анастас, прошу подготовить телеграмму в адрес советского и партийного руководства Тюмени, Сургута и Остяко-Вогульска о оказании максимальной помощи военным. Товарищ Мехлис прав, требуя машины для переброски красноармейцев.

— Телеграмму подготовлю, дело возьму на персональный контроль.

— Значит действия товарища Мехлиса пока одобряем и поддерживаем. Будем ждать доклада. — сказал Сталин и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

«Лёва, Лёва! И во что ты меня втравил? Надеюсь оно того стоило.» — подумал хозяин кабинета и вновь вернулся к чтению докладов.

Звонок по правительственной связи застал Наркома внутренних дел СССР Лаврентий Павловича Берия за работой. Взяв трубку телефона, он услышал знакомый голос:

— Здравствуй Лаврентий!

— Здравия желаю, Иосиф Виссарионович!

— Скажи Лаврентий, кто из твоих людей сейчас работает в Томске, Остяко-Вогульске

или поблизости?

— Из состава центрального аппарата НКВД? — уточнил Берия, — Никого.

— Плохо. Необходимо срочно отправить в Сургут группу из трех человек. Старшим — твой заместитель.

— Что-то серьёзное, товарищ Сталин?

— По пустякам мы тревожить бы не стали. В этом Сургуте работает товарищ Мехлис, начальник ГлаПУра. Он позвонил товарищам Ворошилову и Микояну, просит направить стрелковый полк. Похоже обнаружил нечто важное.

— Всё понял, товарищ Сталин, группа сотрудников центрального аппарата НКВД будет сформирована и уже завтра отправится в Сургут.

— Лаврентий, надо подумать и решить вопрос с телефонной связью с этим Сургутом. Не дело, когда важные правительственные вопросы обсуждаются открыто, через телефонисток.

— С решением этого вопроса будет сложнее, но сделаем всё возможное.

— Это нужно решить. — выделив голосом последние слова, Сталин положил трубку.

Ненадолго задумавшийся Берия положил на место трубку телефона, а затем решительно отправился к выходу из кабинета. Открыв дверь в приёмную, он приказал помощнику:

— Меркулова и Кобулова ко мне. Срочно!

Затем вернулся за рабочий стол, продолжив работу.

Минут через пятнадцать в дверь постучали и после разрешения, в кабинет Наркома вошли: первый заместитель наркома — начальник Главного управления Госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов и начальник Главного экономического управления НКВД Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Богдан Захарович Кобулов. Дождавшись жеста хозяина кабинета, приглашавшего вошедших присесть за стол для совещаний, высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности заняли места друг напротив друга, выложив на стол записные книжки и письменные принадлежности.

— Поступило распоряжение, — Берия сделав паузу, продемонстрировал откуда пришло указание, показав указательным пальцем вверх, — Срочно отправить группу сотрудников центрального аппарата НКВД в Сургут. Что там случилось — пока неизвестно, но товарищ Сталин считает задачу крайне важной. Старшим группы назначаю товарища Меркулова. В группу должны войти по два специалиста от каждого управления. Решения по персоналиям — за Вами.

— Слушаюсь. — ответил Меркулов. — Когда и откуда вылет? Кто организовывает связь.

— Время и место вылета будет известно через час, организация перелёта возложена на Наркомат обороны. Что со связью — пока не понятно, Сургут — маленький населенный пункт, и правительственной связи там нет.

— Может Наркомат обороны поможет. Или...

— Может и поможет. Какой ещё вариант?

— Если использовать обычную связь, то можно привлечь наших сотрудников. Определить время для переговоров и в этот промежуток на узлах связи будут дежурить наши люди.

— А если появится срочная информация? — резонно спросил Кобулов.

— Введём круглосуточное дежурство. — подвёл Берия итог обмена мнениями.

— Товарищ Нарком, — обратился Кобулов, — Какие задачи ставить специалистам экономического управления? Кого подбирать?

— Точной информации нет, сами понимаете, Мехлис выходил по обычной связи. Возможно, дело связано с найденным золотом, серебром или драгоценными камнями. Места вполне располагают. Как уж об этом Лев Захарович узнал — не представляю. Может он Всеволоду Николаевичу и расскажет. На этом всё, товарищи. Жду доклады и результаты.

[1] Ханты-Мансийским окружной центр стал только 23 октября 1940 года. С этого же дня и Остяко-Вогульский округ стал Ханты-Мансийским.

[2] Название Ханты-Мансийска до октября 1940 г.

[3] В 1935 году Н.А.Волковым, Н.Г.Гагариным и С.И.Часовщиковым был разработан первый советский телетайп СТ-35.

Полк, в ружьё!

Борясь со скукой и сном, дежурный по полку, старший лейтенант Шмаков, мечтал. А что ещё прикажете делать дежурному по воинской части, в забытой богом и людьми сибирской глуши. Вообще помечтать о «великом», Михаил любил и предавался думам в любое удобное и неудобное время, не обращая внимание на то, что его вечно сонное, мечтательное выражение лица, категорически не нравится всем тем, с кем Михаилу приходилось служить и общаться. Шмаков был уверен, что всё это от зависти к его стратегическому складу ума.

А как же иначе? Только из зависти к юному таланту, поставил «неуд» преподаватель тактики в Тамбовской военно-пехотной школе, коллектив которой ещё не осознал, какого великого полководца они гнобили, чуть на закопав «талант» и постоянно угрожая отчислением. Подумаешь, в роли командира батальона, он принял решение форсировать реку не поперёк, а вдоль. Но, в этом ведь и был скрыт полководческий замысел. Противник в жизнь не догадается, что так тоже было можно, и, войска, ведомые Шмаковым, пользуясь замешательством врага, врываются в тыл, громя супостата направо и налево.

А преподаватель топографии? Как он бушевал и брызгал слюной! Кричал, что только бездарь, ни бельмеса не смыслящий в военном деле, не умеющий читать карту, может разместить батальон в глубоком болоте, к которому ведёт одна единственная дорога! Шмаков, уверенный в том, что зелёное пятно на карте означает лес и ничего более, пытался доказать полковнику, возомнившему себя Пржевальским, что в этом хитрый план боя и заключается. Но, куда там, продолжая обзывать его неучем и лентяем, топограф тоже вклеил «неуд».

С грехом пополам (не без помощи высокопоставленного дальнего родича из Москвы) закончив курс Тамбовского пехотного, Шмаков получил назначение в эти забытые леса.

Служба на новом месте тоже не складывалась. Начальство, от комбата и командира полка, до комиссара, постоянно к нему придирались. Подумаешь, было дело, когда оставаясь за комроты, Шмаков вывел на учения подразделение, не получив сухой паёк и не сняв бойцов с котлового довольствия. Ох и орали на него все подряд, обвиняя в том, что он чуть не уморил голодом сотню человек, а обед приготовленный на роту, пришлось скормить свиньям. Особенно старался интендант полка, обвинив во вредительстве и растрате народных денег. В своём узконаправленном следовании всяким уставам, приказам и наставлениям, все эти начальнички не поняли главного — какой глубокий замысел преследовал Шмаков! Ведь на войне никому не будет дела до всяких документов, и при выполнении боевой задачи, вполне может быть так, что войска, под командованием Михаила, уйдут в глубокий отрыв от подразделений, руководимых любителями всяческих уставов, а усатый начпродснаба не сможет вовремя доставить пищу. Вот тогда-то героические шмаковцы, бойцы — приученные голодать по десять и более дней, всем покажут, как воевать надо.

Доводов лейтенанта комполка не понял (не иначе отличные оценки в академии получал по знакомству), и вклеил Шмакову пять суток ареста, с удержанием денежного довольствия на срок содержания на гауптвахте.

И такие случаи происходили с Михаилом регулярно. Даже непонятно, как Шмакову присвоили очередное звание? Не иначе кто-то на небесах решил посмотреть, что же дальше

будет.

Вот и сегодняшней день не задался. Причем неудачи начали сыпаться сразу после обеда. Оказалось, что капитан Логинов, который и должен был заступить дежурным, неожиданно отпросившись у комполка уехал в больницу, жена у него, видите ли, рожает. Пришлось Шмакову не отдохнув, не выспавшись перед заступлением в наряд, нарушив верную шмаковскую примету — не соглашаться ни с кем меняться дежурством, отдуваться за другого. Конечно же наряд пошел кувырком, забирая остаток сил у так и не отдохнувшего Михаила.

Вымотавшись за день от суеты, Шмаков пришёл в штаб и усевшись за стол в комнате дежурного по полку, задумался о тех реформах, которые, по его мнению, могли поднять Красную Армию на недостижимую высоту... Воспарив в мыслях, он не заметил, как заснул, опустив голову на грудь и пуская из уголка рта тонкую струйку слюны.

В три часа ночи, от рёва, прибывшего на проверку караулов комиссара полка Вискребенцева, проснулся не только Шмаков, но и похоже все звери в десятикилометровой округе.

— Тацстаршлейтенант! Что Вы себе позволяете? Какое Вы имеете право спать на посту??? Мало того, у Вас перед носом спит, выдавая храпака, и часовой, охраняющий Революционное Знамя полка!!! Вы что, хотите под трибунал загреметь и всё командование с собой под статью подвести?!!!

Ничего не понимающий спросонья Шмаков, хлопал глазами и мычал в своё оправдание что-то невнятное.

— Как ханку жрать, по разбитным бабёнкам бегать, да в картишки половину жалованья просаживать, так тут у нас Шмаков в передовиках, а то, что у нас чуть было Знамя не спёрли... — продолжал бушевать Вискребенцев, — Ваше персональное дело завтра же будет разобрано на комсомольском собрании полка! Подотрите слюни, Шмаков и наведите, наконец, должный, уставной порядок!!! И прочитайте наконец-то Устав. На то, что сможете что-то выучить, даже не надеюсь.

С этими словами комиссар повернулся на каблуках и вышел из штаба.

«Вот это я попал! Комиссар — зверь, с живого меня не слезет. Надо как-то выкручиваться. Ладно, утро вечера мудренее». — подумал Шмаков.

Пройдясь по коридорам, осмотрев взбодрившегося часового, Михаил вновь прошёл в комнатку дежурного, сел за стол, открыл, безразлично полистал и вновь закрыл Строевой Устав. Комиссар же не сказал ему, какой именно устав нужно изучить, посмотрел на телефон и вновь погрузился в мечтания.

«А как бы здорово было, позвони сейчас сюда товарищ Нарком обороны Маршал Климент Ефремович Ворошилов! Ошибся, например, или телефонистка случайно с нашей частью соединила, и спросил, какие соображения есть по улучшению уровня боевой подготовки? И тут я бы ему каааак выдал. А он такой:

— Замечательный Вы стратег, товарищ Шмаков! Вот Вы то и нужны Генеральному штабу, а не те выскочки, которые работают сейчас. Пойдёте ко мне советником? Для начала — полковником? Квартиру Вам дадим в Кремле, автомобиль блестящий, чёрный, иностранный, с шофёром.

— Пойду, тац Маршал, отчего бы не пойти. Заодно и Генштаб почистим, отправим служить за Урал, а то ишь!...».

Дальше пофантазировать Шмаков не успел, глаза вновь начали слипаться, голова —

клониться к столу. Всё же ночь, проведенная накануне с разбитной разведённой Авдотьей и полулитр «выкушанного» самогона, давали о себе знать.

Неожиданно, словно материализовавшись изо сна, противно затрезвонил телефон.

— Дежурный по полку старший лейтенант Шмаков слушаю! — скороговоркой выпалил Михаил.

— Москва на связи. У аппарата Нарком обороны товарищ Ворошилов. Соединяю! — из трубки раздался ровный голос телефонистки.

Михаил вскочил и проорал в трубку:

— Дежурный по части...

— Что так кричишь? Оглушишь. — раздался из аппарата спокойный, властный голос, явно принадлежащий очень большому начальнику. — Пригласите к аппарату командира или комиссара вашей части.

— Дык ночь на дворе, спят ещё все. — растеряно пробормотал Шмаков.

— Точно, у вас же ночь. Так отправь за ним посыльного, дело срочное и важное.

— Посыльный!!! — заорал Михаил, не убирая ото рта телефонную трубку.

— Ох уе... — отозвался московский абонент.

— Что Вы сказали, товарищ Маршал?

— Нет, ничего. Я через полчаса перезвоню. — ответил Нарком, и абонент отключился.

Михаил положил трубку, только сейчас обнаружив, что он весь мокрый от выступившего пота.

— Посыльный! — вновь прокричал в гулкую темноту штаба Михаил. — Где ты там дрыхнешь?

Десятиминутные поиски посыльного увенчались успехом. Боец действительно спал в неприметной комнатке для уборочного инвентаря.

— Посыльный! Бегом к командиру части, от него — к комиссару. Скажешь, звонил Нарком обороны товарищ маршал Ворошилов! Минут через пятнадцать будет звонить повторно.

— Тащ старлейт, а товарищ Калинин ещё не звонил? — равнодушно, с ленцой, зевая поинтересовался красноармеец, кутаясь в шинель и поворачиваясь на другой бок.

— Бегом!!! — прорычал Шмаков. — Одна нога здесь, а две другие — оторву!

Начальственный рёв подействовал. На сей раз, очумевший посыльный, вскочил, нахлобучил на голову будёновку, и, пытаясь на ходу попасть в рукава шинели, ринулся на выход.

— То-то же! Будете знать! — довольно пробурчал под нос возвращающийся в дежурку Михаил.

Сев за стол и уставившись на телефон, он начал ждать, не то звонка, не то командование части. Никогда в жизни Шмакова минуты не пролетали так быстро. Ровно через полчаса раздался звонок.

— Москва. Нарком обороны...

— Дежурный по части...

— Ворошилов. Ну, где там командир или комиссар?

— Сей минут будут здесь, тащ Маршал Советского Союза!

— Хорошо, я подожду. Уж больно сложно до вас дозвонится. Впечатление, что у вас там полный бардак, а не служба.

От таких слов лейтенант чуть не онемел. Узнай комполка о том впечатлении, которое

сложилось у Наркома обороны после единственного разговора с дежурным, Шмакову несдобровать.

А время летело вскачь. Таяли, мелькая секунды, пауза затягивалась, но никто из командования на пороге штаба так и не появился.

Шмаков начал мысленно прощаться со званием. «Интересно, до кого меня разжалуют? Лейтенант? Младший лейтенант? Старшина?». В тот момент, когда Михаил в своих подсчётах добрался до ефрейтора, дверь распахнулась, и в штаб влетел комполка. Он вихрем пронёсся по коридору, заскочил в дежурку, бросил на стол скомканную будёновку, выхватил телефон у бледного, мокрого дежурного и скороговоркой доложил:

— Командир стрелкового полка майор Бурцев у аппарата.

— Медленно ходите, товарищ майор. — донесся из трубки голос Наркома, — Слушайте меня внимательно...

Командир полка погрозил Шмакову кулаком, жестом показав, чтобы он убирался из дежурки, закрыв за собой дверь.

Через несколько минут разговор завершился, комполка положил трубку, вышел из комнаты дежурного, постоял несколько секунд, задумчиво покачиваясь с пятки на носок, наконец поднял взгляд и сказал:

— Дежурный, командуйте: полк — в ружьё! Тревога! — отвернулся и тяжелым шагом пошел в свой кабинет. Пройдя несколько шагов остановился, повернулся к Шмакову и сказал:

— Комиссара и начштаба — ко мне, срочно. Комбатов и офицеров штаба — жду через пятнадцать минут. — немного помолчав добавил: — Расстрелять бы тебя, Шмаков, да времени пока что нет.

После этих слов комполка продолжил путь, но пройдя ещё пару шагов остановился, вновь обернулся к дежурному спросил: — Логинов прибыл? Как появится — сразу ко мне!

Прожектор Перестройки

Мехлис вышел из душевой, блаженно улыбаясь. День предстоял длинный и сложный, необходимо было взбодриться и он с радостью согласился с предложением Логинова, принять водные процедуры, пока есть такая возможность.

Он продолжал вытирать голову полотенцем, стараясь быстрее высушить влажные, волосы, когда неожиданно его окликнул девичий голос:

— Товарищ Мехлис? Раиса Горбачева — комсорг ТЦ. Меня правильно проинформировали, что Вы являетесь начальником Главного военного политического управления Министерства обороны Советского Союза?

— Наркомата обороны. — вежливо поправил девушку Мехлис, — Я заместитель Наркома.

— Какого такого наркома? И Вы так спокойно мне это заявляете!!! Мне сказали, что Вы порядочный человек, а Вы заместитель у какого-то наркомана!!! — гневно набросилась Рая на ничего непонимающего Мехлиса.

— Наркомат — это аббревиатура, сокращение слов Народный Комиссариат или, чтобы Вам было понятнее — аналог Министерства. А я — заместитель Народного Комиссара обороны. — пытаюсь отгородиться от неожиданного напора и выставив ладони перед собой начал оправдываться Лев Захарович.

— Понятненько. — успокаиваясь ответила Горбачёва, — Так вот, у меня к Вам крайне серьёзное дело.

Ряд комсомольцев — совсем не те люди, за которых себя выдают. Они отказываются от комсомольских и общественных поручений, критикуют руководство Партии и государства и даже... Несвоевременно оплачивают членские взносы!!! — скороговоркой зачастила Горбачёва. — Они оправдывают диктатора, ГУЛАГ, и в то же время крайне критически отзываются о руководителе Партии и Правительства. Эта вертихвостка, Альбина, презрительно называет товарища Хрущёва «никиткой», «кукурузником» и «волюнтаристом»!!!

Они, как морковки, снаружи красные, внутри — белые!

— Может Вы хотели сказать редиски? Морковь и с наружи и изнутри одного цвета, оранжевого.

— Редиски? Нехорошие люди? — вспомнила Рая старую комедию, — Точно! Редиски! Новохудоносоры! Те ещё фрукты!!!

— Н-да. — не став продолжать дебаты и разъяснять, что редиска не относится к фруктам, задумчиво ответил Мехлис, — А от меня-то чего хотите?

— У меня есть сведения о каждом из них! — понизив голос горячечно зачастила Раиса, — К сожалению, часть записей осталась дома, не перенеслась в прошлое, но и то, что сохранилось, поможет увидеть нутро каждого, раскрыть их чёрные мысли и замыслы! Вот здесь — Раиса подняла с пола стоявшую у её ног матерчатую сумку, — здесь хранится часть архива. Видео и аудио записи, докладные на каждого...

— Надо же, даже звуковые и кинозаписи собирали. Любопытно... — Мехлис протянул руку к сумке, но Горбачёва резко спрятала её за спину.

— Вы не подумайте, что я карьеристка и не стремлюсь к власти по головам. — сказала она.

Лев Захарович согласно закивал, именно об этом он и подумал.

— Наша семья, начиная с дедушки, Михаила Сергеевича, всегда делала всё, чтобы эта страна жила хорошо, но...

— Эта страна, как я понимаю, Советский Союз? — перебил девушку Мехлис.

— Ну да. — с брезгливым оттенком в голосе ответила Раиса, — Дедушка разработал прекрасную программу, чтобы вывести эту страну из застоя. И чем ему отплатили? Отправили сюда, в глушь, в Сургут!

— Простите, а кем был Ваш дед? — осторожно спросил Лев Захарович.

— Он был членом ЦК КПСС! — гордо ответила Горбачёва. — Если бы Вы знали сколько сил и здоровья, он потратил на то, чтобы найти консенсус!

— И что? Не нашёл? — удивился Мехлис, не имея ни малейшего представления о том, кто или что обозначает этот самый «консенсус». Но, видимо очень нужная, важная и редкая вещь, раз дедушка этой дамочки потратил на его поиски всю свою жизнь. Но, похоже, что и его собеседница тоже не имела ни малейшего представления, о чём идёт речь.

— Понимаете, — горячим шёпотом продолжала она, — Михаил Сергеевич в Москве консенсус почти нашёл, но потом он куда-то пропал. Я думаю, что его похитили конкуренты. Украли, спрятали и обвинили дедушку в том, что он его потерял. Но на этом завистники не остановились и отправили Михаила Сергеевича сюда, в Сургут, снова искать этот проклятый консенсус!

— А здесь он значит есть?! — обрадовался Лев Захарович.

— Конечно же есть! — убежденно ответила Рая. — Я слышала, как беседа со своими своим друзьями, гениальными, великими, но так и не понятыми людьми: Шеварнадзе, Яковлевым, Явлинским, Гайдаром, Ельциным, академиком Шаталиным, дедушка говорил, что он нашёл этот самый консенсус. И они с ним соглашались! Значит он точно где-то здесь!

Перечисленные фамилии ни о чём не говорили Льву Захаровичу, потому он осторожно спросил:

— А чем знамениты все эти люди? Они ученые? Геологи?

— Что Вы! Выше, гораздо выше. Они — выдающиеся политики и экономисты. Его? Гайдар — без пяти минут редактор журнала ЦК КПСС «Коммунист», утверждал, что только невидимая рука рынка сможет решить все экономические проблемы! А дедушка Коли Явлинского? Он разработал великолепную программу — 500 дней! Представляете, если бы его программу приняли, как всего за два года перевернули бы всю эту страну!!!

Мехлис понимающе кивнул, но комментировать не стал. Как за пару лет перевернуть всё и вся, он отлично знал и помнил. Вот только для того, чтобы восстановить «перевернутое», понадобились долгие годы и даже десятилетия.

— И как его отблагодарили? — продолжала Рая, — Всех их сослали в какой-то Уренгой. Не то Новый, а может даже и вообще в Старый! Представляете? Блестящих экономистов и в сибирскую глушь! Когда дедушка Гриша смог перебраться к нам, поближе к дедушке, Коленьку так и звали «Коля с Уренгоя».

— К более подробному разговору о Ваших родственниках и знакомых мы ещё вернёмся, — пообещал Лев Захарович, — Сейчас бы Вы чего хотели? Вы же не просто так передали мне всю имеющуюся у Вас информацию?

— Конечно, конечно! — вновь затараторила Раиса, — Я же понимаю, что Вы очень занятой человек, Вы и так мне немало своего времени посвятили. Узнав, что мы переместились в прошлый век, я поняла, что могу быть крайне полезной. Я могу помочь

всем: ЦК КПСС, ВЛКСМ, Правительству. За век мы ушли далеко, появились новые стили и методы работы с молодежью. У меня есть наработки по множеству вопросов, которые, я уверена, будут востребованы и помогут нам совершить рывок. Сейчас страна стоит на краю пропасти, а мы, молодёжь, комсомольцы, ленинцы, поможем, а если необходимо — заставим сделать шаг вперед!

Мехлис оторопел, похоже барышня даже не поняла, что она сейчас сказала. Тем не менее, он не стал её перебивать и исправлять, пытаясь ухватить, вычленить из рассказа главное.

— Я готова работать в ЦК ВЛКСМ, отдавая всю себя работе с молодёжью. Ускорение, перестройка, гласность и новое мышление — вот то, чего требуют комсомольские сердца!

Мехлис поморщившись от непривычного удара и из-за этого дико прозвучавшего слова «мышление», поинтересовался:

— Простите, а чего Вы собираетесь так активно перестраивать? Мы ещё только строим: Коммунизм, страну, армию.

— Мы, молодёжь, найдём, что перестроить! Мы вернём страну на ленинский путь. Нам нужен прожектор перестройки, и я могла бы быть его лицом!

Раечка даже зажмурилась, представляя, что её портрет будет красоваться на обложках глянцевого журнала, первых полосах газет, на экранах телевизоров и в кинотеатрах. Её лицо приобрело такое мечтательное выражение, что Мехлис не посмел озвучить крутящиеся у него на языке язвительные слова, что у прожектора нет и не может быть лица.

— Если же в ЦК комсомола пока что нет мест, или нужны ещё какие-то особые рекомендации, что же, я согласна работать и у Вас, в Министерстве обороны. Вернее, как там, в Наркомате обороны?

— И чем бы Вы занялись в НКО? В каком направлении хотели бы реализовать свои знания и умения?

Раечка ненадолго задумалась, сморщив носик.

— Я хочу работать в том же направлении — с комсомольцами. В армии же много комсомольцев?

— Много. — согласился Лев Захарович.

— Вот в комсомольской организации Вооруженных Сил я бы с удовольствием поработала. Если это необходимо — я даже готова одеть погоны!

— На кого вы их ходите одеть? — оторопел спросил Мехлис, — Да и нет у нас погон, отменены.

— Как на кого? — удивилась Раиса, — Конечно на себя! — кокетливо повела плечами девушка. — А если в этом вашем ГлавПУРе нет погон, я согласна на что-нибудь более простое, хотя бы на такие симпатичные ромбики. — Горбачева ткнула ухоженным, наманикюренным пальчиком в сторону воротника Мехлиса, показывая на петлицы.

Лев Захарович побагровел и на какое-то время лишился дара речи. Но, быстро собравшись и успокоившись, он вежливо сказал:

— Видите ли, товарищ Горбачёва, мои петличные знаки различия, которые Вы называете «ромбиками», соответствуют званию армейского комиссара Первого ранга, то есть генеральскому.

— Ой! Извините, я не знала таких особенностей. — принялась оправдываться Раиса. — Раз так, то я согласна на кубики, прямоугольники или, если есть — треугольники или кружочки.

— Знаете, — задумчиво сказал Мехлис, — Давайте о Вашем назначении, должности и возможном звании, мы поговорим позднее. Насколько понимаю, среди сотрудников ТЦ есть люди, которые помогут Вам в этом разобраться, а я, тем временем, прочитаю предоставленные материалы, посоветуюсь, и приму решение по Вашей дальнейшей карьере. Возможно, на какое-то время, Вам придётся остаться здесь. Скоро сюда прибудет усиление, в том числе и из числа комсомольцев и с ними надо будет активно и плотно работать.

Личико Раечки скривилось в недовольной гримасе, она ожидала от разговора иного результата.

Мехлис тем временем продолжил:

— В ваших краях я планирую пробыть ещё сутки — двое. До вылета в Москву, решение по Вашей дальнейшей службе будет принято.

— Уверена, что решение будет правильным. — Раиса тоном подчеркнула последнее слово, — До свидания! — она улыбнулась собеседнику, развернулась и упорхнула в сторону «Цифросети».

Пройдя по широкому коридору несколько шагов, она чуть не столкнулась со спешащей куда-то Альбиной, победно ухмыльнулась и, покачивая бедрами, продолжила важно шествовать на рабочее место. Мысленно Рая Горбачёва уже была в Москве, делая успешную карьеру в ЦК.

Лев Захарович задумавшись, держа в одной руке влажное полотенце, а в другой — сумку с материалами, не разбирая дороги, побрёл в противоположную сторону.

«И что с ней теперь делать? Оставить здесь, как и планировал? Так она никому жизни не даст. Когда прилетят сотрудники НКВД, она быстро найдёт того, кому, про кого и что говорить. Так мы здесь всех помощников лишимся. Забрать с собой? Куда? В ЦК ВЛКСМ, куда эта малограмотная фанатичка так рвется или в ГлавПУР, чтобы была под контролем? Поговорю о ней с Логиновым, он здешних людей знает, может чего и посоветует.

Кстати, похоже дамочка так и не поняла, в какое время и вы какую эпоху она попала. Или знания ею истории страны, мягко говоря — слабые. Это же надо, назвать товарища Сталина диктатором. Значит, что? Значит именно так называли Иосифа Виссарионовича родственники этой Раисы, окружение, единомышленники. Надо переговорить с Лаврентием Павловичем, возможно, есть смысл этих „товарищей“ взять на особый контроль. Хотя... Лет то им, наверное, не так уж и много. Значит проконтролировать их родителей, кто-то же их воспитал, обучил.»

Задумавшись и прикидывая различные варианты, Лев Захарович не заметил, как оказался возле книжного магазина. Рядом с входом, в кожаном крутящемся кресле с высокой спинкой, на колёсиках уютно расположился прибывший с Мехлисом батальонный комиссар. В руках охранявший магазин комиссар держал какое-то электронное устройство с большим плоским экраном, в его ушах торчали горошинки наушников.

«Планшет» — в памяти начальника ГлавПУРа всплыло название устройства. «И чем он занимается? Кино смотрит или читает? Хорош помощничек, ничего вокруг не замечает!».

Батальонный комиссар настолько увлёкся происходящим на экране, что не заметил приближающегося начальника. В какой-то момент он почувствовал, что рядом кто-то находится, и наконец-то поднял свой взгляд. Увидев Мехлиса, стоявшего в паре шагов от него, он суматошно вскочил, откладывая планшет на стоящий рядом столик, вытащил из ушей наушники, встал по стойке «смирно» и доложил:

— Товарищ армейский комиссар Первого ранга! За время дежурства происшествий не

случилось! Докладывал батальонный комиссар Полипов.

— Понятно. — протянул начальник. — Чем это Вы, товарищ Полипов, так заняты, что напрочь забыли требования Уставов и несёте службу спустя рукава? В облаках витаете или просторы космоса покоряете?

— Виноват, товарищ армейский комиссар Первого ранга! Потомки планшет принесли, сказали, что здание под охраной, а коллектив предупреждён, что к книжному магазину подходить запрещено. Дали посмотреть мультик. Сказку. Про Вовку, в тридесятном царстве. Он там тоже попадает, как и наши потомки, только в сказку. И вот... Затянуло... — виновато бормотал батальонный комиссар.

— Планшет вернуть хозяину, мультики — отставить. — грозно сказал Лев Захарович. — Приведите себя в порядок и несите службу как положено. Нечего потомкам дурные примеры подавать, демонстрируя разгильдяйство и анархию. По прибытию в Москву будете наказаны. И уверяю, что на сказку это будет совсем не похоже!

— Слушаюсь, товарищ армейский комиссар Первого ранга. — унылым голосом ответил подчинённый, а в его мыслях пронеслось: «Принесла же нелёгкая!».

— Ключи от помещения у Вас? Откройте. — потребовал Лев Захарович.

Включив свет и войдя в помещение, Мехлис нашёл стеллаж со словарями, достал с полки словарь иностранных слов и принялся искать, что же означает этот самый «консенсус»...

Что делать?

День у главы охраны начальника ГлавПУра интенданта 2-го ранга Грязева выдался нервный, суматошный. Выполняя задачу командования, Василий Семёнович обошёл здание. Прислушивался то к одной, то к другой группе попаданцев, иногда задавая наводящие вопросы.

Известие о перемещении во времени люди приняли по-разному. Окончательно осознав, что на дворе не 2019, а 1939 год, что возможно, никогда уже не свидятся с родными и близкими, в поведении, эмоциях и реакции на событие попаданцев произошли заметные изменения. Одни впали в ступор, замыкались в мыслях, ни с кем не общались, тяжело переживая горечь утраты. У других началась истерика, время от времени они бросали какие-то несвязанные фразы, рвали на голове волосы и заходились в истошном крике. Кого утешали, говорили ободряющие слова, кому-то давали успокоительное. Постепенно истерика сошла на нет. Третьи воспринявшие новость спокойно, с деланным равнодушием, общались с единомышленниками, строили планы на будущее. Были и четвёртые, и пятые, и так далее, но единицы их в конечном итоге погоды не делали. Реакции сводились к одному из основных вариантов.

Паникёров и замкнувшихся в себе Грязев обходил стороной. Лезть к таким людям в душу с расспросами и беседами ещё рано, пускай успокоятся, приведут мысли в порядок. Самая многочисленная группа, стоически перенесшая новость обсуждала открывшиеся перспективы.

Но, и тут не было единства. Одни предлагали воспользоваться возможностями и получить славу и деньги.

— Послушайте! — вещал мужчина в синих, изрядно потёртых брюках, линялой светло-голубой рубашке и с серьгами в ушах

— У нас грандиозная фонотека: Пахмутова с Добронравовым, Высоцкий, Окуджава Антонов, «Любе» наконец. — Ярился он. Передаём слова и ноты, оформляем авторство на себя и дело в шляпе. Так же поступим и с книгами. Славу с деньгами разделим по-честному, на всех.

— Нельзя начинать новую жизни с воровства! — возражала женщина, одетая в строгий серый костюм, состоящий из прикрывшей колени юбки и двубортного пиджака.

— Какое воровство? У кого? — гнул свою линию потрёпанный. — Нельзя украсть то, чего нет и в помине. Одни авторы с композиторами ещё не родились, другие о творчестве даже не помышляют. Вырастут — ещё напишут, может даже и лучше. — разорвался обладатель рваных штанов.

— А если мы убьём в людях дар? Послушают собственные песни, решат, что лучше не напишут, и страна не узнает имён и засохнут таланты.

— Настоящие творцы так и не реализуют себя. — не сдавалась дама.

— Да быть такого не может! Творческий дар даётся свыше и судьбу не изменить. Хорошо, не хотите песни, можно передать фильмы. Подправим титры и вперёд. — напористо продолжал мужчина.

— А через десяток лет настоящие актёры начнут в них узнавать себя? И как тогда выкручиваться? — в спор вмешался молодой человек, до этого спокойно выслушивавший аргументы сторон.

— Возьмём иностранные. «Звездные войны», например. — парировал оборванец.

— Не будут их смотреть, время не то. — подвела итог дама.

— Да как же не будут. — горячился подошедший парень. — Дарт Вейдер писанный фашист.

Грязев внимательно слушал, мысленно отвергал предложения страждущих денег и почестей, соглашался с их оппонентами. После перешёл к другой группе, внимательно прислушиваясь к беседе двух продавцов, одетых в спецовки магазина стройматериалов.

— Зря, конечно, Логинов отказался отряд на финскую отправлять. Как ни крути, а знаний у нас поболее будет. Я в армии, к примеру — замкомвзвода был, в танковых войсках. А здесь и с ротой справлюсь. Всяко буду не хуже нынешних.

— Слышь, «замок», ты за рычагами здешнего танка хоть раз сидел? Не на диване, за ЭВМ, а в настоящем танке? Думаешь, раз в «танчиках» мастер, так и с настоящим справишься? Нет, начальник правильно сказал, нечего нам там делать.

— Предлагаешь сидеть на месте ровно, не вмешиваться и смотреть, как гибнут наши пацаны? — сержант запаса скрипнул зубами и сжал здоровенные кулаки.

— Нет, Толя, не предлагаю. — продолжил сержант. — Моя бы воля — организовал здесь сержантские курсы. И сами бы научились, и местных поднатаскали. Надо ещё в планшете порыться, глядишь, что-то нужное найду. А ты в «танчиках» своих поищи, в них кажись справочники были. — предложил приятель. — Сам хочу нашим помочь, вот только не знаю, как. Эх, кабы сюда не ТЦ, а танковая дивизия провалилась, вот это было бы дело.

— Наверное, ты прав. Я то учился на одних танках, а здесь техника другая. Да что танки, тут бы со стрелковкой разобраться. «Калашей» тут нет, и вряд ли в обозримом будущем они появятся. Ладно, пошли, хоть информацию поищем.

И приятели пошагали на рабочие места.

Впечатления от происходящего захлестнули разведчика. Ему захотелось немного отвлечься, перекурить и собраться с мыслями. Охрана беспрепятственно выпустила его на улицу, и тихонько скрипнув входной дверью, Грязев вышел на крыльцо. Достал из мятой пачки папиросу, размял её, чиркнув спичкой — прикурил, затянулся горьким дымом и услышал голоса очередных попаданцев.

— Кеша, валить отсюда надо, срочно!

— Боря, не делайте нервы. Куда отсюда свалишь и на чём? Это тебе не Сургут двадцать девятнадцать, с транспортом туго. Видел на чём здешнее начальство летает? Вот это и есть лучший образец здешней мысли. А пешком далеко не уйти.

— И что делать? Ждать, когда в армию забреют, а потом с одной винтовкой на троих от немца отбиваться? Не хочу! Мне та эсэсэсэрия поперёк горла была, а эта — тем более. В штаты надо рвать, или в Европу!

— Борис, какая нахрен Европа? Слышал, что говорят? На дворе тридцать девятый год, немец вот-вот всю Европу под себя подомнёт...

— Можно сразу в Германию рвануть.

— На хрена? Немцам что, только пары грузчиков и не хватает? К тому же у нас нет никаких документов. А без них нас сразу сцапают, да в кутузку посадят. Ну и на профиль свой посмотри. С таким фото дорога одна — в лагерь.

— Нормальный у меня профиль! Да не будут немцы сажать каждого обладателя сомнительного фейса. Брехня это всё коммуняцкая. Но, документы — это серьёзно. Нужна легенда. Может лучше в США?

— Хлестать вискарь заместо водки? — хохотнул Кеша.

— Вообще-то у меня неоконченное высшее! — привёл очередной довод Борис.

— Фил олух, что ли? Очень оно пригодится. — хохотнул Кеша, — Ты и английского толком не знаешь.

— Фигня! Наберём телефонов, планшетов, прочей лабуды, станем богачами.

— А как же досмотр?

— На корабль тайком проникнем, без всякого досмотра! — продолжать убеждать приятеля Борис.

— В начале надо как-то до порта добраться. — возразил Кеша.

— Фигня! Попутками до Ханты-Мансийска или Тюмени, а там ищи ветра в поле!

— Какие, нафиг, попутки? — отбивался скептик. — Где ты их видел?

— Дёрнем авто у наших. Доедем до цивилизации, там бросим.

— А где горючку взять? Тут автозаправок нет. Если уж так неймётся, лучше дожидаться весны, а там — на корабле.

Дальнейшего обсуждения Грязев дожидаться не стал. Тихонечко, чтобы не побеспокоить спорщиков, он вернулся в здание, потирая озябшие руки и плечи.

— Замёрз? — участливо спросил охранник, — Сходи в ресторан, горячего поешь.

Василий только сейчас понял, что проголодался и, поблагодарив ВОХРовца, скорым шагом двинулся к неработающей лестнице эскалатора.

В зале одного из немногих работающих кафе было многолюдно, очередь вилась вдоль линии самообслуживания и подходила к входной двери. Василий Семёнович встал в конце и мысленно начал составлять доклад. Не прошло и минуты, как очередь выросла ещё на двух человек: юноши, по всему видно — друзья, пристроились к хвосту и взяли в руки подносы. Грязев прислушался и к их разговору:

— Коль, а у тебя прадед кем был? — спросил паренёк, стоявший сразу за интендантом.

— До войны — лётчиком в ГВФ — в Гражданском воздушном флоте то бишь. Летал в наших краях. А после к Голованову перешёл, в дальнюю бомбардировочную. А твой, Лёщ, где?

— Бабушка по секрету рассказывала, что дед из «благородий», дворянин вроде. Говорила, что два «егория» у него было, Анна, да Станислав, оба с мечами и бантом. Сунулся было у деда уточнить, так он так зыркнул, что дар речи пропал. На Отечественную Алексей Саныч в сорок первом добровольцем ушел, в пехоту, под Москву. Вернулся майором, комбатом. Ордена Невского, Кутузова, Звездочка, да Знамя, плюс две медали «отважные». Демобилизовали только в 1947. Дед приехал, так дочку с сыном в первый раз и увидел. Двойняшки они, через два месяца после призыва родились. Жаль, пожил потом недолго. Я в прошлом году специально в Москву ездил, боевой путь деда Алексея восстанавливал. Зато сейчас встретились, может иначе жизнь у всех нас и сложится. Эх, жаль на войну не махнуть, запретили.

— И что нам там делать?

— Коль, ты послушай: мы перворазрядники по пятиборью, почти сдали норматив «мастера» по биатлону, без пяти минут чемпионы соревнований квадрокоптеров, и ты спрашиваешь «что делать?».

— Лёшка, война — не чемпионат, мишень ведь не отстреливается. Да и стрелять в живого человека боязно.

— А как же наши деды? Что думаешь, им было не страшно? Ничего, наловчились. Так и

мы научимся.

— Лёш, ты же знаешь, у меня жена молодая, как же я её брошу, да на фронт сбегу?

— Нет, Коль, одну Ольгу оставлять нельзя.

— Лёш! А Настька, провизор из аптеки, тебе кем приходится?

— Сестричка.

— Ты же говорил, что в семье один. Откуда сестра? — не поверил Коля.

— Мои бабушка с дедом, для неё прабабушка и прадед. Настя наследница по старшей линии, мой батя — младший сын. Понял? — несколько сумбурно пояснил Алексей.

— Блин, всё смешалось: бабушки, дедушки, братья с сёстрами, да внуки с правнуками, прям индийское кино. Нет, то, что родная кровь — видно, но как-то непривычно. Внук и правнучка, а почти ровесники.

— Бывает. А ещё бабушка Настеньке дар передала.

— Лёш, ты бы с фантастикой завязывал, а! Тут и так реальность, как в сказке...

— Молодые люди, — обернулся к друзьям Грязев, — А что такое квадрокоптер?

— Небольшой беспилотный летательный аппарат, оснащённый видеокамерой. — коротко и ёмко бросил Николай.

— То есть, летает по определённому маршруту, а плёнку проявляют после приземления? — уточнил интендант.

— Конечно же нет. Изображение сразу поступает на экран к оператору, который и управляет «квадриком». Изображение можно как приближать, так и удалять. Если «квадрик» с тепловизором, то работать можно хоть ночью, хоть в тумане. Видимость хуже, но разглядеть можно. — ответил Алексей.

— А тепловизор? — не отцеплялся военный.

— Фигня такая, реагирующая на тепло. Опытный оператор враз распознает, что перед ним: машина, животное или человек. Хорошая штука, но жутко дорогая. У наших охранников такие.

— Ага. — задумчиво сказал Грязев, — А кроме разведки, чем такая штука полезна?

— Например, можно гранату в печную трубу закинуть. Прикольнo. На соревнованиях так и делали.

В этот момент очередь подошла к раздаче, и Василий с ребятами принялись заказывать блюда. Быстро заполнив поднос яствами, в поисках свободного места Грязев осмотрел зал. Искомый свободный столик нашёлся быстро, и командир двинулся к нему. Ребята тоже подхватили подносы, но направились в другую сторону, присоединившись к шумной молодёжной компании.

Как только Василий аккуратно расставил тарелки и присел за стол, к нему обратились с вопросом:

— Свободно?

Грязев поднял глаза. Перед ним стояли три охранника, державшие уставленные тарелками подносы.

— Да, садитесь.

Троица шустро расселась и молча принялась хлебать первое. Расправившись с супом, старший в команде спросил:

— ГРУ? ГБ?

— Не понял вопрос? — недовольный тем, что его оторвали от обеда, спросил Василий.

— Извините нашего друга, мы не представились. — подал голос невысокий блондин с

цепким взглядом, — Невоспитанного типа зовут Александром Швецовым, уничтожителя бифштеков — Лёней Павлюченко, а меня — Василием Зайцевым. Наш неотёсанный друг хотел узнать из какого Вы ведомства: военная разведка или госбезопасность.

— ГИнтУ. Главное интендантское управление. — проскрипел Грязев.

— И как я сразу не догадался! — Зайцев притворно хлопнул себя ладошкой по лбу, — По эмблемам же видно. Перекрещенные серп с молотом — знак интенданта! Кто ещё может охранять начальника ГлавПУра, как не тыловик.

— Вы тоже снабженцы? — удивленным голосом уточнил интендант.

— Не совсем. Работники тыла — так будет точнее. — балагурил Зайцев. — Коллега...

— Интендант второго ранга Грязев Василий Семёнович. — отчеканил командир.

— Очень приятно! Василий Семёнович, не подскажите, к кому можно обратиться за путёвками в заснеженные снега Финляндии?

— Какими такими путёвками? — оторопело переспросил начальник охраны. — Да туда и не попасть.

— Какая жалость. — протянул Зайцев, — Может замолвите словечко, вдруг какой «горящий» тур подвернётся. Мы бы с друзьями в миг собрались, давно мечтаем посетить эти края.

— Дело какое или так, поглазеть? — увидев тяжёлые взгляды соседей, Грязев понемногу начал понимать ситуацию.

— Должок за ними, закрыть бы надо.

— Большая сумма набежала?

— Немаленькая. — сурово отозвался Шевцов, — Вы бы похлопотали перед товарищем Мехлисом, время поджигает.

С сожалением посмотрев на недоеденный десерт, Грязев взял стакан с компотом, сглотнул содержимое, встал и обратился к Зайцеву:

— Где можно нормально поговорить?

Поднявшиеся с мест сотрапезники принялись убирать посуду со стола.

— Пойдёмте Василий Семёнович, провожу, — предложил Зайцев. — Ребята догонят.

Пройдя лабиринтом коридоров и лестниц, Грязев с охранниками вошли в пустое помещение.

— Товарищ Грязев, просьба к Вам, — продолжил Зайцев. — Отправьте нашу группу на фронт. — обратился с просьбой Зайцев.

— Не могу, — развёл руками интендант. — Прав таких не имею. Обращайтесь к товарищу Логинову.

— Командира конечно, попросим, уверены — «добро» будет. Но, без положительного решения местного командования на фронт не попасть. — поддержал друга Павлюченко.

— Что вас так туда тянет? Думаете, без вас не справятся? — Грязев никак не мог понять стоящих перед ним людей.

— Знаем, как справятся. Финны на днях госпиталь вырежут. Никого не пощадят, ни женщин, ни раненых. — Павлюченко привёл очередные доводы, — Историю финской ещё не читали?

Интендант отрицательно помотал головой.

— Прочтёте. Страшные там дела творятся, товарищ командир. Чтобы этого не случилось теперь, просим — отправьте команду на помощь. Группу подберём и снарядим, Кастыма — уговорим. Заодно и личный счёт закрыть. У Сани Швеца — бабушка

ленинградка, блокадница, одна из всей семьи выжила.

У Васьки — предки родом из Карелии, — жёстко бросал слова Леонид. — Из большой семьи, одна прабабка и выжила. Остальных финны голодом уморили. В лагере.

— Ничего не понимаю! — сокрушенно развёл руками Грязев, — Как белофинны Ленинград в блокаду взяли? Откуда лагеря в Карелии, если это наша земля? Помогли англичане? Норвежцы, датчане и шведы? Допустим., хоть это и капля в море. Но ведь и Красная Армия не стоит на месте. Пусть не через месяц, так через два, возьмём эту проклятую линию Маннергейма. После финнам не устоять, хоть с помощью, хоть без.

— Товарищ интендант, Лёня малость поторопился. И блокада, и лагеря будут, но позднее. В другую, более страшную и долгую войну. — поняв, что друг совершил оплошность, вмешался в разговор Швецов, — мы понимаем, что Великую Отечественную не предотвратить, фрицы всё равно полезут. Но можно хотя бы финнов вразумить, раздолбать их так, чтобы впредь неповадно было. Глядишь, и не будут они немцам так рьяно помогать.

Понимая, что охранники многого не договаривают, не иначе как Логинов запретил, интендант решил привести ещё один довод:

— И что такого вы можете сделать втроем? На фронте воюют тысячи бойцов, полки дивизии, армии и вдруг появляются «три мушкетёра» и всё сразу изменится?

— Почему это втроём? — возразил Зайцев, — воевать готовы все наши. К тому же опыт, что немаловажно и оружие какое-никакое найдётся, плюс тактические наработки, о которых местным ещё ничего не известно. Поверьте, польза, и не малая, от нас будет. Даже в той же разведке, на которую нынешние начальники рукой махнули.

Грязев скрипнул зубами, немного подумал и ответил:

— Я доложу товарищу Мехлису. Надеюсь, возражений не будет. Ну а вы доложите Логинову. От его голоса и позиции зависит многое.

Комиссар и комбриг

В один из тёплых, майских дней 1938 года бригадный комиссар Полипов по делам службы зашёл в приемную Члена Военного Совета ЛенВО комкора Максима Петровича Магера. Из-за неплотно закрытой двери доносились громкие голоса, один из которых принадлежал ЧВС товарищу Мегеру, а второй — кадровику политуправления.

— Ну где я тебе нового комиссара на бригаду найду? У этого Логинова, за этот год, уже третий комиссар сбежал. Я, говорит, товарищ Член Военного Совета, на Таймыр поеду, в пустыню, на край света, только не обратно к этому медведю! Бьёт он их, что ли?

— Нет, товарищ комкор. Если бы бил, мы бы к Логинову давно уж меры бы применили. Он комиссаров в строгости держит, причём в строгом соответствии с Уставами.

— Так это же отлично! Уставы для того и написаны, чтобы выполнялись.

— Вот и я говорю, что надо и Уставы выполнять и должность укомплектовать. Это же надо, четвёртый год бригада в округе по всем показателям лучшая, и опять осталась без комиссара. Надо срочно кого-то назначать, возможно и с присвоением очередного звания.

Полипов понял, вот он — счастливый случай для прыжка вверх по карьерной лестнице. Вежливо постучав и услышав начальственный рык «Входите!», Пётр Петрович аккуратно открыл дверь, вошёл и обратился к старшему по званию.

— Товарищ Член Военного Совета! Разрешите должность комиссара бригады занять мне!

— Это Полипов. — уважительно подсказал кадровик. — С колчаковцами воевал.

— Такой молодой и когда только успел? — спросил ЧВС.

Не давая возможности кадровику и рта открыть, Пётр Петрович решил сам рассказать любимую историю о «героическом» детстве:

— Я тогда мальцом был, товарищ Член Военного Совета, одиннадцати лет ещё не было. Как-то играя с друзьями увидел, что колчаковцы рабочих наших ведут на расстрел, вот и решили отбить. Думали, что на охране лишь тройка беляков и нам будет под силу. Дёрнулись, а их там взвод! Не усмотрели «золотопогонников», в засаде сидели. Я на пару таких из засады и нарвался. Подбежал к нашим, беляки навстречу. Один шашкой махнул, вот на лице зарубка осталась. — Полипов дотронулся пальцем до шрама. — А второй — винтовкой по затылку огрел. Колчаковцы подумали, что меня убили, а я — выжил! Назло врагам Советской власти выжил.

— Раз такой геройский, колчаковцев не побоялся, значит и с этим медведем, с Логиновым, справится. — с лёгкой улыбкой заключил Магер. — Оформляйте добровольца. — приказал кадровику.

— Слушаюсь! — ответили хором Полипов и начальник отдела кадров.

И вот Пётр Петрович перед воротами КПП. Со стороны сразу видно — образцовая часть Ровный, без малейшей щели, деревянный забор, перед КПП ухоженные газоны, да и сам пункт выглядит нарядно, точно игрушка.

Первая неприятность ожидала при входе в бригаду. Дорогу перекрывала «вертушка», и стоило Петру Петровичу её тронуть, как из-за стойки выскочил дежурный по КПП, с повязкой на рукаве.

— Стоять! Охраняемый объект! Ваши документы! — выпалил он в лицо не ожидавшему такого приема комиссару.

— Я комиссар бригады! Немедленно пропустите к комбригу!

— Не положено! Предъявите Ваши документы!

— Вы разве не видите, что на мне форма со знаками различия комиссара! Документы остались в чемодане, в гостинице. И я не собираюсь по вашей прихоти бегать взад-вперед. Немедленно доложите командиру бригады и пропустите в штаб!!!

— Не имею права нарушать Устав и приказ командира бригады. Постойте пока в тенёчке, а я доложу по команде, пусть разбираются. Впрочем... Седых! — крикнул дежурный в глубину КПП. — Ко мне!

Выбежал молодой боец, с винтовкой в руках.

— Я, товарищ сержант!

— Задержать шпиона!

— Слушаюсь! Руки упереть в стену, ноги на ширину плеч! Быстро! — приказал Полипову красноармеец. — И без разговоров мне тут! В случае чего — открываю огонь на поражение. Имею право!

Часовой щёлкнул затвором и Полипов буквально почувствовал, что ствол направлен между лопатками. Петру Петровичу было жарко, неудобно, у него начали затекать руки и ноги, как ни странно, но его мучал стыд. Ведь он сам попросил дежурного по политуправлению округа не звонить в часть, не предупреждать о его прибытии. Полипов хотел устроить в бригаде внезапную проверку несения службы. Лезть через забор или искать в ограждении какой-то лаз он счёл для комиссара бригады не солидным, а заставляя дежурного пройти через КПП — посчитал удачным решением. Выезжая на разного рода проверки он не раз был свидетелем того, какие чудеса творила военная форма, обладатель которой имел две и более шпалы на петлицах воротника и нашитые на рукаве красные звезды. Но, такой реакции он даже не представлял. Время замедлилось: секунды казались минутами, а каждая минута представлялась десятью.

Прошло минут пять, как на КПП появился кто-то ещё, похоже — начальник. Полипов обрадовался, как хорошо, что так быстро решилось. Однако не тут-то было. Прибывший командир, выслушавший доклад дежурного, вышел из дверей КПП, подошел к часовому и обратился к Полипову:

— Ваши документы!

— Товарищ командир, я уже объяснял дежурному по КПП, что забыл их в гостинице. — неожиданно для себя, каким-то заискивающим голосом произнес Полипов.

— Разберёмся. — отчеканил прибывший начальник, обратившись к дежурному:

— Коваленко! В штаб доложили?

— Так точно! — ответил тот.

— Хорошо. Значит командование через пару минут подойдёт.

Но, начальство не торопилось. Петр Петрович был уверен, что прошло не меньше часа, а то и все полтора, когда он услышал чей-то властный голос:

— Коваленко! Звонили из политуправления округа, сказали, что к нам сегодня должен прибыть новый комиссар бригады. Запиши: Пётр Петрович Полипов. Записал? Молодец. Как прибудет — отправь его с посыльным ко мне, в штаб.

— Слушаюсь товарищ комбриг. Только мы тут это, шпиона задержали, он представился новым комиссаром, только документов при нём нет.

— Шпиона говоришь? Где он?

Обладатель властного голоса, похоже тот самый Логинов, от которого регулярно

сбегали заместители по политчасти, подошёл к Полипову и требовательно произнёс:

— Ваши документы!

— Товарищ комбриг! Я уже неоднократно говорил, что забыл их в гостинице.

— Что же, проедем в гостиницу. Надеюсь, что Ваши слова подтвердятся... — ответил Логинов. — Лейтенант Смакотин, ты у нас помощник дежурного?

— Так точно, товарищ комбриг!

— Поедешь с нами, глаз с задержанного не спускай, можешь продолжать держать его на прицеле.

— Слушаюсь. — ответил невидимый Полипову лейтенант.

Ворота части открылись, из них выехала Эмка и, скрипнув тормозами, остановилась рядом с комбригом.

— Смакотин! С задержанным- на заднее сиденье и смотри за ним в оба. — приказал Логинов сев на переднее сиденье и хлопнув дверцей.

Полипов и охраняющий его лейтенант разместились на подушках заднего ряда. Только сейчас Петр Петрович понял, что его гимнастёрка насквозь пропиталась потом, а тут еще и пистолет лейтенанта упёрся в бок. Комиссар решил, что лучше он будет сидеть прямо, не ёрзая.

До гостиницы домчались быстро. Из машины вышли втроем, и Логинов приказал комиссару:

— Ведите в номер.

Когда они вошли в комнату, которую сняла семья Полиповых, Катенька развешивала вещи. Не оборачиваясь она произнесла:

— Что-то ты Петенька больно уж рано пришёл. Никак забыл чего?

— Документы. — ответил Пётр. — Надо показать товаррищам.

— Точно! А я ещё удивилась, что это документы на столе остались. Ты же их всегда с собой носишь. — прощebetала Катерина и обернулась. — Боже! Петенька! Что с тобой?

Полипов посмотрел в зеркало. От лощеного, уверенного в себе начальника не осталось ровным словом и следа, из зеркала на него смотрел весь какой-то взъерошенный, поникший тип, с мокрыми, спутавшимися волосам, в гимнастёрке, с пятнами пота на груди и подмышками, в пыльных сапогах.

— Вот, товарищ комбриг, документы Петра Петровича Полипова — Катерина быстро сообразила кто здесь старший и будет принимать решение.

Логинов взял в руки документы и принялся внимательно их изучать.

— Что же, всё в порядке. Смакотин, дуй к машине, мы с товарищем комиссаром скоро подойдём. — приказал комбриг и задумчиво сказал: — Ну вот, все планы на день придётся корректировать. Вы бы переоделись, Пётр Петрович.

— Да, да, да! — как заведённый пробормотал Полипов, бросился к шкафу, достал оттуда свежую гимнастёрку и начал поспешно переодеваться.

— Можете так не спешить. — произнёс Логинов. — Время есть, и можете ещё и умыться.

— Отлично. — сквозь зубы ответил Пётр, взял умывальные принадлежности, набросил полотенце на плечо и пошёл к умывальнику. Через несколько минут он вернулся, тщательно вытирая полотенцем волосы. Затем не спеша надел свежую гимнастёрку, снаряжение, взял в руку фуражку.

— Ну что же, я готов. Вы ведь накажете бойцов на КПП?

— За что же их наказывать? Они выполнили требования Устава и утверждённой инструкции. Могли, конечно, ещё и на землю положить. Есть у них такое право.

— Но это же явное неуважение к комиссару, заместителю командира бригады!!!

— Разве? — комбриг удивлённо приподнял бровь, — Вы забыли документы, попытались проникнуть на военный объект, политуправление округа о прибытии нового комиссара вовремя не сообщило, и теперь Вы мне предлагаете наказать бойцов, выполнявших свои обязанности? За что, позвольте спросить?

Не зная, что и ответить, Полипов краснел и скрежетал зубами, а Логинов осмотрел заместителя по политчасти с ног до головы, остался вполне удовлетворённым увиденным: комиссар даже успел на сапоги глянец навести. Комбриг махнул головой в стороны двери и пошёл на выход.

Вскоре командирская машина вновь скрипнула тормозами, останавливаясь перед КПП бригады. Первым вышел комбриг, вслед за ним выскочил лейтенант, последним, с лентой, выбрался комиссар.

— Что же, товарищ заместитель, раз документы на сей раз с Вами, пройдите на КПП помощник дежурного по части поможет Вам выписать пропуск, а затем Смакотин проводит в мой кабинет.

Пётр Петрович даже на мгновение застыл. Уж теперь-то, когда всё разрешилось и он за свою недалёковидность наказан, зачем эти формальности, а по сути — унижение. Но, комиссар взял себя в руки и пошёл вслед за помдежем.

Пропуск оформили быстро, хотя, как заметил Петр Петрович, проверяли документы тщательно. С таким подходом встречаться не приходилось даже в штабе округа.

— Товарищ комиссар! — обратилась к нему вольнонаёмная, выписывающая пропуска, — Перед убытием из части, не забудьте сделать отметку, иначе не выпустим.

Комиссар зло сверкнул глазами, кивнул и посмотрел на помощника дежурного, дескать, что ещё от него надо?

Смакотин, не говоря ни слова пошёл на выход из КПП, Полипов — за ним и вскоре они вошли в штаб. Подойдя к массивной двери без таблички, лейтенант вежливо постучал и услышав начальственный рык «Входите», приоткрыл дверь, втиснувшись в неё. Полипов открыл дверь шире войдя в кабинет следом.

— Товарищ комбриг, Ваше приказание выполнено. Разрешите идти? — выпалил Смакотин.

— Идите и пригласите начальника штаба. Пусть зайдёт минут через двадцать.

— Слушаюсь! — козырнул лейтенант, чётко повернулся и вышел.

«Ерунда какая-то. Бред!» — подумал Пётр Петрович. «Словно в старорежимную часть попал, со всеми этими «Есть», «Слушаюсь», «Так точно». Что же, с наскоку одолеть не получилось, попробуем по-другому!».

Он не успел додумать, как это «по-другому», потому что командир бригады показал ему на стул, возле приставного стола, и, словно читая мысли, сказал:

— Вижу Вы удивлены, увидев подобное обращение между личным составом. Наверное, подумали, что у нас какая-то старорежимная, а не советская бригада? Согласен, это не совсем соответствует Уставу, но, как ни странно — дисциплинирует бойцов. Проверено и не раз. Кстати, Ваши предшественники об этом в округ уже докладывали, приезжала комиссия и, по итогу проверки, разрешила оставить такое обращение, раз уж от него одна польза. Если хотите, могу показать акт.

— Нет, что Вы, я верю. — чуть не замахал руками Полипов, несколько раздосадованный тем фактом, что его опередили.

— Что же, познакомлю Вас с распорядком дня командования и личного состава бригады. Он у нас несколько необычный, поэтому, желательно записать. — сказал Логинов, протягивая листок бумаги и остро заточенный карандаш, которые Полипов автоматически взял, — Итак, в шесть утра командование бригады в обязательном порядке присутствует на подъеме. Заместители выходят по очереди, с графиком ознакомит начштаба. Далее — с шести двадцати да семи тридцати — утренняя зарядка, в которой участвует весь ком и начсостав. Исключений нет. Обязательно и присутствие командования на всех приёмах пищи красноармейцев. Питаемся с бойцами из общего котла, стоимость питания высчитывают из жалования в конце месяца.

— А если я не хочу присутствовать и отказываюсь, чтобы у меня что-то высчитывали?

— У нас такой порядок. Иначе повара расслабляются, и, как следствие ухудшается качество пищи.

— Но, это же незаконно!!!

— И этот вопрос уже проверяли, акты с разрешением на эксперимент имеются. — спокойно, не обращая внимания на комиссарскую фронду, не меняя тональности голоса, вещал комбриг, — Далее — занятия. Помимо занятий по политподготовке, комиссар обязан присутствовать: на стрельбах, вождении, тактике и других занятиях программы боевой подготовки. Про физподготовку я уже сказал. В конце месяца все, без исключения сдаём нормативы. С подробностями ознакомит начштаба.

— У меня, как заместителя по политической части, есть свои, собственные взгляды, как на обучение, так и на место, роль и задачи, выполняемые комиссаром. «Комиссар — это есть дуло револьвера, приставленное к виску командира!». — Петр Петрович не мог удержаться, чтобы не щегольнуть излюбленным изречением.

Логинов о чём-то сильно задумался, а затем поднял взгляд на Полипова, словно видел его впервые:

— Не могли бы Вы повторить последнюю фразу?

Пётр Петрович с удовольствием повторил цитату. Он с удовольствием применял её при проверках, видя, что на командиров она действует неотразимо, подчёркивая полиповскую образованность и заставляя считаться с помощниками по политической работе.

— Значит не слышалось. — задумчиво сказал комбриг. — Пётр Петрович, скажите: Вы открытый троцкист или просто не знаете автора понравившихся слов?

Полипова бросило в холодный пот. Вот это обвинение! Он действительно не знал кого цитирует, и даже не представлял, какой опасности подвергал себя ранее. Но, так просто Петр Петрович сдаваться не собирался.

— Как Вы смеете обвинять в отступлении от генеральной линии партии и в связи с троцкистами меня, старого большевика, не побоявшегося вступить в схватку с колчаковцами???

— Не обвиняю, а предостерегаю от употребления цитат, о авторстве которых вы не имеете точного, правильного представления. — примирительно ответил Логинов.

Но, не уловивший интонаций Полипов, останавливаться не собирался. Особую обиду вызвало равнодушное отношение к его «подвигам». Ему показалось, что комбриг не расслышал намёка о «славном боевом пути» комиссара, продемонстрировав тем самым пренебрежение и он решил надавить на Логинова.

— С цитатами мы ещё разберёмся! А вот обвинять человека, не пожалевшего своего здоровья, ещё мальчишкой рисковавшего своей жизнью, в борьбе с врагами Советской власти — это уже слишком!

И Петр Петрович принялся красочно, в подробностях, расписывать свой «подвиг». Рассказ получился ярким, сочным, представляя юного Петра в образе эдакого эпического героя, не боявшегося ничего и никого, безрассудно смелого, готового к самопожертвованию.

Комбриг внимательно, не перебивая выслушал рассказ, помолчал и задумчиво произнёс:

— Красивая история. Сами придумали, или подсказал кто?

— Да как Вы смеете!!! — чуть не задохнувшись от негодования вскричал Полипов. — Метка от этой встречи у меня на всю жизнь осталась!

— Ну да, ну да... — произнёс Логинов. — Хороший шрам, лучше любого документа должен подтверждать рассказ. Но, он же частично и перечёркивает его.

— И что же Вас так насторожило? — язвительно спросил Полипов.

— Своё повествование Вы начали с того, что родились и жили на окраине Перми, в простой пролетарской семье, с детских лет познав нужду, перебиваясь с хлеба на воду. Так?

— Да, так.

— Видимо, автор рассказа слабо знаком с реалиями жизни городской бедноты, иначе он бы внёс коррективы, устранил нестыковки.

— И какие мог быть нестыковки в рассказе о реально произошедших со мной событиях? Я действительно, сирота, отец казнён колчаковцами, мать — пропала без вести.

— Про Ваших родителей ничего плохого не скажу, видно, что эта часть истории правдива и боль от утраты до сих пор сидит в Вас. Но, только не были они никакими пролетариями. Предположу, что Ваш отец занимался торговлей, был уважаемым, успешным и зажиточным человеком.

— Бред! С чего Вы взяли такую чушь?

— Хм. Об этом рассказал шрам, вернее некоторые особенности, на которые предыдущие слушатели не обращали внимание или по какой-то причине игнорировали.

— И что же в нём такого особенного и непривычного? — добавив в голос яда спросил Полипов, автоматически прикрыв шрам рукой.

— Видите ли Пётр Петрович, о ранениях, следах, оставляемых холодным и огнестрельным оружием, мне известно достаточно хорошо, причём на практике. — задумчиво сказал Логинов. — Вас оперировал, а затем наблюдал очень искусный хирург.

— С чего Вы это взяли?

— Операция сделана крайне аккуратно, с заделом на будущее, шрам не должен был изуродовать лицо. А после — врач сделал всё возможное, чтобы рана не загноилась, не воспалилась, постоянно наблюдал за Вами, ухаживал и проверял, делал перевязки. Так?

— Так. — автоматически ответил Полипов.

— Для нищего мальчика с окраин, такой уход попросту невозможен. Бродяга, нищий беспризорник, понятия не имеет, где находится дом нужного врача, ведь на городских окраинах профессионалы высокого уровня не живут. Ему и в голову не придёт попросить помощи у первоклассного хирурга. Максимум для бедняка — знакомый фельдшер, коновал, но на таком высоком уровне они оперировать не умеют. Вывод? Операцию делал хирург — хорошо знающий Вышу семью. Так?

— Это не более чем фантазии. Ну, и что из этого расследования следует? Да, операцию делал случайно встреченный врач. Беспризорники гуляют, где хотят, и им знакомы дома

многих известных горожан. Специальность доктора не так уж и важна, на правда ли? Прооперировать мог и профессиональный гинеколог. Увидев окровавленного ребёнка, врач проявил гуманность, вспомнив о клятве Гиппократата?

— Может и проявил... Но, откуда врач появился на окраине города? Почему не испугался колчаковцев? Решил рискнуть своей жизнью, жизнями своих родных ради неизвестного беспризорника? Поступок более чем странный. Но, оставим в покое врача. Есть ещё кое-что, вызывающее сомнения в вашем происхождении.

— И что это за «сомнения»? — полным сарказма голосом поинтересовался бледный Полипов.

— Грамотность, хорошие знания гимназических предметов, каллиграфический почерк, говорят о том, что Вы получили очень даже неплохое образование, гимназическое — уж точно. При этом, Вы не склонны к самообразованию, у вас нет привычки учиться денно и нощно.

— Я устал от учёбы. Добившись устраивающего меня уровня знаний, просто прекратил занятия.

— Возможно. Вы ведь фамилию не меняли? Похоже, нет. Следовательно, можно найти того, кто жил в те годы в Пермской губернии и знал Вашего батюшку, значит вполне может узнать и Вас. Но, так как Вас это не тревожит, могу предположить наличие покровителя, ведущего по жизненной и служебной лестнице. И это точно, не ваш тесть. Но, в последнее время, что-то засбоило, возможно, покровитель заболел или с ним случилось что-то ещё, и Вы решились на авантюру. Да, да, самую настоящую авантюру. Вы ведь никогда с людьми не работали? Всё в штабах, в штабах...

Ведя открытый, откровенный разговор, предупреждая комиссара о возможных опасностях, Логинов даже не подозревал, какого страшного врага только что приобрёл. Такое Полипов не простил бы никому и никогда. Он и за меньшее делал всё от него зависящее, чтобы отомстить любому, кто только подумал сдвинуть его с «пьедестала», сломать карьеру. А тут почти прямые обвинения. Мало того, Полипов испугался так, как никогда ранее. Он и подумать не мог, насколько уязвимы его позиции. Один звонок в НКВД и из блестящего комиссара он мог стать арестованным. И не факт, что не расстреляли бы. За такой животный страх комбриг просто обязан расплатиться жизнью или здоровьем. В идеале — Логинова должны арестовать, причём так, чтобы страшный командир сгинул без следа. Но и крупная служебная неприятность, по итогам которой комбрига бы сняли с должности и разжаловали, вполне бы устроили мстительного Петра Петровича.

— Не работал, и что с того? Думаете, что раз штабной, так и не справится?

— Штабные тоже бывают разные. Есть и такие, кто вполне с работой справляется. Пётр Петрович, Вы вообще, объём задач и масштаб работы комиссара бригады представляете?

— Конечно представляю! Я столько документов разработал, методических рекомендаций, указаний... — довольный собой ответил Полипов.

— Это, конечно, хорошо. Но, комиссар — это не только трибун, но и заместитель командира бригады, способный принять на себя командование любой военной организацией, от взвода до бригады. Вы же, «дуло пистолета» готовились приставить к виску командиру для того, чтобы при необходимости нажать на курок, так?

— Это же образное выражение!!! — возмутился Полипов. — Не стоит всё понимать буквально.

— Допустим, что образное. Но, в боевой обстановке может случиться что угодно. Тогда

комиссару придётся принимать командование на себя. Для этого необходимы знания, умения, он должен думать...

— Вот чем в армии хорошо — думать не надо! — перебил Полипов комбрига. — Пускай думает старший начальник, наше дело маленькое — исполнить! — высказав банальность, Полипов улыбнулся и самодовольно откинулся на спинку стула.

— Н-да... Опасное заблуждение. А дома кто принимает решение: Вы или жена?

— Уверен, что голова комиссара должна быть свободна от быта. А жена — она что та сабля, без нужды вынимать из ножен и размахивать ею не нужно. — пафосно ответил Пётр Петрович.

— Любопытный же Вы человек, товарищ комиссар. — задумчиво протянул комбриг. — Что же, считаю, что знакомство состоялось. Надеюсь — сработаемся. Более не задерживаю, только попрошу впредь документов не забывать. Порядок у нас такой: на территорию без пропуска не пустят на меня, ни даже Наркома обороны. Можете идти.

А через несколько дней, Петра Петровича навестил американский приятель. Они расположились в небольшом, уютном ресторанчике, где соскучившийся по общению Полипов в красках и лицах подробно рассказал о порядках, царящих в бригаде, немало времени уделив личности комбрига. Гость внимательно выслушал проникновенный спич, а после сказал:

— Послушай внимательно, мой дорогой друг. Из сложившейся ситуации два выхода: либо комбриг сожрёт тебя с потрохами, либо ты его сотрёшь в пыль. В мелкую, лагерную пыль. Но, нахрапом действовать нельзя, нужна осторожность и внимательность. С сегодняшнего дня ты просто обязан фиксировать каждый, даже самый мельчайший промах этого человека. А когда наберешь материал — дай знать, поможем сделать так, чтобы это дело попало в нужные руки.

Молча кивнув, Пётр Петрович принялся за дело. И уже через три месяца в адрес начальника ГлавПУра и Главного Интенданта поступили две пухлых папки, с материалами на комбрига Логинова. Совместная проверка политотдела и служб снабжения, возглавляемая армейским комиссаром первого ранга Мехлисом подтвердила отдельные факты. По результатам инспекции арестовали комбрига Логинова, начальника штаба и интендантов бригады. Дело передано в следственные органы...

Колонна уходит в Сургут

Как только последний грузовик длинной колонны 3-го стрелкового батальона N-ского стрелкового полка скрылся за поворотом, немногие, остающиеся в пункте постоянной дислокации и собравшиеся возле ворот КПП командиры, не сговариваясь, разом, выдохнули с облегчением: «Уехал», «наконец-то», «скатертью дорога» и даже нечто похожее на «слава богу». Последняя фраза, скорее всего просто послышалась, откуда здесь взяться верующим. Немного постояв, командиры разбрелись по своим подразделениям и местам службы. Им предстояло немало работы: нужно навести порядок, устранив все последствия спешного отъезда большей части полка, но главное позади — наконец-то удалось спровадить этого Логинова. А начиналось всё вполне благополучно...

По директиве НКО, полк должен был завершить формирование к сентябрю текущего, 1939 года. И если красноармейцами и младшими командирами, воинская часть укомплектовалась быстро и полностью, то с командным составом, дело обстояло гораздо хуже. К окончанию организационно-штатного мероприятия так и не прибыл командир третьего батальона, несколько ротных и взводных.

Потому никто не удивился и очередному, появившемуся на КПП командиру. Исхудавший, жилистый, волосы стального отлива пострижены очень коротко, новенькое обмундирование подогнано по фигуре, сидит ладно. В петлицах воротника гимнастерки — капитанские «шпалы», на груди тяжело светятся два ордена «Красного Знамени», сверкает медаль «XX лет РККА», о стрелки брюк можно порезаться, сапоги блестят — картинка, а не командир. Смушал только возраст прибывшего, слишком уж солидный, для капитана. Но, чего только в жизни не бывает, может командир из рядовых, служил сверхсрочником и только сравнительно недавно получил заветное звание.

Капитан поставил на траву небольшой лёгкий деревянный чемоданчик, выпрямился, одёрнул гимнастёрку, убрал складки под ремнём за спину, поправил фуражку и, неожиданно перешёл на чёткий строевой шаг. Не доходя до комполка трёх шагов, он остановился и резко бросив руку к козырьку фуражки, отдавая честь, доложил:

— Товарищ майор! Капитан Логинов, назначенный на должность командира стрелковой роты, к месту прохождения службы прибыл!

— Здравствуйте, товарищ Логинов. Рад видеть в строю нашего полка — улыбаясь протянул руку комполка майор Бурцев.

— Здравия желаю, товарищ майор! — комроты не поддержал радость своего нового командира, но протянутую руку пожал.

— Что же, давайте пройдем в штаб и посмотрим Ваши документы. Тогда и окончательно определимся с Вашим будущим.

— Слушаюсь! — ответил капитан, ещё раз отдал честь, развернулся вокруг своей оси и сделав несколько чётких шагов от командования, с первым шагом убрал руку от козырька фуражки, резко бросив её вниз, пошёл к оставленному чемоданчику свободной походкой.

— Ишь, какой строевик выискался. — недовольно пробурчал начальник штаба. — Посмотрим какой из него командир. Ротой командовать, это вам не ножку тянуть, печатая шаг.

— Посмотрим. — согласно кивнул комполка. — Ну что, Григорий Михайлович,

посмотрим, что это за «птицу» к нам занесло.

Командир с начштаба неспешно пошли в штаб, по пути обсуждая служебные вопросы. Логинов, шёл в нескольких шагах за ними, не отставая, но и не делая попытки обогнать.

Мнения остальных, присутствовавших при этом событии командиров, разделились: «Тьфу, уставник» — сказали одни, «ишь, как перед начальством гнётся» — сказали другие. Но, вскоре в полку поняли, насколько же сильно все они ошибались.

Из кабинета комполка Логинов вышел минут через пятнадцать. Спросил у проходившего мимо красноармейца, где находятся казармы третьей роты третьего батальона. Боец с готовностью предложил сопроводить, показав дорогу, и весь путь с любопытством бросал взгляды на награды нового командира.

Оставшийся в своём кабинете комполка Бурцев, держа в руках документы Логинова и глядя в глаза начштаба, спросил:

— Михалыч, ты что-нибудь понимаешь? Комбриг, полковник, командир лучшей бригады округа, и вдруг — комроты, всего лишь капитан?

— И что? — пожал плечами НШ, — Пусть радуется, что вообще не расстреляли.

— Как расстреляли? С чего ты взял?

— Так он же под арестом был. Долго, почитай год, без малого.

— Странно, в личном деле об этом ни строчки.

— У нас, штабных, есть свои хитрые штучки, — НШ неожиданно подмигнул командиру полка. — Иван Иванович, если мне не верите, позвоните в округ. Но, звонить — не советую.

— Принял, Григорий Михайлович, — кивнул головой Бурцев.

Войдя в помещение роты, Логинов остановился на входе и внимательно осмотрелся. С первого взгляда стала понятно, что такую анархию и бардак он не встречал уже давно: красноармейцы лениво болтались по казарме, собравшись в группки, о чём-то болтали, полтора десятка человек, не сняв с себя ни обмундирование, ни обувь, завалились на кровати, пятеро бойцов, похоже из старослужащих, приоткрыли окна и усевшись на подоконники — курили.

Логинов внимательно осмотрелся и неожиданно рявкнул:

— Рота! Слушай мою команду! Стройся!!!

Услышав приказ, бойцы недоуменно подняли головы, осмотрелись, пытаясь определить, откуда исходят громкие, неприятные звуки, с неохотой оторвались от своих дел и принялись будить спавших. Собирались красноармейцы медленно. Лениво зевая и почесываясь, они не спеша подходили к месту построения. Ротный посматривал на секундную стрелку своих больших наручных часов, но никого не подгонял и не одергивал, терпеливо чего-то ожидая. Минут через пятнадцать рота всё же собралась в некое подобие строя.

Капитан вышел на середину построения, цепким взглядом оглядел криво стоящие шеренги, не увидел ни одного командира взвода и приказал:

— Командиры отделений, помкомвзвода и оставшиеся за комвзводов — в канцелярию, остальные.... Р-р-р-р-разойдись!

Повернулся и вошёл в помещение, на двери которого на одном гвоздике болталась табличка с надписью: «Комната комроты». Вереница сержантов и ефрейторов потянулась за ним, остальные — лениво разбрелись, возвращаясь к приятному ничегонеделанию, попутно обсуждая нового командира и зачем он так громко кричит.

Беседа с младшим командным составом была на удивление недолгой. Уже через десять

минут, отделенные и взводные командиры словно ошпаренные выскочили из канцелярии, громко крича: «Первое отделение — ко мне!» «Второй взвод — стройся!», «Бегом!», «Становись!». Сонное благодущие испарилось в миг. Все бегали по казарме, словно оглашенные, крича, раздавая тумачи, и подгоняя друг друга.

Комроты пару минут посмотрел на окружающие безобразия и рявкнул:

— Рота! В две шеренги... Становись!

На сей раз построились не в пример быстрее и шеренги выглядели уже ровнее. Логинов вышел на середину строя и обратился к разом притихшим бойцам:

— Я — новый командир роты, капитан Логинов. Обращаться ко мне — только по званию: «товарищ капитан». Услышав свою фамилию, боец отвечает «Я», получив приказ — «Есть», подтверждает, что понял команду словами «Так точно!». Все понятно?

— Да.

— Так точно.

— Понятно.

— Ага. — откликнулся строй.

— Ещё раз повторяю, если командир спрашивает, всё ли понятно, каждый боец, во всю мощь своих лёгких, должен ответить «Так точно!». Понятно?

— Так точно! — более слаженно и дружно ответили красноармейцы.

— Уже лучше. Продолжу. Все приказы и приказания должны выполняться беспрекословно, точно и в срок. Никакой расхлябанности и безделья — не потерплю. Армия держится на дисциплине, а как её добиться — наиболее непонятливым объясню потом. На утренней гимнастике присутствуют все, включая командиров взводов.

— А командир роты? — раздался ехидный голос из строя.

— Кто перебил командира? Выйти из строя!

Первая шеренга расступилась и из строя вышел весёлый, веснушчатый, небритый и заросший рыжеволосый боец.

— Ну я сказал, тащ капитан. — ответил он, с ленцой растягивая слова.

— Фамилия! — рявкнул Логинов.

— Рыжовы мы. — степенно ответил боец.

— Боец Рыжов! За пререкание с командиром роты — три наряда вне очереди!

Стоявший перед строем недовольных бойцов, комроты задумчиво, автоматически крутил двумя пальцами левой руки огромный гвоздь. Неожиданно, он начал быстро сгибать его пальцами, связывая в замысловатый узел. Потом, словно опомнившись, посмотрел на результат «творчества», несколькими движениями распрямил гвоздь и вложил его в руку Рыжова.

— Слушаюсь. Ой! Есть три наряда. — ошарашено ответил Рыжов.

— С не выполняющими приказы и распоряжения — буду заниматься строевой, физической и боевой подготовкой индивидуально. А вариантов занятий и методов их проведения — много. Остальные требования доведут младшие командиры. Начнём с наведения порядка. Р-р-р-р-разойдись! — с этими словами Логинов развернулся и вновь ушёл в канцелярию.

Через несколько минут он вновь вышел, одетый в ношенную, вылинявшую форму, со знаками различия и без наград. Увидев, что работа идёт вяло, он подозвал Рыжова и ещё двух, околавивавшихся поблизости, наиболее физически развитых красноармейцев.

— Рядовой Бессонов. — доложил первый.

— Рядовой Котов. — представился его приятель.

— Так бойцы, помогите вытащить этот здоровенный стол и переставить сейф.

К удивлению красноармейцев, массивную, тяжелую мебель командир ворочал наравне с рядовыми. Увиденное взбудрило остальных, ранее отлынивающие тоже подключились к работам и вскоре помещение опустело.

Логинов вышел на улицу, подошёл к первой попавшейся кровати, принявшись внимательно осматривать и ощупывать тюфяк и подушку.

— Почему тюфяк набит старым, прелым сеном? — спросил он у хозяина койки.

— У всех такие, товарищ капитан. Что выдали, тем и набили.

— Разберёмся. — буркнул себе под нос ротный, после чего внимательно осмотрел ещё пару десятков коек.

Старательно работающие бойца не спускали глаз со своего командира и тихонько обсуждали происходящее.

— А ротный чо? Так с нами «пахать» и будет? Чудно! — спросил Котов, здоровенный бугай сибиряк, у выглядевшего не менее внушительно Бессонова.

— А кто его знает. Можя и будет. — ответил собеседник.

— Вань, а чё Рыжий-то говорит? — не унимался Котов.

— Ничё, Федь. — буркнул Бессонов, — Гвоздь энтот, почитай вся рота покрутила. Никаких фокусов, самый настоящий, жалезный. Как он его пальца́ми одними скрутил?... Сам бы не увидал — в жисть бы не поверил.

— Слышь, Ваньша чё вспомнил. Я тока лямку тянуть начал, как пришёл к нам, помница, новый взводный. Думали — «зелёный» совсем, ан нет, служивый, по комсомольскому набору в военное училище попал. Так вот, он иногда про своего комбрига рассказывал, всё Командиром величал...

— Так и чё рассказывал.

— Командир, грит, — . зверь был. Гонял и в хвост, и в гриву. Какие семь, двадцать семь шкур снимал. — вспоминал Котов.

— Ну и чё в энтот хорошего? — скептически поддел Бессонов.

— Дык и заботился так, что другим и не снилось. Кормили — как в лучших ресторанах, если отдых — так кино там, иль танцы.

— Танцы, ага! С дамочками! Врал, поди! Не бывает таких комбригов. — хохотнул не поверивший рассказу Иван.

— Так пошто ему врать. Он на сваво Командира и сам хотел походить.

— Эх, нам ба такого... Энтот — точно тигра полосатая. О, гля! Ротный на турнике кренделя выделявает!

Логинов подошёл к турнику, подпрыгнул, повис на горизонтальной трубе, раз двадцать подтянулся, немного повисел, сделал несколько выходов силой, а затем — четыре раза крутанул «солнышко».

— Ничё себе! Гимнаст! — уважительно сказал кто-то.

— Чует моё сердце, — ответил подошедший к друзьям Рыжов, — Скоро и мы гимнастами будем...

— Посмотрим, может чё у капитана и получится, не тока же ему гвозди гнуть, да гимнастикой баловаться...

Совместная работа сплотила и постепенно лёд, возникший между новым командиром и

бойцами, начал таять. На обед ротный повёл подразделение сам, оставив нескольких человек для охраны имущества. Шли строем и даже в ногу. В столовую заходили по одному, очень шустро, чем немало удивили всех остальных бойцов и командиров части, добравшихся на обед группками и по одному.

В столовой было грязно, накурено, запах чего-то кислого и подтухшего перебивал всё. Комроты проконтролировал, чтобы все его бойцы расселись за по местам и сам пристроился за одним из столов. Раздатчики пищи юрко орудовали черпаками, разливая по мискам бурду, отдалённо похожую на суп. Заглянув в поставленную перед ним миску, ротный увидел жижу, в которой одиноко плавал кусок листа капусты и пара кусочков почерневшего картофеля. Логинов достал из полевой сумки завернутую в чистую тряпицу ложку, и принялся хлебать суп, нисколько не смущаясь от бросаемых на него взглядов. Покончив с первым блюдом, капитан подал чистую миску для того, чтобы раздатчики положили второе. Неизвестный повар «расстарался» — слипшаяся, пересоленная каша была одновременно и недоваренная, и подгоревшая. Мяса не было ни в одном из блюд. Тем не менее, справился ротный и с кашей.

Завершив обед, тщательно вытерев ложку и убрав её обратно в полевую сумку, Логинов встал, внимательно осмотрел роту, нашёл взглядом старшину и сказал:

— Никита Матвеевич, отведите роту в казарму. Я подойду чуть позднее. Красноармейцы Бессонов и Котов — со мной.

С этими словами он вышел из-за стола и направился в сторону кухни. Бойцы проследовали за ним.

— Товарищ капитан! А куда мы идём и что будем делать? — спросил разговорчивый Бессонов.

— Ваша задача — перекрыть выходы и не дать никому улизнуть.

— А если выходов будет больше, и кто-то успеет удрать?

— Ничего страшного, воспитательное мероприятие можно будет и повторить.

Войдя в грязное, погрязшее в антисанитарии помещение варочного цеха, Логинов сразу увидел того, кого надеялся встретить — главного повара. Ошибиться было невозможно: здоровенный, более двух метров ростом, широкоплечий детина, с красным от пара и напряжения лицом, с закатанными рукавами надетой прямо на заросший волосами могучий голый торс грязнущей, засаленной поварской куртки, держал в руке огромный черпак и раздавал команды.

Логинов подошёл к «шефу» и спокойным голосом спросил:

— Вы шеф-повар здешней ресторации?

— Чего? — переспросил повар, — Товарищ капитан, Вы кто такой и по какому праву на кухне?

— Я? — с лёгкой улыбкой на губах ответил ротный, — Командир третьей роты третьего батальона. Пришёл на праздничный обед, посвященный первому дню месячника вкусной и здоровой пищи.

— Какой обед? Какой месячник? Со всеми вопросами к начальству. Я указаний не получал. — ответил верзила.

— Месячник вкусной и здоровой пищи. — терпеливо повторил ротный, — Хорошо, что и начальство здесь. Не подскажете, как его найти?

— Там. — коротко рявкнул повар, рукой показывая на неприметную дверь.

— Товарищ Котов, — обратился комроты к бойцу, — Пригласите, пожалуйста, местное

руководство. Оно обязательно должно присутствовать на праздничном обеде.

— Вы кто такой? Медик? Если нет, то не разводите антисанитарию и покиньте помещение! — выдавил из себя повар, изо всех сил пытаясь сохранить вежливость в общении с незнакомым командиром.

— Занятие по приведению столовой в соответствие с санитарными нормами пройдёт позднее. — пообещал Логинов, — Начнём с более насущного вопроса — вредительство.

— Какое ещё вредительство? — не на шутку перепугался повар.

— Порча продуктов — это раз, — начал перечислять капитан, — Не доведение норм красноармейского пайка — это два. Подворовываете? Ничего, снимем остатки, выведем на чистую воду и передадим дело компетентным органам.

— Мясо разварилось, потому и кажется, что его нет. — принялся оправдываться повар.

— Следователи объяснишь, — недобро улыбнулся ротный, — Ну и третье — неудовлетворительное качество пищи, вследствие чего больше половины бойцов отказались от обеда, а рискнувшие отведать варево прислушиваются к бурчанию в животе. Хотите вывести из строя полк?

— Это случайно. — буркнул повар, — И что вы прицепились, нормальный обед.

— Нормальный? — деланно удивился Логинов, — Что же, пройдем за стол, присядем и отведаем всё то, чем вы сегодня кормили бойцов героической Красной Армии. Проведём, так сказать дегустацию.

Под тяжестью обвинений, повар словно сдулся. Его могучая фигура обмякла, а грозный вид — испарился без следа. Безвольно перебирая ногами, повар хлопнулся за на лавку, стоявшую сбоку от придвинутого к стене обеденного стола.

— Остальным что, особое приглашение надо? — обводя помещение взглядом грозно спросил Логинов.

Поварята побросали свои дела и шустро расселись, присоединившись к главному повару.

— Товарищ Бессонов, раздайте посуду.

Собирая разбросанные по всему помещению миски, Бессонов быстро прошёлся по кухне.

— Одной не хватает, товарищ капитан.

— Ничего страшного. Где-то там бачок стоял, давайте его сюда. Уважим хозяина здешних мест, накормим досыта.

— Кто такой и что себе позволяешь? — раздался незнакомый баритон из-за спины Логинова.

Ротный обернулся и увидел невысокого, одутловатого, лысеющего интенданта 3-го ранга, лет 25–27.

— Не иначе, начальник продовольственно-фуражной службы полка пожаловал? — приторно радостным, утвердительным тоном спросил Логинов, — Я — капитан Логинов, командир роты и по совместительству — организатор праздничного обеда для персонала столовой. Присоединяйтесь! Уверен — такого обеда у Вас давно не было. Товарищ Котов, помогите товарищу интенданту найти место и поищите для него набор посуды. Товарищ Бессонов, раздайте страждущим первое блюдо, по глазам вижу — изголодались. Да не жалейте, до краёв наливайте.

Бессонов щедро разлил бурду по мискам, под тяжёлым, давящим взглядом Логинова поварята шустро расхватили ложки и принялись хлебать варево. Не отставал и главный

повар. А вот начальник службы поначалу заартачился:

— Это есть я не буду!!! И вообще — я сыт! А тебя, капитан — посадят!

— Будете, — подойдя к начпроду и положив ему на плечи руки, приторно ласковым голосом сказал ротный, — Может ещё и добавку попросите.

Интендант выпучил глаза, затем схватил ложку и давясь начал вливать в себя суп.

Накормив труженников столовой первым блюдом, Логинов отдал команду разложить по мискам кашу. Пока кухонные работники, давясь и глотая слёзы, ели, Логинов, мерно расхаживая, вбивал в поварские головы немудрящие истины:

— Боец Красной Армии — это наше народное достояние и гордость. На его плечах лежит оборона нашей великой, прекрасной, могучей страны — Союза Советских Социалистических Республик. Воин страны Советов должен быть готов, защитить её в любой момент, до последнего вздоха, до последней капли крови. Партия и народ об этом знает и делает всё, чтобы защитник ни в чём не нуждался и не задумывался о быте: на чём спать или что есть.

А ваша задача — задача работников службы продовольственного снабжения, в том и состоит, чтобы боец был вкусно и сытно накормлен. Но что мы видим? Нормы не доводятся, мясо даже под микроскопом не найти, хлеба — и того, выдаётся меньше положенного, и есть эту бурду — категорически невозможно. Но, выход есть!

— М-м-м-м-м-м? — вопросительно промычал начальник продслужбы.

— Спрашиваете какой выход? Очень простой. Видите ли, есть у меня такая привычка — питаться со своими бойцами из одного котла. Иногда — со своей ротой, иногда — с другими, но на каждом приеме пищи буду обязательно. А вместе со мной, в общем зале, будут находиться и снимать пробу специалисты: представитель военно-санитарной, продовольственно-фуражной служб и повара, приготовившие блюда. Если качество пищи будет таким же, как сегодня, схожий воспитательный процесс — повторится. Понятно?

Сидевшие за столом синхронно понятливо закивали.

— Вот... А в перерывах, чтобы не забывали, что вы тоже командиры и бойцы Красной Армии, буду брать вас на разные занятия по боевой подготовке: научу бегать многокилометровые марш-броски, окапываться, метать гранату, метко стрелять, готовить взрывные устройства и так далее.

Переглянулись даже Котов с Бессоновым. Похоже в третьей роте настают «весёлые» времена.

— До ужина, конечно, не успеете, — продолжал Логинов, — Но к утру столовая должна блестеть и пахнуть свежестью так, как в первый день после постройки. Товарищ интендант третьего ранга, можно Вас на пару слов? Отойдём, поговорим о сене для подушек и тюфяков. Красноармейцы Котов, Бессонов — на выход, подождите на улице.

— Да уж, сегодняшнему кухонному наряду не позавидуешь. Под «горячую руку» попали. Тут работы — на всю ночь, а им потом ещё и весь день впахивать. — рассуждал по пути Бессонов.

— Помочь хочешь? — спросил Котов. — Вперёд. Не вижу причин, чтобы отказать тебе в столь благородном деле.

— Выходит, что они без вины виноватые. — не сдавался Бессонов.

— Вань, ты говоришь, как деревенский поп. Наказания без вины не бывает. — отрезал Котов, — Наряд надо было лучше принимать. А с бардаком пора заканчивать. Ротный прав.

Вышедший через десяток минут Логинов махнул рукой ожидавшим его бойцам, и друзья

двинулись вслед за ротным. А спустя полчаса, уже вся третья рота дружно шагала к конюшням, получать свежее сено для набивки подушек и тюфяков...

Получив указания от самого Наркома обороны, командир полка глубоко задумался. Приказ на марш есть, но как его выполнять, если автотранспорта почти нет? Следовательно, нужно срочно доложить комдиву, пусть он и решает.

Комиссар и начсостав полка, вызванный посыльными, собрался быстро. Кратко обрисовав обстановку, комполка приказал начать подготовку к маршу. Отправляя подчиненных по рабочим местам, Бурцев придержал только начальника штаба.

— Как приказ выполнять будем, Григорий Михайлович? Может чего предложишь?

— В связи с недостатком транспорта — марш совершить побатальонно, тремя эшелонами. Головным пойдет третий батальон, под командованием Логинова.

— «Сплавить» неудобного командира?

— Ни в коем случае! Колонну полка возглавит лучший командир лучшей роты! К тому же все знают, что настоящий комбат третьего — Логинов. Капитану и бойцы в полку доверяют, и молодые командиры с него пример берут.

— Какой пример? Как ротой командовать?

— Конечно же нет. В основном — дурной. К примеру, показал Логинов своим бойцам, как на кулаках отжиматься, так через пару дней у половины полка кулаки стёсаны. Продемонстрировал, что на пальцах отжиматься может, а потом одной левой гвоздь в узел скручивает — последователей, хоть отбавляй. Ну и так далее.

— У нас армия, а не цирк! Как умение отжиматься на пальцах и ломать гвозди поможет совершить марш?

— Ну-у-у-у-у... — протянул начштаба, — Логинова снабженцы как огня боятся. Он не только может бурдой накормить, но и инвентаризацию, к примеру, провести, учёт проверить. Приказы и нормы знает назубок и всё положенное — выбьет обязательно. А если чего-то в полку по неизвестной причине нет, так он с местными товарищами договорится!

— И как договаривается? Ворует?

— Ни в коем случае! С этим у него строго! Подбирает нужные, правильные слова и люди идут навстречу.

Неожиданно в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Бурцев.

— Товарищ майор! Дежурный по части старший лейтенант Шмаков! Тут, эта, две телеграммы пришли. Срочные! Правительственные!

— Давайте сюда. — комполка вырвал бланки из рук старлея, взмахом отправив дежурного прочь.

Несколько раз перечитав текст в начале одной, затем второй телеграммы, Бурцев бросил их на стол и тяжело опустился в кресло.

— Разрешите, товарищ майор? — спросил начштаба.

— Читай, конечно.

— Что думаешь? — спросил комполка после того, как НШ закончил чтение и устремил взгляд вдаль.

— Про то, что Логинову майора присвоили? Так после проверки товарищем Мехлисом и не мудрено. Как же — лучший батальон, лучший комбат!

— Какой Мехлис? Начальник ГлавПУра? Почему не знаю? — удивился Бурцев.

— Иван Иванович, в тот день когда начальник ГлавПУра прилетал, Вы в штабе округа были. Нашего полка в его плане работ не было, мы под проверку случайно попали. Товарищ Армейский комиссар поначалу такой злой приехал, думал — всё, снимут и разжалуют. Так совпало, что первыми он посетил казармы третьего батальона. Совершенно случайно вышло.

— Случайно?

— Абсолютно! — преданно глядя в глаза командиру, ответил начштаба, — Так вот, от Логинова товарищ Мехлис вышел очень довольным, и в сопровождении капитана прошёл по всем объектам третьего батальона, зашёл в столовую, снял пробу с обеда, подивился чистоте и порядку, а затем — уехал.

— И всё? А о чём вообще говорил начальник ГлавПУра? Почему мне не доложили?

— Каюсь, доложить не успел. Товарищ Мехлис общался только с Логиновым, а ко мне подошёл в самом конце, пожал руку, сказал, что мы — молодцы и так держать.

— Хорошо, с Логиновым разобрались. Не иначе Мехлис поспособствовал. Видимо они знакомы. Я про другую телеграмму спрашиваю, с короткой подписью — «Сталин»!

— Ах, эту! Отличная телеграмма, очень поможет.

— Чем?

— А Вы её Логинову отдайте, тогда и увидите.

— Михалыч, ну что ты загадками говоришь! Хорошо, отдам ему телеграмму, пусть «товарищ майор» покрутится. Мы же теперь с ним в одном звании! — Бурцев не удержался и раздраженно стукнул кулаком по столу.

— Иван Иванович, ещё одно предложение, разрешишь?

— Что ещё?

— Предлагаю Вам остаться в пункте постоянной дислокации, как и предписывает телеграмма, а ответственным за всё назначить майора Логинова!

— Где ты такое увидел?

— Вот же, написано: «Боевую технику из парка не выводить, для охраны и внутренней службы оставить не более 15 % личного состава.». Вот пусть Логинов и отвечает за марш, размещение личного состава, а мы останемся здесь, организовывать образцовый порядок!

— Дельно! Кого ещё отправим?

— Шмакова! Первым же рейсом! Прочих — пусть Логинов подбирает сам.

— Хм. Одобряю! Действуйте, Григорий Михайлович!

Известие о новом звании и правительственном задании Логинов принял с непроницаемым лицом. Лишь уточнил у Бурцева свои права и кого может привлекать к выполнению задачи. Не мудрствуя, комполка разрешил привлекать всех. Тут Логинов во всю ширь и развернулся. Забегали, засуетились командиры подразделений. Распахнулись двери складов. Убывающие подразделения получали паёк, зимнее обмундирование и прочее необходимое имущество. А сам ротный, прикрутив шпалы, умчался в город, что-то «выбивать».

Грозные слова правительственной телеграммы «всем советско-хозяйственным и партийным органам оказать содействие в обеспечении необходимым транспортом, тёплыми вещами и другими материальными средствами», волшебным образом отрывали любые двери. Не прошло и часу, после того, как Логинов вышел из дверей Горкома партии, как на предприятия и в организации, с пометкой «Молния», полетели приказы и распоряжения. А ещё через час, первые грузовики начали прибывать к КПП полка.

К удивлению, и радости сопровождающих автоколонны представителей предприятий и водителей, приём транспорта был организован на высшем уровне: каждый автомобиль отправлялся на специальную площадку, где его, в присутствии шофёра, осматривали механики воинской части и привлеченные специалисты дивизии. При необходимости менялись, скаты или отдельные узлы. Если машина была изношена сильно и у военных приёмщиков были сомнения в том, что она выдержит марш — транспорт отправлялся обратно, а в сопроводительных документах ставилась отметка о том, что предприятием не выполнено распоряжение Правительства. После двух таких отметок, транспорт стал прибывать чуть реже, но и у военных претензий больше не было.

Принятые грузовики отправлялись либо на склады, под погрузку, либо дооборудовались под перевозку людей. Шоферов кормили в столовых и отправляли на отдых перед долгим, сложным маршем. Водителей собирали по-сусекам изо всех полков и батальонов дивизии, включая отдалённые, но их всё одно не хватало. Пришлось Логинову идти на "поклон" к местному партийно-хозяйственному руководству, и где упрасывая, а где и угрожая Москвой, договариваться, что перевозкой полка будет заниматься штатный водительский состав предприятий.

Через тринадцать часов колонна была готова к маршу. Но, Логинов решил дать людям возможность отдохнуть и ещё раз проверить готовность к переходу. По итогам выяснилось, что транспорта хватит, чтобы перебросить весь возможный личный состав одним рейсом. Этому известию больше всего обрадовался командир полка. Бурцев представлял, как он отчитается о досрочном выполнении правительственной задачи, получит звание полковника и, вполне возможно, назначение куда-нибудь получше: в Белоруссию, на Украину, на худой конец — в Подмоскowie. Оставалось только дожидаться доклада Логинова о прибытии. И вот наконец колонна ушла...

А ДЕВУШКИ ПОТОМ...

Мехлис положил телефонную трубку, взял в руку кружку с давно остывшим чаем, сделал глоток и задумался, прокручивая недавние разговоры. Бросил взгляд на настенные часы — стрелки показывали половину третьего ночи, а значит в Москве половина первого и звонков больше быть не должно.

Что мы имеем на сегодняшний день? Вопросы использования авиации согласовали, Нарком обещал закрепить за объектом три сменных экипажа, в том числе и этот. В общем правильно, количество допущенных к таким секретам должно быть минимальным. Стрелковый полк скоро выйдет, надо продумать как встретить и где разместить. Ну, это пускай Логинов работает, сам бойцов выпросил. По разговору с Ворошиловым вроде всё. Что по линии НКВД? Ориентировочное время встречи с группой Меркулова состыковали, надо набросать справку о состоянии дел. Время есть, вылетаем завтра, точнее сегодня, в 14.00. Лётчики отдохнули, самолёт исправен, топливо есть. Прилетевшие со мной остаются здесь, их дальнейшая судьба — на усмотрение НКВД. Образцы для показа и работы отобраны, с людьми вопрос решается, но этого мало. Хорошо бы Ворошилову привезти образцы оружия, Кастым говорил, что есть. Так, с НКО понятно. Что же показать Микояну? Обещал же удивить...«.

Плавный ход мыслей прервал звук открывающейся двери.

— Лев Захарович? — в кабинет вошёл Логинов. Не отвлекаю? Мы тут образцы стрелковки подготовили, правда часть из них — массогабаритные макеты, но это всё, чем располагаем.

— Отлично! — Мехлис рывком встал с кресла и бодро пошагал на выход, именно об это я и хотел поговорить.

Поплутав по коридорам и лестницам, они спустились на цокольный этаж и зашли в помещение, на двери которого красовалась табличка: «Оружейная комната». В центре помещения стояло шесть сдвинутых попарно столов, на которые выложены образцы оружия: пистолеты, винтовки, карабины, пистолеты-пулемёты, ручные пулемёты, гранаты, каски и несколько предметов, похожих на диковинные жилеты. Для показа, Кастым привлёк пятерых: четырёх своих подчиненных и одного гражданского, молодого человека лет двадцати пяти — двадцати семи.

— Начнём с образцов, принятых на вооружение Красной Армии и тех, которые появятся в ближайшие годы. — предложил Логинов, взяв в руки смутно знакомую Мехлису винтовку, — Итак, Самозарядная винтовка Токарева, СВТ-40...

— «Светка» — фуфло! — неожиданно подал голос гражданский тип, — За неё Токареву руки оторвать и в «шарашку» отправить. А «лампасников», принявших такую дрянь — на лесоповал, лет на двадцать.

— Представьте и поясните мысль. — спросил Кастым, недовольный тем, что его перебили.

— Кирилл Шинкин, историк, волею обстоятельств вынужденный подрабатывать продавцом-консультантом. — представился молодой человек, — Поясняю: от СВТ-40 солдаты плевались и при каждом удобном случае бросали её на поле боя. Лучше уж биться с немцами на кулаках, чем с такой дрянной винтовкой!

— Зачем же они её бросали? — спросил удивленный Мехлис, — Чем бросаться на врага

с голыми руками, сподручнее винтовку использовать. Хотя бы вместо дубины.

— Ваша «Светка» только на роль дубины и годна! — самодовольно ответил Кирилл.

— Любое оружие уход любит, и СВТ не исключение. Пограничники, моряки, грамотные бойцы отзываются о ней крайне положительно. Да и немцам она пришлась по душе. — сдерживая негодование спокойно парировал Кастым.

— А, так «лампасники» немцев вооружали. — ехидно произнёс Шинкин. — Лучше бы они так о советских бойцах заботились. Кстати, и ППШ с ДП — тоже дрянь редкостная! Вот ППС — это вещь! Надо всех ПэПээСами вооружать.

— ППШ и ППС это что? — тихонько обратился к Кастыму Мехлис.

— Пистолет-пулемёты Шпагина и Судаева. ППШ примут на вооружении в сороковом, ППС — в сорок втором.

— Неужели и в самом деле такое плохое оружие? — уточнил комиссар.

— Конечно же нет. Но, на эту тему лучше с Плотниковым поговорить или Кнутовым. — кивком головы, Логинов показал на подчиненных, — Оба практики, фанаты стрельбы из разных типов оружия. Они могут подробно рассказать как о «плюсах», так и о «минусах» каждого образца. Или же к Цезарю обратится...

— Много он знает, этот ваш Цезарь. — вклинился в разговор самодовольный Кирилл, — То, что он называет историей — голимая пропаганда и не более. После проигрыша финнам...

— Кому? — недоуменно спросил Мехлис.

— В своих статьях, я убедительно доказал, что «Зимнюю войну» СССР проиграл с треском! Так вот, по результатам это войны, ни «лампасники», ни «кавалеристы», ни «мясник» никаких выводов так и не сделали. Потери и поражения Второй мировой, называемой пропагандой «Великой Отечественной» — на их совести! — Шинкин горделиво выпрямился.

— Ничего не понимаю. — признался Мехлис, — В прочитанных материалах про поражение от белофиннов нет ни слова. Да, потери нашей армии высоки, немало ошибок и у командования, но главное же, что целей достигли. Кстати, «лампасники» с прочими — это кто?

— «Пиррова» победа! — вновь подал голос Кирилл.

— Насколько понимаю, под «лампасниками» юноша подразумевает генералитет Красной Армии, «кавалеристы» — маршалы Советского Союза товарищи Ворошилов и Будённый, «мясник» — товарищ Жуков. — перечислил Логинов.

— Всё правильно. — подтвердил Шинкин, — Кстати, будете отправлять для консультации военных, этих «товарищей» даже не беспокойте. Я отказываюсь с ними общаться, всё равно ничего не поймут. Шапошников — ещё куда ни шло, он хотя бы кое в чем разбирается.

— Вася! Сиденко! — обратился Кастым к двухметровому богатырю с добрым лицом, — Помогите товарищу консультанту найти выход. Только аккуратно.

Поведя мощными плечами и добродушно, по-детски, улыбнувшись, Вася подошёл к Шинкину, положил свою могучую правую длань на тоненькую шейку и Кирилла и прогудел:

— Пошли, студент. Не будем мешать занятым людям. Постоим, о стратегиях покалякаем. Я это дело страсть как люблю.

— Не имеете права! Не прикасайтесь ко мне! Я историк! У меня полмиллиона подписоты!!!

— «Есторег», не мельтеши! Командир же приказал — на выход. — Вася тихонько подтолкнул упировавшегося Кирилла к выходу, — Нет здесь у тебя никаких подписчиков.

— Я всё понял! Вы снова хотите немцев трупами завалить!!! — верещал шустро пробирающийся к выходу Шинкин, — Вам плевать на жизни людей! Я сейчас же готов доказать, что ни Жуков, ни Рокоссовский, не понимали в стратегии ни бельмеса! А я рассчитал, как победить немцев, уже к середине 1943 года!

— Не бузи. — прогудел Вася, — После расскажешь и всех научишь.

Кастым дождался, когда закроется дверь за историком и крепко державшим его за плечи Васей, и обратился к Плотникову:

— Василий Игоревич! Как этот гражданин здесь то оказался?

— Кудряков предложил, начальник «Военторга». Сказал — прекрасный спец по стрелковому оружию.

— Добро. С этим «спецом» разберёмся после. — кивнул Логинов, — Продолжим, Лев Захарович...

Электронные часы моргнули и на панно высветились зелёные цифры «04:00». Полтора часа показа пролетели незаметно, но Мехлис был очень доволен.

«Какой же умница этот Калашников! Надо же, всего-то сержант, а какие автоматы с пулемётами придумал. Потомки утверждают, что в ближайшие годы нам «калаши» не создать. Дескать станочная база слабая, люди плохо обучены, с марками стали повозиться придётся... Хм. Но, первый АК принят в 1947 году! Выходит — можно! Придётся на оружейников надавить. Жалко, конечно, что лавры создателя лучшего автомата самому Калашникову не достанутся, но ничего не поделаешь.» — размышлял Мехлис, возвращаясь по пустынным коридорам назад, в кабинет Кастыма.

«Бронежилет — тоже нужная штука! Не знаю, что уж там Кулику с Хрулевым могло не понравиться. Сегодня же позвоню в Лысьву, пускай отгружают на фронт все, что есть, нагрудники. Самый лучший отзыв — это испытания в бою. Что ещё? Гранатомёты! Вот чего нам не хватает! Жаль, у попаданцев нет гранаты, только макет в разрезе. Но, ничего, озадачим учёных — сделают.»

Подойдя к кабинету, Лев Захарович сунул ключ в замочную скважину, сделал два оборота, потянул на себя дверь и только собрался войти, как его позвали:

— Товарищ Мехлис, — полувопросительно обратилась к нему заведующая «Универмагом» Сергачева.

— Вы ко мне? — на всякий случай уточнил комиссар.

— Да. Вы завтра улетаете, но есть вопросы, которые требуют немедленного решения. Ах, да. Извините, не представилась. Сергачёва Нина Сергеевна, директор магазина.

— Присаживайтесь. — Лев Захарович радушно предложил госте кресло и отвернулся, с трудом сдерживая зевоту.

— Товарищ Мехлис, ответьте мне, как коммунист коммунисту — вы любите женщин?

От такого фривольного вопроса комиссара бросило в краску. Наконец собравшись с мыслями, он произнёс:

— Я жену люблю! А при чем здесь это?

— При том! — нелогично ответила Сергачёва, — Если бы Вы любили наших советских женщин, в жизни не позволили ходить им в том рубище, которое им выдаётся сейчас! Вот, полюбуйте!

Нина Сергеевна выложила на стол три фотографии. Девушки, изображённые на фото, щеголяли в мужской гимнастёрке с бриджами, одна была обута в сапоги, на голове — фуражка, двое — в ботинках с обмотками и пилотках.

Внимательно рассмотрев изображения, Мехлис заметил, что девушкам явно велика и форма, и обувь, и головные уборы.

— Да, интенданты недосмотрели и выдали обмундирование не по размеру. Бывает. Но не беда, можно же подшить...

— Не беда???? Можно подшить??? — Сергачёва вихрем слетела с кресла и принялась расхаживать по кабинету, — И это мне говорит не посторонний, а целый начальник ГлаПУра!!!

Видя такую экспрессию, Мехлис растерялся.

— Да что вы так переживаете? Да, в армии есть девушки, но сколько их? Раз, два и обчёлся. К тому же, если не все, то большинство из них — работают в штабах. Было бы из чего огород городить.

— Вот, значит, как? — зло сощурив глаза, Нина открыла папку и принялась выкладывать фотографии, — Штабные, говорите? Вот — девушки снайперы, а вот — лётчицы, на этой карточке — за рычагами танка, здесь — вытаскивает на себе раненого, а вот тут — зенитчицы ПВО защищают небо Москвы! Мало? Могу продолжить! Во время войны около 10 % девушек служило в армии! Была сформирована целая женская стрелковая бригада! И это ещё без учёта вольнонаемных, которым вообще обмундирование не полагалось. И это вы считаете нормальным? Эх вы, товарищ комиссар!!!

Мехлис растеряно перебирал карточки с изображением молодых и красивых девчат. Он всё никак не мог взять в толк — чего же от него хочет эта разъяренная дама. Сон к этому моменту, как рукой сняло.

— Позвольте, но всеми вопросами, связанными с вещевым довольствием, занимается Главный Интендант товарищ Хрулёв. Уж не хотите ли вы и их взвалить на ГлавПУр?

— Взвалить? — Сергачёва чуть не задохнулась от негодования, — Если хотите, это Ваша прямая обязанность — знать, как и чем живут люди, заботиться о них, вовремя поправляя чинуш, игнорирующих нужды, чаяния и запросы простых людей. А вы заставляете женщин носить мужскую одежду и считаете это в порядке вещей. Если Вам выдать сапоги на пару размеров больше, сразу, небось, жаловаться побежите. А девушкам выдавали!!!

— Хорошо, — вздохнул Мехлис, — что Вы предлагаете?

— Для начала — вот! — Сергачёва веером выложила рисунки, на которых были изображены девушки в красивом летнем и зимнем парадном, повседневном и полевом обмундировании.

Мехлис внимательно рассмотрел и эти картинки.

— Красиво и похоже — удобно. — отметил он, — Но, всё же это вотчина Хрулёва, максимум, что может ГлавПУр — предложить Ваши варианты, а там — как получится.

— О ваших натянутых отношениях с Хрулёвым, мне Логинов поведал. Но, ведь и его можно обойти и обратиться, например, к товарищу Микояну. Уверена — он поддержит.

«Ага, «прекрасное» предложение — ещё больше поругаться с Андреем Васильевичем. Хотя...» — подумал Мехлис, но вслух сказал:

— Допустим, Анастас Иванович согласится. Сколько понадобится формы и где её хранить.

— Вот это уже разговор! — обрадовалась Сергачёва, — Я проконсультировалась у нашего

Интенданта, он предложил заказать тысяч триста, разместив всё на центральных и окружных складах.

— Хм. — Мехлис задумчиво сделал в блокноте запись, — Допустим, Анастас Иванович поддержит. Но одного этого предложения мало. Вы ведь начали разговор с женщин в общем, желая осчастливить всех, а не только о военнослужащих. Так?

— Да, и такие предложения есть. Первое — это средства гигиены. Объяснять долго, вы мужчина и вряд ли поймете, но поверьте — для женщин это крайне важно.

— Допустим, — сделал пометку Лев Захарович. — Что ещё?

— Косметика, нижнее бельё, чулки, шубы, платья...

— Пойдите! — Льва Захаровича опять бросило в жар, — Платья и шубы — это я ещё понимаю, но как Вы нижнее бельё собираетесь демонстрировать?

— Товарищу Сталину и членам Правительства? — фыркнула Нина Сергеевна. — Никак, на показ предлагаю собрать жён, эдакий Женсовет Совнаркома. Выложим образцы, имеющиеся в советской торговле, а рядом — наши предложения.

— Допустим, человек сорок — пятьдесят оденете, а дальше?

— Э, нет! Так не пойдёт! Ничего раздавать и продавать мы не собираемся. Предлагая пригласить на показ профильных Наркомов: лёгкой, текстильной, химической и промышленности, здравоохранения. Пускай они потом своим жёнам и объясняют: невозможно, нет в планах, отсутствуют комплектующие и что ещё смогут придумать. Думаю, для решения проблемы им потом и одной ночи хватит.

— Эдак мы враз всех Наркомов лишимся. — усмехнулся Мехлис, — Допустим, я выйду с таким предложением. Как планируете организовать показ?

— Возьмём образцы нашей продукции, а по приезду в Москву — пробежимся по магазинам и посетим предприятия. На месте определимся с линейкой выпускаемых товаров и с возможностями промышленности. По итогам — готовим выставку и подаём конкретные предложения, с примерными сроками изготовления.

— А что, неплохой план. Может и выгорит. Кого возьмёте с собой?

— Я? — опешила завмаг. — Я вообще-то собираюсь в Тюмень, часть товара нужно срочно реализовать, иначе испортится.

— Ну уж нет, Нина Сергеевна. Сами предложили, Вам и ответ держать. Готовые образцы женского обмундирования есть?

— В «Военторге» должны быть, — с тяжёлым вздохом ответила Сергачёва, — Раз такое дело, подберу ещё пару своих девчонок модельной внешности. Нижнее бельё на столах выложим, а вот платья с шубками — лучше показывать.

— Горбачёву возьмите, Раису. — предложил Лев Захарович.

— А что? В роли модели — справится. Не всё ей взносы, да слухи со сплетнями собирать, пускай и делом займётся. Что ж, пошла готовиться.

— Нина Сергеевна, куда? Ночь на дворе.

— А, — встав из-за стола, легкомысленно махнула рукой Сергачёва, — Времени — в обрез, в самолёте выплусь.

— Похоже, что и я вздремну только в полёте. — буркнул Мехлис вслед выпорхнувшей из кабинета собеседнице, — Если очередных «попаданцев» не встречу...

Ох ты, русская дорога...

К подготовке колонны полка по маршруту Тюмень — Сургут, Логинов отнёсся со всей серьёзностью. Мало того, что путь не близкий, трое — четверо суток отдай, и не грехи, так ещё и природа диктовала своё. Зима в этих краях суровая и низкая температура ещё не самое страшное. А как завьюжит, да на несколько дней, что делать? Как людей и технику не угробить? Михаил Епифанович обдумал первоочередное и взял в оборот интендантов полка, пятерых ротных. Накрученная команда бросилась на штурм складов дивизии и соседних воинских частей. Местное партийное и хозяйственное руководство вниманием тоже не обделили. Телеграмма за подписью Сталина, творила чудеса, открывая перед Логиновым все двери. Но, как оказалось, одной бумагой дело не ограничилось, Москва продублировала указания по телефону.

Уже через полдня бурной деятельности, командование дивизии не знало, куда прятаться от настывшего ротного и интендантов. Даже не ротного, а «временно исполняющего обязанности командира полка». Командир дивизии зашёл в свой кабинет, устало отдуваясь стяхнул снег. Стянул с головы папаху, расстегнул шинель, посмотрел на подозрительно молчаливый телефон. Перевёл настороженный взгляд на дверь, скинул галоши и только приготовился снять и убрать в шкаф шинельку, как в дверь уверенно постучали.

— Войдите! — крикнул комдив, подозревая об очередных неприятностях. Предчувствие его не подвело, в кабинет вошёл Логинов.

— Что ещё? — устало спросил комдив, — Тебе же дали уже всё что было и даже то, чего не было. Когда, колонна наконец двинется? Меня же Москва с калошами сожрёт!

— Товарищ командир дивизии! Подготовка идёт в соответствии с утверждённым Вами планом. Выход — через четыре часа. В связи со служебной необходимостью и низкой температурой, прошу Вашего ходатайства о выдаче с НЗ водки, из расчета сто грамм на человека в сутки, при длительности перехода четверо суток.

— Ты что плетёшь?!?! Какая водка?!?! Может тебе ещё бабёнку подогнать?! Всё! Никакого спиртного! Свободен!

— Товарищ командир, разрешите обратиться к Наркому обороны. Может он даст «добро»?

Комдив выпучил глаза, от гнева у него перехватило горло, и он просипел:

— К товарищу Ворошилову? Нет! Не надо его беспокоить. Логинов, ну вот зачем тебе водка? Вам бы, товарищ майор о деле думать и как приказ Родины побыстрее выполнить.

— Товарищ комдив, я о деле и думаю. На улице — мороз, холодно в кабинах и тем более в кузовах. Нам бы людей не поморозить. Задачу, может я выполню и побыстрее, только по прибытию на место как бы не пришлось бойцов лечить. За такое решение задачи, ни Вас, ни меня, Москва по голове не погладит. А спиртное буду выдавать раз в сутки, не более ста граммов каждому. Что-то пойдёт на растирание, обморожений быть не должно. Подпишите рапорт, товарищ комдив.

— Давай сюда свою бумажку! — ворчливо прошипел комдив, — Подпишу. Слушай, майор! А если война? Тоже будешь сто грамм у Наркома клянчить?

— Не буду. Нарком сам определит норму и порядок выдачи водки.

— Как ты только бригадой командовал? Ты же для начальства, шило в одном месте. Мехлису ещё приглянулся... Всё, иди получай спиртное, и смотри у меня! — командир

дивизии погрозил здоровенным волосатым кулаком, — Чтобы полк привёл в полном порядке! И чем быстрее, тем лучше!

— Слушаюсь! — Логинов взял завизированный документ и покинул кабинет командира.

Насвистывая незамысловатый, весёлый мотивчик, Шмаков шёл вдоль вытянувшейся автоколонны, внимательно осматривая каждый автомобиль. Дойдя до середины колонны, он обратил внимание на выгодно отличавшуюся от других полуторку и принялся её обходить по кругу, время от времени зачем-то опускаясь на колени и заглядывая под днище.

— Эй! Паря! Потерял чего? — окликнул старлея выпрыгнувший из кабины шофёр, — Ты часом не шпийён? А то щас враз охрану клинку.

— Попридержи язык, дядя. На абы с кем, с красным командиром общаешься! Это вам не то! — ответил недовольный Шмаков и кивнув в стороны понравившейся полуторки спросил: — Твой драндулет?

— Ну, мой. — обидевшись ответил водитель, — Чё надо-то?

— Отлично! Потёр руки Шмаков и поправил висевший за плечами туго набитый мешок. В поклаже тихо звякнуло стекло. — Свободен?

— А я знаю? — ответил засмоливший самокруткой шофёр, — Нам сказали построиться и ждать, мы и стоим. А кто кого повезёт — не нашего ума дело.

— Вот и чудненько! — отозвался Михаил, обошёл автомобиль, открыл дверцу со стороны пассажира и принялся трамбовать заплечный мешок.

— Шмаков! Ко мне! — раздался громкий голос комиссара Выскребенцева.

— Принесла же нелёгкая! — сквозь зубы прошипел старлей. — Иду, тащ комиссар.

Натянув на лицо улыбку, Михаил бодрой походкой двинулся в сторону Выскребенцева. Не дойдя до комиссара нескольких шагов, Шмаков остановился, вскинул руку к шапке и доложил:

— Тащ комиссар, старший лейтенант Шмаков явился.

— Вы почему не готовитесь к выезду? — грозно спросил комиссар.

— Я это... Готовлюсь. Вона — машинку себе подобрал. — пролепетал Михаил.

— Где же ваш взвод? И почему вы устраиваетесь в середину колонны, если рота пойдёт замыкающей?

— Я... Это... Разрешите, тащ комиссар, я пересяду. Э-э-э-э... Вещи перенесу в зад. Нет — в конец. Можно же? — сбивчиво бормотал Шмаков, преданно глядя в глаза начальнику.

— Вещи принесёте после получения приказа на погрузку. — ответил Выскребенцев тоном, не допускающим малейших возражений, — Почему в сапогах? Валенки не получили?

— Никак нет! То есть — так точно! Получил! В сапогах же красивше, да и ехать тут — тьфу, всего ничего.

— Шмаков, с чего ты это взял? Дорога длинная, не менее трёх суток пути, если повезёт, и погода не подкачает. Замёрзнут твои бойцы — пойдешь под суд, как враг народа!

— Нас в школе учили, что кратчайшее расстояние между двумя точками — это прямая, — Шмаков хлюпнул носом, — Я по карте посмотрел — по прямой тут недалеко, полдня ходу, а то и меньше.

От этих объяснений, у Выскребенцева пропали все, готовые вырваться наружу, слова. Комиссар уже и не знал, что ему делать: смеяться или продолжать «песочить» старлея. Наконец он собрался с мыслями и приказал:

— Значит так, Шмаков! Свои предложения по маршруту доложишь майору Логинову лично. И если он сразу тебя не прибудёт, по команде прыгаешь в машину, и ведёшь себя тихо — тихо, как мышь под веником. Но, запомни — за здоровье каждого красноармейца — отвечаешь головой. Если хоть один заболеет... Семь шкур спущу, ты меня знаешь! И сам переобуйся!

— Понял, товарищ комиссар. — без огонька ответил Михаил, — Можно я уже пойду?

— Эх, Шмаков! Ты же кадровый военный, училище закончил, а устава не знаешь и отвечаешь, словно в армию попал из глухой деревни всего лишь две недели назад. Иди уже, горе луковое.

— Слушаюсь. — Михаил отдал честь, и двинулся к полуторке.

— Н-да! С этим кадром Логинов точно не соскучится. — вполголоса сказал комиссар, развернулся и пошёл по своим делам.

Подойдя к машине и открыв дверь, Шмаков оглянулся, увидев удаляющегося Вискребенцева. Тем не менее, он аккуратно вытащил из кабины заплечный мешок, закинул его за спину и пошёл в казарму. Но, далеко не ушёл. Его внимание привлекли несколько машин, стоявших в стороне от колонны и охранявшихся часовым.

— Хм. — задумчиво сказал Михаил, — Когда я шёл сюда, никакого часового не было. Не иначе, что-то секретное привезли. Любопытно...

— Слышь, браток, не знаешь, что там в машинах? — спросил он кутающегося в шинель часового.

— Папироской угостите, тащ лейтенант — скажу.

— Какую папироску? Часовому запрещено курить на посту. — неожиданно для себя, Шмаков вспомнил обязанности часового. Всё же не зря его заставляли учить уставы, в нужный момент крупницы знаний пригодились.

— Так и разговаривать на посту тоже нельзя. А вот вызвать разводящего и задержать сующего не в свое дело гражданина — можно. — парировал часовой и отвернулся от Шмакова.

— Да ладно тебе, это я шуткую. — примирительно сказал Михаил, достал из коробки пару папирос и протянул часовому. — Держи.

Боец степенно повернулся к Шмакову, взял курево и спрятал по козырёк шапки.

— Водку привезли. Говорят, бойцам нальют, которые в машинах будут трястись. Эх солдатская ты судьба — судьбинушка. Не иначе на фронт поедут, белофинна воевать.

— К-к-к-как на фронт? — от волнения Михаил начала заикаться, — Не хочу на фронт.

— Дык кто спросит? Прикажут — так лебедем полетишь.

— Что же делать? Что же делать? — зачастил Шмаков.

— А хошь, я тебе ногу прострелю, аль штыком пырну? Разводящему скажу, что в машину лез, вот я и применил, так сказать, оружие по нарушителю. Мне — отпуск, а ты — в больничку. Глядишь, и война кончится.

Ярко представив болезненные и неприятные последствия от заманчивого на первый взгляд предложения, Михаил задумался:

«Не может быть, чтобы Финляндия была ближе Воронежа. А товарищ комиссар сказал, что ехать дня четыре. Хм. Даже напрямки — не поспеть. А значица, что? Не прав часовой, ни на какую войну мы не едем. А Логинову ничего про свой маршрут говорить не буду, он поди и не знает, что кратчайшее расстояние — это прямая. Пушай покрутиться, глядишь — целее будем!». Ободрённый этими мыслями, Михаил поправил лямки заплечного мешка и

бодро зарысил в расположение роты.

Убывающий полк построился на плацу. Время поджимало, потому и митинг, посвящённый маршу, был коротким, всего два выступающих: командир и комиссар полка. Вот прозвучали последние напутственные слова, на центр построения вышел врио комполка майор Логинов и подал долгожданную команду:

— По маши-и-и-и-нам!!!

Бойцы и командиры бросились врассыпную, пытаясь как можно быстрее занять места. Броуновское движение продолжалось недолго и вскоре людские водовороты у задних бортов исчезли. Логинов собрался уж было занять своё место, как неожиданно увидел идущего пружинистым шагом к колонне и державшего в руках небольшой фанерный чемодан комиссара полка. Поставив свой мешок в кабину, майор двинулся навстречу начальству.

— Евгений Михайлович, так Вы все же с нами?

— Конечно. С полком, впереди, на лихом коне! — улыбнулся комиссар, — Ну всё, Михаил Епифанович, время поджимает, на привале поговорим. Приказывайте начать марш.

— Слушаюсь! — ответил майор и достав красный флажок, просигналил начало движения. Его сигнал был замечен и флажки замелькали вдоль всей колонны, дублируя полученную команду.

Ну, с богом. — тихонечко под нос сказал комполка запрыгивая в кабину грузовика.

Окутанная клубами дыма, постепенно набирающая ход длинная змея грузовиков потянулась к выезду.

Старший лейтенант Шмаков никак не мог найти удобную позу, вот и вертелся на жёсткой лавке полуторки. Шинель и валенки сковывали движения, цеплялись за рычаги и разные выступающие детали. Хорошо, что он догадался снять и постелить на сидение меховой жилет. На нём и сидеть удобнее, и шинелка всё же посвободнее. Крутанувшись в очередной раз, он случайно зацепил валенком заплечный мешок. В мешке что-то звякнуло, хрустнуло и вскоре по кабине поплыл запах самогона.

— Твою же мать! — в сердцах плюнул Шмаков, — Вот и кранты!

— Самогонку что ль разлил? — усмехнулся в пышные, прокуренные усы водитель, крепкий, широкоплечий мужчина, на вид лет тридцати пяти.

— Её, родимую. И как теперь ехать? Хорошо — вторая уцелела, до привала хватит. — огорченно бормотал Михаил. — Ну что ты будешь делать...

— Что там ещё? — полюбопытствовал шофёр.

— Как что? Всё в самогонке: вещи, продукты. Хорошо, хоть документы догадался убрать. Ай!

— Что случилось?

— Порезался! — пробурчал старлей, засовывая в рот окровавленный палец, — А ну стой! Видишь — командир ранетый!

— Ща! Так я и остановился! За срыв графика ваш командир голову оторвёт. На-ка тряпицу, замотаешь. Не бойсь, она чистая. А в мешок не лезь, будет привал, там и приберёшься.

— А кружка есть? Рану надо прозе... прозеденхфи... Тьфу, чорт, промыть надо, вот!

— Держи. — левой рукой шофёр достал из-за спины слегка помятую кружку, — Пойдёт?

— А куда деваться... — горестно вздохнул Шмаков, зажал коленями кружку, из

оставшейся целой бутылки вытащил зубами самодельную деревянную пробку и только приготовился плеснуть себе винную порцию, как был остановлен насмешливым вопросом водителя:

— Что, без закуски решил хлебать? Силён, тащ лейтенант!

— Где я тебе закуску найду? — огрызнулся Миша, — Всё спиртом залил, да ещё и стёкла... Хотя, погода! Есть закусь!

Порывшись в карманах брюк, Шмаков достал два куска грязноватого колотого сахара и подул на них, словно это могло избавить продукт от налипших крошек. Щедро набулькав в кружку спиртное, он зажал коленями бутылку, приподнял тару, будто чокаясь с кем-то невидимым и со словами: «Ну, за дорогу!», опрокинул содержимое в глотку. Резко выдохнул, поморщился, зябко повёл плечами и занюхал сахаром и взялся за бутылку вновь.

— Вы бы не частили, товарищ командир. Привал нескоро. — улыбаясь в усы предупредил шофёр.

— Но-но-но! Поучи мне ещё красного командира! — слегка захмелев оборвал его Шмаков, — Я лучше знаю как лучше! Крути свою баранку и не лезь с советами. Ну будем!

После второй порции Миша размяк и начал шарить по карманам, в поисках курева. Надя помятую пачку в кармане гимнастёрки, он достал папиросину, смял гильзу в гармошку и с чиркнув спичкой закурил, пуская по кабине кольца дыма.

— Эх, хорошо сидим! — мечтательно сказал он, — Ещё бы не дуло да не трясло... Холодно, с-с-с-собака! Всё же нет в жизни совершенства.

Покурив, Шмаков налил третью порцию, крякнув выпил и её, ввинтил пробку в бутылку, зажал коленями ёмкость с драгоценной жидкостью, откинулся на спинку и моментально заснул, храпом перебивая даже грохот движка.

— Н-да. — покачал головой шофёр, — Беспокойный пассажир достался. Ну самогон у него ещё есть, продержимся.

Вопреки опасениям, начало марша проблем не создавало. Логинов выбрал единственно возможный маршрут — по льду реки. Проложенная по льду и укатанная санями дорога походила на закатанный в асфальт столичный проспект.

На первую стоянку встали через три часа марша. Если до выезда, слова Логинова о том, что каждый привал будет начинаться с зарядки, полк встретил гулом недовольства, то сейчас озябшие бойцы и командиры с удовольствием махали руками и ногами, разгоняя по жилам кровь

Майор подошёл к откинутому заднему борту одной из полуторок, внимательно посмотрел в темноту кузова, затем протянул руку и достал из-под лавки пару лыж с палками.

— Далеко собрались, Михаил Епифанович? — раздался за спиной голос Выскребенцева.

— До хвоста колонны пробегусь, Евгений Михайлович. Надо же обстановку разведать. Компанию не составите?

— Если ещё парочку лыж найдёте — составлю. — улыбаясь ответил комиссар.

— Рядовой Бессонов, — рявкнул ротный. — Лыжи товарищу комиссару подай.

Через пяток минут командиры двинулись по снежной целине, проходя вдоль всей немалой колонны. Торил лыжню Логинов, комиссар двигался вслед. Происходящее тревоги не вызывало, дымились готовившие чай кухни, выбравшиеся на пологий берег бойцы собирали валежник и лапник, таскали собранное к машинам, готовили запас дров и

утепляли кузова. До хвоста оставалось пяток грузовиков и Логинов собрался было уже поворачивать назад, как вдруг случилось непонятное. Неожиданно взвыл двигатель одной из спокойно тархтевших полуторок. Стоявшие рядом люди бросились врассыпную и только один гражданский, по виду — водитель, бросился к кабине. Тем временем машина сделала прыжок вперёд, врезалась в прицепленную к стоящей впереди машине полевую кухню, протащила её вперёд, поставив на одно колесо, побуксовала и заглохла.

Подбежавший к водительскому месту шофёр распахнул дверь и схватил за воротник сидевшего за рулём и отчаянно упирившегося военного. Минутная борьба закончилась победой водителя. Выкинув из кабины незваного гостя, шофёр коршуном набросился на него и только собрался дать волю кулакам, как его остановил громкий голос комполка:

— Отставить! Что случилось? Кто водитель?

Сидевший на военном и замахнувшийся для удара гражданский недобро посмотрел на подъехавших лыжников буркнул:

— Я шофер. Синицын Михал Михалыч. А этот — пассажир, значица. Как вы говорили — старший машины. Новую полуторку загубил, ирод. — водитель злобно сплюнул, попав на полу шинели лейтенанта и слез с нарушителя.

Логинов с Выскребенцевым подъехали ближе и внимательно посмотрели на барахтавшегося в снегу.

— Шмаков. — выдохнул комиссар, — И почему я не удивлён.

Тем временем почувствовавший свободу Михаил начал помаленьку вставать на колени, но услышав знакомые голоса людей, от которых ничего доброго не ожидал, бросил попытки, решив прикинуться пострадавшим.

— Вставайте уж, Шмаков. Мы с комиссаром всё видели. Докладывайте, почему сели за руль и совершили аварию. Хорошо, не убил никого.

— Кстати, на прицепе стоял человек. Где он? Живой? — спросил Выскребенцев.

— Туточки я, товарищ комиссар. — ответил выбирающийся из сугроба повар. — Чудом спасся! Сам не понял, как и в снег нырнул. Богородица спасла, ей-ей.

Выскребенцев поморщился, но не стал пенять повару на его религиозность. Но, зарубку в памяти сделал.

— Валенок ещё потерял с поварёшкой! Как я теперь? — запричитал чудом спасшийся.

— Держи свою обувь и черпак. — неизвестный сержант протянул повару потерянное имущество.

— Товарищи шоферы, осмотрите повреждения машин и кухни. — приказал комполка, — Мне нужно знать: могут ли они продолжать марш и если нужен ремонт, то какой и в какие сроки?

Водители юрко бросились осматривать технику, а Логинов вновь обратил внимание на притихшего Шмакова.

— Лейтенант, рассказывайте: зачем за руль полезли, аварию устроили и чуть человека не задавили?

— Я это, тащ майор... Вы вот говорили, что командир должен владеть всеми видами техники. Вот я и овладел, это самое...

— Ну да, овладел. Двумя грузовиками и кухней. Чтобы два раза не ходить. Постой-ка Шмаков — Логинов с силолй втянул носом воздух, — Да от тебя несёт, как от винной лавки! Ты же пьян!

— Так точно. Никак нет. Я, эт самое, палец порезал, и для поправки здоровья слегка

принял.

— Ага, слегка. — зло зыркнув исподлобья глазами буркнул Синицын, — Без малого поллитру уговорил, без закуси.

— Неправда! — обиженно, заплетающимся голосом, возразил Шмаков, — Я сахар лизал!

— Нализался, значит. — вынес вердикт комиссар. — Михаил Епифанович, что делать будем с «красавцем»?

— Так, бить его нельзя. Пороть, вроде, тоже, — вслух начал размышлять Логинов, — Связать и до конца марша бросить в кузов — тоже не получится, какой — никакой, а командир. Нет, кубарей у него, конечно лишку. Парочку надо бы снять.

— До лейтенанта? — с надеждой спросил Шмаков.

— Почти. До младшего. Если так дело пойдёт, то через годик, избавишься ты Шмаков от всей этой геометрии и будешь красоваться с чистыми петлицами.

— Михаил Епифанович, это дело будущего. В чистом поле кадровых вопросов не решишь. Сейчас что делать? — спросил комиссар.

— Сейчас?... — задумался Логинов, — А займись-ка Шмаков делом. Ты же у нас мыслитель? Вот тебе головоломка. — комполка достал из кармана шинели замысловато изогнутые железки, — как думаешь, что это?

— Ну, так, эт самое, два искривлённых гвоздя, соединенные вместе.

— Правильно. На-ка, попробуй их расцепить.

Михаил взял связку и начал крутить в руках.

— Не расцепляются.

— Хорошо. — комполка забрал головоломку, сделал несколько быстрых движений и через мгновенье гвозди разделились. — Понял? Вот тебе задачка: как расцепишь гвозди, прибудешь на доклад. Ломать — запрещаю. Справишься — уменьшу наказание. Возместишь из кармана ущерб, который ты нанес военному имуществу, зато кубари сохранишь. Так, шофера, что с техникой?

— Серьёзных поломок нет, двигаться можно. Кухню дотянем, но на следующем привале нужно осмотреть. И готовить в ней пока нежелательно.

— Добро. Что же, Евгений Михайлович, двигаем в голову и даем команду на марш?

— Поехали, Михаил Епифанович. — ответил комиссар. Командиры встали на лыжи и вскоре фигурки лыжников пропали из поля зрения.

Шмаков угрюмо сел в кабину и всю дорогу, до следующего привала, крутил в руках неподатливые железяки, никак не желавшие расцепляться.

На очередном привале Михаил подошёл к задорно смеющимся Рыжову, Котову и Бессонову.

— Слышь, Рыжков...

— Рыжов, тащ старлейтенант.

— Я и говорю, Рыжков. Сможешь расцепить гвозди?

Котов глянул на головоломку и со словами «Я могу» сграбастал железяки. После нескольких движений в юрких руках бойца, «заколдованные» гвозди разделились.

— Так боец, давай их сюда!!! — потребовал Шмаков.

— А вам зачем, товарищ старший лейтенант? — лукаво прищурившись спросил Котов.

— Комполка приказал разъединить и доложить. — бесхитростно ответил Шмаков.

— А! Так это он вам приказал... Сей момент. — гвозди замелькали вновь и через

десяток секунд в руки Шмакову легла связка гвоздей.

Михаил подергал, головоломка вновь стала единым целым. Бессильно поскрежетав зубами, Шмаков пригрозил:

— Ну всё, боец! Я с тебя живого уже не слезу. Быстро расцепил обратно!

— Товарищ старший лейтенант, зря вы так. Я же и до комполка дойду. Доложу, как его обмануть хотели.

Ещё раз поскрипев зубами, но больше ничего не сказав, Михаил резко развернулся и метнувшись к машине, заперся в кабине.

Шмаков бился с загадкой весь оставшийся до Сургута путь, но проклятые гвозди вцепились друг в друга и разъединятся отказывались. Даже забывшись коротким сном, Михаил продолжал разгадывать головоломку. И почти уже разгадал, ему оставалось пара движений, и железяка распадётся, но... В этот момент Сеницын ударил по тормозам, машина немного повиляла и встала, как вкопанная.

— Всё. Кажись приехали. — сказал шофёр.

— Су-у-у-у-у-ка. — обреченно отозвался Шмаков, в последний момент словивший выскользнувшую из рук головоломку и понявший, что раз до приезда он её не разгадал, значит и наказания не миновать.

Майор Логинов открыл дверь кабины полуторки, встал на подножку притормозившего грузовика и осмотрев окрестности вполголоса произнёс:

— Уф. Добрались. И к счастью — без потерь. Что же — посмотрим, что день грядущий нам готовит.

Осмотревшись, он вновь устроился на сиденье и обратившись к водителю сказал:

— Володя! Видишь указатели? Двигайся по ним. Похоже, встречают именно нас. Всё, дошли...

Самолет, самолёт, ты возьми меня в полёт

Мехлис откинулся на спинку кресла и потер красные, усталые глаза. Два часа сна — слишком мало для восстановления сил и бодрости. За соседним столом трудилась Альбина. В алгоритме работы на ЭВМ Лев Захарович уже немного разобрался и помощь толкового наставника требовалась всё реже.

Комиссар встал из-за стола и сделав несколько шагов, встал за спиной студентки. На экран её вычислительной машины была выведена какая-то карта, на которой Альбина старательно расставляла значки.

— Чем таким интересным заняты? — спросил Мехлис.

— Иллюстрациями к докладу. — ответила Альбина, не поворачиваясь и не отвлекаясь от занятия.

— На какую тему?

— Полезные ископаемые Советского Союза, возможности по их добыче и освоению.

— Понятно. — протянул Мехлис. — Золото, серебро, уголь?

— Не только. Нефть, газ, титан, никель, медь, уран. Почти вся таблица Менделеева. Одни значки обозначают известные или разведанные месторождения, всплывающие значки другого цвета — это залежи полезных ископаемых, которые только предстоит открыть, но многие из них понадобятся уже сейчас.

— А что это за нефтеносный район? На Баку совсем не похож.

— Неужели не узнали? Эта точка обозначает город Сургут.

— Богатый край. Одна беда — вывоз. Сложный и дорогой.

— Для начала — речным транспортом, потом можно будет и трубопровод построить.

— Это же сколько труб понадобится! — охнул Мехлис.

— Решаемо! — махнула рукой Альбина.

— А как собираетесь картинки показывать? Обучите ещё несколько человек?

— Товарищ Логинов поставил задачу, сделать подробные карты каждой области СССР. Задача объемная, сроки сжатые, пришлось привлечь с десяток умельцев, так что справимся. Результаты сведём воедино и работать станет удобнее. А для показа отправим в Москву проектор. Очень удобная штука, особенно для показа карт и различных таблиц.

— Скажите, Альбина, не проще ли карты распечатать?

— Зачем? — удивилась девушка. — С ЭВМ же намного удобнее. Мы ведь привязываем месторождения к населенным пунктам, а на бумажной карте некоторые и не рассмотреть, слишком маленькие. Приложением станут подробные таблицы, с расшифровкой координат, глубиной залегания, ориентировочными объемами...

— Видите ли, Альбина. Вы настолько привыкли к ЭВМ, что даже не представляете жизнь и работу без неё. А вот нам — наоборот, бумаги привычнее и удобнее. На них можно ставить пометки, писать резолюции, да и поиск нужного — привычнее. Хотя соглашусь, для первого доклада такие иллюстрации — настоящая находка.

— Лев Захарович! Я выполняю поставленную задачу. На эту тему лучше обратиться к Илье Александровичу, нашему начальнику.

Мехлис кивнул, надел на себя тёплую куртку, подаренную директором «Военторга» и пошёл к выходу, надеясь встретить Судина, директора «Цифросети» или Логинова.

Новая тёмно-синяя куртка очень понравилась Мехлису: длинная, почти до колен,

лёгкая, тёплая, удобная, со множеством карманов и с капюшоном, отороченным натуральным мехом. На левом рукаве куртки красовалась круглая цветная нашивка с вышитым гербом Советского Союза и надписью: «Вооруженные Силы СССР» вокруг него. Местные товарищи называли её «пуховиком» или «Аляской».

Понравился Льву Захаровичу и другой подарок Кудрякова — шапка с козырьком с оторочкой из меха бобра. Леонид Леонидович объяснил, что в их армии, такие шапки положены только полковникам и генералам. Новый наряд начальника ГлавПУра завершали зимние ботинки с высокими берцами. Как объяснили Мехлису, берцы ни в чем не уступали валенкам по теплу, но ходить в них намного удобнее. В том, что новая обувь теплее и красивее, Лев Захарович убедился лично, а вот насчет удобства он бы поспорил: пока завяжешь или развяжешь шнурки — намучаешься, да и носков для них не напасешься. То ли дело валенки с портянками!

Самым богатым подарком стал баул, укомплектованный разнообразным обмундированием. Начальник ГлавПУра наскоро просмотрел содержимое и подивился тому, насколько потемки продумали комплектацию. В просторном мешке с широкими лямками для переноски на спине или плече лежал полный комплект полевого обмундирования, включая летний и зимний камуфлированный костюм, летние ботинки с высокими берцами, кепка с козырьком, пластиковая фляга, котелок и множество других мелочей.

Но, Мехлис не был бы Мехлисом, если бы он принял такой щедрый дар. После короткой торжественной речи Кудрякова, поздравлений Логинова и ещё нескольких человек, Лев Захарович тяжело вздохнул и принялся стягивать понравившийся пуховик с плеч. Бескорыстные дарители обомлели, а начальник ГлавПУра объяснил:

— Товарищи! Не скрою, ваша забота и внимание — очень приятны, но принять столь щедрый дар не могу. Права такого не имею.

— Лев Захарович! Ваша принципиальность известна, но, пожалуйста, не отказывайтесь от подарка! Мы так старались, готовились... — принялся уговаривать Логинов.

— Михаил Силантьевич, а разве это Ваши личные вещи? Или Леонид Леонидович решил подарить что-то со своего плеча?

— Что Вы, Лев Захарович Конечно же нет. Все образцы новые, не ношенные, из магазина.

— Вот! — поднял Мехлис указательный палец, — Из магазина! Значит они — государственные, хоть и были куплены товарищем Кудряковым в 2019 году!

— Но, хотя бы купить Вы их можете? — спросил Логинов.

— Могу. — согласился Мехлис. — А по каким ценам? Боюсь, что на столь роскошные подарки моих наличных денег не хватит.

— Погодите! — вскричал Кудряков, — Есть предложение: официально оформить комплект, как имущество высшего командного состава, выданное товарищу Мехлису в опытную носку. Документальное оформление беру на себя. Лев Захарович распишется в накладной, а по прибытии в Москву — отчитается перед интендантами. Аналогично поступим и с остальными подарочными комплектами. Устроит, Лев Захарович?

Мехлис ненадолго задумался, но, пересилив себя, кивнул.

— Товарищ Кудряков! Просьба — укажите стоимость каждого предмета в ценах 2019 года. Так надо.

Логинов с Кудряковым облегченно выдохнули.

Накинув куртку и зашнуровав берцы, начальник ГлавПУра пошёл на выход из Торгового Центра. Хоть в помещении комфортно и тепло, но ему захотелось подышать свежим морозным воздухом. Он вышел из здания, спустился по ступенькам и принялся ходить взад и вперед, обдумывая дальнейшие действия. Яркое солнце слепило глаза, под ногами поскрипывал снег, мороз прихватывал щёки и нос. Мехлис осмотрелся. Сверкающая стеклом глыба торгового центра по-прежнему создавала впечатление чего-то неземного, но стоило сместить взор в сторону — и всё вставало на привычные места: посёлок, заваленный снегом, слабо различимые дома, из труб которых тянулись в небо ровные столбы дыма, бредущая лошадь, запряженная в сани. Умиротворяющая, настраивающая на позитив, картина мира.

От созерцания местных красот отвлёк тонкий мальчишеский голосок:

— Товарищ Армейский Комиссар 1-го ранга! Товарищ Мехлис!

— А? Чего? Кто здесь?

— Товарищ комиссар, это Лёня, оператор квадролёта. Возьмите нас на войну! Ну пожалуйста...

— На какую войну? — буркнул недовольный Мехлис, — И покажитесь уже.

Из тени здания вышел юноша, скорее даже мальчик. Комиссар присмотрелся, его собеседнику на вид было лет 15–16.

— На какую войну собрались, кто эти «мы» и что за квадролёт?

— Мы — это я, Васёк, Колька и Митька. Война — наших с финнами, а квадрик или квадролёт — летательный аппарат, с тепловизором, прибором ночного видения и видеокамерой. С их помощью мы следим, чтобы к ТЦ не подошёл посторонний.

— Теперь понятнее. Вот только с квадриком ясности не прибавилось.

— Одну минуту, товарищ комиссар. Разрешите лучше показать.

С этими словами юноша подошёл к Мехлису, вытащил из-за спины оснащённый винтами прибор и приступил к демонстрации. Внимательно глядя на экран, Лев Захарович с интересом слушал рассказчика. Через десяток минут он поднял руку и остановил Васю:

— Стоп! А что это за светящееся пятно?

— Человек. Он за ТЦ уже минут двадцать наблюдает, прячется. Думает, что его не видно.

— А вы значит видите?

— Давно засекли. Ещё на подступах. Доложили старшему смены, теперь ждём, чего гражданин предпримет. Если что не так — смена нарушителя повяжет.

— Н-да, лихо у вас дело поставлено. И давно так работаете?

— С первых часов перемещения. Товарищ Логинов приказал, нас и назначили. Вообще-то нас десяток, работаем по четыре часа, в две смены.

— Даже дети? — удивился Мехлис.

— Мне восемнадцать. — обиженно буркнул Вася. — Я, Колька и Митька работаем в «Цифросети», ещё двое из нашей смены — охранники.

— А где вы учились?

— Обращаться с квадриками? Наша группа — в Доме пионеров. Где остальные — не знаю.

— Так, с этим разобрались. Теперь поговорим о войне, точнее зачем вы на нее так рвётесь.

— Товарищ Мехлис, мы уже год, как занимаемся у Цезаря, извините — у Андрея

Николаевича. Пару месяцев назад, он дал задание: подготовить выступление по Советско-Финской войне. Доклад со слайдами готов, срок сдачи — завтра. Цезарь, конечно, спуску не даёт, но творческий подход ценит. Засев за мемуары и справочники, мы как смогли изучили ход сражений, но затем решили пофантазировать: как помочь нашим, имея на руках квадрики и современное автоматическое оружие.

— Каковы же результаты? — усмехнулся комиссар.

— Положительные. — серьёзно ответил паренёк, — Предварительные расчёты показывают, что работа оператора разведки сведёт на «нет» деятельность финских диверсантов, существенно уменьшит потери от снайперского огня, и позволит взломать «линию Маннергейма» с меньшими потерями.

Мехлис аж присвистнул от удивления.

— Та-а-а-а-а-к. — протянул он. — Можем сейчас посмотреть доклад с расчётами?

— Можем. Он в раздевалке, в ящике для одежды. Так, а с нами что?

— Решу по итогам.

— Товарищ армейский комиссар 1-го ранга! Разрешите! — раздался голос Грязева.

Мехлис обернулся к начальнику своей охраны и приглашающе махнул рукой:

— Слушаю, Василий Семёнович.

— Я по поводу Вашего приказания. Могу доложить, но без посторонних. — мотнул головой интендант в сторону юноши.

— Вася, пока иди и подожди меня внутри, у входа в здание, — обратился комиссар к добровольцу, — Разговор ещё не закончен.

Васёк потрусил в ТЦ, но увидев за стёклами друзей, ожидавших результатов общения с грозным начальством, приободрился и поступь его стала уверенной, а взгляд — гордым. Ещё бы — не побоялся разговора с самим Мехлисом, сведений о котором было мало, а ходившие слухи были далеко не в пользу начальника ГлавПУра.

— Что у вас, товарищ Грязев?

— С учетом сжатых сроков, с обстановкой ознакомился, первоначальные выводы подготовил. Настрой «попаданцев» — положительный, большинство готово включиться в работу и помогать Родине. Пресечены истерики и панические разговоры. Замполит ВОХРовцев, товарищ Муромцев работает с каждым «потомком», поддавшимся истерике и унынию. Процесс долгий, сложный, но со временем — должно получиться. На сердце рубцы, конечно, останутся, тяжело потерять одновременно всех родных и близких, но ничего не поделаешь.

— С этим понятно. Антисоветчики есть?

— Куда без них? — тяжело вздохнул Грязев, — Парочку выявил, в начале услышал разговор, затем установил личности.

— Арестовал?

— Нет, приказа не было. Думаю, что суету устраивать рано. Прилетят из НКВД — пускай разбираются. Сведения о антисоветчиках, готовых уйти за кордон — в докладе.

— Что ещё?

— Выявил ряд приспособленцев и меркантильных личностей. Хотят оформить на своё имя права на песни, книги и фильмы, затем жить на ренту.

— Таких во все времена хватает, но на карандаш — возьми и в доклад Меркулову — включи.

— Уже сделал. Теперь о положительном. «Кастымовцы» рвутся в бой, просят отправить

на фронт. У многих накопилось личное, рвутся поквитаться. Есть добровольцы и из других организаций, но с ними сложнее. В армии не служили, соответствующей подготовки нет. Уверяют в своей высокой физической подготовке, предлагают направить на должности операторов «квадриков». Слова подкреплены документами, дипломами и победах на соревнованиях.

— Ещё одни воздушные разведчики? Нужны ли они? Сам как думаешь? И вообще: твоё мнение о «квадриках»? Какое-то необычное оружие или нечто ещё? — Мехлис задумчиво обхватил подбородок ладонью левой руки.

— С уверенностью могу сказать, что как средство уничтожения противника они практически не используются. Конструкция позволяет подвесить гранату или аналогичное средство, но только после дооборудования. Уникальность беспилотников в том, что с их помощью можно наблюдать за противником, без риска быть обнаруженным. Великолепная аппаратура позволяет рассмотреть многое. К тому же оператор может приближать и удалять любой предмет или местность, с качеством, которого нет ни у одного бинокля. «Квадрики» оборудованы тепловизорами.

— Чем? — уточнил комиссар.

— Специальными устройствами, реагирующими на, выделяемое организмом или техникой тепло. Некоторые беспилотники оснащены приборами ночного видения, то есть могут работать в тумане и ночью. При температуре до минус сорока заряда хватает на шесть часов непрерывной работы. Дальность и высоту полёта — не уточнял. Что ещё? Посадить «квадрик» противник не сможет, для этого нужна спецаппаратура, которой нет ни у кого в мире, сбить — практически нереально. Увидеть — и то проблема.

— Интересная «птичка». Жаль, что бомбить не удастся, но для разведки очень даже пригодится. Причём не только в армии. Возможно, геологи заинтересуются или ещё кто. Что-то добавите?

— Да. Операторов нужно готовить не менее месяца, но лучше дольше. Их детвора занимается несколько лет в кружках при Доме пионеров, затем их направляют в армию на должности операторов БПЛА, беспилотных летательных аппаратов. Рассказывают, что есть разные модели БПЛА, в том числе и боевые, ударные. Но здесь таких нет.

— То есть берегут лётчиков и воздушной разведкой не ограничиваются. — задумчиво сказал Мехлис. — Так что решим с молодёжью?

— Смотрел их в работе и на кинозаписи. Считаю от таких предложений отказываться грех. Парни — настоящие умельцы, с «квадрика» гранату бросают — любо-дорого посмотреть. Попадают даже в печную трубу, значит смогут уничтожить ДОТ или вывести из строя вражеское командование. Считаю: необходимо предложение принять, добровольцев поддержать, вылетать в Москву с командой «попаданцев».

— Как у тебя всё просто. А кем их числить? Вольнонаёмными? Не пойдёт. Гражданских и слушать никто не будет, а уж тем более выполнять приказы. Хорошо, твои предложения принимаются. Об организации подумаю, ещё и с Логиновым посоветуюсь. Глядишь, что и посоветует. Добро, Василий Семёнович, свободен. Подготовь доклад в трёх экземплярах, один отдам Меркулову.

— Значит Вы согласны, что они должны принести присягу и призваться? Считаю, что у всех должны быть воинские звания. — упорствовал Василий.

— Конечно согласен. — ответил начальник Глав ПУра. Прилетим в Москву, там и оформим как полагается.

— На это нужно время. — возразил Грязев, — У нас его катастрофически не хватает. Предлагаю аттестовать их здесь, до вылета. Готов заняться лично. В Москве сдадим документы, дальше пусть кадровики оформляют, но без участия добровольцев.

— Допустим, с Щаденко вопрос решу. На какие звания аттестовать?

— Для начала определимся с должностями. Сразу скажу — Управление Разведки стольких не примет. Остаётся ГлавПУр или интенданты.

— Интенданты — нет, и сразу. К Хрулёву не пойду, обсуждать не стану. Остаётся ГлавПУр. Хм. Раскидать по разным организациям или создать отдельное подразделение, может даже воинскую часть? Так: штаты разрабатывает Генштаб, создать новую часть может или Нарком обороны, или Правительство. Какой вариант выбрать? Что быстрее?

— Предлагаю назначить на вакантные должности. Время выиграем, заодно подготовим остальные документы. — предложил Грязев.

— Согласен. Двадцать должностей точно найдём. Если это не средний комсостав...

— На должности среднего комсостава потребуется назначить пару — тройку человек. Их и аттестовать майорами, остальные — младший комсостав: сержанты, максимум — старшины.

— Откуда такие предположения? — задал уточняющий вопрос Мехлис.

— Считаю, что скорее всего старшим назначат Интенданта, извините, товарища Кнутова...

— Снабженца? Зачем? Он справится?

— С Андреем Викторовичем и его сослуживцами я общался. Да, Кнутов — заместители комбрига по тылу. И в то же время — боевой командир, не раз руководивший отрядом и группой в боевой обстановке.

— Как-то всё это... Странно. Не находите? С кем они вообще воевали?

— Из полученных обрывков сведений, представляется несколько непривычная картина. По документам, бригада числилась обычной, стрелковой, или как они называют — мотострелковой. Причём задачи выполняла как ОсНаз. Правда потомки называют бригаду Спецназом. Видимо, Генштаб принял меры по маскировке воинской части, введению противника в заблуждение. Обмундирование в бригаде выдавалось обычное, пехотное. Переодевались только на задание. Работали, как они говорят, в «горячих точках», по всему миру: от Африки и Южной Америки, до Северного Полюса.

— Не привирают? — усомнился Мехлис. — Документальные подтверждения есть?

— Нет. Документы засекречены, сданы в архив. Сведения получены от разных людей, я их обобщил и сделал вывод. Можно уточнить у Логинова, сейчас в этом никакой секретности нет.

— Уточню у Михаила Силантьевича позднее. У Вас всё, или что-то ещё?

— Пока всё. Экипировкой и аппаратурой группу обеспечит Логинов, с оружием — решим на месте, по прибытию на фронт. Не исключено, что понадобится нечто эдакое... — Грязев покрутил рукой, — Думаю, и эти запросы решаемы.

— Есть предложения по остающимся?

— Только в отношении «Кастымовцев». Поддерживаю предложение по развертыванию неподалёку центра подготовки командирских кадров. Ядром станет прибывающий стрелковый полк, инструкторами — потомки. Если сработает, можно направлять командиров со всех частей РККА, начиная с приграничных округов.

— И чему здесь станут учить? У них же нет такого количества «квадриков», чтобы

хватило на всю армию, с НКВД и флотом в придачу.

— Я бегло просмотрел сержантские учебники. Написано толково, учтён опыт войн и конфликтов XX века. Для обучения — как раз то, что надо. С остальным — Логинов определится и подготовит программу. Думаю, для него это будет гораздо интереснее, нежели заниматься только одним ТЦ, да и армии пойдёт на пользу.

— Добро. — сказал Мехлис, — Ещё вопросы есть?

Грязев отрицательно мотнул головой, хотя обсудить было чего. Но, эти вопросы шли по разряду второстепенных, и Василий отложил их на поздний срок.

— Тогда пошли в здание. Что-то я начинаю замерзать.

Начальник ГлавПУра бодро зашагал в Торговый Центр, сопровождающий его Грязев немного отстав, шёл с левой стороны. Стоило им войти в вестибюль, как навстречу попался Полипов.

— Пётр Петрович, вы то мне и нужны. — обратился к нему Мехлис.

— Слушаю, товарищ Армейский комиссар 1-го ранга. — угодливым голосом отозвался Полипов.

— Я с товарищем Грязевым сегодня вылетаю в Москву, остальные, включая партхозактив, до особых указаний остаются в Сургуте. Оповестите товарищей. Группа ГлавПУра переходит в оперативное подчинение начальнику ТЦ товарищу Логинову, за старшего в команде остаётесь вы.

— Это надолго? — неожиданно севшим голосом уточнил Полипов.

— По обстоятельствам. Командировка продлевается пока на месяц.

— Прошу прощения, а где мы будем этот месяц жить и питаться?

— С этими вопросами подойдёте к Логинову, уверен — группу разместят и накормят.

Ещё вопросы и пожелания есть?

— Есть. Просьба. О задержке надо бы родственников известить. Чтоб не волновались.

— Молодец, Пётр Петрович, правильно рассуждаешь! Передайте товарищам, чтобы готовили письма и передавали товарищу Грязеву. Василий Семёнович человек ответственный, родственников известит. Всё?

— Пожалуй, да. — нервно покусывая губы и лихорадочно размышляя, глухо отозвался Полипов. Срывалась назначенная на послезавтра встреча с американским другом и нужно было срочно найти выход из ситуации. Как назло, мысли ускользали, никаких идей по тому, как известить американца — не появлялось. Не старшего же охранника просить. Слишком уж непонятный тип, этот товарищ Грязев.

«Думай, Пётр Петрович, думай! Ищи выход.» — уговаривал себя Полипов, провожая взглядом удалявшееся начальство ...

А не начать ли нам менять историю с биографиями?

В кабинет Логинова, Мехлис ворвался без стука. Он бросил на стол папку, сел в кресло и гневно спросил:

— Как это понимать?

— Что именно? — спокойно уточнил Кастым. — Разрешите? — и дождавшись кивка открыл и полистал папку.

— Вы расстроились, что не узнали о событиях Великой Отечественной и послевоенного периода? Всё правильно, я так и приказал.

— Это Вы называете расстроило? Да у меня слов нет!!!

— Товарищ Мехлис, по этому вопросу готовится подробный доклад...

— К чёрту доклад! Почему не доложили?

— Первым об этом узнает товарищ Сталин. — нажал Кастым.

— Но я тоже должен, — успокаиваясь и понимая резоны Логинова буркнул Мехлис. — Могли проинформировать и в общих чертах, без подробностей.

— Это уж как решит товарищ Сталин. Я распорядился предоставить только те документы, которые касаются Вас, как начальника ГлавПУра и будущего наркома Госконтроля.

— И всё же не стоит решать за других: что им можно, а что нельзя. — Мехлис продолжал злиться, играя желвакам. — В секретности разберусь сам. Хорошо, дождусь решения Иосифа Виссарионовича. Что предлагаете дальше? Когда вылет в Москву? У меня всё готово, жду только ваши кандидатуры. Время не ждёт, из-за бездарных командиров люди гибнут...

— Лев Захарович, пара — тройка часов роли уже не сыграют., — всё так же спокойно продолжил Логинов. Предлагаю ознакомиться с новой партией подготовленных для Москвы предметов, переговорить с сопровождающими и готовиться к вылету. В котором часу прилетает Меркулов?

— В 16 по-местному. — Мехлис бросил взгляд на подаренные часы. — Успеем.

— Должны. — сдержанно подтвердил Кастым.

Директор книжного магазина перехватил Мехлиса с Логиновым перед входом в демонстрационный зал.

— Товарищ Мехлис, извините. — заговорил Андрей Григорьевич. — Прежде чем отберёте диковинки для товарища Сталина, подтверждающие путешествие из будущего, хотел предложить ознакомиться с несколькими книгами, которые могли бы заинтересовать руководство. Это сборники документов 1939–1941 годов и воспоминания военачальников, связанные в том числе и с Вами. Если согласны — нужную литературу подберу в кратчайшие сроки.

— Не понял, откуда у Вас книги? Я запретил что-либо выносить из помещения, приказав закрыть магазин. — недовольно отозвался комиссар.

— Из зала никто и не брал, это приятель вернул, историк, Кирилл Шишкин. Он брал на посмотреть и прицениться, но услышав о запрете, вернул обратно. Если в магазине провести ревизию, у меня появились бы большие неприятности...

— Так бы и было. — подтвердил Мехлис.

— Так посмотрите? — с надеждой спросил Крылов.

— Нет, у меня не хватает времени. Поступим иначе, литературой займётся помощник, товарищ Грязев. Специалист грамотный, разберётся. — ответил комиссар

— Василий Семёнович, — обратился Мехлис к разведчику, — поработай с товарищем Крыловым. Времени мало, пакуйте то, что сочтешь интересным и нужным. Подготовишь опись изъятого, по завершению работ — магазин закрыть и опечатать.

Грязев кивнул, дескать понял и пошёл вслед за Крыловым. А Логинов с Мехлисом, наконец-то зашли в комнату, где их уже ждали.

— Товарищ Мехлис, эти ЭВМ, видео и звуковую аппаратуру мы уже смотрели. — Кастым показал рукой на запечатанные коробки, — Электроника штука нежная, грузиться будет в последнюю очередь. Предлагаю начать с вооружения и амуниции, затем перейти к продовольствию, а завершит показ товарищ Сергачёва. На этом она настояла, апеллируя договоренностью с Вами.

Мехлис взглянул на подготовленный груз, кивнул, и прошёл к следующему столу.

— Начнём с оружия, часть образцов которого представлялась ранее. — тоном завязтого экскурсовода начал показ Кастым.

— Помимо СВТ, предлагается отправить: самозарядный карабин Симонова, принятый на вооружение в сорок девятом; снайперскую винтовку Драгунова с прицелом, образца шестьдесят третьего; немецкий Mauser 98k. Оружие самое что ни на есть настоящее. Массогабаритные макеты стрелкового вооружения других стран и современных образцов — отправятся следующим рейсом.

Лев Захарович ещё раз покрутил в руках снайперку, довольно кивнул и перешёл к следующим образцам.

— Пистолет пулемёты Шпагина и Судаева, а также автомат Калашникова уже показывали, а вот немецкий MP-38/40, ошибочно называемый «Шмайсером» и копию самого Шмайсер SNG— нет.

Мехлис покрутил в руках немецкое оружие, очертаниями слегка похожее на «Калаш» и вновь кивнул.

— Пистолеты тоже уже видели и отобрали, поговорим о пулемётах. — продолжал Кастым импровизированную экскурсию, — ДПМ — модернизированный в сорок четвертом пулемёт Дегтярёва; пулемёт Горюнова образца сорок четвертого, крупнокалиберный пулемёт Владимирова, пулемёт и ручной пулемёты Калашникова. Натуральный образец только РПК, остальное — макеты. Немцы представлены двумя макетами: MG-34 и MG — 42. Образцов пулемётов других армий нет, только фотографии, схемы и описания. Литература прибудет следующим рейсом. Скорее всего, образец MG-34 в Москве уже есть. Пулемёт не новый, разведка вполне могла образец и добыть. К тому же, если отправлять пулемёты в полной комплектации, потребуется много места. Предлагаю доставить следующим рейсом. Даже, если тридцать четвёртый в РазведУпре и есть, то на поиск образца понадобится время. А ну как разведчики скажут: «Вот что ребята. Пулемёта я вам не дам». — голосом таможенника Верещагина завершил спич Логинов.

— Многовато на второй рейс получается. Но, пусть будет так. Если что, можно и позднее доставить. Не горит. — наконец отозвался Мехлис, — Так, с оружием понятно. Что с боеприпасами и гранатами?

— Докладываю. — по вьёвшейся военной привычке начал Логинов, — Патронов мало, поэтому выдадим по одному боекомплекту на СКС, СВД и для каждого «Калаша».

Унифицированный запал ручной гранаты модернизированный, сиречь УЗРГМ, гранаты Ф-1, РГД-5 и РГД-33 представлены на макетах, в разрезе. Схожим макетом представлен ручной противотанковый гранатомёт и граната к нему. Сопроводительные документы к образцам собраны в отдельной папке. Действующими образцами представлены только светозумовые гранаты. С оружием пока всё. Мины пойдут следующим рейсом.

— Почему не сразу? — тут же спросил Мехлис.

— Товарищи вышли с инициативой, представить мины не только фабричного изготовления, — Кастым мялся. — Но и самоделки, использовавшиеся диверсантами и партизанами. Смотрятся не эстетично, зато дешево, надёжно и практично. Но, для подготовки макетов нужно время. Взрывчатых веществ не просим, действующие образцы можно изготовить и позднее.

— Ну... Хорошо, готовьте. — одобрил комиссар неожиданное предложение.

— Перейдём к пайкам, точнее — рационам питания. Первый образец подготовлен по документам и воспоминаниям. Представляет собой влагонепроницаемый пакет, в который вложены мясные и мясорастительные консервы, чай, сахар и, вроде, всё. Сухари выдаются отдельно. Паёк сытный, но однообразный. С учетом производственных возможностей — самый реальный. Далее: два вида индивидуальных рационов по шесть коробок. Состав указан на упаковке, инструкция — внутри. Пайки свежие, можно распаковать и снять пробу с каждого из блюд. Кроме того, — Кастым показал рукой на две длинные коробки, — Рационы питания малочисленных команд. Предназначены для разведывательных и диверсионных групп, численностью 8- 10 человек. Состав и инструкция имеются. Аварийные пайки для ВВС не отправляем, есть сомнения о возможности их воссоздания.

— Михаил Силантьевич, лётные пайки тоже отправьте. — возразил Мехлис, — Пригласим лётчиков, выслушаем мнения.

— Есть. Отправим. Переходим к амуниции и обмундированию. В состав первой партии включено: летнее, демисезонное и зимнее полевое обмундирование, обувь, головные уборы, как для всего личного состава РККА, так и для подразделений разведки и спецназа. Подобные комплекты сложены в баул, но кое-каких образцов там нет. Во-первых — обмундирование для жарких и особо жарких районов. Помимо исполнения в другой окраске, имеет ряд конструктивных особенностей и изготавливается из лёгких тканей. Об артикулах тканей и конструкции каждого предмета расскажет товарищ Сергачёва, но не сейчас, а на показе в Москве. Не возражаете?

— Михаил Силантьевич, можно короче. Время поджимает, а у нас ещё остались важные вопросы. С предложениями по экипировке согласен, тем более, что представлять образцы будет настоящий специалист. Нина Сергеевна, — обратился Мехлис к скромно стоявшей в сторонке Сергачёвой, — Ваши предложения поддерживаю, готовьтесь к погрузке.

Но директриса, не смыкавшая всю ночь глаз и активно готовившаяся к полёту в Москву, так просто отпустить начальника ГлавПУра не собиралась.

— У меня ещё есть детские подарки и игрушки. Лев Захарович, вы ведь любите детей...

— Нина Сергеевна, только не начинайте. — с тяжёлым вздохом отозвался Мехлис, — Что ещё за подарки?

— Новогодние. С конфетами, апельсинами и мандаринами. Девчата набросали расчёт: сколько и куда отправлять. Значит так: Сургут, Тюмень, Ханты-Мансийск, Москва, Ленинград, Горький...

— Товарищ Сергачёва, расчёт передадите после, обсудим во время полёта. Для

отправки понадобятся самолёты, выделением которых займутся на правительственном уровне. Для показа и утверждения возьмите по паре — тройке образцов. Всё! Дальнейшее решайте с экипажем. Перегруз нам ни к чему. Что не вместится — полетит следующими рейсами.

— Лев Захарович, — понявший, что на этом показ собственно и закончился, Логинов решил вновь завладеть внимание начальника ГлавПУра, — В поездку отправятся ещё два повара и кондитер. Старший — товарищ Ивлиев. Техника и продукты к погрузке готовы.

— Отставить поваров с кондитерами. Насколько помню, к полёту планировалось шесть человек, но здесь почему-то двое.

— Хотели шестерых, но ради секретности решили отправить только Альбину с Потапычем.

— Решили они. — ворчливо сказал Мехлис, — У меня встречное предложение. Но обсуждать его будем в кабинете. Спасибо товарищи, Михаил Силантьевич — пройдемте.

Уютно, по-хозяйски, обустроившись в большом кожаном кресле Мехлис начал нелёгкий разговор:

— Михаил Силантьевич. Ко мне обратилось шестеро добровольцев, просят отправить на фронт операторами квадрокоптеров. Ваше решение?

— Каких операторов? — еле сдерживаясь от гнева ответил Кастым. — Если речь не о бойцах, то это же пацаны, дети! — А если с ними что-то случится, кто ответит?

— Они не дети, а наши, советские люди. — невозмутимо парировал Мехлис. — Ответственные, замечу, люди, считающие своим долгом прийти на помощь нашим бойцам и командирам.

— Но, если с ними что-то случится... — повторил Логинов

— Ничего с ними не случится. — жестко ответил Мехлис. — Я сам отправлюсь в войска, группа воздушной разведки будет в непосредственном подчинении. Для охраны добровольцев привлеку специалистов разведки. Я отдаю себе отчет, насколько их работа важна и необходима. меры будут приняты как возможные, так и невозможные.

— Извините за гнев, известие уж больно неожиданное. Как Вы смотрите на то, что операторов будут сопровождать и охранять два наших человека?

— Не доверяете?

— Доверяю. Обмен опытом и ничего более.

— Понимаю, решили помочь предкам. Рискнуть хотят или так, нервы пощекотать.

— Первое. Люди умелые, знающие, грамотные. Лишними не будут.

— А не мало ли? Насколько наслышан, желающих гораздо больше.

— Да знаю. Рапортами просто завалили. — со вздохом ответил Кастым, — Отправить недолго, но в каком статусе? Вольнонаёмными? Не пойдёт. Военнослужащими? От какого подразделения, в каком звании и должности? Вопросов хватает, а вот с ответами — туго.

— Скольких планируете отправить? — вернул разговор в тему Мехлис.

— С операторами «квадриков»? — Логинов потёр переносицу. — Пятнадцать. А нет, есть же ещё один. Лев Захарович, ГлавПУру толковый фотокорреспондент не нужен? А то тут товарищ рвётся... — вспомнил Кастым кинооператоре Георгии, ещё об одном добровольце, осаждавшем просьбами отправить на фронт.

— Со своей аппаратурой? А что? Пожалуй, не откажусь. — немного подумав ответил добившийся нужного решения, довольный Мехлис. — Кто комиссар отряда?

— А может обойдёмся без замполита? Отряд маленький, да и действовать будет на разных направлениях.

— Ну уж нет, комиссар нужен. Есть у меня одна кандидатура... — загадочно протянул Мехлис.

— Полипов? — выпалил Кастым.

— Нет, этот товарищ понадобится для другого. Внештатным комиссаром предлагаю хорошо знакомого вам товарища Мехлиса Льва Захаровича. Подойдёт?

— А отпустит ли товарищ Сталин? — улыбнулся немудрённой шутке Логинов.

— Михаил Силантьевич, в документах чёрным по белому написано, что в январе сорокового, начальника ГлавПУра отправили в действующую армию. Давайте не будем менять ход истории так резко. К тому же товарищ Мехлис очень даже пригодится.

— Для чего понадобилась группа — понимаю, а чем поможет такой большой начальник.

— Товарищ Логинов, Вы не первый день в армии, прекрасно понимаете, что у большого начальника и возможностей гораздо больше. Кто в дивизии послушается незнакомого начальника группы Осназа? Правильно — никто. Ещё и палки в колеса вставят. О корпусном и армейском командовании — вообще молчу. И никакими грозными телеграммами дело не исправить. Они просто не дойдут до адресата. А результат — нужен. Хотя бы для того, чтобы выставить Осназ в нужном свете, показав, так сказать, товар лицом.

— Добро. — кивнул Кастым, — Через полчаса доложу состав команды и представлю старшего. Лев Захарович, ещё один вопрос: политработники ГлавПУра остаются здесь или улетают с Вами?

— Остаются. До прибытия Меркулова и сотрудников НКВД, беседы с каждым прилетевшим, включая гражданских, ни один из них не покинет стены этого здания.

— Кто старший?

— Хм. — Мехлис лукаво улыбнулся, — Товарищ Полипов. Кстати, у меня для Вас ещё одна добрая весть.

— Какая?

— Колонну стрелкового полка ведёт временно исполняющий обязанности комполка майор Логинов Михаил Епифанович. Довольны?

— Дед?! Вот сюрприз. Но ведь тогда Полипову...

— Несдобровать? Ничего страшного. Не съедите же вы его на пару с дедом. Да и слопаете — не велика потеря. Как говорят ваши современники — «мутный» он какой-то.

— Полипов будет сам по себе или в чьём-то подчинении?

— Пока — в вашем. Если полк придёт без комиссара — перейдёт к Логинову старшему, вернётся, так сказать, в родную гавань. В крайнем случае — временно пойдёт на понижение, комиссаром батальона или временно исполняющим обязанности на другую свободную должность. Остальные представители ГлавПУра также временно прикомандировываются к ТЦ. Письменное указание напишу прямо сейчас, официальный приказ поступит позднее. Пойдёт?

— Решили оставить комиссаров у нас на стажировке? А что? Пойдёт. А с Полиповым... Как говорил один киногерой: «Бабу-ягу воспитаем в своём коллективе». Справимся, Лев Захарович.

— Что же, жду доклада по людям. Надо с ними познакомиться.

— Личные дела подойдут? Но, только на моих бойцов.

— Подойдут. Как будут готовы — дадите на ознакомление...

Разговор прервала трель телефонного звонка.

— Мехлис у аппарата.

— Лысьва на проводе. — послышался из трубки голос телефонистки, — Соединяю с директором завода.

Лев Захарович плотнее прижал трубку к уху, и услышав ответ абонента, представился вновь:

— Мехлис. С кем говорю? Директор? Очень хорошо. Как обращаться? Алексей Андреевич, сколько у тебя готовых СН и СЩ тридцать девятых? Нет, не касок. Ага. Околсотни. Мало. Чего? Мало говорю. Значица так, срочно готовь всю партию к отгрузке. Куда? Догадайся. А, тебе надо для накладной. — Мехлис убрал трубку от уха и обратился к Кастыму:

— Нужен получатель и станция выгрузки.

— Какая станция? — удивился Логинов, — Такую партию проще и быстрее бортом отправить. А получатель — девятая Армия.

— Записывай. Отправка — авиационным транспортом, сроки и номер самолёта сообщу позднее, получатель — интендант 9 армии. Адрес? Лётчики знают, достаточно номера соединения. Записал? Ну что ещё? Нужен приказ Кулика или Хрулёва? То есть моего распоряжения недостаточно? Хорошо, будет тебе телеграмма. Всё, давай. А, нет. Значит слушай сюда, товарищ Малолеткин. Эта партия — для испытаний. Уверен, изделия её пройдут. Но, твоё дело, не останавливаться на достигнутом и не дожидаться окончательного акта и принятия на снабжения. Пока будем ждать, всё закончится. А дело ты делаешь нужное. Значит, что? Правильно, пока войска испытывают, завод штампует новое. Понял? Да будут тебе указания, телеграммы хватит? Всё, готовь свои доспехи.

Мехлис положил трубку и ожидая вопросов посмотрел на собеседника.

— Всё правильно, Лев Захарович, поддерживаю.

— Тогда почему в девятую армию? Разве она взламывает линию Маннергейма?

— Нет, в «девятке» будут мои люди, они помогут освоить изделия и продумать их применение.

— А другие не смогут? — лукаво прищурился начальник ГлавПУра.

— Смогут. Но мои сделают быстрее.

Мехлис хотел ещё что-то сказать, но телефон затрезвонил вновь:

— Мехлис. Вылетели? Хорошо, встретим.

Положив трубку, комиссар сказал:

— Группа Меркулова вылетела. Я пошёл к лётчикам, оттуда — к своим, ставить задачи.

Время идёт на минуты, а вашей группы ещё нет.

— Дайте мне полчаса.

— И ни минутой более.

Расставшись с Мехлисом, интендант Грязев решил заглянуть в кафе. Есть не хотелось, но взбодриться не мешало. Василий заказал стакан крепкого кофе без сахара, но немного подумав взял ещё и парочку свежих пирожков с мясом. Он уже допивал напиток, когда к нему подсел Кнутов.

— Василий Семёнович, добрый день. Не могли бы Вы уделить мне несколько минут?

Есть важный разговор.

— Что же, пойдёмте. — допив кофе, собрав посуду на поднос и вставая из-за стола ответил Грязев.

По коридорам шли молча и вскоре спустившись на цокольный этаж, собеседники зашли в небольшой, но уютный кабинет начальника АХЧ. Кнутов предложил гостю присесть в кресло, а сам начал что-то листать в электронной книжке. Отыскав нужное, он протянул гостю устройство и улыбнулся. На экране книжки красовалась картинка, с фотографией Грязева.

— Василий Семёнович, наш разговор предлагаю начать с прочтения этого небольшого рассказа.

— Что это? Хм... «Начвещ Карельского фронта Грязев»? — Василий прочитал название и изогнул в удивлении брови.

— Да.

Споро пролистав произведение, главный охранник Мехлиса вернулся к началу, перечитал заново, а затем произнёс:

— Забавно увидеть фотографию собственного, постаревшего лет на пятнадцать лица. И что сия фантастика означает?

— Ничего особенного. Если не считать того, что это рассказ о том, как сложилась Ваша судьба в ином витке времени.

— Неплохо сложилась, как я погляжу. — усмехнулся Грязев. — Семья, дети — всё как у людей.

— Если не считать непонятого перевода из РазведУпра в интенданты и того, что Вам дважды отказали в заслуженном генеральском звании — то соглашусь, судьба достойная. Не хотите переиграть?

— Любопытные подробности. Не знаете, откуда?

— Из личного дела. Я общался с автором рассказа, от него узнал подробности, которых в рассказе нет. — ответил Кнутов. — Дабы Вы не подумали дурного, объясню в чём наш общий интерес. По согласованию с товарищем Мехлисом, от нас отправляется группа для работы на Советско-Финском фронте. Для местных товарищей мы никто, а нам «кровь из носу», но с первых дней необходимы хорошие контакты. От этого зависит многое, в том числе жизнь и смерть наших бойцов и командиров.

— Я знаю, как складывалась обстановка. — спокойно ответил Грязев, — Может Лев Захарович поможет? Он собирается на фронт.

— К товарищу Мехлису тоже обращусь, но в Москве может случиться всякое. К примеру, не отпустит его товарищ Сталин. В результате — упустим время.

— Что же, постараюсь помочь. Возможно удастся убедить начальство и поработать с вами. Изменю судьбу, переписав рассказ. Что-то мне не нравятся мне в нём ни заголовок, ни финал. Ярославль город конечно, красивый, но... — подбирая дальнейшие слова, Грязев задумчиво побарабанил пальцами по крышке стола, — Но ведь это не всё? Что Вы ещё хотели обсудить?

— Аттестацию. — бесхитростно улыбнувшись ответил Кнутов, — Мы тут посоветовались и пришли к выводу, что самое простое — это присвоить нам троим, Марченко, Хорошеву и мне, звание лейтенантов интендантской службы. Но, у нас за плечами высшее образование. Кроме того, Марченко закончил академию связи, я — академию тыла и транспорта. Да и не хотелось бы менять две большие звезды на две маленькие. Возраст, знаете ли.

— Документы об образовании есть? — несуществующие звания, а также упоминание звёзд, резанули слух, но Грязев промолчал, решив ухватиться за ниточку, позволяющую аттестовать попаданцев в соответствии с уровнем их знаний и навыков.

— Копии. А толку? Всё одно, их в дело не подошьёшь. — грустно улыбнулся Кнутов.

— Почему это? — непонимающим посмотрел на собеседника Василий.

— К примеру, в моём дипломе написано: «поступил в Горьковское высшее военное училище тыла в 1991 году, закончив курс названного училища в 1995». Тут у любого кадровика вопросы возникнут.

— Дело можно и засекретить. — предложил выход из сложной ситуации Грязев.

— И что? — парировал Кнутов, — Круг допущенных, конечно, уменьшим, но полностью проблему не решим. Укажу годом рождения 1894. Напишу, что до революции закончил институт, а в Империалистическую дослужился до поручика, а затем? Диплом не действителен, следов о службе в РККА — нет.

— Эмиграция... — задумчиво произнёс Грязев, — После революции уехали в Париж, а затем решили вернуться. За кордоном работали по линии Коминтерна...

— Может лучше Харбин? — предложил Кнутов, — Работали по задачам РазведУпра, затем, в Синьдзяне соединились с нашими и выполняли задания в Китае. Пойдёт?

Грязев задумчиво посмотрел в потолок, словно пытаясь на нём найти ответы на сложные вопросы, перевёл взгляд на собеседника и ответил:

— В первом приближении — пойдёт. Конечно, легенду нужно доработать, но попробовать можно. Так и доложим товарищу Мехлису.

— Для подстраховки предлагаю подготовить два комплекта документов. — предложил Кнутов, — Первый — на лейтенантов интендантской службы, второй... Пусть будут на майоров.

— Поддерживаю. Продвигать будем второй, не забывая о первом. Помощь в оформлении нужна или справитесь?

— Образцы есть, сделаем. — посмотрев на часы и что-то мысленно прикинув пообещал Кнутов. — Ну, раз проблема разрешилась, пора и Командиру доложить.

— Будете оформлять документы, не забудьте, что никаких лейтенантов с майорами интендантской службы у нас и в помине нет. Есть техник-интендант второго ранга и интендант второго ранга. Оба звания относятся не к командному, а начсоставу. Заодно подучите существующую систему званий и Уставы. Может нехорошо получится. Найдётся дотошный и бдительный — придётся долго и нудно объясняться. И никакая легенда не спасёт. В Синьдзяне, кстати, таких званий тоже нет.

— Извините. — буркнул разом покрасневший Кнутов, — Понадеялся на свою память, вот и промахнулся. Вызубрим. По прилёту сдадим зачёт. Такие проколы никому не нужны.

— Да, и петлицы тоже должны соответствовать. — продолжил разнос Грязев, — А то прикрутите не то, могут и за шпионов принять.

— Куда нам петлицы-то присобачить? На зимнюю куртку не получится, меховой воротник не позволит. На летнюю... попробуем.

— Не «присобачить», а пришить, правильно разместив знаки различия. — сделал строгое внушение Грязев, — Не знаю, что там с ватником, но на гимнастёрке — чтобы были.

— Товарищ интендант второго ранга, — официально обратился Кнутов, — Разрешите рукоделием заняться по прилёту в Москву. Не успеем.

— Хорошо. — недолго подумав разрешил Василий Семёнович, — Заодно подумайте,

как убрать погоны. — он кивком показал на погончики, вшитые в плечи камуфлированной куртки.

— Аккуратно не получится. Начнём выпарывать, может выйти ещё хуже. Давайте пока оставим? — Кнутов выразительно глянул на собеседника, — Любопытным ответим, что обмундирование опытного образца, проходит испытания.

— Товарищу Мехлису я доложу. Дальнейшее — на его решение.

Понимая, что обсуждение завершилось, Грязев встал, кивнул на прощание головой и пошёл на выход.

Филины: видим невидимое

Стоило Мехлису выйти, как дверь распахнулась вновь и в кабинет зашли помощники Кастыма: замполит Анатолий Сергеевич Муромцев, зам. по общим вопросам Василий Игоревич Плотников, зам. по снабжению Александр Викторович Кнутов, главный связист Александр Степанович Марченко и специалист по электрике и связи Николай Владимирович Епифанов.

Пятёрка боевых товарищей молча расселась вокруг стола для совещаний, обратив взоры на Командира.

— Товарищи офицеры, — начал речь Кастым, — Принято решение об отправке группы спецов на Финскую. Предварительно — два десятка. Вопрос первый: кто старший в команде?

— Командир, — первым подал голос неугомонный Кнутов, — Предлагаю свою кандидатуру.

— Почему ты, а не Василий? — спросил Кастым.

— Давайте прикинем, — добродушно предложил Интендант, — Комиссару нельзя, людям нужна психологическая помощь. Игоревича, конечно, можно, но скоро придёт полк, и он понадобится здесь. Плюс на нём приказы, делопроизводство и прочая работа зама по строевой. Так?

— Так. — автоматически согласился Логинов.

— Остаюсь я и Маркони. У меня — полтора десятка выходов, а Степаныч старшим не ходил, потому прошу назначить его замом группёра.

— То есть ты хочешь ещё и Маркони забрать? — Кастым недовольно поднял брови, но в это время подал голос Марченко:

— Командир, Александр прав. С группой полечу я и Хорошев. Коля, — Марченко кивнул в сторону Епифанова, — справится.

— Комиссар, что скажешь?

— Михаил Силантьевич, подполковник Кнутов доводит на утверждение решение, принятое коллегиально. Как только стало ясно, где мы, что мы и какое ожидается будущее, мы начали работать на опережение. На настоящий момент списки убывающих готовы, — Муромцев раскрыл картонную папку и положил её на стол Кастыма, — Обмундирование, экипировка, пайки, аптечки — готовы. Личный состав собран в комнате отдыха, ждут окончательного решения.

Логинов внимательно пробежался взглядом по листку с фамилиями.

— Итого двадцать человек, семеро из которых посторонние. Так?

— Так точно. Шесть — операторы БПЛА, один, точнее — одна, — медик.

— Анатолий Сергеевич, девчонку-то куда? — не выдержав выпалил Кастым.

— Товарищ полковник, Анастасия будущий врач, разбирается в химии и фармацевтике, — пояснил Анатолий. — Она прекрасный психолог, в этом удалось убедиться на практике, а если учесть ещё и бабушку с дедом...

— С ними знаком. — Логинов пришёл на помощь заместителю, сразу поняв о ком идёт речь, — Там спорить бесполезно, проще утвердить. Да, Сергеич, допиши ещё Костю, фотографа. Итого с Мехлисом убывает 21 один человек. Подобьем итог. Этим бортом летят: Мехлис с Грязевым, двадцать один спецназовец, Альбина, Сергачёва с помощницей (хватит

ей и одной), Цезарь и Пахотин. Вроде все. Итого — двадцать восемь человек. Не лишку? Самолёт взлетит? Там же ещё подарки и снаряжение.

— «Соколы» дали «добро». — подал голос Кнутов.

— И всё же урежем осетра. Группа спецназа берёт с собой минимум. Лыжи, дополнительное снаряжение, маскхалаты, аптечки — пойдут вторым рейсом. Ещё неясно, сколько придётся торчать в Москве и каков будет итог.

— Командир, а что с рациями и БПЛА? Мы готовили с расчётом по два комплекта связи на каждого... — задал волнующий вопрос Маркони.

— Я же ясно сказал — запасы доставят второй ходкой. Сопровождающий — подполковник Муромцев. За подготовку и проверку средств связи, электроники, инженерного вооружения и прочих матсредств отвечает майор Епифанов. Согласны?

— Согласны. — не сговариваясь, хором ответили Комиссар и Нафаня.

— Анатолий Сергеевич, справки на убывающих готовы? — уточнил Кастым у замполита.

— Так точно. На военнослужащих оформил послужные списки, на гражданских — автобиографии.

— Хорошо. В портфели заложить два комплекта, опечатать и передать с реестром Мехлису. На словах скажете: один экземпляр для него, второй — для товарища Сталина.

— Сделаю. — кивнул Комиссар.

— Кнутов, Марченко — остаться, остальные — свободны. — подвел итог совещания Логинов.

Участники совещания ещё выходили из кабинета, когда Кнутов достал из портфеля и расстелил на столе карту боевых действий на советско-финляндском фронте. В верхней части листа, испещренного условными знаками и стрелками ударов, обозначавшим диспозицию противоборствующих сторон, красовалась надпись: «Советско-финская война. 30.11.1939 — 13.03.1940 г.г.».

Последовала продолжительная пауза, в ходе которой, склонившийся над картой Кастым оценивал обстановку. Наконец он закончил изучение и коротко бросил к стоявшему навытяжку Кнутову:

— Предложения...

— Разбиваемся на две подгруппы. Первая — четыре человека: два оператора и два охранника, работают в полосе 70-й стрелковой дивизии, у «линии Маннергейма». Старший подгруппы — Хорошев. В этом районе фронт стабилизировался и активных действий не ведётся. Задачи подгруппы: вскрыть оборону противника на максимальную глубину; организовать взаимодействие с артиллеристами, танкистами и разведчиками 70-й сд; отследить работу финских ДРГ; при обнаружении снайперских и диверсионных групп врага — принять меры по их ликвидации.

Кнутов прервался, ожидая реакции Командира, но тот молчал, оставив вопросы до окончания доклада. Интендант взял в руку остро отточенный карандаш и используя его в роли указки, продолжил доклад:

— Вторая группа, во главе со мной, убывает на помощь окружённой 163-й сд. Её задачи: разведка местности, вскрытие резервов противника, изучение путей подвоза и эвакуации, помощь при выходе из окружения, предотвращение разгрома 44-й сд. Попутно решаем вопросы ликвидации вражеских снайперов, разведчиков и прочих посторонних лиц,

мешающих нашей работе. Действуем в две смены. Первая — на задании, вторая — отдыхает, попутно выполняя задачу по охране штабов и тылов 9 Армии. Доклад окончил.

— Значит основные силы бросаешь под Суомуссалми, а «линия Маннергейма» — второстепенна? — задумчиво произнёс Логинов, — Не лучше ли наоборот?

— Разрешите пояснить. Советское командование или уже приняло, или вот-вот примет решение об оперативной паузе для войск, участвующих в штурме «линии». Решение верное. Нужно подтянуть резервы, дать людям отдохнуть, доставить артиллерию. Документы, передаваемые в Москву, должны убедить командование, в необходимости увеличить продолжительность паузы, сковывая противника активными боевыми действиями на других направлениях. За время подготовки, подгруппа изучит и сфотографирует линию обороны, выработает методику уничтожения ДОТов.

— Это если прислушаются и не загонят группу туда, куда Макар телят не гонял. — возразил Командир.

— При воспрепятствовании работе группы или игнорировании результатов разведки со стороны командования дивизией, наблюдатели уходят в сторону, работая в дальнейшем со связистами или разведротой. — отозвался Марков, поддерживая товарища, — Инструкции Хорошеву даны.

— И тогда что, весь пар в свисток? — не сдавался Логинов.

— Нет. Целесообразность использования Спецназа докажем практикой. Хорошев легко сходится с людьми, его поддержат командиры уровня батальон — рота, а наша снайперская пара станет убедительным аргументом «за». — не сдавался Кнутов.

— Можно попросить помощи у Мехлиса. — предложил Кастым.

— Чем он из Москвы поможет? Директивами? Так местные доложат, что у них всё в «шоколаде», указания выполнены... — скептически прокомментировал Марков.

— Ах, да. Мехлис летит с вами. Будет внештатным замполитом группы. — «обрадовал» Логинов.

— Может не надо. — протянул Кнутов, — Обойдемся без комиссара, а?

— Поздно. О собственном активном участии в Финской, Лев Захарович знает. Думаю что и Сталина он убедит тоже. Кстати, зря сопротивляетесь. Лев Захарович прислушивается, соглашается и в наши дела не вмешивается — это здесь и пока что. Пройдёт немного времени, и он кого хочешь в бараний рог согнёт. Всё, возражения не принимаются. Какие дальнейшие планы?

— Пока всё. Больше задач на первом этапе не вытянуть. После того, как выведем 163-ю стрелковую, буду работать по заявкам фронта и армий.

— Большая просьба — не рисковать и голову в пасть врага не совать. Здесь «вертушек» нет, на авиацию надежда слабая. — предупредил Командир.

— А автожиры? — заинтересовано, с надеждой спросил Марков, — Насколько помню, в Финской они участвовали.

— Только в роли арткорректировщиков. — вспомнил Кнутов историю необычных летательных средств. — Но, идея неплоха, попробуем.

— Уверен, что получится? — возразил Кастым, — А если местные заартачатся, не захотят слушать? Ты для них никто и звать — никак. Посторонний тип, военной наружности.

— С местными вопрос обсудили, есть вариант аттестоваться «майорами». — Кнутов кратко обрисовал итоги общения с Грязевым.

— Хм. Вариант. — выслушав подчиненного, одобрил Кастым, — Допустим — Мехлис поспособствуют и переаттестуют. А дальше?

— Во-первых, нужна грозная правительственная бумага... — продолжил Кнутов.

— Как у мушкетёров? — пошутил Логинов.

— Наподобие. — не принял шуточной интонации Интендант, — А во-вторых...

Попробую-ка я наладить контакты с местным ГРУ.

— С РазведУпром? И тоже через Мехлиса?

— Не совсем. Есть у меня одна идея... Так что насчёт людей? Список утверждаешь?

— Утверждаю. Маркони, что по связи? Общаться сможем? — обратился Кастым к связисту.

— Рации подготовили, запас — трехкратный. Наличие оборудования позволит организовать связь с танкистами, артиллерией, связистами и прочими. Для автономности берём три переносных электростанции, ну и продовольствие на путь следования. Но, имеющимися возможностями, связь с Сургутом не организовать. — развёл руками Марков, — Только по телефону. А пользоваться открытой связью...

— Вся надежда на местных. — резюмировал Марков. — Всё, Командир, пора идти, готовить группу на выход.

— С богом, ребята! — напутствовал подчиненных Логинов.

— Спасибо, Командир. — не сговариваясь, ответили хором Кнутов с Марковым.

Троица юных операторов так бурно обсуждала события сегодняшнего дня, что не заметила, как к ним подошёл Кнутов.

— Как группу назовём? Операторы БПЛА как-то уныло и непонятно. — спросил Вас Сьчёв.

— «Белый орёл»? — предложил Петя Филин, — Или «Белый орлан»?

— С такими названиями предки нас не поймут. — со вздохом заметил Дима Лунёв, — Не может быть, чтобы в Красной Армии были какие-то «белые». Может «Ночные страхи»? Помните мультик: «Мы не охи и не ахи...»?

— Кроме нас, никто про этот мультик не знает. — немного обидевшись, что друг так легко отнёс предложения, ответил Пётр.

— Парни! Подождите! Я же в «Военторге» нашивку интересную видел! — перебил друзей Василий. — На ней изображён филин, держащий в лапах молнии и стрелы, сверху надпись: «БПЛА», а по ободу — «Видим невидимое».

— Чё сразу Филин? — надул губы Пётр.

— Петя, это же не дразнилка какая. Сам знаешь — совы и филины — опасные ночные хищники. Вот мы для врагов как раз такими и будем. Квадрики — наши глаза, пушки и танки — мощные лапы, самолёты — клюв!

— Ну и фантазия у тебя Васёк. Ладно, пошли, купим шевроны. Они цветные или защитные?

— Обижает! Конечно защитные!

Ребята уже собрались уходить, как их остановил неожиданный вопрос Кнутова:

— Чего так разгалделись, орлы? — К поездке подготовились? Кто старший? Докладывай.

— Товарищ Интендант, докладываю! — сделал шаг навстречу Васёк, самый бойкий в компании, не побоявшийся обратиться к самому Мехлису, — Аппаратура собрана, к

транспортировке готова.

— Аппаратура, это конечно хорошо. А работать в чём будете? Обмундирование получили?

— Откуда ему взяться? — смутился заводила. — В чём ходим, в том и полетим.

— Значит так, дуйте к начальнику «Военторга», он предупреждён — распорядился Кнутов. — В лавке вас приоденут, выдадут положенное, включая шевроны. Ничего покупать не надо. Ишь, придумали. Филины...

— Есть! — озорно блеснул глазами Василий и троица дружно побежала выполнять распоряжение.

— Эх, дети же ещё... — горько вздохнул Интендант. — Хотя... Восемнадцать лет, взрослые как бы...

Ворвавшись в «Военторг», юноши чуть не сбили с ног Кудрякова, директора магазина.

— От Интенданта летите? — Леонид Леонидович улыбнулся. — То есть от товарища Кнутова.

— Так точно! — слаженно, по-военному громко рявкнули парни.

— Ну идите, подбирайте форму. Будут какие пожелания — не стесняйтесь, заходите, помогу.

— Спасибо! — загалдела троица, ринувшись к стойкам с обмундированием.

Василий уже примерял на себя зимние берцы, когда к нему подошли два друга, работника магазина: Алексей и Николай.

— Парни, а вы куда собираетесь? — спросил Алексей.

— На войну! — важно ответил Васёк.

— Какую войну? Финскую? — уточнил Поляков.

— Ну да! Нас сам товарищ Мехлис пригласил, как опытных и знающих специалистов! Вот! — задрал нос Вася.

— Погоди-ка! Вы же операторы квадриков! — утвердительно сказал Лёша, — Так я ничуть не хуже. Пару раз у Филина выигрывал.

— Пару раз не считается. — с обидой за друга влез в разговор Дима, — Круче Петьки Филина в Сургуте никого нет! На равных ним только я и Васёк.

— Говорю же, на области я у него дважды выигрывал. Не веришь — спроси. — не сдавался Поляков.

— Вот заладил: выигрывал, выигрывал. — попытался отмахнуться от надоедливого продавца Пётр, — Ну допустим, выиграл пару раз. А от нас чего хочешь?

— Как чего? С вами хочу? Правда, Николай? — обратился Поляков к спутнику.

Николай молча кивнул, соглашаясь с другом.

— Так это Вам к товарищам Мехлису или Кнутову надо. Слышали о таких? — предложил заметно важничающий Васёк, — Кнутов собирался к охранникам идти, людей готовить. Хотя может он в «Цифросети» снарягу подбирает.

— Ага! — ответил Алексей, — Пошли, Коля. Хотя нет, постой. Помнишь командира, вместе с которым в очереди стояли? Любопытный такой, про «квадрики» расспрашивал.

Друг мотнул головой, дескать помнит.

— Это главный охранник у Мехлиса. Надо его найти, пусть нас в отряд запишет. — предложил Поляков, и друзья сломя голову ринулись на выход, но не тут-то было.

Входившего в магазин человека, Алексей заметил в последний момент, когда тормозить

было уже поздно. Врезавшись на полном ходу и чуть не сбив посетителя с ног, Поляков и сам отлетел назад, приземлившись на «пятую» точку. Он только собрался начать оправдываться и извиняться, как услышал насмешливый голос Кнутова:

— И на кой мне слепые операторы? Летят, по сторонам не смотрят, обстановку не контролируют...

Неведомая сила подняла с ног Алёшку. В словах Интенданта он услышал только то, чего и хотел.

— Товарищ полковник, — обратился он к Кнутову, — Это случайно. Больше не повторится. Возьмите нас операторами на войну. Мы чемпионы школы, брали призы на городских и областных соревнованиях, перворазрядники по лыжам...

— Теперь уж и не знаю. — с ноткой сомнения протянул Александр Викторович.

Но, увидев расстроенные лица ребят, добавил:

— Чего стоим? Кого ждём? Сами в отряд напросились, а теперь носятся, как оглашенные. Что, уже собрались?

— Никак нет. — выпалил Николай. — Мы, это... Не знали. Но, мы сейчас! Пять минут — и готовы.

— Полчаса на сборы. — демонстративно посмотрев на часы приказал Кнутов, — Вот красноармеец Полякова — молодец. Всё собрала, экипировалась и готова к вылету хоть сию минуту. А вы... Хотя погодите, у вас же родня здесь. Отбой сборам. Тащите ка вы братцы-кролики рапорта, что родственники не возражают.

Лёшка обернулся и оторопевшим взглядом посмотрел на сестру, одетую в зимнюю полевую форму.

— Настька, а ты куда? — вырвался вопрос, — Бабушка с дедом знают?

— Вообще-то я врач и убываю с группой. — с вызовом ответила Настя, — Бабушка не просто знает, сама ходила с просьбой о включении меня в отряд.

Девушка еле удержалась, чтобы не показать братцу язык. Собравшись с мыслями и сориентировавшись, Алексей обратился к Кнутову:

— Товарищ полковник, разрешение нужно только Коле, у него здесь жена работает. А мне... Разрешите идти?

— Идите. Построение в холле второго этажа, через... — Александр Викторович вновь посмотрел на часы, — Через двадцать пять минут. Опоздавшие остаются ждать следующего борта.

И развернувшись, вышел из магазина.

В комнате отдыхающей смены собралось два десятка охранников. Люди ждали и насторожённо смотрели на Кнутова. Он не стал играть на нервах и довёл обстановку до личного состава.

— Добровольцами записались все, — просмотрел список Александр. Я так и думал, помимо командного состава, в группу включено десять человек. Список утверждён, изменения будут только в случае отказа уже назначенных.

Кнутов достал из папки листок и зачитал фамилии убывающих. Не попавшие в состав отряда, принялись обсуждать решение, в комнате поднялся гул.

— Значитца так, — дабы разом пресечь недовольство, Кнутов обрисовал обстановку. — Отбор кандидатов проводило командование, решение выработано коллегиально. Специализации известны, равно как и физическая форма. Остающимся — не обижаться, через месяц — полтора планируется пересменка.

За это время восстановите навыки и форму. Убывающим: строевой смотр через двадцать минут, у кого экипировки не хватает — добро пожаловать на склад АХЧ и в «Военторг». Старшине получить рации, аппаратуру и электростанции. Всё проверить, там будет некогда и заменить не на что. Теперь по вооружению. Винтовки у снайперов — свои, со снабжением остальных — ждём решения. По предварительным сведениям, стрелковое вооружение получим местное, по прибытию в пункт временного размещения.

Снайпера, внимание: патроны из штатной укупорки не извлекать, оружие не заряжать. Подробности работы доведу по прибытию в Москву.

— Вопросы? Нет. Так я и думал.

Кнутов пошёл собираться в свой кабинет, а в зале поднялась деловитая суета людей, отдающих себе отчёт в том, куда и для чего они летят.

— Ну что, Игорёк, собираемся? — подмигнул напарнику Олег Глухов.

— Надо же, Михаил Силантьевич и меня включил! — обрадованно отозвался Игорь Комаров.

— Включил, включил. — ворчливо ответил Глухов, доставая из шкафа рейдовый рюкзак и баул для личных вещей, — Готовься к встрече с Василием Филипповичем.

— С каким Василием Филипповичем? — оторопело спросил Игорь, также начавший собираться и доставший пару зимних тельняшек с голубыми полосками.

— Известно с каким. — усмехнулся Олег, — С Маргеловым, конечно.

— С дядей Васей?!!!! — чуть не задохнулся от восторга Комаров. — Да я... Да мы... Да мне... Мне же все наши завидовать будут!!!

— Какие наши? Те, что в нашем будущем прошлом? Так к ним ещё вернуться надо.

— Ну и ладно! Надо же, я с САМИМ Василием Филипповичем познакомлюсь!!! — Игорёк почти захлёбывался от восторга и ожидания встречи, — А можно я ему тельник с беретом подарю?

— Бери. Не просто познакомишься, воевать будем вместе. Бок о бок, в одном подразделении. Случайно услышал, разговор Маркова с Кнутовым. Хотят просить начальство прикомандировать к нам роту из батальона Маргелова, с ним во главе. Так что, в одной армии сражаться будем. Первым делом к нашим на выручку пойдём, Кнутов сказал, что там одна дивизия уже в окружении, а вторая вот-вот в западню попадёт.

— Класс!!! О таком даже не мечтал... — Игорь пропусти слова товарища о предстоящих боях и сложностях, выделив для себя главное — Олег Александрович, у Вас столько вещей, у меня — кот заплакал.

— Держи, Игорёк, список, мухой летишь в «Военторг», получишь недостающее.

Выхватил из рук старшего товарища исписанный листок, Комаров метнулся на выход.

Убывающие спецназовцы распахнули шкафы для вещей, и достав из них армейские баулы, деловито экипировались, подгоняя снаряжение. Не остались в стороне и их, не попавшие в заветный список, однополчане. Распахнув свои шкафчики и достав сумки, они перебирали экипировку, откладывая новые, ни разу не надёванные предметы.

— Сань! Швец! — окликнул Швецова сапёр Миша Самсонов, — Зимние носки нужны. Три пары. Нульцевые, с этикеткой, твой размер.

— Кидай. — разведчик махнул рукой в сторону своей сумки.

— Заяц! — прогудел Сиденко, — Есть масксеть и надувная плащ-палатка. Надо?

— Не, у меня свои. — отозвался закончивший сборы и закрывающий баул Зайцев, — Оставь себе, а ну как на смену прилетишь.

— Трофим, Горбатов! Лови аптечку и жгут, пригодятся.

— Так с нами доктор летит. — попытался отказаться Горбатов.

— Во! Заодно складные носилки прихвати. Лишними не будут.

— Парни, у кого зимняя «разгрузка» лишняя? Мой камуфляж не прокатит. — попросил помощи Павлюченко.

— На! Держи! У меня вообще новье, муха не сидела. — сразу три бойца предложили свою помощь.

— Спасибо, парни! — поблагодарил Алексей сослуживцев.

— Принимай братва! — в распахнувшуюся от удара ноги дверь ввалился старшина, с четырьмя большими коробками, — Новые несессеры, термобельё, мыло, мочалки и прочая мелочёвка. Сергачёва ещё зубной пасты подкинула, бритвенные станки с запасными лезвиями, гель для бритья.

— О, завхоза «раскулачили»! — неуклюже пошутил Сиденко, — Живём!

Бойцы лихо распотрошили коробки, тут же раскидав имущество по сумкам.

— Куда мне ещё. — разводил руками Зайцев, — Я уже и сумку закрыл.

— Запас карман не тянет. Открывай баул, переложим. — предложил свою помощь старшина.

Вздохнув, Вася потянул молнию, раскрывая сумку...

На соседних, с рядовыми бойцами, лавках, готовились к командировке и их командиры.

— Евгенийч, ты как? Собрался? — обратился к своему подчиненному уже облаченный в полевую форму Маркони.

— Да что тут готовиться, только свистни. — ответил Хорошев, — Имущество собрано, подготовлено, проверено. Можно мне в напарники Зайцева?

— Вовремя спросил, я как раз за этим и подошёл. Почему его?

— Сработались. — коротко бросил Сергей, — Несколько раз вместе на задачи ходили, я — авианаводчик, он в прикрытии. Чувствуем друг друга, понимаем.

— Добро. Пойдешь с Зайцевым. Будете работать отдельно, на Маннергейма. Нужно вскрыть линию обороны, да «кукушек» проредить.

— Отлично! — Хорошев потер руки в предвкушении, — С «кукушатами» поработаю с превеликим удовольствием. Счёт у меня к ним.

— Это после встречи в Арктике или, когда с ними в Питере не поладил? Помнится, после встречи во льдах у тебя «подарочек» остался.

— Этот что ли? С яблоком, погрызенным? — спросил Сергей, доставая из тумбочки планшет, на крышке которого и впрямь было нарисовано надкушенное яблоко. — Фуфло эти их айпоны, скажу я тебе. Капризные — страсть. Одно хорошо, пока взломал и под себя настроил — даже не вспотел.

— Вот любишь ты, Евгенийч, чужую технику курочить. Люди старались, делали, защиту придумывали... Пряма пират какой-то. Ей-ей, флибустьер, а не благородный связист.

— А чо они, — Хорошев сделал вид, что обиделся на «пирата», — Их армейская защита — не более чем вызов нашему пятикласснику из кружка «Умелые руки». То ли дело «Эльбрус»!!!! Чудо, а не машина! Даже при минус сорока на Северном Полюсе пашет, а «Яблоку» и пятнадцать градусов много, враз крякнулось.

— Допустим, в тот день был почти тридцатник. А во-вторых, если бы не «крякнулось», то мы запарились бы с «финиками» махать. А так, взяли их тёпленькими и успокоили, пока они к своему «яблоку» огрызок пытались присобачить. — посмеиваясь ответил Марков.

— Сами нарвались. Мы на маршруте были, их не трогали. Они первые, без предупреждения, «огонь» на поражение открыли. Трое наших — «трехсотые». Еле вытащить успели. «Кукушки» недоделанные. Ничего, научим их уму-разуму, чтобы и внукам урок был. — нахмутив брови ответил Хорошев.

— Так кто его, этот урок преподаст? Некому же будет. Что-то мне кажется, что после встречи с Зайцевым и тобой, «кукушата» прямиком к Одину и отправятся.

— Не, к тем финнам, что в Арктике были, у меня претензий нет. Там всё по-честному закончилось. Нечего русского медведя дразнить, пока он по своим делам следует. У меня к ним с тридцать девятого накопилось. Они дядьку моего убили, точнее брата дедова, и деда снайпер подстрелил, еле потом выкарабкался. А так бы не было ни бати моего, ни меня.

— Во как! Не знал. Такой должок можно вернуть и с процентами.

Ворвавшись в зал «Военторга», Комаров подлетел к кассе, бросил на прилавок листок и мощной лапицей гулко припечатал его к столешнице.

— По списку. — небрежно сказал Игорь симпатичной продавщице.

— Всё? — лукаво приподняла левую бровь хозяйка прилавка.

— Да. — выдохнул десантник. А ещё: два голубых берета, десяток тельников летних, столько же зимних и шевроны ВДВ.

— Береты с тельниками не положены, шевроны — только утверждённые. — девушка показала взглядом на рукава курток юных операторов БПЛА, расхаживающих по залу с горделивым видом.

Не увидев на знаках парашютов и родной аббревиатуры «ВДВ», Игорь немного расстроился, но разом встрепенулся и вновь «наехал» на продавщицу.

— Почему это береты не положены? Сказали, что выдадут по заявке.

— Зачем тебе берет зимой, да ещё в лесу? Кого очаровывать собрался? Лесных жительниц? — улыбалась продавщица.

Комаров не знал, что возразить, но на помощь пришёл директор магазина.

— Галя, выдай товарищу требуемое. Заодно отбери с полсотни тельняшек, пятнадцать голубых и пяток краповых беретов. Есть у меня одна идея... Предложу Кнутову, как из форменного предмета знак поощрения сварганить.

Продавщица засуетилась, быстро достав с полки головные уборы с тельняшками и выложив их на прилавок. Игорь покопался в стопке, отобрал предметы по своим размерам и двинулся в сторону примерочной. Он останавливался, рассматривал то один, то другой предмет подходящие отправлял во вместительный баул. Подхватив подмышку зимний костюм, Комаров скрылся за ширмой...

Алексей Поляков уже облачился в новенькое обмундирование и подждал друга, когда его в очередной раз тронула за рукав Настя и заглянув брату в глаза спросила:

— Алексей! Ну зачем?

— На фронт, нашим помогать. — ответил Алексей, принявшись подгонять под себя бронежилет.

— А как же бабушка с дедушкой? — словно ребёнок спросила девушка.

— Дед — одобрит, — напомнил Лёша. — В случае чего и другим поможет. Он войну прошёл, да не одну. Не собираемся мы воевать. Посмотрим, разведаем, вот и всё. Блин, куда Колька запропастился?

— Знаю я твоё «всё»! — передразнила Настя, — Всё равно куда-то, но влезешь.

— Лёха! Ты где? — услышал Поляков голос друга.

— Здесь, Коль! В подсобке! — отозвался Алексей.

Через несколько мгновений в подсобке показался сияющий от восторга друг детства.

— Всё, Лёх, решил! Ольга разрешение написала, Кнутов рапорт подписал. Так что, лечу с тобой!

— Класс! — обрадовался Алексей. — Сложно уговорить было?

— Ольгу? Поначалу — да. Я ей, главное, объясняю, а она — ну ни в какую! Но потом я ей напомнил кое-что и она сразу согласилась. Поплакала немного, конечно. Но, согласилась.

— Настенька, ты бы сходила, поддержала Ольгу, — попросил Алексей сестру. — Трудно ей...

Настя кивнула, развернулась и быстрым шагом пошла к Диминой жене, Ольге, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься самой.

— А что сказал-то? — спросил Поляков.

— Напомнил ей статью одну, — вздохнул Дима. — Там старушка рассказывала, как она, с матерью, сестрой и братом, попали в финский концлагерь. Как финны издевались, голодом морили, убивали. А чтобы этого не повторилось, нужно преподать соседям хороший такой урок. Чтобы навсегда запомнился, накрепко, на века. Для этого мы и едем.

— Понял. Я тут, на всякий случай, и для тебя комплект снаряги подобрал. Так что быстренько меряй, говорят, что Логинов сам строевой смотр проводить будет. У него на шармачка не проскочишь. Да и самим о себе позаботиться надо, аппаратуру проверить, запчасти подобрать. И это вопрос нашей жизни и смерти. В буквальном смысле.

Логинов вновь изучал карту, тщательно разбирая действия сторон и записывая в блокнот предложения убывающему отряду. Дверь в очередной раз скрипнула и в кабинет вошёл Мехлис.

— Лев Захарович, — Кастым кивнул на аккуратно сложенную на краю стола стопку бумаги. — Документы готовы, прошу ознакомиться. Старший группы — подполковник запаса Кнутов, для организации связи назначен подполковник запаса Марков. Офицеры с боевым опытом, неоднократно воевали в «горячих точках», награждены боевыми орденами и медалями. Старший в подгруппе — майор Хорошев. Воевал, награждён, опыт командования

группой имеет.

Мехлис подошёл к столу, взял из стопки и открыл верхнюю папку, принявшись читать. Первым лежала биография Кнутова. Дойдя до раздела «Правительственные награды» и внимательно прочитав, комиссар спросил:

— Что за награды Орден «Мужества» и орден «Святого Георгия»? Про «Красную Звезду», «Красное Знамя» и медаль «За отвагу» знаю, надеюсь их статут не изменился.

— Вы правы, у этих наград статут остался прежним. Орден «Мужества», георгиевские кресты и несколько других дореволюционных наград возродили в начале девяностых. Захотели восстановить преемственность поколений и увеличить количество наград. Слышал, что какие-то хотели отменить, но потом отказались.

— Необычный набор наград для снабженца.

— Нормальный, — пожал плечами Кастым. — Мои замы командовали отрядами, по-вашему — батальонами, прошли «горячие точки», либо сменяя друг друга, если командировка продолжительная, либо действуя на самостоятельном направлении.

— Понятно. — протянул Мехлис, быстро просматривая следующую биографию, — Александр Степанович Марков, или как Вы говорите, «Маркони». Закончил с отличием академию связи, по два ордена «Красного Знамени» и «Мужества», «Красная Звезда». Хм. Опять необычный орден — «Маршала Пересыпкина», две медали «За отвагу», а также «За боевые заслуги», «Суворова» и «Жукова». Я правильно понимаю, что награды учреждены в честь Наркома связи Ивана Терентьевича Пересыпкина и Георгия Жукова, героя Халхин-Гола?

— Да, в их честь. Орденом Маршала связи Пересыпкина награждают только связистов и Маркова наградили одним из первых. — с гордостью за подчиненного сказал Кастым.

— У интендантов тоже свои ордена?

— Нет, только медали, — уточнил Кастым. — У Кнутова три: генерала Хрулёва, Карпинского и «За отличие в тыловом обеспечении». В биографии же указываются только правительственные награды.

Мехлис понятливо кивнул головой и открыл следующее дело.

— Хорошев Сергей Евгеньевич, майор запаса, связист, — прочитал он и вопросительно посмотрел на Логинова.

— Прекрасный связист, великолепно разбирающийся в ЭВМ. В его лексиконе нет слов «электроника не работает». Маг и волшебник.

— Может оставить его здесь? Такие специалисты могут здорово помочь нашим учёным. — предложил Мехлис.

— Нет, — замотал головой Кастым, — Офицер рвётся в бой. У Хорошева отдельное самостоятельное направление, подгруппа будет задействована на «линии Маннергейма».

— Глухов Олег Александрович и Комаров Игорь Валентинович. Если не ошибаюсь, они стояли на посту и встретили Поляковых? — вспомнил охранников Мехлис.

— Не ошибаетесь, они самые. Олег — разведчик, награждён «Звёздочкой» и двумя «Отвагами», Комаров — принят по рекомендации. Срочную служил в ВДВ, награждён медалью «За спасение погибавших» и «генерала Маргелова». Вторая медаль ведомственная, но за неё десантники отдадут всё, кроме берета и тельняшки.

— Василий Григорьевич Зайцев, Павлюченко Леонид Михайлович?

— Военская специальность — снайпер. Оба орденосцы, Герои Советского Союза.

— Герои и работают охранниками? Вахтёрами? — шокировано воскликнул Мехлис.

— А кем им работать? Пойти на завод к станку? Учителем в школу? Егерем в охотхозяйство?

— Зачем такие крайности? Могли пойти в НКВД, или как он у вас называется?

— КГБ. Комитет государственной безопасности. — ответил Кастым. — Им предлагали, отказались. От работы в милиции — тоже.

— Дела. Вы хоть понимаете, что у вас не охрана магазина, а какая-то боевая ячейка, «боёвка», воинское подразделение. Замечу, что очень опасное.

— ГэБэ проверяло. И не раз. Никакого компромата не нашли, потому как его никогда и не было. Если страна бросила людей, то я своих боевых товарищей бросить не могу. Не имею права.

— Наверное бросила не страна, а какой-то бюрократ. У каждого происхождения есть должность, имя и фамилия.

— Возможно Вы правы. — согласно мотнул головой Кастым, — Но я всё равно своих не бросаю. С остальными делами знакомиться будете? В группу вошли разведчики, сапёры, снайпера. Все до единого — орденоносцы.

Мехлис быстро пролистал оставшиеся документы и вернул их Логинову с вопросом:

— А остальные?

— На Леонида Коршунова, Василия Сычёва, Петра Филина, Дмитрия Лунёва и Алексе Полякова у меня только автобиографии. Спортивные ребята, разрядники по лыжам, многоборью и спортивному ориентированию.

— Кто санинструктор отряда? — допытывался Мехлис.

— Скорее — врач. — ответил Логинов, — Анастасия Полякова. С отличием закончила медицинское училище, до переноса училась в мединституте. Врач и опытный фармацевт. Разбирается в лекарственных травах, лекарка.

— Хирург?

— Скорее операционная сестра. Точно не знаю, нужно у неё уточнить. — смутившись ответил Кастым.

— А какие награды у Вас? — полюбопытствовал Мехлис.

— Извините, Лев Захарович, но первым человеком, которому я доложу о своих успехах, будет Михаил Епифанович Логинов. Мой дед.

— Позвольте, но он же Ваш ровесник, даже моложе Вас!

— Я его наследник, он — мой учитель. Всё.

— Хорошо. — примирительно сказал Мехлис, — Что с подготовкой к вылету?

— Материальные ценности загружены, личный состав экипирован, к вылету готов, строевой смотр проведён. Осталось выступить с напутственным словом и можно давать отмашку на взлёт.

— Что же, я доложу о Ваших предложениях и постараюсь убедить товарища Сталина в целесообразности реализации Ваших предложения.

Кастым улыбнулся и передал Мехлису папку.

Только было Кнутов собрался за порог, как дверь кабинета начальника АХЧ скрипнул и в помещение вошёл Кастым.

— О, Командир. — поприветствовал Интендант, — Какими судьбами? Всё же обговорили. Или ты с напутственной речью?

— К бойцам — чуть позже, хотел с тобой парой слов перебраться. — ответил

Кастым, устраиваясь на раскладном диванчике. — Саш, присядь.

Логинов хлопнул ладонью по подушке дивана.

— Слушаю, Командир. — ответил присевший рядом Кнутов. — Что-то тревожит? Чуйка проснулась?

— Де нет, молчит, зараза. Непривычно как-то... А всё непонятное — тревожит. Ещё пацаны эти...

— Михал Силантич, я речи говорить не мастак, да и психолог из меня тот ещё. Обещаю — сломя голову в рейд не пойдём. Первые дня три — разведка и вращение в обстановку. Заодно пацанов погоняем, при малейшем сомнении оставим на базе. Проблемы с местными «полководцами» буду решать через Мехлиса. Сам на «дурнину» не полезу и в конфликт встречать не буду. Обещаю. Начнут ставить «палки в колёса» — будем действовать по обстоятельствам. Скорее всего — автономно.

— В автономном режиме долго не повоюешь. — возразил Кастым, — Людей нужно кормить, ранены и заболевших — лечить, запасы — пополнять. Что тут объяснять, ты тыловик, не хуже моего знаешь.

— Разберусь. Бывало и похуже. В Арктике, например. — вспомнил Кнутов события, в которых он был непосредственным участником.

— Там связь была, спутники, «вертушки» те же... — не сдавался Логинов.

— У финнов этого тоже нет. Зато у нас тепловизоры, шикарные оптические прицелы, приборы ночного видения, «квадрики» и особый опыт. — Александр привёл свои аргументы, — Я тут Мехлису дал одну стенограмму почитать. По итогам финской...

— С выступлением Рычагова? Правильно сделал. Сдаётся мне, что не бывать после этого Павлу командующим ВВС.

— Может и к лучшему. Для него, и для авиации. Командир, просьба у меня. Точнее — у нас.

— Что-то надо из снаряжения или оружия? Говори, дам.

— Нет, этого в достатке. Минутку погоди.

Кнутов подошёл к шкафу, открыл дверцу и достал три вешалки с парадной формой. В кабинете раздался мелодичный звон наград.

— Командир, здесь награды трёх человек: Маркони, Хорошева и мои. Прибери к себе до нашего возвращения.

— Добро. Сразу после построения и заберу. Остальные как? Награды и документы у старшины?

— Как обычно, Командир. Всё как привыкли. Ну что, пойдём на построение?

— Пошли.

Кнутов подхватил рейдовый рюкзак и баул, и они поднялись этажом выйдя в холл. Интендант юрко проскочил на правый фланг, дав отмашку Марченко, дескать — команду. Обведя взглядом просторное помещение, Логинов понял, что на построение вышли все, изъявившие желание идти на фронт добровольцами. Марков выстроил людей в две «коробки». Первая, малочисленная — убывающие в командировку, в зимнем камуфляже, за спиной — рюкзаки, у правой ноги — плотно забитые баулы. Вторая — остающиеся. Тоже в камуфляже, но со звёздочками и лычками на погонах. Возле выхода толпились женщины, работницы ТЦ, пришедшие проводить ребят.

— Смирно! Равнение направо! — подал команды Марков и приложив к шапке ладонь промаршировал к Командиру.

— Товарищ полковник! Первый отряд Специального назначения построен. Лиц, незаконно отсутствующих — нет. Заместитель командира группы подполковник Марков.

Выйдя на середину строя, Логинов скомандовал:

— Вольно.

Обвёл взглядом шеренги, внимательно вглядываясь в лица стоящих перед ним бойцов. Бросалось в глаза волнение новичков. На щеках операторов БПЛА краснел румянец, а попытке оценить свой внешний вид ребята постоянно крутили головой, а по команде смирно — вытянулись в струну, устремив взгляды высоко в потолок. Иначе вели себя служивые: спокойные, внешне расслабленные, они и команды выполняли с особым армейским шиком.

— Бойцы и командиры Красной Армии, — начал свою речь Логинов, — Боевые товарищи! Друзья! Сегодня знаменательный день в истории нашего отряда: первая группа Спецназа убывает на фронт борьбы с белофиннами. Враг опытный, знающий, жестокий. На его стороне отличное знание местности, высокая мотивация и даже природа. Но и у нас мотивация не хуже. Эта война — предтеча следующей, хорошо вам знакомой по книгам и фильмам — Великой Отечественной войны. И от того, как покажет себя Красная Армия — зависит многое. В том числе и дата начала. Может случиться так, что, увидев успехи Красной Армии, нацистская Германия перенесёт дату нападения на следующий год, тем самым дав нам возможность подготовиться лучше. Обученная и вооруженная Красная Армия сможет дать достойный отпор агрессору, не допустить его в глубь станы и сберечь драгоценные жизни женщин, детей, стариков. Вот такая непростая задача стоит перед вами.

Будет тяжело. Временами — очень тяжело. Многого из того, что вам привычно, обыденно — ещё не создано или проходит первые этапы своего рождения. Но, уверен, вы — справитесь. Вам придётся учиться и учить. Учениками станут наши бойцы, а самыми грозными учителями — враги. За невыученный урок спросят строго, а оценкой может стать жизнь или здоровье. Война ошибок не прощает.

Сегодня в одном строю, плечом к плечу, стоят опытные бойцы и те, кто впервые надел военную форму. Но, вне зависимости от опыта и знаний, все вы единое целое, один отряд, одна дружина — Первый Особый отряд Спецназа. Вы — первые, вы — лучшие.

Об одном прошу, сыны: возвращайтесь живыми. Раненых и больных выходим, поставим на ноги, а павших уже не вернуть. Берегите своих товарищей, тех, кто в одном строю встанет рядом с вами против врага. Не важно, откуда боец: из нашего отряда, с соседнего полка или простой обозник. Все мы одно целое, одна страна, одна армия.

Ждём вас со скорой победой.

Логинов обвёл взглядом строй. Бойцы затихли, вслушиваясь в каждое слово. Можно было подготовить длинную, возвышенную, проникновенную речь, провести исторические параллели, примеры. Но он не стал этого делать. Кастым не любил начальников, читающих по бумажке, чувствуя в этом фальшь. Потому и говорил от себя, жестикулируя правой рукой, словно забивая гвозди.

— Отря-я-а-а-д, равнясь! Смирно! Напра-во! — скомандовал Кастым.

Группа убывающих подхватил сумки и повернулась направо, а Кнутов и Марков сделали ещё и два коротких приставных шага, занимая место по центру колонны.

— Первая группа — на посадку, вторая — на месте... Шагом... Арш!

Неожиданно, из колонн грянул марш, «Прощание славянки», невольно выбивающий слезу.

За грохотом музыки, Логинов расслушал женские голоса:

— Мальчики, возвращайтесь!

— Мы ждём вас!

— Возвращайтесь живыми, родненькие!

— Поможем нашим!

— Ура!

Девчата обнимали уходящих бойцов, тайком совали им в руки подарки на память, затем отходили в сторону, вытирая слёзы.

«Ну и ну. словно кадры кинохроники: сорок первый, бойцы уходят на фронт. А почему словно? Они в самом деле идут на фронт.» — подумал Кастым, а вслух скомандовал:

— Отряд стой! Подполковник Муромцев — ко мне, остальные — р-р-р-р-разойдись!

Мехлис присоединился к провожающим поздно и начало речи Логинова не застал. Свои вещи он передал Грязеву, а сам решил задержаться, чтобы попрощаться с Кастымом. В темной куртке он не походил на военного, да и в лицо его знали не все. Лев Захарович вслушивался в разговоры и в душе его зарождалось тепло.

«Отличные у нас потомки, правильные. Вон как переживают» — думал Лев Захарович. Неожиданно он услышал разговор, разом перечеркнувший возвышенное состояние.

— Кеша, и как вам это нравится?

— Боря, я же вам говорил — рабы-с! Видите, с каким восторгом они спешат убивать ни в чём не повинных финнов? И всё из-за прихоти усатого. Вот посмотрите, не пройдёт и двух дней, как они начнут петь рябому осанна, захлёбываясь от восторга и щенячьей преданности. Тьфу!

— С вами, Иннокентий, нельзя не согласиться. А не хлопнуть ли нам по рюмашке? Грех упускать такой повод.

— Виски? Текила? Коньяк? Шнапс? Боря, не томите истрадавшуюся душу.

— Круче! Местный самогон. Обменял шариковую ручку на литр «табуретовки». Одно слово — аборигены.

— Увы, мой друг. Это вам не Париж.

На этом разговор прервался. Ловко работая локтями и толкая людей, пара начала пробиваться к выходу.

Крепко сжав зубы, Мехлис ждал окончания разговора. Он сразу сообразил, что те самые грузчики, о которых рассказывал Грязев. Услышав звуки марша, Лев Захарович двинулся в сторону Логинова, сделав зарубку в памяти.

«Обязательно расскажу Логинову с Меркуловым. За этой парочкой нужен особый присмотр.» — крутилась фраза в мозгу Мехлиса.

Пётр Полипов стоял у огромного окна, задумчиво вглядываясь в даль. Его мозг порождал различные сценарии выхода на связь с американским другом, но они тут же рассыпались, под ворохом «за» и «против». Последней идеей был вариант со звонком из кабинета Логинова, но поразмыслив, Петр Петрович отказался и от него. Слишком велик риск.

Полипов намеревался уж было и вовсе отказаться от идеи наладить связь, как его внимание привлёк цокот каблучков. Пётр обернулся и увидел красивую девушку, не столь идущую, сколь порхающую. Девушка набросила длинную норковую шубу, но застегивать её не спешила. Пётр присмотрелся и увидел, что шуба брошена поверх оригинальной футболки, с крупным изображением американского флага и надписью «USA — FOREVER!».

— Какая красивая майка. — не удержался от комментария Пётр.

— Фирма! — похвасталась барышня, — Made in USA! Джинса — левайсы.

Полипов ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

— Девушка, вы случаем не в Москву летите? — с надеждой спросил Полипов.

— А то! — вскинула голову собеседница.

— Извините, не представился: Полипов Пётр Петрович. Комиссар. — Пётр галантно шаркнул ножкой и слегка поклонился. — Позвольте узнать имя прелестной незнакомки?

— Раиса. Горбачёва. Комсорг ТЦ. — девушка выпятила плотно обтянутую футболкой красивую грудь.

— Раечка, на эту грешную землю Вас послали небеса! — с улыбкой произнёс Пётр.

— Я опаздываю. — Раиса капризно надула губки.

— Не могли бы Вы отправить письмо, — начал было Полипов, на заметив, как услышав вступление, его собеседница порывается уйти, зачастил: — Что вы, что вы! Никуда ехать не надо. Только опустить конверт в почтовый ящик и сделать звонок по этому номеру.

Пётр Петрович достал заранее заготовленный, подписанный конверт и бумажку с цифрами.

— И что я того буду иметь? — Горбачева прищурилась, стараясь высчитать выгоду.

— С Вами свяжутся и предложат то место, которое и надлежит занять такому бриллианту, как Вы. — сделал неумелый комплимент Пётр. — Такая красота не должна прозябать здесь.

Слова Раисе понравились, но она решила уточнить.

— В штатах, например...

О том, что речь идёт о США Полипов догадался по наитию и кивнул.

— Очень даже может быть. У моего приятеля обширные связи.

— Это точно не любовница? — со смехом уточнила Рая.

— Что Вы! Я верный муж. Семью оповестят сослуживцы. — зачем-то принялся оправдываться Пётр.

— Я согласна. Но, если что-то пойдёт не так...

— Всё будет хорошо. И спасибо за помощь, я в долгу не останусь.

Горбачёва взяла письмо с бумажкой и небрежно сунула в сумочку.

— А приведерчи! Чао! — прозвенел её голос, и Раиса заспешила к самолёту.

— До свидания! Удачного полёта! — махавший рукой Полипов был рад. Ему всё же удалось отправить весточку, значит друг будет предупреждён.

Еле сдерживаясь от того, чтобы не выкинуть какое-нибудь коленце, Полипов поспешил в импровизированный кинозал, мысленно хваля себя за удачный выбор момента и места передачи письма. «Главное, что обошлось без свидетелей». Если бы он знал, как жестоко ошибается...

В комнате операторов видеонаблюдения было немногочисленно. Откинувшись на спинку кресла, дежурный сделал было глоток кофе, как его внимание привлекла картинка, транслируемая на одном из экранов.

— Толь! — позвал он напарника, — Глянь, чё за фигня. Какой-то тип к нашей Раиске пристаёт.

— Санёк, ты молодец! — Толик хлопнул по плечу приятеля, — Шеф просил за этим типом присмотреть. Где-то фотография была. А, вот: «Полипов Пётр Петрович». Пишешь?

— А то? — с улыбкой отозвался Саша.

— Камера со звуком или как?

— Если не отключили, будет тебе и звук. — Александр глянул на щит управления, увидел зелёный огонёк и довольным голосом продолжил, — Ол райт, Христофор Бонифатич, пишет!

— Перекатаешь на диск и отдашь шефу. Глядишь и плюшек каких отсыплет.

Дежурный дождался завершения встречи, достал из стола новый компакт-диск и сбросил на него видеосюжет, прослушав заодно и запись. Хоть и не ахти, но голоса разобрать было можно.

— Не беда, отдадут в «Цифросеть», там ребята толковые, сигнал почистят. — подумал Санёк, убирая диск в коробку.

Лёша Поляков спешил на посадку. Он только положил вещи в самолёт, как его позвал охранник:

— Поляков? — спросил он и увидев кивок юноши, продолжил, — По радиии передали, что тебя бабушка с дедом ищут. Десять минут у тебя есть, так что беги. Они у «Цифросети».

Лёгкой трусой Лёшка двинулся на встречу. Родня встретила радушно. Бабушка передала узелок с пирожками, перекрестила, благословив на ратный труд, а дед подарил нож в ножнах.

— Зачем он мне. — стал отказываться Алексей, — У меня есть мультитул.

— Видел я тот ножик. Добрый. В хозяйстве самое оно. — усмехнулся Алексей Александрович, — Этот — другой. Защитник. Хлебушка им не порезать, а вот от ворога — оборонит.

— Бери, Лёша. — поддержала Полина Степановна, — Он тебе пригодится, поверь.

Схватив подарки и обняв родню, Алексей поспешил к выходу. Подбегая к одному из коридоров, он выскочил из-за угла и вдруг заметил необычную парочку.

«Интересно, что этот военный от нашего комсорга хочет.» — подумал Лёшка, нырнув за угол. Осторожно высунувшись, он заметил, что военный передал Раисе конверт, а та положила его в сумочку и вихляющей походкой двинулась к выходу.

«Как же мне им на глаза не попасться. Блин, вон же ещё один вариант. Двину-ка я в обход. Не нравится мне эта встреча. Надо бы Грязеву доложить.»...

Второй путь оказался ненамного длиннее и вскоре Алексей подходил к самолёту. Передав Насте гостинцы, он дождался Раису и галантно предложив руку помог ей подняться в салон. Через пару минут подошёл Мехлис. Лётчик убрал лестницу и закрыл люк. Взревели винты и вскоре самолёт полетел на запад, вперёд, ближе к войне...

Встреча на лётном поле

Сегодняшний день у пилотов Гражданского воздушного флота, готовящихся к привычному рейсу по маршруту Москва — Тюмень, не задался с самого начала. Привычный распорядок нарушился телефонным звонком. Да не откуда-нибудь, а из НКВД! Экипаж самолёта уведомили, что им предстоит доставить группу сотрудников центрального аппарата, причём точку назначения НКВДэшники укажут сами. Командир экипажа только развёл руками, вздохнул и отправил подчинённых готовиться к полёту.

За полчаса до вылета на лётном поле показалась чёрная легковушка. Скрипнув тормозами, она остановилась рядом с «бортом». Открылась передняя дверь и на лётное поле ступил Комиссар Государственной безопасности 3-го ранга.

— Ничего себе, — присвистнул штурман.

Остальные члены экипажа молча занимались своими делами, проводив взглядом направившегося в салон самолёта гостя.

Из распахнувшись дверей «Эмки» выскочило четыре человека. Словно заранее договорившись, сотрудники НКВД достали папиросы и задымили. Спокойно лицезреть подобное отношение к безопасности и традициям авиации экипаж долго не мог.

— Товарищи командиры! — Не выдержал неугомонный штурман, крикнув курильщикам. — Здесь не курят! Отойдите к краю лётного поля.

Не вступая в споры, но и не затушив папироски, НКВДэшники дружно двинулись в указанном направлении.

— Чует моё сердце, наемся с ними. — проворчал под нос радист.

Остальные пилоты вновь промолчали, усердно продолжая готовить самолёт к рейсу.

Тем временем, поднявшийся на борт Комиссар Государственной безопасности открыл дверь в кабину пилотов и обратился к командиру экипажа:

— Здравствуйте. Комиссар Государственной безопасности 3-го ранга Всеволод Николаевич Меркулов. — протянул руку для рукопожатия первый заместитель наркома НКВД.

— Здравствуйте. Голощапов Алексей Алексеевич, командир экипажа. — представился пилот.

— Вот изменения в маршруте, — Меркулов протянул лётчику лист бумаги с напечатанными названиями населённых пунктов, — С вашим начальством вопрос согласован.

Голощапов взял в руку документ, мазнул взглядом по строчками визам, и задумался.

— С посадкой в Остяко-Вогульске проблем не будет. Место знакомое, доставим. А вот Сургут...

— В Остяко-Вогульске нас ожидает другой экипаж. Аэродром Сургута им хорошо знаком, обо всех особенностях узнаете при встрече.

— Как-то всё это неправильно. — с тяжёлым вздохом ответил командир воздушного судна, — Это на машине легко: вот точка «А», вот точка «Б», а вот дорога между ними. Узнать бы поподробнее...

— В Остяко-Вогульске узнаете. — оборвал Меркулов, — Вылет по графику?

— Да, через двадцать минут. В салоне прохладно, но для пассажиров подготовлены тулупы и валенки. В шинельках с сапогами задубеете.

Комиссар Госбезопасности кивнул, и выйдя из кабины переобулся, накинул поверх шинели овчинный тулуп и постарался как можно удобнее устроиться на выбранном месте. Минут через пять в салон прошли и остальные пассажиры. Молча, без суеты сотрудники разобрали тёплые вещи и разошлись по салону, выбирая сиденья. Экипаж не заставил себя долго ждать, занял свои штатные места. Штурман втянул в салон лестницу и захлопнул люк.

Ровно через двадцать минут после разбежки, самолёт взмыл в небо...

Вопреки опасениям экипажа, полёт проходил ровно, без накладок и происшествий. Ровно тянули движки, дремали укутавшиеся в овчину пассажиры. Похоже, крепкий сон сморил даже грозного Комиссара Госбезопасности.

Но, смеживший веки Меркулов не спал. Он просчитывал дальнейшие действия, и чем больше думал, тем меньше ему нравилось полученное задание.

«Что же там стряслось? Не просто же так собрали и отправили нашу группу. Кого можно встретить в этой глуши? Первые, кто приходит на ум — ссыльные или беглые. Допустим, нашли и утаили золото. Много золота. И что? С этим милиция разберётся. В крайнем случае Мехлис мог областное руководство запросить, но о находке он упорно молчит. Значит здесь нечто иное. Но, раз задача настолько серьёзная, хватит ли наших сил? Берия разрешил обращаться в Тюмень и Остяко-Вогульск. Дескать, в случае чего, с людьми помогут. А если это не их уровень? Хорошо, на месте решим. Но, как поступить с самолётом. Мехлис летит в Москву, я — в Сургут. Может поменяемся экипажами и делу конец? Кстати, а почему бы и нет. Как же не хватает информации. И дать её может только Мехлис. Может зря голову ломаю? Прилетим, встретимся, пообщаемся, тогда и решим...»

Эти и подобные мысли молнией мелькали одна за другой в измученном загадкой мозгу, но ясности как не было, так и не появлялось. Меркулов начал уже было засыпать, как самолёт начал снижение.

Его предположение тут же подтвердил высунувшийся из кабины штурман:

— Товарищи пассажиры, внимание, идём на посадку. Просьба: держаться покрепче и не покидать салон до полной остановки двигателя.

Через пару минут самолёт мягко приземлился и после короткой пробежки остановился. Из кабины вновь появился штурман. Открыв люк и опустив лестницу, он пригласил пассажиров на выход.

Первым выпутался из тёплого тулупа и поднялся с места зам. наркома. Сделав первый шаг и бросив взгляд вниз, он подумал, что неплохо бы переобуться, но не остался в валенках, решив, что здесь морозы посильнее московских. Ловко спустившись по ступеням, Меркулов увидел идущего к нему Мехлиса, за спиной которого неспешно шагал лётчик.

— Здравствуйте, Всеволод Николаевич. — козырнул начальник ГлавПУра.

— Здравствуйте, Лев Захарович. Давно ждёте?

— Полчаса. — ответил Мехлис, — Всеволод Николаевич, время поджимает, предлагаю следующий порядок: неподалёку стоит домик, в котором есть возможность поговорить и войти в курс дела. Пока будем общаться, командир моего экипажа расскажет вашему что, да как.

— Принимается. — одобрил предложение Меркулов. — Пойдём.

Хотя до здания и идти-то было всего-ничего, но пощипывающий лицо и руки мороз, вскоре проник и под шинель. Меркулов зябко потёр руки и слегка приотстав посмотрел на Мехлиса. На румяном и довольном лице Льва Захаровича явственно читалось, что холод ему

нипочём.

— Хорошей формой снабжает товарищ Хрулёв.

— Опытная носка. — открывая входную дверь домика, туманно ответил Мехлис, — Заходите, в здании никого нет.

Сделав шаг вовнутрь, Меркулов осмотрелся. Дом, как дом, две уютные комнаты. Одна — с шестью стоящими в два ряда кроватями, явно подготовлена для отдыха. На каждой койке — матрас, с трёх сторон обёрнутый серым шерстяным одеялом, в голове — подушка, в ногах — комплект постельного белья и полотенце. Во второй, меньшей комнате, стоял стол с восемью табуретками.

— Присаживайтесь, Всеволод Николаевич, — Мехлис кивнул в сторону комнаты для совещаний, — Доклад подготовлен, но могу обрисовать обстановку устно.

— Начнём с документа, если что-то не пойму — поясните. — предложил расстегнувший шинель Меркулов.

— Верхнюю одежду можно повесить на гвоздик. — предложил Мехлис, пристраивая куртку на один из изображавших вешалку гвоздей.

Комиссар ГБ кивнул и скинув с плеч шинель, повесил её на соседний гвоздь.

— Значит доклад... — произнёс роящийся в портфеле Мехлис, — Документ писал сам, машинистке не доверил.

— Экземпляр один или есть копии? — вчитываясь в строчки уточнил Меркулов.

— Оригинал и копия.

Комиссар ГБ, ни на секунду не отрывавший взгляда от строчек, промолчал. Закончив чтение, он несколько секунд смотрел в потолок и вернулся к первому листу. Второй раз Меркулов читал медленнее, время от времени возвращаясь к началу, с чем-то регулярно сверяя написанное, тихонько шевелил губами, проговаривая прочитанное про себя. Закончив чтение, Всеволод Николаевич пристально посмотрел на Мехлиса и сказал:

— Красивая легенда. Для разведки — самое то. Надо только с деталями помудрить.

— О чём Вы? Какая легенда? — непонимающе уточнил Мехлис.

— Вот эта. — Меркулов постучал пальцем по листам, — Лев Захарович, а вы не пытались проанализировать рассказ этих, хм, «попаданцев»?

— Зачем? — пожал плечами начальник ГлавПУра, — Я плотно общался с людьми, да и происходило всё на моих глазах...

— Понятно. — со вздохом ответил НКВДэшник. Начнём с того, что Вы видеть никак не могли. Итак, как эти люди оказались у нас?

— Случайно. Готовилось открытие ТЦ, неожиданно отключился свет, а когда появился вновь — здание с людьми уже перенеслось к нам. — волнуясь от того, что никак не может уловить нить беседы, ответил начальник ГлавПУра.

— В докладе изложены следующие версии: короткое замыкание, научный эксперимент и метеорит. Сказки про рыбку и колдунью, не выдерживают никакой критики. Уж извините. — развел руками Меркулов. — Лев Захарович, Вас когда-нибудь током било?

— Было дело. Полез в розетку отверткой, тряхануло так, что искры из глаз ну и из розетки конечно. Хорошо, что дальше не загорелось, провода задымились, но пробки спасли. Электрика пришлось вызывать, света-то не стало. Он мне всё и разъяснил по рабоче-крестьянски с оборотами.

— Но, ни в прошлое, ни в будущее Вы не перенеслись. — уточнил Комиссар ГБ, — Значит электричество отпадает. Теперь метеорит. Штука неприятная, давно известная, но

очень маловероятная. Даже если бы это было нечто похожее на Тунгусский метеорит, здание с людьми просто сгорело бы, и всё. Остаются учёные. Версия непроверяемая, если только в ближайшее время не появится кто-то или что-то, контролирующее результат испытаний.

— А если эксперимент прошёл неудачно? Планировалось одно, вышло — совсем другое. — заинтересованно уточнил Лев Захарович.

— Может быть. Но, согласитесь, тогда подобных историй будет множество. Прежде чем перемещать целое здание с людьми, учёные отправили бы в прошлое десятки человек. «Попаданцы» появлялись бы в разных временах и эпохах, действуя как в одиночку, так и группами.

— Может так оно и есть? — не сдавался Мехлис. — Появившиеся в прошлом посланцы будущего двигали науку, культуру, совершали великие открытия...

— Этот из разряда сказок про колдунью или золотую рыбку. — усмехнулся Меркулов, — Должно быть материальное доказательство. Пока же картина вырисовывается следующая: крупная группировка вооружённых и подготовленных людей, незаконно проникает в нашу страну. Осев в глубинке и подготовив себе базу снабжения, она принимает внедряется в доверие к высокопоставленному руководителю Наркомата обороны...

— Подождите! Откуда они знали, что в нужный момент я буду совсем рядом. Лётчики могли выбрать и другой маршрут, полететь раньше или позднее. — возразил шокированный Мехлис.

— Во время внедрения, эти ваши «попаданцы» изрядно обросли связями. Дальше — просто. Дожидаются большого начальника, не обязательно Вас, но вхожего в высшие круги страны. Нужный им человек прилетает в Тюмень, его опаивают...

— Я спиртного в рот не беру! — возразил Мехлис.

— Это не спиртное. Скорее всего использовался специальный состав, вызывающий устойчивые видения. Пролетая мимо Сургута, Вам привиделось чудесное здание, на самом деле представляющее собой обычный большой сарай или нечто подобное. Вы приказываете лётчикам сделать посадку, а дальше — только вопрос времени. Непонятно, почему они рискнули связаться с НКВД...

— Извините, Всеволод Николаевич, но в Вашем рассказе много допущений и нестыковок. Если видения были только у меня, то как получилось, что сверкающее здание видели и лётчики, и мои попутчики. Их тоже опоили? А если бы не подействовало? Или экипаж увидел бы нечто другое и вместо мягкой посадки, самолёт бы разбился.

— Значит они участники заговора. — спокойно махнул рукой Меркулов.

— Не складывается. — упорствовал Мехлис, — И экипаж, и сотрудники ГлавПУра живут в Москве. Здесь оказались случайно. Участвовать в заговоре физически не могли. Также в Вашу концепцию не вписывается стрелковый полк...

— Очень даже вписывается. — не сдавался Меркулов, — Силовая составляющая, только и всего.

— Допустим, зелье действовало на меня в первые часы. Но, потом бы я увидел иную картину. Вместо дворца — барак, взамен техники — мусор...

— Вам регулярно подливали новые порции отравы...

— Почему же сейчас я вижу тоже, что и Вы? — вспыхнул Мехлис.

— Перед вылетов Вам дали противоядие. — не сдавался Меркулов.

— Хорошо. А загруженные в самолёт подарки... — Лев Захарович бросил на стол очередной козырь.

— Взрывчатка и боеприпасы. У группы цель — уничтожение руководства Партией и Правительством. Вы же загруженные ящики с коробками не проверяли?

— Нет. — замотал головой Мехлис.

— Значит изначально Вам показали одно, а загрузили — совсем иное.

— Но ведь можно и проверить. — предложил Лев Захарович.

— Конечно проверим. — согласился с предложением Меркулов.

— Ещё минуточку. — вспомнил Мехлис, доставая из портфеля распечатку.

— Это что? — поинтересовался Меркулов.

— Ваша биография. — Мехлис положил листы перед Комиссаром ГБ.

— Так. — нахмурился Меркулов, — Писатель, автор пьес, м-м-м-м, понятно.

Расстрелян в пятьдесят третьем... Бред. Фальшивки.

— Возможно. — Мехлис попытался забрать листы, но Меркулов ловко выхватил распечатку и тут же убрал её в портфель.

— Что же, Лев Захарович, Вам удалось меня заинтриговать. Но, груз осмотреть придётся. Не хмурьтесь, это выборочная проверка. Оружие и боеприпасы у пришельцев есть?

— И я знаю где они лежат, в ящиках, опечатанных моей печатью, — не дожидаясь уточняющего вопроса сказал Мехлис.

— С них и начнём. — вставая и снимая с гвоздя шинель предложил Меркулов.

Но, Мехлис не спешил. Он ненадолго задумался, что-то про себя прикинул и в его внешности произошли удивительные метаморфозы: распрямив плечи он словно стал выше, взгляд приобрёл остроту кинжалов, а голос налился сталью.

— Не суетись, Всеволод, сядь, — приказал Мехлис.

От неожиданности Меркулов хлопнулся на табуретку. С ним давно не разговаривали в таком тоне.

— Всеволод, тебя сюда зачем послали? — продолжил резко изменившийся Мехлис, враз превратившийся из доброго дядюшки в грозного начальника.

— Принять у Вас дела, организовать правительственную связь, изучить обстановку и... В общем всё. — перечислил поручения Комиссар ГБ.

— И следствия тебе не поручали. — резюмировал Мехлис.

— Я обязан рассмотреть все версии.

— Ну да, ну да. А теперь слушай меня: с твоей нелёгкой руки, люди, неизвестно чьей волей попавшие в Советский Союз, стали бандитами и убийцами, руководство Тюменской области, военные Тюмени, экипаж самолёта, комиссары — заговорщиками, начальник ГлавПУра Армейский комиссар 1-го ранга — безвольной куклой, болванчиком и игрушкой в чужих руках. Так? Мехлис навис громадой над собеседником.

— Это не более, чем версия, — принялся оправдываться Меркулов.

— Прочитав твою биографию, я попросил информацию и по делу «трофейщиков», — Мехлис расположился поудобнее но давить взглядом собеседника не перестал. — Любопытное, скажу тебе, дело. Моё отношение к ворам ты, Всеволод, знаешь. А уж к ворунам в погонах...

— Лев Захарович, но это же будущее, — пыхтел Меркулов. — Зная о последствиях я и сам не подумаю трофеи брать и других постараюсь отговорить.

— Надо же, пять минут назад ты распинался, утверждая, что всё это сказки, фальшивка и бред, а теперь мямлишь про будущее. Так вот Меркулов, назначат ли меня на должность Наркома Госконтроля — неизвестно, но то что ваша компашка, путающая свой карман с

государственным будет теперь на «карандаше» — обещаю. Узнаю, что запускаешь лапу в казну...

— Меня оболгали, — выпалил Меркулов.

— Сомневаюсь, — Мехлис отмахнулся от лепета. — Ладно, поговорили о будущем, вернёмся к настоящему. На досмотре настаиваешь?

— Вы же берёте ответственность на себя... — начал было Комиссар ГБ, но встретившись с пронзительным взглядом Мехлиса, осёкся, — Хотя бы познакомьте с потомками.

Мехлис с Меркуловым подошли к самолёту как раз в тот момент, когда командир экипажа Мехлиса завершал знакомить своего коллегу с обстановкой.

— Значит так, лист полёта я тебе передал, схему захода на посадку — тоже. — передавая очередной лист сказал Андрей Васильевич Тимченко, — Особенности посадки повторили, твой экипаж проинструктировали, радиочастоты для связи с ТЦ — довели. Теперь ещё одно...

— Что ещё? — поморщился Голощاپов

— Матроскин, тащи планшет! — крикнул Андрей своему подчинённому.

— Это что ещё за чудо? — удивился Алексей.

— Значит так, наши друзья снабдили нас оригинальным устройством, позволяющим отслеживать маршрут самолёта. Дальность — так себе, но до сюда — хватает. Вот маячок — Тимченко протянул коллеге небольшое устройство, — Наживаешь на эту кнопочку, и он передаёт сведения о твоём местоположении. Наши друзья отследят путь, при необходимости выйдут на связи и подскажут направление.

Андрей показал, как обращаться с прибором, обернулся и заметив пританцовующего лётчика позвал его:

— Матроскин, давай сюда. Заодно вынь затычки из ушей и выплюнь каку.

— Это наушники! — возмутился лётчик, — Я музыку слушаю. И жую не бяку, а жвачку. Для зубов полезно.

— Молодой человек, — обратился к пилоту Меркулов, — Не дадите послушать вашу музыку?

— Пожалуйста. — равнодушно пожал плечами Матросов, совсем недавно переименованный экипажем в Матроскина.

Меркулов приложил наушник к уху.

— Под крылом самолёта

О чём-то поёт

Зелёное море тайги... — донеслась до слуха Комиссара ГБ незнакомая песня.

— Красиво. — сказал Меркулов, возвращая наушник владельцу.

— А то! — весело подмигнул Матроскин. — Тут таких классных песен — тьма.

— Каких песен? — уточнил Меркулов.

— Классных. В смысле красивых, интересных, новых. — слегка смутился Матросов. — Разрешите идти.

— Идите, Лев Захарович, познакомьте меня с гостями...

"Штирлиц" из будущего

Логинов уже завершал изучение документов работников ТЦ, когда ожила рация:

— «Первый», — здесь «седьмой». Связь с бортом Москва-Сургут установлена, прибытие «гостей» — через пятнадцать минут.

— Принято, «седьмой». Конец связи — Кастым положил рацию на стол, но тут же вновь взял её в руки:

— «Второй», ответь «Первому».

— Слушаю тебя, Первый, — откликнулся Муромцев.

— Через четвертушку прибывают «гости». Встречаемся у «взлётки».

— Принял, — ответил Анатолий Сергеевич, закончив сеанс.

«Хорошо, что Мехлис рассказал о своих подозрениях. Думаю, что теперь и Меркулов в курсе. И что теперь делать с грузчиками? По нынешним законам уголовное дело им гарантировано. Тем более, что они языком словно помелом метут, так что папочка будет только пухнуть. Надо поставить задачу Муромцеву, пусть поговорит с парнями. В конце концов, не их вина, что мы сюда попали из будущего, где взгляды более либеральные, а про ужасы репрессий чего только не рассказывают. Решено, отдам их на воспитание своим парням, пусть нагрузят так, чтобы мыслей о политике не возникало. Заодно и от пьянки отучат.

Хорошо, что в отдел кадров зашли. В их делах столько полезной информации: заявления, анкеты, справки о состоянии здоровья и составе семьи, копии документов об образовании... Да и Плотников молодец, быстро вник в суть, опросил сотрудников. И штабная культура на высоте: материалы распределены по организациям и магазинам, каждая папочка подписана, сбоку выступает наклейка с фамилией. Кстати...»

Логинов достал и включил рацию:

— «Третий» ответь «Первому».

— «Третий», слушаю.

— Подойди к «зелёному» выходу, дело есть.

Накинув зимнюю куртку и шапку, Кастым пошёл к выходу на импровизированное лётное поле, в переговорной таблице обозначенному как «зелёный». В коридоре его чуть не сбил с ног тучный мужчина в гражданском костюме, один из попутчиков Мехлиса.

— Извините. — сказал гражданин, повернув к Кастыму заплаканное лицо.

— Что случилось? — с тревогой в голосе спросил Логинов, — Вас кто-то обидел?

— Кино... Бим... — жалостливо протянул мужчина, вытирая слёзы рукавом пиджака, — Жа-а-а-алко...

— Ничего не понимаю. — пробормотал Кастым, но мужчина шустро посеменил дальше и скрылся за дверью мужской уборной.

«Бим, Бом. Что за чертовщина? Что они там смотрят? Так, отправлю Плотникова, пусть разберётся и доложит». подумал Логинов.

Муромцев с Плотников ожидали Командира, о чём-то беседуя, стоя близ стеклянных дверей внутри здания.

— Василий Игоревич! — обратился к заму Кастым, — Спасибо за документы, но есть ещё одна просьба — сделать сводную таблицу.

— И всё? — буркнул Плотников, — Этим и занимаюсь. Полчаса — час и будет готова,

если дергать не будете.

— Графу о родственниках сделали? — уточнил Логинов, сделав вид, что не заметил дурного настроения старого боевого товарища.

— Как положено: мама, папа, братья, сёстры, мужья, жёны, дети. — перечислил зам. по строевой части.

— Этого мало. Нужно опросить людей и узнать данные по бабушкам с дедушками и живущих именно в это время дальних родственников. Дополните таблицу ещё одной графой. Но, это задача на будущее. Тот вариант, что будет вскоре готов, незамедлительно принесите мне. Возможно будут дополнения, о которых нужно разузнать дополнительно.

На сей раз Плотников задумался. Только что Командир мягко намекнул на его прокол. Перенося в таблицу анкетные данные, Василий Игоревич действовал по привычке, даже не задумавшись о том, что родственники, анкетные данные которых он тщательно включал в свод, ещё не родились и не факт, что вообще появятся на свет.

— Сделаю, — сдержанно пообещал зам. — Предлагаю дополнить графами «Увлечения» и «По какой специальности хотелось бы работать далее».

Кастым не успел ответить, в кармане «оживила» рация.

— «Первый», борт с «гостями» заходит на посадку. Приём.

— «Седьмой», принял. — ответил Логинов и обращаясь к замполиту произнёс:

— Ну что, Анатолий, пойдём, встретим гостей. Меркулова беру на себя, с остальными займёшься ты. Проводишь, разместишь, накормишь. Остальное — как решит комиссар Г.Б. Что-то на душе тревожно. Со Львом Захаровичем уже сработались, каково оно сейчас будет... Эх, тяжёлые люди в Конторе работают, не любят они нас, простых армейцев.

— Прорвёмся, Командир. — бодрым голосом ободрил Муромцев, — Вон, борт уже катит, пора и нам выходить.

— Василий Игоревич, — Логинов на ходу обратился к заместителю, — Что у тебя с секреткой[1]?

— Барышню взял, учу. Девушка толковая, справится. Пока учу тому, что знаю и помню сам, но нужна инструкция.

— И ещё: разберись с кинобудкой, что они такого показывают, отчего здоровые мужики рыдают, как девицы на выданье.

— Слушаюсь, Командир. — козырнул Плотников.

Кастым одобряюще кивнул, вместе с Муромцевым не спеша двинулся на выход, а Плотников поспешил к себе.

Поднимая снежную пыль и завывая движками, самолёт подкатил к Торговому Центру. Совсем недавно, абсолютно точно так же приземлился борт, из которого вышел Мехлис со спутниками. Вроде и немного времени прошло, а сколько всего случилось. Новый транспорт тоже привёз «гостей», а вместе с ними и вопрос: что же будет дальше?

Как и в прошлый раз лягнул люк, опустилась лесенка и на поле импровизированного аэродрома спустился Меркулов. Подойдя к нему, Кастым вскинул правую руку к обреза фуражки и представился:

— Начальник «объекта» полковник запаса Логинов.

— Заместитель по политчасти подполковник запаса Муромцев. — доложил зам.

— Комиссар 3-го ранга Меркулов. — соблюдая воинский этикет, равнодушным тоном отозвался высокопоставленный гость, пожал руки встречающим и показав рукой на

Торговый центр зачем-то уточнил, — Это и есть ваш объект? Внушает.

— Так точно. — козырнул Кастым, — Замполит займётся вашими подчинёнными, а Вас приглашаю на командный пункт. Связь с Москвой проведена только туда.

Меркулов пошагал вслед за Логиновым, оставив Муромцева знакомиться и общаться с остальными «гостями».

— Товарищ Логинов, не могли бы ввести меня в курс дел и познакомить с сотрудниками «объекта»? — едва зайдя в кабинет и даже ещё не раздеваясь спросил комиссар Госбезопасности.

Холодный, официальный тон Меркулова не предвещал ничего хорошего. Кастыму показалось, что он беседует со следователем, находясь в статусе обвиняемого.

— Подробно могу охарактеризовать только непосредственных подчинённых, по остальным — лишь биографические сведения. — Логинов положил на стол папку с характеристиками.

— Начну с себя. Полковник запаса Логинов, Михаил Силантьевич, — ещё раз представился Кастым, выкладывая перед Меркуловым паспорт, удостоверение офицера запаса и послужной список — пара соединённых скрепкой листочков.

Меркулов взял документы, внимательно рассмотрел, удивляясь про себя качественной полиграфии, но отметил иное:

— Судя по отметкам, Вы живёте не здесь. Как оказались в Сургуте?

— Командировка, — слегка пожал плечами Логинов, — Проверка готовности филиала к работе. Приехали в день переноса, машина и вещи — здесь. Поселиться в гостинице не успел.

— Ещё документы? — Меркулов сократил вопрос до минимума, но собеседник его понял.

— Дома. — так же кратко ответил Кастым, — Есть ещё наградные, в сейфе.

Изучавший послужной список Меркулов кивнул, а чуть погодя всё же спросил:

— Участие в боях подтвердить сможете?

— Нет. — Логинов развёл руками, — Все отметки в отдельном, секретном экземпляре личного дела. Так что копий нет.

— Понятно. У остальных?

— В копиях отметки есть, без подробностей.

— Разберёмся. С остальными как? — кивнул Меркулов, по всей видимости подразумевая работников Торгового Центра.

— Копии анкет, паспортов, документов об образовании и прочем — в папках. — взглядом показал Логинов на выложенные в ряд дела со скоросшивателями.

— Грузчиками, наверное, и вовсе не интересовались?

— Почему же?. Лев Захарович предупредил, что от этого дуэта можно ждать чего угодно, так что кое-что уже есть. Итак: дело «Универмаг», грузчики Борис Латынин и Иннокентий Невзоров — Кастым взял две прозрачные целлофановые папки, предусмотрительно закреплённые в скоросшиватель первыми.

— Латынин. Родители — горкомовские «шишки», папа — заведомо по идеологии, мама — в гороно. В смысле — в городском отделе образования. — расшифровал аббревиатуру Логинов, — Не бог весть какие начальники, но в номенклатурную обойму входили. Воспитание почти не занимались, потакая прихотям отпрыска. Вырос Борюсик

дитём нежным, избалованным, капризным. В армию не пошёл — отмазала матушка.

— Вы об этом в биографии вычитали? — удивился Меркулов, по интонации догадавшись, что означает слово «отмазать».

— Нет, людей опросили. В коллективе к Латынину относятся не ахти, так что портрет вышел ещё тот. После школы поступил в московский ВУЗ. Собственных знаний не хватало, учился слабо, но родители воспользовались возможностью и протолкнули дитя на платное отделение. Учился плохо, трижды попадал под отчисление, на сей раз спасал папенька. По окончании ВУЗа родители подсуетились вновь, устроив сыночку в местную, сургутскую газету. Но, Боря считал себя достойным лучшего и через год остался без работы. Турнули, короче говоря. Чтобы не попасть под статью о тунеядстве, устраивался на неквалифицированную работу: сторожем, дворником, кочегаром. С развитием сети — почувствовал себя журналистом, завёл страничку, на которой публиковал статьи собственного сочинения.

— Сеть — это нечто, связанное с ЭВМ? — уточнил Меркулов, делающий по ходу повествования пометки в блокноте.

— Да. Посредством линий связи, ЭВМ связаны в единое информационное пространство. Пользователь может не только читать книги, смотреть фильмы и слушать музыку, но и выкладывать в общий доступ собственные творения. С одной стороны — отличная возможность для самореализации, с другой — своеобразная информационная свалка мусора.

— И всё это бесконтрольно?

— Государство контролирует только то, что считает угрозой безопасности. Не стану вдаваться в подробности, это лучше показать. — туманно ответил Кастым.

— У вас есть связь со своим временем? — удивился комиссар ГБ.

— Нет. Не знаю, как это работает, но зайти на свою страничку и сделать запрос может каждый из нас. Если до переноса пользователь уже искал эту информацию, то она высветится вновь. Но, откроются только те ссылки, которые он просматривал раньше. Остальные запросы заканчиваются одинаково: с левой стороны экрана выбегает забавный нарисованный писец, укоризненно машет пальцем и свернувшись клубком — засыпает.

— Оригинально. Но, вернёмся к грузчикам. — предложил Меркулов.

— Забыл упомянуть ещё одну возможность сети — на публикациях можно зарабатывать. Не сказать, чтобы много, но на жизнь хватает. Боря подвизался на ниве «чернухи», скандалов и «заказухи».

— Это что? — уточнил комиссар, услышавший незнакомые слова.

— «Чернуха» — это происшествия и преступления, в описании которых Латынин изрядно поднаторел, а «заказуха» — очернение кого-либо за деньги. Такое тоже бывает. Конечно, такой автор рискует. Можно попасть под статью, да и оболганный тоже молчать не станет, подаст в суд и взыщет моральный ущерб. Боря как раз и заигрался. К нам он попал с условным сроком за оскорбление органов власти. Три года.

— А почему не посадили? — заинтересовался Меркулов.

— Гуманизация наказания. — чуть не сплюнул раздражённый Кастым, — К тому же есть те, кому «борюсики» выгодны.

— Заказчики лжи.

— Они самые. Ну что, продолжать про Борю или перейдём ко второму персонажу? — деланно равнодушно поинтересовался Логинов.

— Давайте про второго.

— История Кеша мало чем отличается от Бориной. Вот только с родителями ему можно сказать «не повезло»: отец — художник, мама — учитель. Уровень возможностей ниже, чем у товарища, а амбиций — хоть отбавляй. По образованию Кеша — искусствовед. Увы, талант отца половым путём не передался, и он сосредоточился на критике. Учился в Москве, там же занялся фарцой: покупал вещи у иностранцев, после перепродавая втридорога.

— Спекулянт — мешочник. — уточнил Меркулов.

— Пожалуй, это более точное определение. Тем более, что и сидел он как раз по статье за спекуляцию. После отсидки — вернулся в Сургут. Как и Латынин, решил попробовать силы на журналистском попроче, да и творил в схожей манере. Но, так как амбиций и самолюбования у ребятешек с лихвой, а со знаниями — беда, оба часто попадают впросак. За ляпы в статьях, Латынина называют «стрелкой осциллографа», Невзорова — «стремительным домкратом».

— Про домкрат я то-то читал. Уж не у Ильфа ли с Петровым? — напряг память Меркулов.

— У него. Но, Кеша вставил эту фразу в свой «опус», посчитав её правильной и красивой. А у осциллографа, про который упомянул Боря — нет стрелки.

— Понятно, — ухмыльнулся Меркулов, — Что-то ещё добавите?

— Оба — ярые «западники», идеал страны — Соединённые штаты Америки. Шмоточники. То есть, обожают импортные вещи, за фирму — родителей продадут. Мечтают свалить за «бугор», но пока опасаются. Общими чертами — всё.

— Добро. Характеристика яркая, а подробности узнаю сам. Сможете что-нибудь рассказать про Шинкина?

— Историк — стратег... — улыбнулся Кастым.

— Товарищ Мехлис сказал, что он геолог, такие специалисты — востребованы. А уж знакомые со здешними реалиями — вдвойне. — разъяснил свой интерес Меркулов.

— Наверное, я Вас огорчу. Шишкин не совсем геолог. Он экономист, а вернее — бухгалтер. Разочаровавшись в специальности, Кирилл занялся историей. Благо, материала в достатке, архивы выкладывают документы — читай не хочу. Вот он и стал штамповать заметки. Военная история штука популярная, а уж автор, разбирающий сражения и поучающий полководцев, «как надо» свою аудиторию всегда соберёт. Вот Шишкин и критиковал. Всех, без разбору: Суворова, Кутузова, Жукова, Рокоссовского...

— Только наших? — удивился Меркулов.

— А кого же ещё? Не немцев же с французами. — криво усмехнулся Кастым, — Но... Заигрался. Получив за этот год две административки и заведённое дело — подался к нам.

— Случайно не знаете — за что?

— Штраф и десять суток — за фальсификацию истории страны и подвига советского солдата в Великой Отечественной. Уголовка — за реабилитацию нацизма.

— Так он националист? — вскинул брови Меркулов.

— Не знаю, материалов не читал. — пожал плечами Логинов, — Говорят, разместил несколько статей, в которых искренне восхищался гитлеровскими генералами, всячески охаивая советских полководцев, подчёркивал гениальность немцев и сетовал на глупость и бездарность наших. Кому-то из читателей это надоело и на Шинкина написали жалобу.

— Что же, мне всё понятно, можно передавать материалы следователю. — резюмировал Меркулов.

— Э, нет. Так дело не пойдёт. — Кастым одним движением забрал документы троих «диссидентов». — Никакого следствия и суда не будет. По крайней мере — пока.

— Почему это? — спросил оторопевший от такой наглости Меркулов.

— Судите сами: вы предлагаете начать следствие в 1939 году, в отношении людей, родившихся после 1989 года. То есть их ещё и на свете нет. В протоколе что напишите? Нет даже городов Ханты-Мансийска и Сургута, а ведь они в них родились.

— Ничего страшного, год и место рождения поправим, приведём в соответствие с реалиями.

— Они граждане другого государства. — припечатал Кастым, — Неужели вы и иностранцев за слова сажаете? Ну немцев там, англичан или американцев...

— А что, раз иностранец, то неподсуден? Нет, можем и из страны выслать, но ваших-то куда отправлять? Кстати, по документам — они граждане СССР. Промашечка, товариш Логинов. — скрипнув зубами парировал Меркулов.

— Документы выданы в конце XX века и абсолютно не похожи на те, которые выдаются гражданам СССР сейчас. Предлагаю отложить любые разбирательства до принятия попаданцами нового гражданства и оформления соответствующего комплекта документов.

— А потом значит будет можно, — подвёл некий итог Меркулов. — Если ваше трио не примет новое гражданство, что тогда?

— По обстоятельствам и на усмотрение руководства страны. Да этого — беру всех под свою персональную ответственность.

— Рисково. Но это ваше дело. — одобрительно кивнул Комиссар ГБ., — Если кто-то уйдёт «в бега» — ответите по закону.

— Отвечу. — согласился Кастым, — Вы ведь Москву о разговоре проинформируете? Меркулов кивнул.

— Вот и ладно. Товарищ Мехлис тоже доложит. Надеюсь, что решение будет взвешенным и учтёт особенности нашего появления здесь.

— Надеетесь, что это Вас спасёт? Ну-ну.

— Нет. Рассчитываю на взаимопонимание. Мы готовы трудиться на благо нашей новой Родины, как бы высокопарно это не звучало. Готовы делиться знаниями, опытом, даже жизнью. Но, арест оттолкнёт людей. Какими бы они ни были, но сейчас они наши.

Меркулов задумчиво пробарабанил пальцами по крышке стола.

— Добро, дождемся реакции Москвы. За своих людей — отвечаете головой. В случае чего, никаких скидок ни на год рождения, ни на гражданство уже не будет. Сами предложили.

— Согласен. — кивнул Кастым.

— Что же, с людьми немного разобрались. Теперь насущный вопрос — с какими материалами можно ознакомиться и какую информацию получить? За биографию — спасибо, о своей судьбе знаю и буду её исправлять.

— Всеволод Николаевич, не буду кривить душой, но прежде, чем что-то выдать, хотелось получить на это санкции сверху, — Логинов показал пальцем в потолок, — Не хочу оказаться крайним. Но, пока распоряжений нет, могу предоставить переписку НКВД за 1939–1941 года. Гриф с этих документов снят, думаю, что Вам будет интересно. Заодно и кино посмотрите.

— Какой фильм? — оживился комиссар ГБ.

— Про разведчиков. «17 мгновений весны». Снят по заказу и с участием Комитета Государственной безопасности. — Логинов замер, задумавшись. — Кстати, мне тут одна мысль пришла...

— Как обойти несуществующий запрет? — ухмыльнулся Меркулов.

— Нет. Как можно использовать нашу историю с перемещением во времени. И проверить это можете именно Вы.

— Написать ещё оду пьесу или повесть? — не поддержал собеседника комиссар.

— Что? А, нет, никаких художественных произведений. Попаданец — это же непробиваемая легенда для «Штирлица». Одеваем в вещи XXI века, даём планшет с немецкими фильмами и книгами, забрасываем его в Германию и вуаля! Есть отличный американский фильм — «Индиана Джонс». Как раз про эти времена и немцев там более чем достаточно. Может Гитлер начнёт сокровища искать, а не планы войны строить?

— И из какой страны его перебрало? — заинтересовался Меркулов

— Конечно из Германии. Найдём фотографии, копии статей, заодно наши мастера такие фотки из видео сделают — никто ничего не заподозрит.

— Экий Вы бойкий. Заманчивое предложение, надо обмозговать. Что же, спасибо за информацию, если не возражаете — проводите по «объекту», хочется понять, что он из себя представляет, какие тайны хранит.

— Конечно, Всеволод Николаевич. Из этого кабинета я уже переехал, так что пункт управления остаётся в Вашем полном распоряжении. Связь с Москвой есть, можете общаться. Или же придётся ехать в Сургут. Рацию тоже дадим, обращаться — научим. Это несложно.

— Лады. Так и поступим. Ну что, пойдём?

Меркулов легко поднялся из кресла и не набрасывая шинель пошёл к выходу. По дороге он обдумывал пришедшую в голову мысль: «Интересно, это Мехлис позвонил и рассказал о нашем разговоре или же предложение Логинова появилось спонтанно, навеяло разговорами. Так, самолёт Мехлиса вылетел раньше, зато мы добрались быстрее. С первой минуты встречи Логинов был возле меня и телефонных звонков не было. Значит придумал сам. Оригинально у человека работает мысль. И хотя такой вариант пришёл мне в голову раньше, попробую-ка я его протолкнуть. А вдруг получится.»...

Плотников зашёл в тёмный кинозал и щёлкнул выключателем. Зрители разом повернули к нему головы. Обведя взглядом зал, Василий Игоревич замер в недоумении. У взрослых, солидных мужчин глаза были красные, а на щеках у некоторых виднелись даже дорожки от слёз. «Ничего себе! В зале сплошь комиссары и партработники, а режут, как дети.», подумал Плотников, шагнул к киномеханику и махнув рукой позвал:

— Пойдём выйдем. Разговор есть.

Выйдя из зала и не обращая внимания на поднявшийся гул, Василий Игоревич прижал механика к стене и глядя в глаза прошепел:

— Ты что показываешь? Отчего весь зал в слезах?

— «Белый Бим Чёрное ухо» — пролепетал Артём, племянник директора книжного магазина, — Простите, я не знал! Сам в первый раз смотрел. А тут все как начали носами хлюпать. Один дядечка не выдержал, и вообще на выход рванул.

— Та-а-а-а-ак... — протянул быстро сообразивший, что к чему Плотников, — Что у нас дальше?

— Не знаю. — юноша пожал плечами, — Жорик улетел на войну, мне показал список и что где лежит. Я посмотрел на коробку, а там — красивая собачка.

Артём захлюпал носом.

— Бегом умываться, а я пока подберу репертуар.

Артём со всех ног бросился к умывальнику, а Плотников прошёл к месту киномеханика. Не вступая в разговор с собравшимися, он начал перебирать коробки с дисками. Отобрав несколько понравившихся ему фильмов: «12 стульев», «Земля Санникова» и «Кубанские казаки», он повертел коробку без картинок, но со смутно знакомыми названиями, Василий обратился к собравшимся:

— Товарищи, извините за недоразумение. Механик молодой, неопытный, фильма этого не видел...

— Отличный фильм!

— Я словно в детство вернулся!

— Душевно то как...

— Не наказывайте пацана, доброе кино! — понеслось с разных сторон.

Успокаивая собравшихся, Василий поднял руку:

— Тихо, товарищи, успокойтесь. На первый раз никого наказывать не будут. Сейчас вернётся киномеханик и просмотр продолжится. Следующие ленты... — Плотников бросил взгляд на названия, — приключенческие фильмы: «Синьор Робинзон[2]» и «Новые Амазонки». Надеюсь, вам понравится.

Василий Игоревич положил коробку на место и обратился к вошедшему в зал Артёму:

— Фильмы я отложил, крути пока эти. В перерыве подойдёшь к полковнику Муромцеву, он согласует список показа. — Плотников сунул коробку в руку юноше и повернулся к зрителям: — Приятного вам просмотра!

[1] Под «секреткой» подразумевается секретная часть или секретное делопроизводство.

[2] «Синьор Робинзон» — фильм 1976 г., производства Италии. Пародия на «Робинзона Крузо», комедия. «Новые амазонки» (название в советском прокате, встречается вариант — «Сексмиссия»), фильм 1983 г., производство Польша. Оба фильма проходили по категории «Детям до шестнадцати...». Ибо — эротика)))

Распрягайте хлопцы коней...

Чем меньше оставалось времени до прибытия колонны полка, тем больше переживал Кастым. За размещение и быт красноармейцев он был спокоен. Дело знакомое, обыденное даже продуманное и организованное. Побывав уже командиром бригады полковник никак не мог представить какво это — встретить родного деда живым, здоровым и молодым?

«Михаил Епифанович сейчас моложе меня и пока что капитан. Хотя возможно уже майор. Ну, это если Мехлис выполнил обещание и документы пришли. Интересно, как он сумел награды-то сохранить? Да, его же не осудили, только задержали. Видать вернули при освобождении. Хорошо, что бабушка смогла их сберечь. Говорят, в те годы ордена умерших полагалось сдавать. Блин, не о том думаю. По рассказам — характер у деда тот ещё. Отец не раз подчёркивал, что я весь в деда. Значит, что? Возможны раздоры и противостояние. Не хотелось бы. Но и двум медведям в одной берлоге не ужитья. Как этого избежать? Не лезть в дела полка. Хм. Не выйдет. Мне их учить, а значит стычки неизбежны. Я не уступлю, но и дед тоже. Выход? Сглаживать углы, избегая конфликта?»

А зачем я вообще себе голову забиваю? При здравом размышлении, мы с дедом не одни такие. Одна родня уже воссоединилась и нормально. Конечно, они ещё не семья, но пришли вместе и как давай сказку сказывать про колдовство всякое. Правда их молодёжь тут же на войну улетела... Но и среди остальных перенесшихся коренных сургутян немало. И ведь тоже разные люди, начиная с потомков ссыльно-поселенцев и спецконтингента, заканчивая выходцами из коренных манси с хантами. Да, много узлов завязалось с этим необычным переносом, столько вопросов поднялось...

А главный вопрос в моём кабинете сидит. Комиссар Государственной безопасности 3-го ранга Меркулов называется. Как же хорошо с Мехлисом работалось. Всё ладилось, спорилось, друг друга понимали. А тут... И что он на нас так "закусился". Ну да, есть у нас Боря с Кешей, диссиденты-алкоголики. И что? Можно подумать, в других конторах таких нет. Если покопаться, так и в НКВД найдутся. И не надо на остальных волком смотреть, крамолу выискивая. Все мы люди, все мы человеки. Всё, хватит себя психологическими выкрутасами изводить, война план покажет. Лучше схожу, проверю посты, нарежу задачи, обойду ключевые точки и отбой.»

Выйдя на площадь и вздохнув свежий морозный воздух, Логинов осмотрел площадь перед ТЦ. Самолёт, привезший Меркулова, давно улетел, вернувшись к первоначальным задачам рейса. Укатанная и размеченная площадку ждала очередного борта. Труженикам ТЦ удалось изготовить и установить даже ветроуказатель. Полосатый конус «колбасы» повис, показывая, что ветра нет.

Обойдя площадь и всматриваясь в указатели, Логинов увидел, что подчинённые время даром не теряли. К прибытию колонны было готово в общем-то всё. К счастью принимающей стороны, с момента переноса в прошлое, снегопада не случилось и площадку для стоянки автотранспорта оборудовали быстро. Специалисты охранной конторы, не понаслышке знакомые с организацией парковой службы, разметили не только временные стоянки на площади, но и расставили указатели с обозначением направления движения к местам выгрузки и открытого полевого парка. Открытая стоянка мера вынужденная, но на закрытую стоянку ТЦ, вся техника колонны попросту не поместится.

Обойдя площадь и взглянув на дорогу, ведущую к реке, Кастым вернулся в Центр и

пошёл проверять подготовленные помещения.

«Угу, про людей тоже не забыли. Для отдыха водителей оборудовали пустующий торговый зал. Спасибо местным представителям партхозактива и жителям Сургута: принесли тюфяки, матрасы, помогли сколотить нары, так что к приёму готовы. Что же, похвально. Остаётся решить вопрос с бойцами и командирами.». думал про себя Кастым.

Распределение личного состава полка вызвало горячие споры. После долгих расчётов и обсуждений, пришли к выводу, что большая часть военнослужащих расположится в ТЦ, остальных, кому не хватит места, в основном начсостав — временно расселит местная администрация. Но, часть бойцов придётся поселить в палатках. Естественно, приняв дополнительные меры для обогрева. Оставалось узнать, сколько палаток сумел загрузить Логинов-старший. Остальное — дело времени и навыка.

Заглянув на этаж общепита и почуяв вкусные запахи, Логинов понял, что к приёму большого числа посетителей готовится и персонал точек питания. Кастым собрался проследовать дальше, но его перехватил один шеф-повар самого крупного ресторана.

— Михаил Силантьевич! — обратился к нему Ивлеев, — Мы конечно, приложим усилия, чтобы накормить прибывающих, но посадочных мест и посуды может не хватить.

— Всех покормим? — Уточнил Логинов. — С местами и посудой решим так: организуем питание в несколько смен. Военные народ неприхотливый, привычный. Возможно, придётся дополнительно развернуть походные кухни, площадку под пункт питания уже подготовили.

— Продуктов хватает, котлов — тоже. Ресторанного меню не обещаю, но каши с мясом, чаю и кофе — в достатке. Но через пару недель с продуктами могут возникнуть проблемы. Не хватит даже запасов продмага.

— У полка должны быть запасы ещё на неделю. Зная командира, не удивлюсь, если прихватят продовольствия и на больший срок. Ну, а дальше... Лев Захарович отдал приказ и вскоре из Тюмени прибудет ещё одна продколонна. Помимо продовольствия, Мехлис обещал даже полевой хлебозавод выдать!

— Ох и намаюсь я с ним. Допотопная же вещь! А где посуду мыть? Наших моек может и не хватить.

— Знать бы из чего питаться будут. Если из котелков, то места для помывки котелков можно и на улице соорудить, в палатках. А если из мисок...

— Точно! У военных же своя посуда! — хлопнул себя ладонью по лбу Ивлиев, — А я голову ломаю, где взять тарелки, особенно если что-то разобьют. Когда хоть прибудут?

— Расчётное время — шесть утра, но в дороге без накладок обходится редко.

— Тогда в три часа поварят разбужу, начнём готовить завтрак. Подкрепиться горяченьким, до опосля долгой дороги — первое дело.

Шеф-повар пожал руку Логинову и ушёл раздавать указания.

Логинов пошёл по длинному коридору, уставленному разномастной мебелью. Составленные в один ряд столы уже накрыли разовыми скатертями. Понимая, что при таком обилии посетителей, от скатертей вскоре останутся одни воспоминания, кто-то дал команду и поверх разноцветных тряпочек, расстелили ещё и целлофан. Стульев с табуретками не хватало тоже. Выход нашли простой — поверх сидений расстелили доски, создав некое подобие лавок. Но, это всё временно и ненадолго. После очередной встречи с председателем Сургутского райисполкома Клементьевым, ласхоз получил срочное задание по выделению пиломатериала. Доски должны были доставить к шести утра, дальнейшая сборка лежала уже

на плечах сотрудников ТЦ.

Идя по коридору, Логинов мысленно представил картину размещения попаданцев. Естественно, что устраивать импровизированные казармы не хотел никто. Под жильё приспособили небольшие кабинеты и пустующие торговые залы четвёртого этажа. Семейным, коих во всём Торговом Центре набралось всего лишь пять пар выделили отдельные апартаменты и шикарные двуспальные кровати, благо одна семья работала в мебельном и как раз они и организовывали переселение. Нашлись односпальные кровати с постельными принадлежностями и бельём и для остальных. А раскладушки оставили про запас.

Не могло не радовать и то, что люди практически перестали относиться к переносу в духе «ужас» и «всё пропало». Немалая заслуга в этом замполита Муромцева, но и поведение эНКаВэДэшиков тоже сыграло свою положительную роль. Если к прилетевшим с Мехлисом давно уже относились, как к своим (благо товарищи почти не выходили из кинозала), то к подчинённым Меркулова отнеслись настороженно. Опасались страшного: допросов и арестов. Но, после беседы Логинова с грозным начальником, сотрудники НКВД получили строгое начальственное напутствие: «Не трогать!». Так что, контакт потихоньку наладился.

Спустившись по неработающему эскалатору, Кастым зашёл в дежурное помещение охраны.

— Что с периметром? — спросил он у старшего дежурной смены.

— Посты расставлены, аппаратура в норме, наблюдение за обстановкой ведётся, в воздухе пять квадролётов, с приборами ночного видения. Попыток наблюдения или проникновения на объект — не зафиксировано.

— Принял, в случае, если попытки будут — доклад немедленный, нарушителя — задержать.

— Есть. — лихо ответил дежурный оператор.

— По встрече колонны? — напомнил Логинов.

— На маршруте один БПЛА. О прибытии колонны — сообщу.

— Добро.

Логинов пошёл дальше, и обойдя все посты зашёл в кабинет Кнутова. Скинув тёплую куртку и зимние берцы, он сунул ноги в тапочки, достал из шкафа матрас с подушкой и одеялом. Не заправляя простыни, он расстелил постель и рухнул на диван, прямо в одежде. Смежив веки, Логинов мгновенно забылся коротким, тревожным сном...

Утро наступило, но от из-за царившей темноты, отличие было только одно — время на часах. Кастым поднял голову, протянул руку и поднял с пола электронный будильник. Взглянув на циферблат, понял, что поспать удалось лишь два часа, а сон куда-то исчез. Михаил поднялся, размялся, обулся, свернул и убрал в шкаф постель, набросил на плечи зимнюю куртку и пошел в дежурку. Удостоверившись, что вестей о колонне нет, он вновь обошёл ТЦ, поздоровался со, спешащим по своим делам, Меркуловым, и в который раз вышел на улицу, решив прогуляться до реки и осмотреть дорогу.

В шесть, не в шесть, а к девяти утра наконец-то показалась голова длинной колонны. Когда первая полуторка подкатила ко входу, из её кабины вышел командир, уставший, с красными от усталости и бессонной ночи глазами. Он внимательно осмотрел окружающую обстановку, затем подал команду и из-под тента автомобиля посыпались бойцы.

Неслышно подошедший Меркулов вышел вперёд и первым встретил начальника

колонны.

— Товарищ Комиссар Государственной безопасности 3-го ранга! Колонна N-ского полка в пункт временного размещения прибыла! За время марша происшествий не случилось, отставших, погибших, заболевших — нет. Временно исполняющий обязанности комполка майор Логинов.

— С прибытием. Здравствуйте. — поручался с прибывшим командиром Меркулов.

— Здравия желаю, товарищ майор, — Михаил тоже отдал честь и протянул руку гостю. — Добро пожаловать в будущее, Михаил Епифанович.

Майор бросил руку к шапке и замер от удивления и узнавания. На него смотрели знакомые глаза, на смутно узнаваемом лице блуждала улыбка. Чуть помявшись, Михаил Епифанович припомнил, где он видел сего молодца. Это лицо он брил на привале, готовясь к встрече, только шрам на левой щеке чуть длиннее и морщины...

Старший и младший изучали друг друга, находили сходства и различия, фамильные черты и...

— Ну здравствуй, дед, — наконец подал голос старший. — Вот и встретились.

— Дед? — опешил майор, окидывая собеседника цепким взглядом. — Так я вроде и помоложе буду. Да и будущего нигде не наблюдаю.

— Товарищи Логиновы, — прервал встречу Меркулов, — После побеседуете, выясните кто тут дед, кто внук и кто в чьём прошлом, настоящем и будущем. Товарищ майор, вижу без потерь не обошлось?

Обдавая сизым дымом выхлопа, мимо начальства протарахтело несколько грузовиков, тащивших на сцепке своих менее удачливых товарищей.

— Много машин вышло из строя? — уточнил Меркулов.

— Больше трети. — не стал лукавить комполка, провожая взглядом грузовик, тащивший повреждённую кухню, — Точнее доложу после прибытия всей колонны и осмотра машин шоферами.

— Ну что, Михаил Силантьевич, поможете родственнику? — комиссар ГБ подмигнул задумчивому Кастыму.

— Поможем. Спецы и оборудование есть, с запчастями что-нибудь придумаем. Одна проблема — шины. Здешний председатель что-то может и подкинет, но на всех не хватит. Нужно звонить в Тюмень. — отозвался полковник.

— Как же мне вас различать? — с весёлой искрой в глазах поинтересовался Меркулов, — Имена и фамилии — одинаковые, внешне — словно два брата...

— По званиям. — предложил Кастым. — Товарищ майор и товарищ полковник. Или по позывному.

— Разберёмся. — буркнул комполка. — Какие будут указания?

Кастым оживился:

— Значит так: машины с палатками уходят на вон ту площадку, кухни — разворачиваете на пункт питания. — Кастым показал рукой на две, очищенные от снега, площади. — Транспорт с продовольствием и хозимуществом — встают под разгрузку. Предлагаю пройти, осмотреть места выгрузки, питания и размещения.

— Я пошёл, а вы, товарищи, занимайтесь своими делами. — одетый в шинель и хромовые сапоги Меркулов поёжился и потёр озябшие руки.

— Слушаюсь! — хором ответили родственники.

Дождавшись ухода большого начальства, Кастым предложил:

— Товарищ майор, предлагаю работу организовать так: два командира остаются на выгрузке палаток и развёртывания пункта питания, двое идут с нами.

Быстро смекнув, зачем могут понадобиться люди, комполка позвал с собой комиссара полка, начальника службы продснабжения и одного из комбатов. Начальник вещевого склада отправился разворачивать палаточный лагерь, а случайно подвернувшийся под руку Шмаков — пункт питания.

Прибывший для охраны непонятного «объекта» стрелковый полк, обустроивал место нового проживания: устанавливались палатки, разворачивались полевые кухни, разгружался транспорт. Грузовики с продовольствием, оружием и оборудованием загнали на цокольный этаж, небольшая группа бойцов приступила к выгрузке. Местное начальство выделило две яркие, юркие машины, которые водители называли «электрокарами». Они подъезжали к очередной машине, бойцы споро загружали установленный на вилы поддон ящиками или тюками, после чего электрокар юрко разворачивался и исчезал в чреве огромного здания.

— Кот! Чё застыл? Со Шмакова что ли пример берёшь? Звездочёт недоделанный! — распекал Бессонов своего друга, рядового Котова.

— А? Чего? Красиво здесь... Тепло. — с довольной улыбкой ответил Котов.

Транспорт высвобождался быстро, бойцы даже не успевали толком передохнуть, когда небольшая машинка появлялась снова.

— И что тебе, зараза, неймётся! — ворчал Рыжов, — Нет бы постоять, отдохнуть, так нет, мельтешит тут, аж в глазах рябит.

— Будет тебе, Рыжий. Радуйся, что эти малютки за нас работают, не то пришлось бы всё на своём горбу таскать. — возразил Бессонов.

— Хоть бы перекурить дали, ироды. — проворчал Рыжов.

— Баста, народ! Перекур десять минут! — прокричал водитель погрузчика, рыжий парень, чем-то похожий на Рыжова.

— Рыжик, гля, а солдат на тебя похож! Никак родича встретил! — хохотнул весёлый худощавый, жилистый паренёк, второй водитель электрочуда.

— Слышь, «Крош»! Ещё раз «Рыжиком» обзовёшься — по шее получишь! — с обидой сказал первый водитель. — Рыжовы мы! Нечего мою фамилию коверкать! Знаешь какой у меня дед? Герой! Всю войну в пехоте прошёл, Берлин брал! Да ты ему в подмётки не годишься!

— А чё ты дедом прикрываешься? Он Берлин брал, а ты берёшь больше, да кидаешь дальше. За такого внука, твой предок со стыда бы сгорел. Тьфу! — разошёлся Крашенинников, которого называли нелюбимым прозвищем.

— Не тронь деда! Я его не посрамлю... Не посрамлю... Не опозорю, вот! Знаешь же, что я заочно учусь, а здесь — подрабатываю! — и сжав кулаки он бросился к пересмешнику.

— Ша, молодёжь! — встал на его пути красноармеец Рыжов, — Юшку из носа ты ему можа и потом пустишь. Если будет за чё. А сейчас — перекур.

— Да пусти ты! Он давно напрашивается. — начал высвобождать «Рыжик» руку из стальных тисков Рыжова.

— Блин! Прямо индийское кино! «Зита и Гита» сургутского разлива. «Танцор диско», блин! Вы ещё родинки друг у друга проверьте, может и впрямь братья. — заржал Крашенинников.

— Афанасий, а ведь вы с парнишкой и впрямь похожи. — подал голос Котов. — День

сёдня какой-то необычный. В начале комполка родича встретил. Похожи, ровно братья, теперь она чё!

— Афанасий? Прямо как дед. — сказал рыжеволосый водитель.

— Афанасий Никитич! — важно представился красноармеец, — А тебя как зовут, тёзка?

— Никитой. В честь прадеда назвали. — растеряно ответил парнишка.

— Ну, будем знакомы! — улыбаясь сказал Афанасий, крепко пожимая руку однофамильца.

— Дела-а-а-а. — протянул Котов. — Вы не только внешне похожи, у вас даже предки тёзки, Никиты. У тебя, Рыжий — отец, у парнишки — прадед. Да, дела.

— Слышь, Никита, где тут «посмолить» можно? Чисто здесь, как у нас в казарме, «бычок» — не бросить, плюнуть — и то страшно. — обратился Котов к водителю.

— Возле входа урна, она же и пепельница. — охотно подсказал паренёк.

— А в пятнистом кто? Суровый такой. — не унимался с расспросами Котов.

— Это охрана. У них свой начальник. Логинов. Правда он теперь и наш всешний начальник. В смысле — начальство для всех нас. Охрана между собой его Командиром называют.

— Братва, гля! Фимилиё прямо как у ротного. Точно говорю — сродственники они.

— Не удивлён. Это достаточно распространенная фамилия! — авторитетно заявил Никита. — У моего деда командиром тоже Логинов был. Но он его так редко величал, чаще — Командир или Батя! А Чё вы одного и того же человека то ротным, то комполка называете?

— Логинов — наш ротный. — охотно пояснил Бессонов, — Комполка он временно, на период марша.

— Два Логиновых, это тебе не один Логинов. Хотя нам и одного за глаза хватает. — глубоко вздохнув, философски прокомментировал Котов.

Тем временем бойцы собрались у курилки и разом достали папиросы.

— Ничё се! Богато живёте, «Казбек» курите. — встрял в разговор Крош. — А я читал, что красноармейцы только махрой, да самосадам дымили.

— За это командира благодарить надо. Не знаю уж, где он их взял, но на неделю папиросками обеспечил. А у тебя чё? — спросил Бессонов.

— «Столичные», Явовские. — похвастался Крашенинников.

— И чё они такие необычные? Вот енто чё за цацка какая-то жёлтая. — задал вопрос наблюдательный боец.

— Так это же сигарета. С фильтром. — удивлённо ответил Крашенинников. — А вы к нам надолго?

— Это только командир знает. Наше дело маленькое: сказали бежать — бегим, ехать — ехаим, шамать — и от обеда не откажемся. Слышь, шóфер! Не знаешь, когда обед?

— Мы после разгрузки пойдём, а вас — наверное позовут. — пожал плечами юноша.

— Слышь, Никит! Подь сюда! — позвал Котов.

— Чё надо? — не сдвигаясь с места спросил парнишка.

— А как твой дед в неметчине оказался, да до Берлина дошёл? В плену что ль?

— Не был он ни в каком плену! Он из окружения с оружием, да при форме вышел. Особисты проверили и сразу отпустили. — заалев лицом ответил Рыжов.

В это время к Никите подошёл охранник и что-то зашептал на ухо. Паренёк

внимательно выслушал и соглашаясь, кивнул.

— Кот! А ты что-то знаешь про особистов у Николашки? Я чёт впервые слышу.

— Не-а! — улыбаясь ответил Котов. — Не было особых отделов в империалистическую. Заливает паренёк поди, или деда не так понял. Мож и впрямь в плен попал, да сродственников постеснялся. Мы ж в Берлине были только когда с Буонопартием воевали.

— Давненько. — согласился Бессонов, — Тех-то дедов, поди мало осталось.

— А мож и вовсе не осталось, — согласился Котов с другом, напрочь забывший год, когда Россия воевала с Наполеоном — Иль в заграницы убёгли, иль здесь их, в Гражданскую положили.

Бойцы ещё дымили папиросами, когда к ним подошёл охранник и обратившись разом ко всем, голосом, не допускающим возражений, приказал:

— Закончить перекур! По рабочим местам! И без разговоров.

Бойцы споро разошлись по рабочим местам. Под вызгрузку, как раз подходил очередной грузовик. А Бессонов решил ещё поболтать с другом:

— Кот! Гля какой! Суровый! Прям, как ротный!

— Есть такое. На пса похож, огромного такого, лохматого, сторожевого. Мимо пройдёшь, дык он даже головы не повернёт, а чуть не туда ступишь, иль повернёшься, всё, амба!

— Порвёт?

— Сожрёт! Только ботинки с обмотками выплюнет!

— А почему выплюнет? Грязные?

— Потому как казённое имущество! — наставительно подняв палец и весело хохоча ответил Котов.

— Тьфу на тебя! — чуть на сплюнул Бессонов, сдержавшись в последний момент. — Работать пошли, скоморох.

В задумчивости разошлись и Рыжовы. Им было о чём подумать и поговорить...

Moscow Never Sleeps?

Самолёт, привезший в Москву Мехлиса с попаданцами приземлился на Центральном аэродроме имени М.В. Фрунзе. Выскочивший на лётное поле Круглов, мазнул взглядом по цепочке курсантов, выстроившихся вокруг летательного аппарата, сладко потянулся и уточнил у Мехлиса:

— Товарищ Армейский комиссар, где это мы. На Тушино не похоже, вроде как центр Москвы.

— Угадали. Это Ходынка. — ответил Лев Захарович, — Сейчас подойдёт транспорт, погрузимся и поедем отдыхать.

— А подарки куда? — любопытствовал Интендант.

— Во Второй дом.

— Это на Красную площадь что ли? — уточнил Кнутов, — Бывал. Там штаб тыла стоит[1]. Местные рассказывали, что там такие здоровенные подвалы, что грузовик спокойно проедет. Как же Вы Хрулёва уговорили?

— Никак. — буркнул Мехлис, — Ему Нарком приказал. Обещали выделить помещение и охрану приставить.

— Лев Захарович, в сопровождении и на охране будут мои люди.

— Не доверяете? — вспыхнул Комиссар, — Там вообще-то «кремлёвцы» охраняют, проверенные люди.

— Не хочу лишних глаз. Ничего страшного, смену организуем, несколько суток в карауле постоят, ничего не случится.

— Ага, а как они вовнутрь попадут? Не пустят ваших.

— Так давайте с ними поедем. — выдвинул очередную идею Кнутов, — Свяжемся с начальством, по команде должны пропустить.

— «Свяжемся с начальством» — передразнил Мехлис, — Не буду я Хрулёва просить, ещё чего. Хотя ладно, позвоню командиру «кремлёвцев», он и решит.

— А после куда? В гостиницу дома Советской Армии? — поинтересовался Кнутов.

— Не выйдет, — ответил Лев Захарович, — Она ещё не достроена. Товарищ Ворошилов обещал помочь заселиться в «Москву».

— Класс! — ответил довольный Александр, — Всегда мечтал там пожить. Да и удобно: до Второго дома и Кремля рукой подать. Пешочком минут пять.

Резкий порыв ветра бросил в лицо начальника ГлавПУра горсть снега. Мехлис отвернулся и в этот момент из темноты вынырнула вереница машин. Две легковушки и автобус повернул и остановились в стороне, а три "ЗиС-5" выстроились друг за другом, готовые в любой момент встать под погрузку.

Следом за машинами появилась и выгрузочная команда: три десятка курсантов под командованием капитана.

— К машине! — скомандовал Кнутов, обратившись в темноту салона самолёта.

На взлётную полосу горохом посыпались бойцы СпецНаза. Последней, как королева, выплыла Рая Горбачёва. Окинув взглядом окружающее пространство, она сморщила носик при виде машин, но благоразумно промолчала.

— Зайцев, Глухов, Швецов, Павлюченко — ко мне. — приказал Интендант и дождавись подчиненных поставил задачу: — Убываете сопровождающими, Швецов —

старший. Машины поставят в подвал, заступите в караул. Возьмите ИРП[2], с питанием решим позже.

— Слушаюсь. — ответил Швецов за всех.

Подарки перегрузили быстро. Не прошло и получаса, как колонна выстроилась и двинулась в сторону Кремля. Мехлис с Кнутовым сели в головную «Эмку» и продолжили неспешный разговор:

— От нас, наверное, домой, Лев Захарович? — спросил Кнутов.

— Нет, Нарком записал нас на приём, — Мехлис пальцем показал вверх, намекая на того, с кем они будут общаться, — Надо обсудить ряд вопросов.

— Понял. — поняв, что в присутствии водителя лучше помолчать, Кнутов устался в окно. Проплывающие мимо тёмные громады домов, редкие, тусклые фонари, снежные сугробы, да чёрные, словно вырезанные из бумаги, стволы деревьев. Вот и всё, что увидел Александр в боковое окошко. Повезло ещё, что в салоне было тепло и окно не затянуло льдом. Иначе так бы и пришлось всю дорогу рассматривать причудливые узоры, нарисованные морозом.

У Манежной площади колонна разделилась: передняя «Эмка» и грузовики двинулись дальше, остальные легковушки и автобус подъехали к гостинице «Москва». Первый этап длительного путешествия подошёл к своему финалу. Дальнейшее виделось как в сказке: чем дальше, тем страшнее...

Андрея Николаевича Королёва (он же «Цезарь») и Павла Александровича Пахотина (в студенческой среде — «Трактор») поселили в один номер. Оценив взглядом скудное, по меркам XXI века, убранство номера: две широкие, застеленные свежим бельём, кровати, покрытый тяжёлой скатертью стол, два стула, графин с водой, да пара стаканов, Цезарь произнёс:

— Н-да, скучновато. Ни тебе холодильника, ни тебе телевизора. Что делать будем.

Оседлавший стул Пахотин посмотрел куда-то вдаль и философски ответил.

— Жизнь покажет.

Потом оживился и предложил другу:

— Николаич, может по пятьдесят? За прилёт...

Королёв молча открыл портфель, достал из него бутылку «Арарата» и водрузил коньяк на стол. Затем покопался ещё немного и на свет появилась парочка бутербродов с колбасой.

— Вот это дело! — в предвкушении Павел потёр ладони, — Я ща!

Нырнув в свой портфель, Пахотин достал ещё два бутерброда и пластиковый контейнер, заполненный нарезанными ломтиками сыра.

— Как плебеи, че-с слово. — проворчал Цезарь, разливая коньяк по стаканам. — С приземлением!

Друзья сдвинули стаканы и махом опрокинули в себя жидкость. Молча добавили ещё по чуть-чуть и повторили процесс.

— М-м-м-м, нектар! — почмокал губами Пахотин.

— Угу, — ёрничая отозвался Цезарь, — Его только стаканами пить.

— Да ну тебя. — отмахнулся Павел и устался в окно.

Пялиться в темноту было неинтересно, и Пахотин водрузился на подоконник.

— Андрюх, как думаешь, мы здесь одни?

— В каком смысле? Слушают ли нас? — лениво отозвался Цезарь.

— Нет, я в другом смысле. — Пахотин очертил рукой замысловатую фигуру.

— Во Вселенной? Этого я брат не знаю. «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, это науке неизвестно». — отшутился Андрей.

— Да нет же! Я про нас, путешественников во времени. Одни мы здесь или есть ещё кто?

— Откуда. — ухмыльнулся Цезарь. — Думаешь, что таких горемык здесь пруд пруди? Откуда? Мы и сами-то непонятно как здесь очутились.

— А может мы маленькая часть огромного эксперимента. Учёные запускают людей в прошлое то поодиночке, то группами... — мечтательно ответил Павел.

— Ага, подводными лодками, авианосными группами, дивизиями, да торговыми центрами. Делать им больше нечего. Зачем? Смысл-то в чём?

— Как в чём? — Пахотин соскользнул с подоконника, — Историю поправить, страну спасти, предкам помочь, науку двинуть.

— А сами местные этого не могут. Ага! Все вокруг дураки, и только мы такие умные, все в белом стоим. — с ядовитым сарказмом ответил Цезарь.

— Нет, предки не глупые. У них есть и опыт, и смекалка, и жизненная мудрость. А мы, попаданцы, только подсказываем, даём направление, открываем глаза на некоторые, очевидные для нас, но не замечаемые местными, вещи.

— Допустим. И кто, например? Кассандру с Нострадамусом и прочих юродивых можешь не вспоминать. — оживился Андрей.

— Почему же? Самые яркие представители. Но, хорошо. Нырнём вглубь веков, раз уж ты первый начал. — Пахотин слегка опёрся о крышку стола и принял позу трибуна, — Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ньютон, Ломоносов... — начал перечислять Павел.

— С Леонардо соглашусь, остальные — мимо. — возразил Цезарь.

— Коперника с Джордано Бруно тоже вычеркнешь? — не сдавался Пахотин.

— Угу. Заодно и Колумба.

— То есть все учёные доморощенные и попаданцев среди них нет.

— Ладно, ладно. Ломоносова с Ньютоном можешь вернуть. Кто ещё? — уточнил Андрей.

— Кулибин — однозначно. — продолжал Павел.

— Только учёные?

— Конечно же нет. Считаю, что все выдающиеся личности или попаданцы, или общались с путешественниками. Причём попаданцы не в прямом смысле, как мы. К кому-то душа переместилась, сознание или что-то ещё. Взять, к примеру Суворова.

— Блин, он здесь причём? — спросил ошарашенный Цезарь.

— Слушай: простой интендант, начпрод части, и вдруг стал выдающимся полководцем. Ты второго такого знаешь?

— Угу. Кнутов. Нет бы тушёнку выдавать, а он всё в бой рвётся.

— Это мелочи. Интендантов, командовавших полками и Великую Отечественную хватало. Я про масштаб личности.

— Допустим, Суворов, фиг с ним. Ещё?

— Ушаков и Кутузов. — Павла затягивала эта игра.

— Подожди, начинаю догадываться о методе отбора. Гениальный флотоводец, в детстве не видевший моря и больной, пожилой фельдмаршал, одолевший юного гения войны. Так? — поинтересовался Андрей Королёв.

— Ну, так. Хорошо, возьмём из нашего времени. Жириновский...

Королёв, сделавший в это время поток воды из графина, чуть не поперхнулся. Поставив посуду на стол, он замахал руками, пытаясь откашляться. Придя в себя, он уселся на стул, закинул ногу на ногу и с улыбкой сказал:

— Ну ты брат даёшь! Советского полпреда в ООН попадением назвал!

— А чё, всё по классике. Песни пел? Пел. Партию создавал? Ну, пытался, а народ бы за ним пошёл. А сколько его предсказаний сбылось? — перечислил Пахотин.

— У Владимира Вольфовича ясный ум, незашоренный взгляд, глубокие знания и прекрасно подвешенный язык. Согласен, таких людей — единицы. А как он америкосов носом водил... улыбаясь вспомнил Королёв

— Было дело, — поддержал друга Паша, — Его выступления на заседаниях в ООН — это целое представление. Правду резал, аж искры летели. А когда американцы попытались лишить его права голоса, он со словами «Хрен вам, подонки!», встал и вышел из зала.

— Ага, а вслед за ним китайцы и прочие соцстраны. Помню трансляцию: дипломаты стоят, перешёптываются, никто толком перевести не может. Но, нет. «Однозначно!», как говорит Владимир Вольфович. Давай ещё! — подначил Цезарь.

— А ещё гениальные музыканты и спортсмены.

— Паш, это ты точно хватил. Я ещё соглашусь с братьями Люмьер или авиаконструкторами. Но, спортсмены с музыкантами... У них ни знаний, ни опыта, только талант и упорные тренировки.

— Ладно, к творческим личностям мы ещё вернёмся. Я сейчас уверен, что и наш СССР спасли попаданцы!

— Ха-ха-ха-ха!!!! — залился смехом Цезарь, — Нет, за это надо обязательно выпить! Надо же! Вот фантазёр!

Королёв живо разлил янтарную жидкость, друзья выпили и зажевали бутербродами.

— Никаких фантазий, только логика. — прожевав продолжил Пахотин, — Вот ты помнишь неожиданный уход Брежнева?

— Спрашиваешь! Когда в семьдесят седьмом Леонид Ильич заявил, что просит освободить его от всех должностей, у народа такой шок был! Ещё бы, «золотая эпоха»! Сколько всего понастроили, какой скачок был. И это после «кукурузника». Романов тоже ничего, народ ещё шутил, что опять Романовы на троне. — окунулся в воспоминания Цезарь.

— Ну да. А после, когда Генсек начал чистку в Грузии и Средней Азии, стали говорить, что «какой же он Романов? Рюрикович! Грозный!». — со смехом дополнил Пахотин.

— Было. Ну и что? У Брежнева возраст, да и здоровье, говорят, пошаливало.

— Нормально так шалило, что до девяносто седьмого дожил. 91 год, шутка ли. Мог ещё руководить и руководить. Сколько ему в 1977 было-то? Семьдесят один год. — сосчитал возраст Генсека Павел.

— Тоже немало. Если бы остался — ничего не изменилось. — пожал плечами Андрей, — Поручивал бы ещё лет пять и спокойно ушёл на пенсию. Так же пришли бы Романов с Машеровым, и разделили должности. Где там попаданец?

— А если бы здоровья не хватило? Допустим, Брежнева отравили...

— Ага, Калигула с семейкой Борджиа тайно проникли в Политбюро. Тогда это попаданцы из прошлого, мы же говорим про будущее! — со смехом предположил Андрей.

— Я не знаю. Может обезболивающие вредные давали или ещё что...

— Ну да, медали с орденами. Парочку звёзд героя Советского Союза и орден Победы на

юбилей. — с сарказмом предположил Королёв.

— Это ты брось! Что он, бутылка коньяка, звездами увешиваться. А про орден Победы лучше вообще не шути. Это тебе не значок и не цацка юбилейная. — оборвал друга Павел.

— Ну я не знаю, что ещё предположить. Дочь драгоценности гребла, как не в себя, например. — задумчиво предложил Андрей.

— Ну да, на пару с женой министра МВД и певицей Зыкиной. Ты не анекдот придумывай, а что-то дельное предлагай. — надулся Павел.

— Так я и предлагаю. Шутки шутками, а поступи кто-нибудь так, народ бы не понял. Вон как ты за орден вступился.

— Просто ты уже через край хватил. Что-то мы отвлеклись. Давай для ясности ума ещё по пять капель... — Пахотин предложил мировую.

Друзья повторили знакомую процедуру наполнения тары, вновь тихонько брякнули стаканы. Закусив бутербродом с сыром, Павел продолжил тему:

— Андрюх, что-то мы отвлеклись. Не помнишь, почему мы про ордена заикнулись?

— С твоих слов получается такая свистопляска: Брежнев болеет, его травят, и Генсек теряет связь с реальностью. «Отравители» сознательно обвешивают его наградами, чтобы позлить народ. Если вспомнить, что Романов начал с того, что показательно «зачистил» несколько республик, то картина становится всё менее и менее благополучной. Я же помню, какие хищения вскрылись. Народ вспомнил было про тридцать седьмой, а когда вскрылись подробности — сразу затих. И ликвидацию национальных республик принял спокойно. Если бы этого не произошло, в экономике появляется дыра. Плюс, появляется возможность раскрутить национальный вопрос. И тут приходит Хрущёв номер два... — Цезарь серьёзно задумался.

— Ну и что? Подумаешь, ещё один «кукурузник». — не понял друга Пахотин.

— Смотри: приходит молодой руководитель, свободно общающийся с народом, с подвешенным языком, но ни бельмеса не понимающий. Эдакая кукла, в чужих руках. Что он сделает? Начнёт петь с чужого голоса. А если это враги?

— Послушай, Андрей, какие враги? Откуда они взялись в ЦэКа?

— Пац, вот смотри: директор завода или секретарь обкома. Всю жизнь пахали, достигла определённых высот. А дальше что? Пенсия? Пусть и персональная, но маловато будет. Госдачу заберут, — Королёв начал загибать пальцы, — Служебную машину тоже, отовариваться придётся в обычных магазинах, стоя в очереди с рядовыми покупателями, прибыль от предприятия идёт в бюджет, а ему — крохи, в виде зарплаты, да ещё и по наследству ничего не передашь Всё государственное.

— Реставрация капитализма! — охнув догадался Пахотин.

— Она самая. Конечно, может я и утрирую, но такая вероятность есть. Остаётся вопрос: где найти попаданца?

— Рядом с Брежневым. — уверенно ответил Павел, — Это не обязательно человек. Может Романову или Машерову перенеслось чьё-то сознание...

— Не пойдёт, — махнул рукой Андрей, — Они люди публичные, чужое сознание изменило бы многое, окружение бы заметило. Должен быть кто-то иной, незаметный.

— Музыкант. — ввернул свою версию Пахотин, — Помнишь, как раз в это время наша эстрада сделала качественный скачок. Наши песни гремели по всему миру, советские песни — на верхних строчках опросов, а имена — гремели.

— Ты про «Красные звёзды» с этим... Как его... — защёлкал пальцами Королёв.

— Витя Селезнёв. — подсказал друг.

— Ага, он. Да ну, не может быть. Обычный музыкант. Да, талантлив, языки знает, идеи выдаёт одну за другой. Но, появился позднее. К моменту взлёта группы Леонид Ильич уже был на пенсии. Так что, не пойдёт. — припечатал Цезарь.

— Говорили, что он внебрачный сын Романова... — робко предположил Пахотин.

— А я — наследник Гая Юлия Цезаря! — победно вскинув голову вверх, важно надув щёки, сунув руку между пуговиц рубашки и горделиво поставив на стул правую ногу ответил Королёв.

— Да будет тебе. — фыркнул от смеха Павел, — Может спортсмен? Вспомни, как наша сборная по футболу вынесла всех.

— Паша, да не то это всё, музыканты, спортсмены, художники... Если и есть попаданец, то он должен быть: а) в руководстве страны или, как минимум — республики и б) поведением отличаться от других. Но, скорее всего, всё это фантазии. Всё, баста, пошли спать. А то договоримся ещё, что и Мехлис с товарищем... Цезарь показал пальцем в потолок, — Тоже гости из будущего. А что, Лев Захарович вполне соответствует. Помнишь, что о нём у нас писали?

— Помню. — затыкая пробку в бутылку и убирая остатки коньяка в портфель, зевая ответил Паша, — Не, они местные. Сам говоришь, в случае чего — окружение сразу бы заметило.

— Ох и фантазёр ты Пашка. — залезая под одеяло пробормотал Цезарь, — Наворотил тут такого, что и не разберёшь. Ещё скажи, что товарищ Пётр Миронович погиб.

— Угу. В автомобильной аварии. В самосвал врезался и его брёвнами завалило. — ответил Павел.

— Ага, картошкой... Спи уже...

Стрелки часов давно перешагнули за полночь. Ночь укутала Москву плотным одеялом. Готовясь к новому дню, москвичи и гости столицы сладко спали. Лёгкий снежок, встретивший гостей из будущего, превратился в снегопад и давно засыпал следы от автоколонны.

Тихо сопела Рая Горбачёва. Ещё в самолёте она получила втык от Сергачёвой. Увидев майку с американским флагом, Нина Сергеевна разозлилась и потребовала немедленно снять «тряпку». Надеясь отвязаться, Горбачёва еле уговорила строгую начальницу подождать хотя бы до прилёта в Москву, дескать в гостинице она и переоденется. Но, по приезду, Нина Сергеевна добилась поселения в одну с Раисой комнату и дождавшись, когда соседка сбросит майку, схватила «вражеский» предмет и демонстративно вытерла о него обувь. Слезы брызнули из прекрасных глаз Раи. Больше в этот вечер они не разговаривали. Горбачёва — дулась, ей было искренне жаль испорченную фирму, а Сергачёва обложила книгами и что-то строчила в пухлую тетрадь, время от времени задумываясь, устремляя взгляд вдаль и покусывая кончик шариковой ручки.

Через часок дамы разошлись по своим кроватям.

Рае снился сон, в котором она покоряла Америку. В свете софитов Раечка стояла на сцене. Роскошное, с длинным подолом и расшитое золотом платье, подчёркивало её волшебную фигуру. Высокую, вычурную причёску украшала сияющая бриллиантами корона. Публика рукоплескала и неистовствовала, цветы летели к её ногам. Молодой красавец Президент США лично вынес букет и подарив цветы всенародной любимице, встал на

колени и поцеловал её руку. Что? Президент США не молод и передвигается с трудом? Знаете, что? Не надо вмешиваться в чужой сон!

На соседней койке сладко спала Нина Сергеевна. Сергачёвой снилась красивая одежда, которую вдруг и сразу стала выпускать советская промышленность. Вот прямо на следующий день и начала. Нина заворочалась и тяжело вздохнула. Ей приснилось, что сам товарищ Сталин предложил ей пост Наркома лёгкой промышленности. Как раз в этот момент, Сергачёва лихорадочно придумывала, как бы её отказаться от столь тяжёлой ноши.

В комнате спорщиков витало лёгкое амбре коньячного перегара. Друзья и во сне продолжали начатый спор. Им снились толпы попаданцев, разбежавшиеся по всем странам, временам и эпохам и спасающие всё и всех подряд: Римскую Империю, Русь от нашествия, Россию от революции, Америку от Колумба, и даже Советский Союз! Пахотину приснилось, как Брежнев борется с Романовым. Вот Леонид Ильич сделал ловкий бросок и взял Григория Васильевича на болевой. Судья, незнакомый генерал КГБ с какой-то простой фамилией, дождался когда соперник стукнет несколько раз ладонью по ковру, присудил победу Генеральному секретарю. Пошевелив густыми бровями, Леонид Ильич со словами «То-то же! Я здесь власть!», встал с поверженного секретаря Ленинградского обкома, подошёл к столу и прикрепил на свой пиджак значок «Мастер спорта СССР». Пахотин повернулся на другой бок и сон закончился.

Тяжёлый сон приснился Цезарю. Королёв словно стоял на вершине холма, у подножия которого раскинулся древний город. «Рим» — промелькнула в мозгу Андрея. Услышав шаги, он обернулся. «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой... Понтий Пилат!!!» — Королёв еле сдержал готовый вырваться крик. Прокуратор обернулся и Цезарю показалось, что это лицо ему хорошо знакомо. «Да это же я!!!» — очередная мысль ввинтилась в мозг. Озорно подмигнув, Понтий Пилат разлепил губы:

— Ну что, Андрюха, попал!

— Кто попал? Я?

— Ну не я же. — саркастически улыбаясь проскрипел Прокуратор. — Ну как, будем менять историю?

Неведанная сила подбросила Королёва. Андрей сел на кровати, почесал в затылке, опустил ноги на пол и сунув ноги в тапки прошаркал к столу. Схватив графин, он присосался к горлышку, сделал три больших глотка, поставил посуду на стол и пробормотав «Ну как их всех нафиг...», рухнул в постель и дальше спал без сновидений.

Разметав волосы по подушке, тихонько посапывала Альбина. Ей снился загородный дом, в окошко которого виделся занесённый снегом участок. Аля прошлась по комнате, затем положила на стул небольшой чемоданчик и принялась разбирать вещи. Развесив одежду на плечики и убрав бельё на полки шкафа, она села перед зеркалом, дабы поправить причёску и неброский макияж. Сидя перед зеркалом и водя массажной щёткой по волосам, девушка размышляла: «Судя по скромному домику и небогатой обстановке, поселили меня к мелкому начальнику. Наверное, председатель райкома или небольшой чин из Московского горкома партии. Интересно: зачем и почему. До отлёта обещали, что познакомлюсь с большим начальством, чуть ли не со Сталиным, а сослали в какую-то глушь. Ладно, чего уж теперь. Здесь хотя бы теплее, но вот охраны многовато. Наверное, это горкомовские дачи...».

В дверь тихонько стукнули, отворилась створка и в комнату вошла домработница или кухарка, Альбина пока не разобралась.

— Только что позвонили, Хозяин скоро приедет. Будет один, приглашал Вас на обед. Как будет готово, я позову.

Выпалив скороговоркой известие, домработница тут же ушла, оставив девушку наедине со своими мыслями.

«Ишь ты, мелкий номенклатурщик, а туда же — «Хозяин»! Эх, Сталина на них нет. Так, что мне известно ещё о владельце дачи?[3] Не женат, но воспитывает четырёх детей, один из которых — приёмный. Хм. А что с женой? Развёлся? Вряд ли. Партийные чиновники берегут свою биографию и подобных пятен избегают. Возможно какой-то несчастный случай. Что же, ясно одно: вопросов на эту тему надо избегать. Теперь дети. Трое мальчишек уже взрослые, Мехлис говорил, что все они в армии[4], значит встреч удастся избежать. Ах, да, у одного смешная кличка — "Красный"[5]. Интересно, за что его так? Рыжий, наверное. Дочь, Лев Захарович сказал, что её зовут Светлана. Похоже, мы с ней ровня. В смысле — примерно одного возраста[6].»

Альбина услышала звук двигателя подъехавшей и бросилась к окну. Увы, но ни мифического «Хозяина», ни возможный гостей увидеть не удалось. Автомобиль подъехал к крыльцу и из Алиной комнаты он был не виден. Хлопнула входная дверь, послушались шаги. Дверь потихоньку открылась, и вошёл...

Аля случайно повернулась и сон прервался. Этой ночью ей так и не удалось узнать, кто же был этим загадочным «Хозяином».

Лекарка Настя, соседка Альбины по комнате, спала тихонечко, почти неслышно. Ей снилась прапрабабушка. Полина Степановна неспешно раскладывала травы и поясняла какая из них поможет при лечении той или иной хвори. Настенька внимательно слушала, впитывая информацию словно губка. Это импровизированное занятие продолжалось до самого утра, а за минуту до звонка будильника, бабушка Поля попрощалась, пообещав навестить в следующую ночь и продолжить рассказ.

Неполную мужскую дюжину расселили по трём комнатам: два номера занимало четверо человек и в одном поселилась тройка. Марченко взял под своё «крыло» «совушек»: Васю Сычёва, Петра Филина и Диму Лунёва. Маркони не стал разводить церемонии убедившись, что никто не голоден, он поочерёдно отправил ребят на водные процедуры, и, убедившись, что все улеглись по своим местам, выключил свет и пошёл проверять остальные команды. Недолго пошептавшись и поделившись впечатлениями, ребята заснули. Полет вымотал изрядно, а поболтать можно и завтра. Юношам снилась война. Но, это была особенная война, несколько не похожая на настоящую. В ней ребята лихо побеждали в боях и их грудь сразу же украшала очередная боевая награда.

Леша Поляков с другом Димкой, пригласили в компанию фотографа Гришу и дружной тройкой заселились в номер. Но, радость самостоятельной жизни длилась недолго. Марченко, «обрадовал» постояльцев, что скоро подойдёт Зайцев, который и будет у них старшим. Утолив лёгкий голод шоколадками, так и не дождавшаяся снайпера молодёжь, быстро попала в объятия Морфея и продряхла до утра.

Лёня Коршунов ни на минуту не пожалел, что ему досталась койка в одном номере с Глуховым и Комаровым. Бывалые воины так лихо рассказывали весёлые байки из армейских будней, что Леонид заслушался. Веселились часа полтора, ровно до тех пор, когда Олег Александрович взглянул на часы и скомандовал «Отбой». Комаров с Коршуновым дружно ломанулись в умывальник и споро завершив вечерний моцион, разбежались по койкам, «вырубившись» в один момент.

Бывалые Спецназовцы спали тихо и без сновидений. Они вновь вернулись на службу, стали солдатами. А сон для бойца — дорог. Беречь нужно каждую минуту, вот они и выспались впрок.

Охранявшие груз бойцы СпецНаза распределили дежурство и разошлись по местам. Павлюченко с Горбатовым выпали вторая с третьей сменой. Ни секунду не мешкая, пара караульных нырнула в кабины грузовиков и уютно устроившись на подушках сидений мгновенно заснула. Швецову же выпал караул в первую смену. Мерно прохаживаясь вдоль машин, он следил за минутной стрелкой, мысленно представляя, что день грядущий им готовит.

Быстро решивший вопрос с пропуском на объект своих представителей охраны Мехлис, убедившись, что с транспортом и грузом всё в порядке, взял с собой Кнутова с Зайцевым, направился в гостиницу «Москва». Тихонько перебрасываясь фразами, они прошли в номер Интенданта и рассевшись вокруг стола приступили к выработке плана на ближайшие дни.

Ночь, тишина... Тихонько подвив напоследок, ласковым домашним зверьком свернулась метель, прекратился снегопад и из-за тучи робко выглянула луна.

Вот, в одном из зданий Кремля, светится одинокое окно. Похожим на человеческий глаз кратером, Луна заглянула внутрь. А, этого товарища она знает. Видит здесь почти каждую ночь. Вот же неуёмный, не спится ему. Убедившись, что всё в порядке, ночное светило пропало, закутавшись в облако. Тут же раненым зверем взвыла метель, а снежинки пустились в бешеный пляс. Часы на башне Кремля мерно отстукивали минуты очередного декабрьского дня, тысяча девятьсот тридцать девятого года...

[1] Второй дом НКО (бывшие Средние торговые ряды) находился по адресу: Красная площадь, д. 5. Расположен напротив Спасской башни Кремля, между собором Василия Блаженного и ГУМом. До войны в нём располагалось Главное Интендантское Управление РККА и другие структуры Центрального аппарата. После 200-х годов, Министерством обороны освобождено здание.

[2] Индивидуальный рацион питания.

[3] Альбина просто не знает, как в реальности выглядит дача Сталина. «Ближняя» дача и по сей день закрыта для экскурсий.

[4] Старший сын — Яков, жил отдельно, со своей семьёй. С 1937 г. обучался на вечернем отделении Артиллерийской академии РККА, которую закончил в мае 1941 г.

Приёмный сын — Артём, с 1938 г. проходил службу в рядах РККА, артиллерист. Начинал рядовым, дослужился до старшины, после чего был направлен на учёбу. 2-е Ленинградское артиллерийское училище окончил в 1940 г.

[5] Домашнее прозвище Василия Сталина. В ноябре 1938 г. зачислен в Качинскую авиационную школу им. А. Мясникова, которую закончил в марте 1940 г.

[6] Альбина ошибается. Светлана Сталина родилась 26 февраля 1926 г., а значит на момент переноса ей немного не хватало до 14 лет.

Деды и внуки. Конфликт поколений

На площадке перед ТЦ тоже суетился армейский люд. Исполняющий обязанности командир полка ушёл куда-то внутрь громады из стекла и камня, перед этим поймав подвернувшегося под руку Шмакова, приказал приступить к развёртыванию пункт питания. На вопрос растерявшегося старшего лейтенанта: «Где?», командир показал куда-то вдаль и сказал: «Там.». Любому другому, достаточно было прочесть надписи на указателях. На одних, убегающих вдаль стрелках, большими чёрными буквами на белом фоне было написано «Полевой лагерь», на других — «Полковой пункт питания». Но, мысль, прочитать надписи на указателях, Михаилу даже в голову не пришла. Недолго постояв, он подумал и приказал делать иначе, по его собственному, шмаковскому разумению.

«И кому только в голову пришло назначить Логинова командиром. Неужто в штабе дивизии не поняли, что назначить надо было меня. Мы бы и вышли раньше, пущай и на лошадах, да и обоз бы такой не тащили, да и марш быстрее прошли. А то удумал чего: без привала останавливался, а мы выгружайся, да бегай вокруг машины. Зачем? Видите ли, чтобы бойцы не замёрзли и ничего не отморозили. У Шмакова бы такого не было. Ну померзли бы чутка, тоже мне, цацы. К тому же туда, вдаль, ещё пробиваться надо, деревья рубить, снег кидать. А тут площадка ровная, чистая, удобная. Корячиться не надо. Только знаки непонятные убрать. Нет, не выйдет из ротного полководца, не подняться ему выше комбата. Нет в нём стратегического взгляда. Ещё и техники поломатой прорва. Будет ему на орехи! Вон какие дядьки встречали! Строгие все, да важные.»

От раздумий Михаила отвлёк крик:

— Ироды! Что же вы делаете!!!

Старлей обернулся на крик и увидел, что из здания появились два человека. Первый, который как раз и кричал, размахивал руками и продолжая обзывать, бежал к пытавшимся раскочегарить печки поварам, другой — молчаливый, в бесформенной пятнистой одежде, огромный и мощный, как скала, молча шёл напрямик к нему.

Подойдя к Шмакову и по-прежнему не говоря ни слова, человек в чёрном посмотрел на кубари и вдруг натянул лейтенанту будёновку до упора. Неожиданно, Михаил почувствовал, как земля уходит из-под ног. А схвативший его за отвороты шинели и поднявший в воздух, на уровень глаз, здоровяк прошептал жутким голосом в закрытое тканью ухо:

— Что же ты творишь, вредитель? Кто приказал?

Не на шутку перепуганный Шмаков, которому показалось, что незнакомец с лёгкостью натянет ему будёновку аж до самых пят, пролепетал:

— Л-л-л-л-логинов...

— Кастым? Не мог он такого приказать! Сам придумал? Вражина!

— Не знаю я никакого Кастыма! Ротный приказал! Тот, который за комполка! — проорал Шмаков, болтая ногами в воздухе.

— Он чё, больной? Разве не видно, что это аэродром. Здесь и следы есть, и обозначения.

— Какой ещё аэродром? — непонимающе ответил Шмаков, — Хорошая площадка, домина от ветра укрывает, кухни топить удобно.

— А о том, что весь дым внутрь здания идёт, ты подумал? С-с-с-с-с... Светлая ты голова.

— Подумаешь, попадёт немного дыма. Проветрите. Да и ветер не всегда на вас дует.

— Ох попадѣшься ты мне. — пригрозил «пятнистый», — Я тебя научу Родину любить и правильным местом думать. Эй кухня! Сворачивайтесь! Гляньте на указатели, идите по ним, там лагерь и разбивайте. Или кому-то отдельные указания надо?

Человек, подбежавший к поварам, добился того, чтобы они затушили начавшие заниматься огнём дрова в топках полевых кухонь.

— Что вы делаете? Кто вас надоумил? Почему не развернули пункт питания в положенном месте? — неистовствовал Владимир Викторович Мухин.

— Обед готовим. Людям жрать пора. — невозмутимо ответил повар, здоровяк под два метра ростом, с рябым лицом и грязными, похожими на лопаты, для уборки снега, руками.

— Вы такими руками собираетесь пищу готовить? — возмущённо воскликнул Мухин.

— Чѐ не так-то? — недоумевал повар, разглядывая свои руки. — Всегда так готовлю.

— Вы не понимаете??? Грязными руками категорически запрещено прикасаться к продуктам???? Это же антисанитария!!!!

— Так то в ресторане нельзя, да в полковой столовой. А здесь же поле, кто проверит?

— Кто? У вас же все бойцы слягут! Будут животами маяться!

— Не было у меня такого! — набычившись возразил повар, — Всѐ подчистую съедят, ещё и за добавкой прибегут.

Здоровяк злился на мешающего выполнять ему свои обязанности, невесть откуда взявшегося человека. Он прекрасно понимал, к чему клонит незнакомец. Повар и сам был в недоумении от приказа, переданного ему Шмаковым, якобы от имени командира. Видно было, что в сторону леса идёт расчищенная полоска дороги, заканчивающаяся подготовленной площадкой. Похоже там они и должны была разместиться. Впрочем, и на указателях всё было чётко написано. Но, кухни-то уже развернуты, и любое перемещение означало, что обед у бойцов будет нескоро. А за такое Логинов точно по голове не погладит. В этом он убедился на собственном горьком опыте.

— Прикажет комполка — перееду. А сейчас — брысь! — повар с некоторой опаской покосился на продолжавшего удерживать в воздухе Шмакова, человека в пятнистом, но уступать не собирался.

— Да что ж это такое! — вскричал Владимир Викторович, стукнув кулаком по стенке кухни, сильно при этом ушибив руку.

Скандал разгорался, но в это время распахнулись стеклянные двери Торгового центра и на крыльце появились оба Логиновых. Быстро оценив обстановку, они сразу подошли к полевым кухням.

— Сиденко, что происходит? Почему кухни развёрнуты здесь? — грозно спросил Кастым, — Я же показал этому... Как там его... Шмакову... Указатели и отдал схему, с местами дислокации каждого подразделения. Кого ты там держишь? Отпусти.

Сиденко разжал пальцы и не ожидавший такого действия Шмаков, поскользнувшись, плюхнулся на «пятую» точку.

Стянув с голову будёновку, Михаил посмотрел на окружавших его людей, и, не найдя ничего лучшего, сунул руку в карман шинели, немного повозился и протянул комполка головоломку.

Оба командира внимательно посмотрели на причудливо согнутые железяки, выпрямились и дружно прыснул от смеха. Отсмеявшись, комполка сдвинул брови и резко изменил тон:

— Товарищ старший лейтенант! Где схема размещений подразделений полка? Я отдал

Вам её лично, в руки! Почему приказ не доведён до командиров? Кто приказал разворачиваться здесь?

— Схема? Это... Как его... В машине, кажись забыл. И командирам... Это... Я подумал так лучше... Приказал ставить здесь! Вот... — выдохнул Шмаков.

— Быстро неси схему, да отправь к комбатам и ротным посыльных. Работы прекратить, всё свернуть, приготовиться к выдвигению на подготовленные позиции. Понял? Повтори!

Шмаков повторил, развернулся и бросился искать грузовик, в кабину которого он бросил схему, сразу же, после того, как комполка ушёл. В глубине души старлей надеялся, что водитель ещё не пустил на самокрутки брошенный как попало листок.

— Михаил Епифанович. — сказал Кастым, — Я отдам команду, через несколько минут принесут дополнительные распечатки схемы. Экземпляров двадцать. Хватит? Если надо ещё — сделаем.

«Дед» кивнул, дескать хватит, а «внук» передал по рации указание о подготовке материалов.

— Ладно, пойду «разгрести» дела за нашим «полководцем». — с грустным вздохом проинформировал комполка, — Как же он под руку-то подвернулся. Если бы мы не торопились... Да что сейчас говорить. Кстати, что с обедом?

— Обед готов. Михаил Епифанович, вы пока своим задачи нарежьте, а я с нашим главным по питанию пообщаюсь. Встретимся в столовой. Столы для комсостава — в отдельном зале. Увидите, там возле двери вывеска висит.

И не дожидаясь ответа Кастым пошёл к Мухину.

Директор «Теремка» стоял в стороне, что-то прикидывая в уме. Логинов вывел его задумчивости одним вопросом:

— Владимир Викторович, когда обед и как организуем питание?

— Михаил Силантьевич, обед готов, столы уже должны накрыть. Количество посадочных мест позволяет кормить людей в три смены.

— Ничего страшного, один день можно и потерпеть.

— Товарищ Логинов! О чём Вы говорите? Какой один день?

— Товарищ Мухин, с завтрашнего дня красноармейцы будут питаться у себя в расположении, в палатке.

— Ну знаете ли!!! Я Вам это не позволю! — Мухин походил на взъерошенного воробья, готового с кулаками броситься на начальство.

— Владимир Викторович, не кипятитесь, а объясните, чего хотите? Готов выслушать и, возможно, соглашусь с иной точкой зрения.

— Михаил Силантьевич, я понимаю, что особенности Вашей жизни таковы, что красоту и правильность приема пищи, готовы принести в жертву калорийности, вкусу и скорости. Но, уверяю — это глубочайшее заблуждение. Солдат нужно учить правильно питаться. Не хватать второпях, грязными руками хлеб и ложку, а затем хлебать остывшее блюдо, замерзая в палатке. А приходиться в уютное помещение, мыть руки, садиться за накрытый по всем правилам стол, и вкушать блюдо.

Кастым еле удержался от улыбки, чудом не поперхнувшись от таких слов. За многие десятилетия службы, он не мог припомнить такой заботы о простом бойце.

— А знаете, Владимир Викторович, я с Вами согласен!

— Что, так просто? — не поверил своим ушам, готовый к долгой дискуссии ресторатор.

— Конечно согласен. Но, с одним условием...

— Что я должен сделать?

— Вы? Назначаетесь старшим надо всеми работниками продовольственного снабжения.

— Но, позвольте! Я уже старший! Вернее, исполняющий обязанности!

— Вы не поняли. Теперь и продслужба полка переходит в Ваше подчинение. С комполка вопрос решу.

— Как продовольственная служба полка? Они меня слушаться не будут. Я...

— Уважаемый Владимир Викторович, возражения не принимаются. Для придания веса Вашим словам и решениям, прикомандирую товарища Сиденко. Вася, подойди. — позвал Кастым подчиненного.

Бритый наголо, с фигурой борца, сломанными ушами, великан под два метра ростом и за центнер весом, подошёл лёгкой походкой. Он улыбался, но от его улыбки Мухину было страшно.

— Василий. Поступаешь в помощь товарищу Мухину. Он назначен начальником общепита «объекта», и переживает, что военные повара откажутся выполнять его приказы. Надо посодействовать.

— Поможем, Командир. — с улыбкой ответил Сиденко.

Слышавший часть беседы полковой повар, обомлел, такого поворота он не ожидал. Быстро сообразив, чем пахнет дело, и что дискуссии могут крайне негативно отразиться на его здоровье, он лихо припустил к полевым кухням полка, на ходу раздавая команды и щедро награждая помощников подзатыльниками.

— Вот видите, Владимир Викторович, Василий даже не приступил к выполнению обязанностей, а дело заметно оживилось. — с улыбкой заметил Кастым. — Может ему и Шмакова на воспитание отдать? Глядишь, сделает из него человека. Как думаешь, Василь, сможет Шмаков эволюционировать?

— Конечно сможет! — с убежденностью в голосе ответил Сиденко, — Труд и не таких людьми делал. Так как, Командир, отдашь?

— Спрошу у комполка. — Кастым задорно подмигнул подчинённому.

Рация в нагрудном кармане охранника, «оживила» неожиданно. Старший смены что-то ответил, выслушал указания, ещё раз что-то сказал и убрал аппарат обратно. Дождавшись, когда красноармейцы закончат разгрузку очередного транспорта, он подошёл и скрестив руки громко произнёс:

— Всё, гвардия! Шабаш! Обед!

— Какая мы тебе «гвардия»? — грозно ответил Бессонов, — Слова-то выбирай! Ишь, «благородие» нашёлся!

— Да брось ты, Илья, слышал — обед! Служивый, куда идти-то? — поинтересовался Котов.

— Становись! — прозвучала команда, поданная охранником.

Бойцы недоуменно переглянулись, но команду выполнили, выстроившись в неровную шеренгу.

— Плохо! — бросил «пятнистый», — Будем заниматься. Та-а-а-а-к! Вот ты, ты, ты и ты, — он указал рукой на нескольких красноармейцев, — Бегом чистить обувь.

— Дык, чем её чистить? Где щётка, вакса? — донеслось из строя.

— Р-р-р-разговорчики! Толик, покажи товарищам, где у нас машинки для чистки обуви.

Напарник охранника молча показал рукой, чтобы бойцы следовали за ним. Войдя в

стеклянные двери и оказавшись в тамбуре, бойцы увидели восемь чудо-машин с круглыми щётками и специальными валиками, видимо и предназначенные для чистки ботинок. Сопровождающий показал куда нажимать и как пользоваться агрегатом, и бойцы, словно дети, с восторгом приступили к необычному процессу. Ботинки красноармейцев засияли, как новые.

Охранник Анатолий жестом позвал остальных, и молча повёл бойцов в глубь здания. По одному работающему эскалатору группа поднялась на первый этаж, а вторая движущаяся лестница подняла их на верх.

— Красотища какая! Чисто музей или дворец! — восхищенно сказал Котов. — Нештс здесь обед.

— Дык, вон же, гля! — показал Бессонов пальцем на стоявшие посреди холла длинные, накрытые скатертью и уставленные тарелками столы.

Бойцы захотели сразу усесться, но их остановил другой охранник, проводивший до туалета с умывальником. В уборной стояло ещё два человека в пятнистом обмундировании. Один показывал, как пользоваться кранами и сушилкой, второй — проверял чистоту рук. Если его что-то не устраивало, то красноармеец шёл мыть руки заново, на сей раз гораздо тщательнее. Он же формировал команды по десять человек и отправлял их в обеденный зал.

Выгрузочная команда пристроилась в быстро движущуюся очередь и приступила к водным процедурам, отдирая грязь кусками хозяйственного мыла. Справились быстро и вскоре все расселись за длинным, тянувшимся по всему длинному коридору, сбитом из досок столом. Убранство их поразило. Возле каждого места стояла мелкая тарелка, поверх которой — глубокая, суповая, слева лежали, завернутые в бумажную салфетку, вилка и ножик, справа — большая ложка, тарелка с винегретом и стакан компота. Аккуратно, тонкими ломтиками порезанный хлеб был уложен в красивые хлебницы, из расчета одна на четырех едоков, по центры стола, распределённые по всей его длине, стояли вазы с искусственными цветами.

— Слышь, Котяра! Вот это до! Прямо как баре. Тут тебе и скатёрки, и хлебушек, и блюдов — скока хошь. Надо опосля нашему повару по шее накостылять. Пусть знает, как людёв кормить надо-ть.

— Слышь, Иван, чё-то не ндравится мне всё это. Хучь и кормить будут на убой, дык и пахать будешь, куда там лошади. Вона как на разгрузке умаялись. А тут ещё энти... Пятнистые. Ну зверюги же. Ей-ей. Вона как зыркает. — Котов хотел показать пальцем на двинувшегося было к нему охранника, но не успел.

В эту минуту время распахнулись двустворчатые двери, и красавицы официантки начали вкатывать тележки, уставленные кастрюлями с борщом. По коридору проплыл дурманящий запах. От одного только взгляда на красавиц, Котов с Бессоновым сглотнули слюну. Девушки шустро разбежались по залу и начали разливать первое по тарелкам. Котов хотел сказать барышне что-то приятное, но получив тарелку с дымящимся борщом, он напрочь забыл слова и схватив ложку, набросился на еду. Неподалёку мелькала ложка Бессонова. В минуту разделавшись с первым, бойцы начали ожидать перемену блюд.

— Добавки? — прозвенел мелодичный голос девушки в белоснежном переднике и с кокетливой пилоткой на волосах.

— Нет, спасибо. — вежливо отказались бойцы.

— Давайте тарелки, сейчас подвезу второе. — официантка протянула руку к приборам.

Котов, Бессонов и их соседи подскочили с мест, принявшись суетливо помогать девушке со сбором посуды. Результат не заставил себя долго ждать. Один из бойцов неуклюже

повернулся, задел тележку, и стопка с десятком тарелок грохнулась на пол. Обедающие разом повернулись на звон бьющейся посуды.

— Не беспокойтесь, я сейчас приберу. — пролепетала разом запунцовевшая девушка.

— Ещё чего. — пробасил Котов, — Покажите инвентарь, а этот «медведь» уберёт сам. — показал Федя пальцем в сторону провинившегося бойца.

Официантка кивнула и споро собрав грязные тарелки покатила тележку в сторону выхода.

— Ох и влетит девчонке... — пожалел работницу Бессонов.

— Ничё, Вань, ща сродственники заявятся и нам белый свет с овчинку покажется. — спрогнозировал дальнейшие события Котов.

Словно услышав его слова, в зале появился комполка. Обойдя обедавших и увидев осколки, Логинов ничего не сказал, сокрушенно покачал головой и скрылся за дверью одного из помещений, над которым красовалось весёленькое название «Вкусная точка».

— Фух, пронесло. — выдохнул Котов.

— Щаз. — не поддержал его друг. — Когда это ротный бардака не замечал? Закончится обед...

— Дзынь... — отозвалось с другого конца стола. Это кто-то случайно смахнул со стола и разбил ещё одну тарелку.

— Я и говорю: закончится обед, тогда и раздадут всем сёстрам по серьгам.

— Угу. По ушам раздадут. Вань, как думаешь, спать где будем? — перевёл разговор Котов.

— Где командир скажет, там и будем. — Бессонов не захотел поддерживать тему, — Интересно другое: на кой нас пригнали? Охраны и местной хватит, а столько едоков... Загадим же всю красоту. Как пить дать.

— Не, командир не даст. А зачем нагнали? — задумался Иван, — На войну готовят. Я как-то у комиссара попросил Финляндию показать. Так он к карте подвёл, да указкой ткнул. Глянул, батюшки, так они на самом Севере живут. Том, поди, ещё холоднее.

— Так в Тюмени бы и остались. Мороз-то такой же. — не согласился Фёдор.

— Марш нужен был! — авторитетно заявил Котов. — А потом начнём учиться в снегу спать.

— Бр-р-р-р-р-р-р. — поёжился Бессонов, — Всё, кончаем базар второе везут...

Не успел Логинов старший сесть за стол, как через запасной вход в зал бодро влетел Кастым.

— Приятного аппетита! — пожелал внук деду.

— Спасибо, присоединяйся. — майор махнул рукой на свободное место, — Вовремя пришёл, заодно и поговорим.

— А то! — улыбнулся Кастым, — Офицер опаздывающий на обед, может подвести и в боевой обстановке. Ну, как бойцы? Обустраиваются?

— Какое там. — раздраженно махнул рукой комполка, — Вон, уже посуду бьют. Я же предлагал котелки взять...

— С котелками успеется. Поговорим об отдыхе. Значит так: помещения под личный состав готовы, материал под нары завезли, нужны люди для сборки.

— Дадим. Сено есть? — задал животрепещущий вопрос «дед».

— Есть. Сгружено за ТЦ. — Кастым махнул рукой, подзывая официантку с уставленным

блюдами подносом. — Не возражаете, если перейдём на «ты»?

— Валяй. — комполка взял в руку ложку и погрузил её в одуряюще вкусно пахнущий борщ, — Команду отправлю, пусть тюфяки на месте набивают, нечего грязь таскать. Что с остальными? Весь полк здесь скорее всего не разместить.

— Поживут в палатках, группы будем менять. Неделю здесь, потом — на природу. Пойдёт? — «внук» тоже принялся уминать первое.

— Вообще-то рассчитывали на иное. — задумчиво кивнул почти расправившийся с борщом комполка, — Возьмём, к примеру, помещение для рембазы. Днём там будут машины восстанавливать, а ночью — люди отдыхать. Утром нары сдвинут, площадку освободят. Помещение большое, роты три вполне уместятся.

— Не пойдёт. — замотал головой Кастым, — Заезжая грузовики газуют, от выхлопных газов потом не продохнёшь. Не боишься людей отравить?

— Значит своим ходом технику не загоняем. Подъедут к входу, а дальше электропогрузчики отбуксируют. А проверку можно и на улице провести. Ну так что, принимается?

— Допустим. Ещё предложения есть? — вздохнул «внук».

— Конечно есть. Уплотнить «твой» этаж. Слишком уж вольготно живут. — выдвинул очередное предложение «дед».

— А здесь — сразу нет. У меня много девушек, не хотелось бы потом проблемы разгребать. Может после? Когда удастся девушек в Сургуте по домам расселить.

— Ну нет, так нет. — покладисто ответил комполка. — Кстати, я тут по зданию прошёлся, у тебя один этаж и вовсе закрыт. Что там, не знаешь?

— Блин, точно. Видел же, что жалюзи опущены и закрыты, да забыл спросить. Наверное аппаратура какая-то, иначе зачем закрывать. Поговорю со старожилками, они должны знать.

— Ну, аппаратура — штука важная. Но, всё же уточни. Если можно потесниться, как раз весь полк и войдёт. А пока, десятую часть можно и на улице разместить. Надеюсь, что ненадолго. Ещё помощь нужна?

— Конечно. — подтвердил Кастым, — Завтра приходит колонна из Тюмени, надо выгрузить. К ТЦ машины не пойдут, мои встретят на блокпосте, оттуда перегонят сами. Ещё нужна команда для вырубки леса и подготовке учебных полей.

— Какая, к чёрту, вырубка! — возмутился «дед», — Только людей угробим!

— Разведём костры, подбросит лесхоз спецов, а пилы... Тоже есть, пользоваться научим.

— Как-то всё у тебя просто, «внучок». — проворчал «дед», пододвигая гречневую кашу с гуляшом поближе.

— Нормально. — пожал плечами Кастым, — Раскачиваться некогда, времени в обрез. Выдадим каски, спецодежду, обеспечим инструкторами, для перевозки людей — дам машину и вперёд. Надеюсь, второго Шмакова в полку нет?

— Нет. — улыбнулся Логинов-старший. — Ладно, поможем. В одной упряжке идём. Караул тоже мой?

— Угу-м. — кивнул «внук», — Так-то мы бдим, но местные этого не знают. Им невдомёк, что наши «птички» их видят прекрасно. Народу часового подавай и непременно — с ружьём.

— Караул назначу, развод проведу. Что ещё?

— Пока всё. Ремонт авто начали, если люди понадобятся — обращусь. Так, десяток

минут есть, могу ответить на вопросы.

— Тогда слушай, — не стал мяться «дед», — Силантьевич, когда мы шли к Меркулову, заметил, что бойцов в форме у тебя многовато. Зачем столько? Ещё и оружия целая прорва? Столько лет прошло, должны были воспитать нового, советского человека.

— А зачем нужен ВОХР на складе? Охрана в партийном учреждении: обкоме или горкоме? — ответил Кастым вопросом на вопрос.

— Ты мне не юли! — стукнув кулаком по столу сказал Логинов-дед, и Кастым услышал, как лязгнул металлом его голос.

— И не пытаюсь, говорю, как есть. Нового человека толком создать так и не удалось. Сколько не воспитывали, сколько не учили — а желающие поживиться чужим добром не перевелись. Но, это только одна сторона медали. — сказал Кастым, задумавшись, нужно ли посвящать родственника во все детали.

— А другая?

— Другая? Наши заклятые «друзья», США, НАТО и их подпевалы.

— США и НАТО? Не слышал о таких. Или погоди... Американцы что ли?

— Они, родимые. Сейчас вроде САСШ называются, а НАТО — это североатлантический альянс.

— И что этому альянсу надо? Пусть своей северной Атлантикой и занимаются.

— Кроме США, в НАТО много стран входит: Франция, Италия, Испания, Германия, не только её часть, ФРГ. Вторая Германия — ГДР, Германская демократическая республика — наш друг и союзник.

— Так вы ещё и Германию поделили?

— Не мы, а скорее — вы, поколение победителей, разгромившее нацистскую Германию и водрузившее Знамя Победы над Рейхстагом.

— Ты мне потом про это подробно расскажешь, лады? Так что там с этой НАТОй?

— Янки...

— Кто?

— Американцы. Они же — пиндосы. Так вот, американцы, «пободавшись» с нами по всему земному шару, в разных локальных войнах и конфликтах, решили, что в прямом столкновении СССР не побороть. Тогда решили действовать по-другому: раскачивая ситуацию изнутри, идеологически обрабатывая народ в странах «Варшавского договора» (а это уже наши союзники), и влияя на молодежь, воздействуя на религиозные и национальные чувства.

— А НКВД куда смотрит? Это же сколько шпионов надо заслать?

— КГБ? После войны Наркомат разделили на МВД, Министерство внутренних дел и Комитет государственной безопасности. Конечно, не сразу, но эта история Меркулову ближе. А они что? Да, бдят и ловят. Но, появились новые средства: ЭВМ, всемирная информационная сеть. За рубежом её называют «Интернет». Видел же какие у нас устройства? С их помощью можно связаться с любым человеком, в любом месте Земли.

— И не отследить?

— Почему? — пожал плечами Кастым, — Отслеживают, ловят, но...

— Всех не выявили. Понятно. А охрана здесь при чём?

— Есть те, кто верит вражеским «голосам», их прельщает жизнь «за бугром», а свою страну они начинают ненавидеть. Таких обрабатывают идеологически, некоторых даже удается подбить на террористически акты. Поначалу самолёты пытались угнать, потом

решили захватывать здания с заложниками: школы, детские сады, торговые центры...

— Детей захватывают? — не поверил своим ушам «дед».

— Да. Дважды нападали на детсады, раза четыре — на школы, и с десятков раз на подобные магазины.

— Чем закончилось?

— В первом же детском саду, бандиты убили трёх заложников. Детей. Поступила команда — «террористов в плен не брать». Да, мы, собственно, и не собирались. Террорюги достаточно быстро уяснили, что церемониться с ними не будут, и адвоката им не дожидаться. После чего наступило относительное затишье. Но, пару лет было «жарко».

— Теперь ясно. — насупившись и барабаня пальцами по крышке стола ответил комполка, — Всё, «внучок», расслаживаться некогда, пошли «шороха» наводить.

И дед с внуком разошлись по объектам.

Не успели отобедавшие и вышедшие на улицу бойцы «вкусно» закурить, как на крыльце появился комполка. Оглядев толпу, он зычным голосом приказал:

— Становись!!! Равнясь! Смирно!

Дождавшись, когда строй замрёт, начал распределение на работы:

— Значит так, орлы. Слова товарища Ленина о том, что «кто не работает, то не ест», сегодня можно дополнить фразой, что и не спит. К нашему приезду товарищи готовились, но всё сделать не успели. Потому слушай мою команду: третья рота убывает в мастерскую, колотить нары. Куда идти, покажет охранник. — Логинов мотнул головой в сторону очередного «пятнистого», — Остальные разбирают наволочки и набивают тюфяки с подушками. Старший на объекте — товарищ Сиденко. Василий человек солидный, немногословный. Но, вторую часть лозунга «На можешь — научим, не хочешь — заставим» воплощает не раздумывая.

Вася добродушно улыбнулся и повёл могучими плечами. Теперь и самым нерадивым стало понятно, что впахивать придётся в поте лица.

— Всем понятно? — уточнил комполка и не услышав вопросов с возражениями, скомандовал — По объектам р-р-р-р-разойдись!

Третья рота дружно ввалилась в просторное помещение, служившее в ТЦ столярной мастерской. Как ни странно, но ни стружек, ни опилок видно не было, хотя запах свежеструганного дерева стоял головокружительный. Стоило бойцам сгрудиться у входа, как к ним сразу подошёл рослый мужчина в чистой спецовке и прозрачных очках на резинке.

— Становись! — рявкнул мастер, — Слушай приказ. Ваша задача — собрать нары. Заготовки готовы, инструмент тоже. Вот эта шуковина — мастер взял с верстака нечто напоминающее гвоздь с резьбой, — называется саморез...

— Сам, что ли режет? — отпустил немудрящую шутку какой-то остряк.

— «Петросяним», значит. Шутку юмора я люблю. — осклабился мастер, — Слушайте сюда, КаВээНщики, вот это фиговина — шуруповёрт, эта хреновина — электродрель, электрорубанок — вон лежит. К станкам не допущу, не хватало чтобы вы себе выступающие части тела отпилили. Неграмотные есть? — пошутил инструктор.

— Пятеро. — доложил сделавший шаг вперёд Бессонов.

— Ничё себе. — не ожидавший такого ответа столяр почесал в затылке, — В книге инструктажа по ТБ расписаться хоть смогут?

— Покажем. — ответил Котов и шагнул к другу.

— Так, самый смелый — инструктор ткнул пальцем в сторону Бессонова, — Ждёт меня возле рубанка, помощником будет. Его друг — шагом марш к сверлильному станку, — махнул мастер рукой в сторону, — Остальные — таскают бруски и доски, помогают собирать нары. Работа высокоинтеллектуальная: бери больше, держи крепче, носи дальше. Писарь есть?

— Есть. — из строя шагнул невысокий юркий паренёк.

— Держи книгу, заполни и собери подписи. Неграмотных тоже не забудь. — инструктор сунул в руки бойца изрядно потрёпанную тетрадь.

— Остальные — стоять смирно, сейчас подойдут мастера и разведут по рабочим местам.

— Слышь, Вань, а мне здесь нравится. — с широкой улыбкой поведал Котов.

— Ага! И струмент ладный, домой бы такой. — отозвался поглаживающий электродрель Бессонов. Слышь, Федь, хорошо бы нам здесь остаться. Что-то не тянет меня ни на какую войну.

— А то!...

Ночные посиделки. Что день грядущий нам готовит

Меркулов отложил в сторону книгу "Зимняя война 1939–1940 г.г. в документах НКВД «[1] и потёр красные, от усталости, глаза. Это был уже четвёртый сборник документов по интересовавшей его теме. Встав из-за стола, Всеволод Николаевич прошёлся по кабинету и совсем уж было собрался переодеться и сходить в спортзал, как в дверь постучались.

— Войдите. — пригласил гостя Меркулов.

В приоткрывшуюся дверь втиснулся смутно знакомый политработник.

— Бригадный комиссар Полипов. — представился он и подумав дополнил, — Пётр Петрович Полипов.

— Слушаю. — бросил первый зам. Наркома НКВД.

— Прибыл для получения дальнейших указаний. — пролепетал Полипов.

— Разве товарищ Мехлис их не оставил?

— Оставить то он оставил, но хотелось бы чего-то... — Пётр неопределенно покрутил рукой, — Официального. Вот.

— Давайте распоряжение. — Меркулов протянул руку.

Полипов не хотел показывать документ, но ступешался, полез в карман, достал сложенную вчетверо бумагу и протянул высокому начальству. Всеволод Николаевич внимательно прочитал текст и вскинув в удивлении брови спросил:

— И чего Вам не ясно? Лев Захарович чётко объяснил: до моего прибытия выполняете команды Логинова, потом переходите в моё подчинение, а по прибытию полка — занимаете вакантную должность. Других указаний на Ваш счёт не поступало, так что принимайте дела у Вискребенцева и выполняйте обязанности.

— Но... Мне пора в Москву, там тоже дела. — сумбурно лепетал Полипов.

— Отказываетесь выполнять письменный приказ? — грозно нахмурившись уточнил Меркулов.

— Что вы! Что вы? — по бабьи замахал руками Пётр Петрович, — Это же приказ! Даже в мыслях не было...

— До окончания спецпроверки, никто не имеет право покидать территорию объекта. Ясно? — рявкнул зам. Наркома.

— Ясно. — обессиленно выдохнул Полипов, — Но я думал...

— Вам не надо думать, выполняйте требования. Кстати, присаживайтесь, нужно поговорить. — сменил гнев на милость Меркулов.

Коря себя на все лады, Пётр Петрович на негнущихся ногах подошёл к столу, с силой вцепился в спинку стула и слегка отодвинув его, плюхнулся на мягкое сиденье, вцепившись в его края.

— Пётр Петрович, как Вы оцениваете обстановку на объекте и что можете сказать о здешних работниках?

За всё время нахождения, Полипов перемещался в основном между кафе и импровизированным кинотеатром, изредка посещая другие магазины, но молчать было нельзя, и Пётр рубанул:

— Не наши они какие-то. Не советские. Фильмы такие ещё показывают..

Какие фильмы? — насторожился начальник Главного управления ГосБезопасности.

— Там женщины, понимаете? Они без ничего ходят. Вот вообще без одежды. Уф. —

Пётр густо покраснел.

— Порнография что ли? — Меркулов вскинул брови.

Вообще-то, популярность— «Робинзона» с «Амазонками» зашкаливала. Куда там тем же «Кубанским казакам» с «Девчатами». Зрители полюбили обе ленты и требовали чередовать их с другими. И Полипов понял, что не дай бог народ узнает, кто «сдал» такое прекрасное кино, которые теперь обязательно запретят, то этому «кому-то» может сильно не поздоровиться. А уж словечко «динь-динь» стало жутко популярным.

— Нет, что Вы, — замахал руками Петя, — Я понимаю, что автор книг, этот Дефо — буржуазный наймит, но может не стоило так подробно пересказывать.

— Хорошо, с кино после разберусь. — равнодушным голосом ответил Меркулов, — Как можете охарактеризовать людей?

Полипов нахмурил лоб Ему очень не нравился Логинов, и он мучительно думал, как бы его «подставить». Наконец его осенило и откашлявшись Пётр начал обличать:

— Поведение товарища Логинова не соответствует моральному облику коммуниста. На все мои предложения по проведению ежедневной политинформации, ответ был один — у нас народ грамотный, газеты есть, прочесть сумеют.

Полипов лукавил. Он и в самом деле разок подошёл с этим предложением к Кастыму и тот предложил зачитывать текст по радио. Но, вещание пришлось бы вести из кинотеатра (именно там и стояла аппаратура), а этого зрители замполиту не простили бы.

— Ещё он отмахнулся от проведения комсомольского и партийного собраний. Я уточнял, члены партии и ВЛКСМ на объекте есть, но Логинов сказал «не время».

Внимательно слушавший Меркулов, задал вопрос, от которого Полипова вновь бросило в жар:

— Сколько на объекте комсомольцев, коммунистов и беспартийных? Вы документы проверили?

— Именно поэтому я и настаивал на проведении собраний. — ловко выкрутился Пётр.

— Чем Логинов аргументировал отказ?

— А. — махнул рукой Полипов, — Они, видите ли, стрелковый полк ждут. Столы собрали, сено с досками завезли. Устроили тут санаторий. А я считаю, что красноармейцы — не баре, могут и в палатках пожить. Раньше ведь как говорили: солдат дымом греется, да шилом бреется. А тут... Не армия, а детский сад какой-то.

Меркулов заметил, что собеседник недоговаривает и выкручивается, потому и решил прервать беседу.

— Хорошо. — сказал он, — Стрелковый полк прибыл, командиром в нём — майор Логинов. Неплохой командир, сложнейший марш провёл успешно. Комиссар полка убывает назад, в Тюмень, транспорт нужно вернуть. До его возвращения обязанности комиссара исполняете Вы, Пётр Петрович. Заодно и делом докажете, что настоящему комиссару никакие блага не нужны. Назначаю Вас старшим в палаточном городке. Задача ясна?

— А как зовут ещё одного Логинова? — проблеял Полипов.

— Михаил Епифанович. Знакомы?

— Да. — выдавил из себя Пётр.

От обморока его спасло только чудо...

Свет от настольной лампы в люксовом номере гостиницы «Москва» горел почти всю ночь. Удобно расположившийся в кресле Мехлис, неспешно потягивал горячий чай с

лимоном. Занявший кресло напротив Кнутов, что-то листал в планшете. Наконец Александр отложил электронное устройство и спросил:

— Какие планы на завтра?

— С утра поеду на Фрунзе[2], доложусь Наркому. — Мехлис сделал очередной глоток, поставил стакан в подстаканнике на журнальный столик и развернул конфету «Мишка косопалый».

— А это далеко? — поинтересовался Кнутов, вылавливая из вазочки такую же конфету.

— Не, пешком минут двадцать — тридцать.

— И о чём Вы хотите рассказать Наркому? — слегка нахмурился Кнутов.

— Да всё как есть. — отмахнулся комиссар, — Так мол и так, волею учёных, из далёкого будущего к нам перенесло огромное здание, битком набитое книгами, аппаратурой и разными диковинами. Вместе со зданием, к нам попали и люди из будущего. Перемещенцы, или попаданцы, знают историю на много десятков лет вперёд и владеют специальностями, о которых миру ещё ничего неизвестно. Часть людей будущего — воины. Они рвутся помочь в войне с белофиннами, покажут новое оружие и обучат наших бойцов. Где-то примерно так.

Кнутов еле удержался от смеха.

— Какие-то сказка Шахерезады, не находите?

— Нет. — слегка обиженно буркнул Мехлис, — Я возьму с собой несколько электронных шукувин, они и будут убедительным доказательством реальности рассказа.

С лица Александра пропала даже лёгкая тень улыбки. Губы сжались, глаза превратились в щёлочки, лицо закаменело.

— А может не будем бежать впереди паровоза? — спросил он.

— Предлагаете не докладывать Наркому? Но, он же спросит: «Почему задержался и зачем понадобился полк?».

— Скажете, что на подлёте у самолёта забарахлил мотор, Вы приказали сделать аварийную посадку, ближайшим удобным аэродромом оказался Сургут. Пока лётчики искали неисправность, Вы проехали в посёлок, где узнали, что неподалёку пролегает богатая золотая жила, с которой легко добывается драгоценный металл.

— К чему такие сложности? И зачем мне обманывать Наркома? — Мехлис даже скривился от такого предложения.

— Затем. — припечатал Кнутов, — Про нас и так многим известно, давайте не будем расширять круг осведомлённых. Во всяком случае до тех пор, пока Вы не доложите товарищу Сталину. Пускай он определит, кто и чего должен знать, кто и к каким сведениям будет допущен. А то нам скоро останется собрать журналистов, провести пресс-конференцию и рассказать всему миру, что в СССР прилетели люди из будущего.

— Что Вы передёргиваете? — возмутился Мехлис, — Климент Ефремович и так секретноноситель высшего уровня. Одной тайной больше, одной меньше...

— Вы ещё Берию с Микояном пригласите, или с кем ещё разговаривали. — желчно прокомментировал Кнутов.

По лицу Мехлиса пробежала тень гнева. Именно так он и собирался поступить, а тут какой-то снабженец вздумал его учить. Александр увидел недовольство и решил смягчить ситуацию.

— Лев Захарович, прошу, не принимайте поспешных решений. Вот подумайте, одобрит ли товарищ Сталин такую самодеятельность. Как он вообще отнесётся к тому, что о

важнейшей государственной тайне узнаёт последним? А вдруг он не захочет знакомить с ней ни Ворошилова, ни Микояна?

Мехлис впал в глубокую задумчивость. Повертев в голове и так и сяк предложение гостя, представив последствия неверных шагов, он понял, что собеседник скорее всего прав.

— Допустим, я приму Вашу версию и представлю Клименту Ефремовичу именно её. Как попасть на приём к вождю?

— Позвонить. — пожав плечами равнодушно ответил Александр, — Скажете, дескать, прибыли, просите аудиенции, подробности можете изложить и показать только лично. Я дам Вам планшет, покажу куда нажимать, а все дальнейшие шаги будем предпринимать по решению товарища Сталина. Пойдёт?

Мехлис вскочил на ноги и принялся расхаживать из угла в угол, что-то бормоча под нос. В дверь постучали.

— Войдите. — разрешил комиссар.

Дверь распахнулась и в номер шагнул Грязев, державший в одной руке пару хромовых сапог, в другой — две вешалки. На одной висела шинель, на другой — комсоставовская гимнастёрка из-под которой выглядывали шаровары и поясной ремень. От небывалой картины Кнутов аж замер, а наблюдающий за ним Мехлис еле сдержал смех. Положив вещи на кровать и скинув с плеча вещмешок, довольный произведённым эффектом Грязев сказал:

— Обмундирование отглажено, знаки различия — соответствуют званию, в «сидоре» шапка, бельё и всякая мелочёвка. Выдачу оформил на себя, размер должен подойти. Ну я пошёл?

— Погодите. — попросил снабженца, отошедший от первого шока, Кнутов, — Это кому?

— Вам. — ответил довольный увиденным Мехлис. — Переодевайтесь. Василий Семёнович подождёт.

— А откуда размеры узнали? И как вообще успели?

— Глаз «набит», но на всякий случай, размеры в ведомости подсмотрел, да вашего старшину поспрошал. Из Сургута позвонил в АХЧ, попросил, чтобы успели к нашему прилёту, а помощник товарища Мехлиса всё забрал.

— Понятно. — резюмировал Александр, переодеваясь за ширмой, — Только зачем нужен сей маскарад?

— А в чём Вы по Москве ходить будете? — поинтересовался Мехлис, — В камуфляже? Не выйдет, только внимание милиции привлечёте. А с учётом отсутствия у Вас документов, проблемы появятся на ровном месте. Готовы?

— Минуту. — Кнутов обулся, затянул ремень, и принялся рассматривать петлицы, — А что? Непривычно, но пойдёт. Не жмёт, но и не висит. Добре.

— Тогда походите, заодно и привыкните. — посоветовал комиссар, — Василий! Спасибо, можете отдыхать.

Грязев кивнул и тут же «испарился».

— Продолжим? — предложил Мехлис, усаживаясь в то же кресло, — На чём мы остановились? А, да, на звонке товарищу Сталину. Итак, я звоню и что дальше?

— Приглашаете на Знаменку... Прошу прощения — в свой кабинет, на Фрунзе. Мы в это время повесим и подключим телевизор, так рассказ получится полны и наглядным. Наши сделали небольшой фильм, так что ТЦ можно посмотреть, как внутри, так и снаружи. Есть съёмки и с воздуха. Годится?

— Нет. — отрицательно мотнул головой Мехлис, — Сталин не поедет в Первый дом, а если и согласится... Вы, наверное, не представляете, какой поднимется шум. Помнится, Вы предлагали обмануть Наркома. Так вот, если приедет Иосиф Виссарионович, в мой кабинет придёт не только Климент Ефремович, но и НГШ. И хорошо, если только они. Так что, не пойдёт. Надо проситься на приём и уже в Кремле показывать и рассказывать.

— Н-да, незадача. — задумался Александр, — Телек туда не пронести, да и с планшетом тормознут.

— Планшет как раз и не проблема, пронесу. Но, нужен помощник. Если о ТЦ я рассказать смогу, то о вашей команде, её целях, задачах и причинах — должны поведать Вы. — Мехлис показал рукой на Александра.

— И как Вы проведёте меня в Кремль? Документов у меня нет... — возразил Александр.

— Странно. Нужные бланки можно было взять в «Военторге». Неужели не догадались? — Мехлис вопросительно взглянул на собеседника.

— Ага, и влипнуть с ними у первого же милиционера. Про охрану Кремля вообще молчу. — горячо возразил Кнутов, — Любой, чья работа связана с проверкой документов, подделку вычислит на раз. Стоит ему провести пальцами по бумаге, и он сразу поймёт, что перед ним фальшивка. Так что — нет, не брали.

— Может Вы и правы. Хорошо, что я подстраховался и приказал выправить Вам нужные бумаги. Кадровик обещал поспособствовать и утром их можно забрать.

— Неужели пропуск попросите у Иосифа Виссарионовича? — не поверил догадке Александр.

— Это единственный вариант. — Мехлис развёл руками, — Кстати, чем вызвано решение о сосредоточении основных усилий не на «линии Маннергейма», а на второстепенном направлении? Думаю, у товарища Сталина будет тот же вопрос.

— Люди, товарищ Армейский комиссар. Наши советские люди. — туманно ответил Александр.

— А поподробнее?

— Дело в том, что штурм укрепрайона вот-вот прекратится. И это не моё предположение, так решит Наркомат. Мы можем только просить сделать это раньше. Но, как раз на днях, в районе Суомуссалми попадут в западню две наших дивизии: если не ошибаюсь — 44-я и 163-я стрелковые. Причём одна из них пойдёт выручать другую. Оба соединения понесут огромные людские потери. Комбриг Виноградов и полковник Волков — командир и начальник штаба 44-й — пояснил Кнутов, — Будут расстреляны перед строем. Решение хоть и запоздалое, но, на мой взгляд — справедливое. Вот только погибших и ставших инвалидами бойцов этим не вернуть. На этом же направлении произошла и другая страшная история. Финские диверсанты обошли наши посты и вырезали госпиталь. Весь. Подчистую. Не щадили ни женщин, ни раненых и больных. Вот это мы и хотим предотвратить.

— Это война. А она без жертв не бывает. — глубокомысленно изрёк комиссар.

— Понимаете, есть жертвы... Правильные, что ли. Боец, бросившийся на ДОТ и закрывший амбразуру своей грудью, направивший свой аппарат в гущу врагов экипаж подбитого самолёта, пошедшие на таран вражеского танка танкисты, ну и так далее. А есть жертвы, ставшие таковыми по командирской дурости, безграмотности, тщеславному, в конце концов. Их можно и необходимо избежать.

— У нас большая страна, превосходящая Финляндию по всем показателям. Перебросим дивизии, армии, создадим пяти, а то и шестикратное превосходство и разобьём белофиннов. — упрямылся Мехлис.

— И перебросим, и создадим. — задумчиво повторил Кнутов вслед за комиссаром, — И в людях, и в технике, и в вооружении. Эх, Лев Захарович... Слишком уж вольно Вы распоряжаетесь чужими жизнями. Вот Вы ухватились за оружие. Я Вас прекрасно понимаю, хорошая, мощная, совершенная техника важна и необходима, как воздух. Да, нам нужны и гранатомёты, и автоматы, и пулемёты. Новые, безотказные, превосходящие образцы противника. Но, за штурвалом самолёта, рычагами танка и так далее сидит человек. Обычный. Из плоти и крови. И в отличие от любой, даже самой сложной техники, он не появится завтра и вдруг. Человека нужно родить, кормить, одевать, учить, растить, воспитывать, наконец. И тогда, лет через восемнадцать, он и сядет за рычаги или штурвал, и разгромит любого врага, посягнувшего на его Родину. Нам только военному делу научить его надобно. Правильно и полно обучить.

Кнутов выдохнул и посмотрел на задумчивого собеседника.

— Что Вы на меня так смотрите? — наконец произнёс Мехлис, — Думаете небось: странно, что мне, боевому командиру приходится учить комиссара именно тому, чем он и должен заниматься? Беречь людей, заботится о них и тэ дэ. Эдаким зверем меня представляете, которому на человеческую жизнь тьфу и растереть.

— Были бы такие мысли, никакого разговора у нас бы не получилось. Я отвечаю на вопрос «почему туда, а не здесь». А «Линия Маннергейма» никуда не денется. Начнёт одна группа, после присоединится другая. И разведуют, и диверсантов со снайперами проредят. Заодно навыки отточат, взаимодействие наладят. Меня другое беспокоит.

— Бойтесь запрета товарища Сталина? — догадался комиссар.

— Само собой. А ну как скажет, что не хочет рисковать жизнью и здоровьем попаданцев, и вместо фронта отправит создавать «учебку»?

— А что? Вполне реальный вариант. Наверное, есть смысл его сразу и предложить.

— Вариант реальный, но неправильный. Прежде чем учить новому, нужно понять, что боец знает и умеет, как и чему его учат. Поясню на примере: в наше время, много копий сломано на тему «ячеек». Ну, одиночный окоп, знаете, наверное.

Мехлис кивнул.

— Так вот, многие уверены, что бойцам запрещали рыть окопы и траншеи, вроде как «советский солдат отличается от буржуазного тем, что способен сражаться и в одиночку. А окопы нужны, чтобы командир следил за каждым, не допуская того, чтобы кто-то не сбежал или не сдался в плен». Но, изучив Уставы, приказы и наставления, понял, что это не так. Никто окопы не запрещал и инженерное оборудование районов обороны мало чем отличалось от тех, что строили в Первую мировую. В пример приводят слова маршала Рокоссовского, который для обучения своих бойцов привлёк солдат, знающих про «окопную войну» ещё и империалистической. Вот они и обучили его подчиненных.

— И в чём же тогда дело? — заинтересовался комиссар.

— Думаю, что дело в подготовке командных кадров. Объясню на примере занятий по тактике и инженерной подготовке в моём ВУЗе. Курсантов выводили в поле, преподаватель размечал линию обороны, и мы начинали окапываться. Первым делом готовился окоп для стрельбы лёжа, затем — с колена и завершался окопом для стрельбы стоя. На этом занятие завершалось, преподаватель строил роту и объяснял, что далее одиночные окопы

соединяются воедино и постепенно район оборудуется в том виде, как нарисовано в учебниках. Все понимающе кивали, примерно представляя итоговый результат. Для закрепления итогов, преподаватель вёл подразделения на тактическое поле и уже на местности показывал готовый опорный пункт. Всё хорошо, красиво, и, вроде как — понятно. Но, навык-то остался только один: как правильно копать одиночный окоп. А значит только эти знания мог вложить выпускник ВУЗа в головы своих подчинённых. Так что на выходе мы получаем специалистов по стрелковым «ячейкам», только с иным названием.

— Ну, может в интендантских школах и так, а в пехотных или артиллерийских должны обучать полностью. — вступился за ВУЗы Лев Захарович.

— Это не более, чем моё предположение. Не исключено, что сами командиры и знают, только обучают «спустя рукава». Но, я отвлёкся. Допустим, наша учебка будет готовить бойцов по четырём специальностям: разведчик, снайпер, сапёр и оператор БПЛА. И ту получаем временной провал. Специалистов надо отобрать, привезти проверить. Отсеять тех, от которых командиры избавились или выяснилась их профнепригодность. Минимум месяц — долой. Далее — срок обучения. Операторам БПЛА понадобится где-то год, остальным — полгода. Если только учебка нужна реальная, а не профанация. К маю — июню сорокового с белофиннами будет покончено, Красная Армия разберётся и без нас. В сухом итоге получаем следующее: людей не спасли, сами ничего не поняли, вооружение не испытали. И какой от нас толк?

— Очень большой. Вы будете готовить людей к новой, большой и ужасной войне. А вашу технику можно и на учениях обкатать. Так даже удобнее.

— Учения — это конечно неплохо, но только война покажет реальную пользу от того или иного вида вооружения. В прочем, Ваши опасения я понимаю. Опасаетесь того, что кто-то из наших попадёт в плен и расскажет о гостях из будущего. Враг начнёт разматывать дальше и узнает о последующих событиях одновременно с нами. Так?

— Не исключено. — не стал отпираться Мехлис.

— Мои слова, что в группе много лет не было потерь, вас, конечно, не успокоят. Но, эта война нужна и нам, и вам. Других доводов у меня нет. — развёл руками Александр.

— Что же, посмотрим, согласится ли с ними товарищ Сталин... Ладно, предлагаю часик вздремнуть, мне скоро на службу.

Не раздеваясь и не разбирая постель, изрядно уставшие собеседники рухнули спать.

Лев Захарович подскочил в семь утра. Наскоро побрившись и приведя в себя в порядок, он умчался в ГлавПУр. Не стал разлёживаться и Кнутов. Повторив за гостем водные процедуры, он прошёлся по комнатам и предупредил о запрете на посещение города. Народ немного пороптал, но к такому повороту событий все были готовы. О «карантине» догадывались, так что оставалось одно — ждать.

Короткий световой день катился к своему закату, когда в комнату Кнутова ввалился Лев Захарович. Сияя, словно начищенный самовар, Мехлис зачастил:

— Всё удалось. Договорился. Одевайтесь, нас ждут. Товарищ Сталин дал «добро». Через сорок минут нужно быть в приёмной.

Кнутов целый день проходил в новой форме и сборы много времени на заняли. Уже через десять минут они вышли через главный вход гостиницы «Москва». В левой руке Александр нёс, любезно пожертвованный Мехлисом портфель. Единственным предметом, покоившимся в его недрах, был планшет. Переживания Александра о том, что его не

пропустят, а возможно даже и задержат, развеялись быстро. На постах их останавливали, проверяли и документы, и портфель, но в святая святых успели вовремя.

Оставив шинели в гардеробе, Мехлис с Кнутовым зашли в приёмную. Поскрёбывше «верный оруженосец Сталина», окинул взглядом вошедших и вернулся к своему занятию — заполнению какой-то важной книги.

Минуты летели незаметно. Разрушил тягучую тишину ожидания зуммер внезапно ожившего телефонного аппарата. Александр Николаевич взял телефонную трубку, выслушал абонента, аккуратно вернул трубку на место и одёрнув гимнастёрку зашёл в кабинет вождя. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась и вышедший в приёмную Поскрёбывше обратился к Мехлису:

— У вас пятнадцать минут. Товарищ Сталин ждёт. Проходите...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

[1] Информ. изд. агентство «ЛИК», 2010 г., — 322 с.

[2] На улице Фрунзе д. 19, находился комплекс зданий РККА (ещё одно название — Первый дом НКВ СССР). Именно там размещался Генштаб КА и Главное ПолитУправление. Сейчас улица переименована, ей вернули историческое название — Знаменка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net